

Деятели книги

Собиратели книг в России

Деятели книги

Собиратели книг в России

Собиратели книг в России

Москва «Книга» 1988

ББК 76.106
С 54

Составитель
Л.М.Равич

Рецензент
А.Э.Мильчин

Художник
В.А.Корольков

Составитель
Любовь Моисеевна Равич

**СОБИРАТЕЛИ КНИГ В РОССИИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА.**

Зав. редакцией Т.В.Громова
Редактор Н.В.Дашковская
Художественный редактор Н.Г.Пескова
Технический редактор А.З.Коган
Корректор В.А.Коротаева

ИБ 1633

Сдано в набор 13.08.87. Подписано в печать 11.01.88. А 01904. Формат 60x88/16.
Бум. офс. № 1-70 г. Гарнитура Пресс-Роман. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,13.
Усл. кр.-отт. 18,13. Уч.-изд. л. 23,92. Тираж 20 000 экз. Заказ № 576. Изд. № 4487.
Цена 1р. 80к.

Издательство "Книга", Москва, 125047, ул. Горького, 50.

Набрано на композере в изд-ве "Книга"

Отпечатано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли
129041, Москва, ул. Б.Перяславская, 46.

С 4503000000-023 9-88
002(01)-88
ISBN 5-212-00030-0

© Издательство "Книга", 1988

От составителя

Во второй половине XIX столетия в России сложилась целая плеяда замечательных библиофилов; создавались личные библиотеки, которые, как, например, библиотека П.А.Ефремова, были в полном смысле слова сокровищницами национальной культуры.

Собиратели того времени выступали в печати с книговедческими статьями, с рассказами об уникальных изданиях из своих собраний и о сораотниках по библиофильству.

В этом сборнике читатель найдет сочинения А.Н.Афанасьева, М.П.Полуденского, В.И.Касаткина, П.А.Ефремова, М.Л.Михайлова, Е.И.Якушкина, Г.Н.Геннади, М.Н.Лонгинова. Конечно, этими именами не ограничивается круг выдающихся библиофилов той поры; здесь представлены только те, кто были авторами не утративших интереса печатных работ. Поэтому за пределами настоящего сборника остались такие собиратели, как А.Н.Неустроев, Н.В.Губерти, И.М.Остроглазов, Н.П.Дуров, Д.А.Ровинский и некоторые другие, которые либо не выступали в печати, либо были создателями капитальных библиографических указателей, публикация которых в подобном издании невозможна.

Авторы этого сборника представлены только в своей библиофильской ипостаси, хотя многие из них прославились и в других областях культуры. А.Н.Афанасьев и Е.И.Якушкин были видными учеными; М.Л.Михайлов широко известен как поэт и переводчик, прозаик и критик; Г.Н.Геннади — один из крупнейших русских библиографов; П.А.Ефремов вошел в историю как создатель нового типа изданий сочинений отечественных писателей. Эти стороны их творчества, естественно, не могли найти отражения в настоящем сборнике.

Мы говорим об этих людях как о единомышленниках, связанных общими научными и собирательскими интересами. Они были ровесниками: Афанасьев, Якушкин и Геннади родились в 1826 году; Ефремов и Полуденский — в 1830-м; Касаткин — в 1831-м; Михайлов — в 1829-м. Несколько старше был Лонгинов: он родился в 1823 году. На почве любви к русской книге возникло знакомство, а в некоторых случаях и тесная дружба этих людей между собою. Фрагменты из их интереснейшей, почти не публиковавшейся переписки, касающиеся дел библиофильских, также представлены в этом сборнике.

Библиофильские, книговедческие работы этих собирателей, как правило, ни разу не переиздавались. Исключение составляют лишь несколько статей: "Старые книги" М.Л.Михайлова, переиздававшиеся в советское время дважды, "Библиографические записки" М.Н.Лонгинова, помещенные в первом (единственном увидевшем свет) томе собрания его сочинений, который вышел в 1915 году и уже стал библиографической ред-

костью, а также "Адская газета" А.Н.Афанасьева, включенная в недавно изданный сборник его трудов ("Народ-художник". М., 1986). Остальные работы, представленные в нашем сборнике, извлечены из старых газет и журналов, иной раз труднодоступных и малоизвестных читателю-книголюбу, а письма — из архивов Москвы и Ленинграда.

Опубликованные в сборнике статьи можно условно разделить на несколько жанровых и тематических групп.

Самую обширную составляют рассказы о книгах и рукописях. Это — "Князь тьмы" и "Адская газета" Афанасьева, "Львовские Евангелия XVII века", "Материалы для истории дружеского ученого общества", "Путешествие ко святым местам Василия Барского" Полуденского, "Немецкое известие о русских писателях" и "Критический лексикон английской литературы" Касаткина, «Об изданиях "Живописца"», "Вадим Новгородский", "Новооткрытая библиографическая редкость" и "Указатель редких книг" Ефремова, "Повествователь древностей российских", "Неизданные записки о Пушкине" и рецензии Якушкина на анненковское издание сочинений Пушкина, "Старые книги" Михайлова, "Об изданиях жизнеописаний Ваньки Каина", "Миниатюрные издания Данта и Крылова", "Заметки о старинных русских переплетах и окладах книг" Геннади и все "Библиографические записки" Лонгинова.

Вторую группу представляют очерки о библиофилах и их библиотеках, об издателях, типографах. Это — "Николай Иванович Новиков" Афанасьева, "Типография Мея и Кряжева" и "Несколько слов о библиотеках в Китае" Полуденского, некрологи Афанасьева и Хмырова, принадлежащие перу Ефремова, "Русские библиофилы. Библиотеки гр. Бутурлина и их каталоги", "О типографском знаке альдинских изданий" и "Указатель библиотек в России" Геннади, "Несколько известий о пензенском помещике Струйском" Лонгинова.

Третья группа — о состоянии библиотечного, издательского и книготоргового дела середины прошлого столетия — материала злободневного для наших героев. Это статьи Афанасьева "Заметки о русской книжной торговле" и "Журнальная промышленность", а также подборки заметок Касаткина "О Московской публичной библиотеке" и "Bibliophiliana".

Особое место занимает большая работа Геннади "О редких книгах, в особенности русских", являющаяся, в сущности, первой на русском языке библиофильской работой теоретического характера.

Отдельную группу составляют библиофильский юмор и фольклор. Это миниатюры Ефремова, опубликованные в "Искре", и пародийный "доклад" Геннади "Женщины и книги", хранящийся в его архиве.

Большая часть представленных в сборнике работ выполнена авторами по материалам их личных собраний и непосредственно связана с их библиофильскими интересами и устремлениями.

Точкой отсчета при композиции сборника явился журнал "Библиографические записки" — орган прогрессивного библиофильства тех лет, впервые объединивший на своих страницах молодых собирателей. Это определило и последовательность биографических очерков: вначале представлен редакторский "триумvirат" — Афанасьев, Полуденский, Касаткин. Затем идут Ефремов и Якушкин, наиболее близкие к руководству журнала и фактически составлявшие его редакционную коллегию.

Непосредственно за ними следует Михайлов, представляющий вместе с перечисленными выше лицами круг "лондонской" ориентации — последователей А.И.Герцена. Замыкают сборник Геннади и Лонгинов — люди иного общественного положения и образа мыслей, связанные с остальными исключительно библиофильскими интересами. Оба они были наиболее плодовитыми авторами-библиофилами, и без их творчества невозможно себе представить вклад отечественных книгособрателей в развитие русской культуры.

Некоторые статьи публикуются в сборнике с купюрами. Такие случаи оговорены в комментариях. Письма, как правило, публикуются в отрывках, — из обширного эпистолярного наследия наших героев извлечено лишь то, что проливает свет на их библиофильские занятия и интересы.

Примечания, принадлежащие авторам публикаций, даны под строкой и обозначены звездочками; примечания составителя помечены цифрами. Сведения об отдельных лицах приводятся в именном указателе. Иностранные тексты даны в переводе составителя.

МАЛЕНЬКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

В начале осени 1857 года несколько молодых москвичей, страстных книголюбов — Александр Николаевич Афанасьев, Михаил Петрович Полуденский, Евгений Иванович Якушкин и Петр Александрович Ефремов — решили издавать со следующего года собственный журнал. Никто из них не располагал денежными средствами, необходимыми для издания, но они были молоды, энергичны, полны надежд и планов и, главное, богаты книжными и рукописными сокровищами, о которых хотели рассказать читателям. Е.И.Якушкин, сын декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина, староста декабристской "малой артели" и друг героев 14-го декабря, был уже в те годы крупнейшим собирателем декабристских документов; прекрасно знал он и вольнолюбивого, "потаенного" Пушкина. Многие неопубликованные произведения русских поэтов XIX века собрал П.А.Ефремов; М.П.Полуденский и А.Н.Афанасьев — великолепные знатоки литературы и истории общественной мысли XVIII века. Кроме того, они были хорошо осведомлены о коллекциях других русских библиофилов и знали, что те охотно и безвозмездно станут сотрудничать в новом журнале.

Теперь уже твердо установлено, что эти люди являлись своеобразной "партией Герцена и Огарева" в России¹. Некоторые из них были лично знакомы с Герценом до его эмиграции (Якушкин и Полуденский), а потом вошли в известный кружок Кетчера-Пикулина, представлявший властям рассадником вольнодумства. Все они с громадным интересом и вниманием прислушивались к голосу вольной русской печати, а многие были ее корреспондентами. Их исследовательские и собирательские интересы также совпадали с герценовскими: вольнодумцы XVIII столетия, Пушкин, декабристы. Заметим также, что этот кружок дружески сближился с возвратившимися из ссылки героями 14-го декабря.

Таким образом, вокруг нового журнала собрались люди, связанные не только общими книговедческими интересами, но и схожей политичес-

кой (демократической, просветительской) платформой. Это не значит, что на страницах журнала выступали только люди радикальных убеждений, — нет, конечно, — мы встретим среди авторов и лиц вполне умеренного образа мыслей: Г.Н.Геннади, М.Н.Лонгинова, С.А.Соболевского, П.П.Пекарского, Н.С.Тихонравова и многих других, но ядро журнала, его редакционную коллегию, выражаясь современным языком, составляли, конечно, люди "лондонской" ориентации: Афанасьев, Якушкин, Ефремов, Касаткин.

Материалы, собранные основателями журнала, можно было (правда, с большим риском) переправлять "прямо в Лондон, к Искандеру", как писал Курочкин, но каков был бы общественный резонанс, если хотя бы часть их опубликовать дома, в России! А момент казался для этого подходящим: Россия оживала после 30-летнего николаевского царствования, которое Герцен назвал "моровой полосой". Общее оживление коснулось и книговедческой периодики. За короткое время возникли журналы: "Русская библиография" (переименованная затем в "Русский библиографический листок") Смирдина-сына и Генкеля, "Библиограф" П.Л.Лаврова, "Библиографический листок" и "Книжник" Черенина, "Книжный вестник" и др. Они давали информацию о вновь выходящих книгах, панораму книжного рынка, рецензировали новинки.

Совершенно иным изданием мечтали наши герои. Им нужен был журнал, который открыл бы читателям сокровища, хранившиеся в частных собраниях и бывшие до того времени неизвестными.

Весть о таком журнале была встречена библиофилами с большим энтузиазмом. Сергей Дмитриевич Полторацкий подарил свой портрет одному из будущих редакторов с надписью: "Поднесено Михаилу Петровичу Полуценскому при радостном известии о издании им с будущего 1858 года Ведомостей русской библиографии"². "Наконец вышло объявление о Библ <иографических> Записках! — пишет Геннади Лонгинову 1 января 1858 года. — Что-то с ними будет. Надо помогать". "Беседуйте с нами в Библ <иографических> Записках, — просит он его в другом письме. — Я об них трублю и вербую подписчиков"³.

А объявление, о котором пишет Геннади, было многообещающим: "При возрастающей ученой разработке материалов по истории русской словесности и народного просвещения давно уже ощутилось совершенное отсутствие издания, исключительно посвященного библиографии. Разумею не ту вспомогательную отрасль этой науки, которая занимается сухим описанием внешности книг и ограничивается тем, что составляет справедливое достояние каталогов, именно: заглавиями, счетом страниц и указаниями на год и место печатания, разумею ту библиографию, которая знакомит с живым содержанием редких, малодоступных изданий, которая выискивает драгоценные свидетельства, затерявшиеся в грудах книжного хлама, и сообщает их во всеобщее ведение, которая знакомит любителей с памятниками рукописной литературы и служит необходимым посредником между учеными деятелями и наиболее замечательными библиотеками. <...> С целью собрать материалы для истории русской словесности и народного просвещения, восполнить пробелы на ее страницах и познакомиться с малоизвестными чертами из жизни наших великих писателей, а также с целью распространить в нашей

книжной торговле антикварные сведения и через то помочь библиофилам в приискании редких книг — с 1858 года будут издаваться "Библиографические записки" <...> Пора перестать делать из всего непроницаемую тайну, пора позаботиться об усвоении науке тех данных, которые еще пощажены всеокрушающим временем"⁴.

Сообщая своим читателям об этом событии, "Русский библиографический листок" писал: "Библиографический журнал, издаваемый с нынешнего года г. Щепкиным⁵, судя по его программе, имеет характер исключительно библиофильский. Без сомнения, он оправдывает всеобщие ожидания, и мы приветствуем от души это замечательное явление в нашей литературе"⁶.

Что же означал "исключительно библиофильский" характер?

Библиофил, в представлении людей середины прошлого столетия, был не просто собирателем книг и рукописей, но и исследователем, публикатором, комментатором, историком литературы и просвещения. Жизненная практика вполне это подтверждала: большинство библиофилов, сформировавшихся в эти годы, отвечали столь высоким понятиям. Новому журналу предстояло в ближайшее время с блеском доказать, что русский библиофил — не только хранитель, но исследователь и публикатор драгоценностей, которые "еще пощажены всеокрушающим временем".

Николай Платонович Огарев, высоко ценивший усилия русских библиофилов в деле сохранения и обнародования памятников отечественной культуры, писал в предисловии к сборнику "Русская потаенная литература": "Если наши библиофилы помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мертвых, эти пропадающие отрывки из жизни многих людей, которым ничто человеческое не было чуждо, ярко восстановили бы историю нашего развития"⁷. Эти призывы нашли отклик у библиофилов даже политически умеренных, тем более они были услышаны молодежью радикально-демократического направления. То, что цензура не пропускала на страницы "Библиографических записок", переправлялось в Лондон и публиковалось в герценовских изданиях.

Как первая библиофильская трибуна "Библиографические записки" просто поражают изобилием документов, которые копились в личных собраниях в России. Даже редактор журнала Афанасьев, надеявшийся на помощь товарищей по библиофильскому цеху, не ожидал такого количества рукописей.

За три года существования на страницах журнала появились богатейшие данные по истории отечественной культуры, литературы, общественных движений. Тут мы встретим материалы, касающиеся вольнодумцев осьмнадцатого столетия — Радищева, Новикова, Фонвизина, Щербатова. Здесь впервые напечатано стихотворение Лермонтова на смерть Пушкина (правда, без заключительных 16 строк, ибо об их опубликовании в России в то время не могло быть и речи), здесь — очень важное письмо Грибоедова к Бегичеву, документы о Гоголе, Крылове, Полежаеве, Карамзине. Тут — замаскированный некролог декабриста И.И.Пушкина, стихотворения Рыльева, письма Чаадаева. Но более всего богат журнал пушкинскими материалами — около пятидесяти всевозможных статей, заметок, публикаций, уточнений. В журнале был помещен

впервые в России, и рисунок Пушкина, обнаруженный в его письме к брату Льву Сергеевичу, ныне известный всем, — на рисунке изображен автор "Евгения Онегина" рядом со своим героем. Это было настоящее открытие. А сколько еще уникальных документов, сохраненных нашими библиофилами, не прошло сквозь цензурные рогатки*.

"Библиографические записки" стали первым в России центром притяжения библиофильских сил, первым объединением отечественных книжников.

Русское библиофильство середины прошлого столетия сыграло выдающуюся роль в развитии гуманитарных знаний и культуры в целом. Оживление библиографии, историко-литературной науки и текстологии, наблюдавшееся в это время, было непосредственно связано с расцветом библиофильства как общественного явления.

В первой половине XIX века в России существовало два типа частных библиотек (при более чем скромном развитии общественных): первые — частные публичные библиотеки, или, как их тогда называли, "библиотеки для чтения", — были, как правило, коммерческими предприятиями; вторые — личные библиотеки книголюбов — были достоянием состоятельных людей. Часто это были наследственные дворянские библиотеки. Но уже с середины 50-х годов с ними начинают успешно соперничать книжные коллекции владельцев, которых либо по происхождению, либо по социальному статусу можно причислить к разночинцам, — Афанасьева, Михайлова, Касаткина, Ефремова, Якушкина. Громадную культурную ценность представляли и библиотеки Чаадаева, Полторацкого, Соболевского, людей старшего поколения. Все эти книжные сокровища были открыты для любого исследователя русской книги. В сущности, эти собрания выполняли функции научных библиотек (преимущественно гуманитарного профиля), которых в России тогда фактически не было, а потребность в них уже властно заявляла о себе.

"Я давал книги всем любознательным по их желанию и запросу, — писал С.Д.Полторацкий, — книжные полки мои были им беспрепятственно доступны. Смотрели, поглядывали, пощупывали, брали что угодно при мне, когда я дома, или без меня, когда я отлучался. Все это делано мною вследствие правила — книги существуют для того, чтобы ими пользовались. Какой прок иметь книги и держать их под спудом и недоступными для других? Пусть ими пользуются. Ну, пропадет десяток-другой, зато сотни книг будут читаны, принесут пользу или удовольствие и таким образом выполняют свое назначение"⁸. Так же поступали и библиофилы следующего поколения.

Нельзя не согласиться с М.Н.Куфаевым, который писал в блестящей работе "Пушкин-библиофил": "Кажется иногда, что действительная любовь к книге связала всех этих библиофилов в культурный прочный цех, где все насыщено атмосферой живительной силы книги, где ничего не предпринимается без проверки созвучия своего дела мыслям и делу других"⁹.

Еще раз подчеркнем особенность отечественного библиофильства того времени: стремление владельцев книжных и рукописных коллекций

* Об отношениях редакторов "Библиографических записок" с цензурой мы расскажем в очерках, посвященных А.Н.Афанасьеву и В.И.Касаткину.

не только собирать, но и изучать их. Эту особенность, присущую именно русскому библиофильству, отмечает знаменитый французский библиограф Ж.-М. Керар. В статье о Полторацком он с некоторым удивлением и большим уважением говорит, что этот богатый русский барин "не только владелец книг; он отличается от других библиофилов тем, что старается как можно больше узнать о книгах. Чтение их заставляет его братья за перо; его исследования касаются именно книг и их авторов"¹⁰. Еще ошутимее проявилась эта склонность у молодых книжников.

Привлекательной, благородной чертой наших библиофилов была их готовность делиться своими книгами с общественными библиотеками. Они приносили в дар Публичной библиотеке и библиотеке Румянцевского музея десятки редчайших изданий, если их не оказывалось в национальных книгохранилищах. Они обогатили своими пожертвованиями губернские публичные библиотеки, завещали и дарили при жизни свои книжные сокровища, расставаясь порою с уникальными экземплярами. (Так, П.А.Ефремов подарил Публичной библиотеке единственное наиболее полно сохранившееся издание декабристской "Звездочки".)

Русские библиофилы составляли некое негласное братство, тот "культурный прочный цех", о котором писал Куфаев. Все они были знакомы между собою, постоянно обменивались книгами и сведениями по истории литературы, общественной мысли, культуры. Готовящиеся к печати труды прочитывались и редактировались более старшими и опытными коллегами. Переписка и дневники библиофилов содержат массу сведений о таком содружестве. Независимо от возраста, положения в обществе, политических убеждений библиофилов объединяла забота о сохранении культурных ценностей. Даже самые молодые и радикальные из них (Касаткин, Михайлов, Афанасьев, Якушкин) были полностью свободны от того нигилизма по отношению к наследию "отцов", которым были окрашены 60-е годы.

Старшее поколение, поколение библиофилов времен Пушкина и декабристов, дружески встретилось в середине XIX века со вторым поколением книголюбов, родившимся уже после 1825 года, и очень многое ему дало. Так, молодому Геннади помогал Полторацкий: советами и книгами Соболевского не раз имел случай воспользоваться Лонгинов. Интеллектуальная опека и собрание Чаадаева много значили в становлении книжных интересов молодого Якушкина.

Нет сомнения в том, что русское библиофильство середины XIX века было колыбелью научной истории литературы и текстологии. Многие видные деятели его, сформировавшиеся в середине века (т.е. как раз именно тогда, когда история литературы становилась на академические рельсы), — Афанасьев, Ефремов, Лонгинов, Гербель, Пекарский, Майков, Тихонравов и другие — вышли из библиофильско-библиографической среды.

Библиофилы-исследователи глубоко, по существу знали книгу, чем не могли похвастать библиографы-профессионалы последней четверти века. Очень высокие, даже максималистские требования, предъявлявшиеся к библиофилу в середине века, были потом забыты, а само библиофильство, как общественное явление, теряло престиж. Этому, кроме всего прочего, способствовало и то, что к концу века менее четкой стала грань между библиофилией и библиоманией (при сильном развитии

последней). Теоретики библиофильства из числа наших героев (Михайлов, Геннади) отчетливо понимали разницу между высоким библиофильством и библиоманией. В своей, ставшей сразу популярной, книге "Русские книжные редкости" Г.Н.Геннади противопоставил "духовным стремлениям" истинного библиофила "причудливые желания" или "низкие побуждения" библиомана и "книжного кашея", высмеял собирателей, "питающих особенное уважение" к пустым и, в сущности, ничего не стоящим редкостям. Во времена существования "Библиографических записок" таких библиотек, составленных только по признаку редкости, почти не было, хотя на библиофильскую арену уже начал победоносно выходить российский купец, как правило, не слишком культурный, зато обладавший большими материальными возможностями.

Постепенно, с возникновением так называемой массовой культуры (а это явление имеет долгую историю!) различие между библиофилией и библиоманией начало стираться и дело дошло до того, что в устах историков эпитет "библиофильский" стал чем-то осуждающим.

Статьи и публикации библиофилов назывались в середине века "библиографическими исследованиями", а сами библиофилы очень часто называли себя библиографами. Об этом надо всегда помнить читателям книги. Когда Лонгинов писал: "Библиограф неисцелим. — Он нашел пустую книжонку, но она чрезвычайно редка — и он счастлив"¹¹, то он, конечно, имел в виду библиофила. А когда Некрасов в "Литературной травле" изображал человека, который

Недолго думал думу,
Достал два автографа,
И вышел не без шуму
На путь библиографа, —¹²

то он, конечно же, живописал характерную фигуру его времени — библиофила, владельца и публикатора автографов. Когда М.Н.Лонгинов начал печатать в "Современнике" Некрасова свои библиофильские рассказы, для него был организован специальный раздел под названием "Библиографические записки". Как видим, такое же название взял журнал, который современники считали "исключительно библиофильским". Это понятно: все наши герои были в то же время библиографами. Обе эти области культурной работы были тогда нераздельны, а сама библиография представлялась некоей синтетической наукой о книге, синонимом книговедения.

А.Н.Афанасьев писал на страницах "Библиографических записок", выражая, вероятно, общее мнение, что "вопросы библиографические более или менее тесно связаны с литературною и историческою критикою и библиограф в праве слагать с себя обязанности, налагаемых на него этою последнею"¹³. А так как библиограф и библиофил соединялись в одном лице, то и от последнего требовалось умение критически оценить источник, прокомментировать его, — то есть выполнить ту работу, которая ныне считается историко-литературной и текстологической. Так возник некий феномен в истории книгособирательства: тип библиофила-исследователя. Ни до, ни после этого не только в России, но и в Европе не соединялись вместе и в таком числе замечательные знатоки книги, заметно продвинувшие науку о литературе.

Разыскания библиофилов в области старинной отечественной книги

дали развивавшейся историко-литературной науке множество фактов, столь необходимых для понимания самого процесса развития культуры. Пришла пора воздать должное самоотверженным труженикам книжной нивы, — тем, кто протягивает нам руку через головы "любителей редкостей" конца XIX — начала XX века, через головы тех, кто ценил превыше всего роскошные издания, само существование которых так возмущало Александра Блока, чутко уловившего связь их с атмосферой реакции¹⁴.

Хочется обратить внимание книголюбов еще на одно обстоятельство: на страницах "Библиографических записок" можно встретить прекрасно выполненные факсимильные воспроизведения. Так, здесь мы найдем факсимиле собственноручного письма Н.И.Новикова к П.П.Бекетову (1861, № 17), письма А.С.Пушкина к брату с рисунком к "Евгению Онегину" (1858, № 1), факсимиле заглавного листа старопечатной книги о ратном строе (1859, № 2) и др.

"Библиографические записки" издавались только три года (1858, 1859 и 1861) и пали в неравной борьбе с царской цензурой¹⁵. А после закрытия журнала погибли и существовавшие экземпляры. Уволенный со службы после привлечения к "Делу о сношениях с лондонскими пропагандистами" (1862), А.Н.Афанасьев сильно бедствовал, вынужден был жить в холодной квартире, находившейся над конюшнями, откуда сильно дуло. Листы журнала расшивались, ими устилали пол, затем выметали и на их место клали другие. Отчасти из-за этого уцелевшие "Библиографические записки" стали настоящей редкостью и ныне их имеют лишь очень немногие собиратели.

С прекращением "Библиографических записок" библиофильская общественность России потеряла не только трибуну, но и центр притяжения. И сразу же после закрытия журнала и даже годы спустя неоднократно делались попытки его возродить. В 1862 году Афанасьев писал Пекарскому, что "была здесь мысль о составлении библиографического общества, от лица которого мог бы продолжаться журнал"¹⁶, но московский кружок библиофилов к тому времени распался: Якушкин и Ефремов покинули Москву, Полуденский был неизлечимо болен, Касаткин стал политическим эмигрантом.

Теперь стали лидировать петербуржцы. Вначале по их инициативе выдвигалась идея продолжить издание "Библиографических записок" от имени Общества любителей российской словесности, и место редактора предложили Полуденскому. Но он уклонился, верно рассчитав слабые возможности этого общества¹⁷. Это было в 1866 году. В 1867-м новую попытку создания библиофильского журнала (под заглавием "Библиографический вестник") сделал П.А.Ефремов, но его как редактора не утвердило Главное управление по делам печати. С горечью сообщал об этом Ефремов известному провинциальному библиографу С.И.Пономареву: "Теперь хлопочет об этом Н.В.Гербель"¹⁸. Но кандидатура Гербеля также не прошла. Раза два за это дело брался энергичный и обладающий большими связями В.П.Гаевский. Но и ему не удалось добиться успеха.

В начале 1870-х годов в Петербурге начинаются регулярные собрания библиофилов, вошедшие в историю под названием "Дуровских сред". Происходили они у преподавателя Института инженеров путей сообщения Николая Павловича Дурова; занимавшего большую казенную квар-

тиру. Дуров был весьма колоритной фигурой, к тому же владел превосходной библиотекой, в составе которой имелось немало уникальных изданий. Так, Геннади в "Русских книжных редкостях" упоминает о том, что у Дурова были такие первоклассные вещи, как "Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины" (1770), Письма Петра Великого (1774), 39-й том "Российского Феатра" с трагедией Княжнина "Вадим Новгородский", "Кум Матвей, или Превратности человеческого ума" и, наконец, первое издание "Путешествия из Петербурга в Москву:" А.Н.Радищева. Современники вспоминают, что Дуров "держал свои книги на антресоли над столовой, куда допускались лишь немногие избранные. Вход в эту книжную хранилищу был устроен из передней, причем на антресоль приходилось взбираться по узенькой деревянной лестнице. Вышина антресоли была в средний рост человека, а площадь в две квадратные сажени. Свет в это помещение проникал через единственное небольшое отверстие из столовой, так что и днем здесь было темно"¹⁹.

Дурову принадлежит бесспорная заслуга в объединении библиофильских сил страны. На его средах, где часто председательствовал Г.Н.Геннади, собирались все видные библиофилы – Ефремов, Ровинский, Кобеко и др. Тут слушали серьезные и шуточные сообщения, тут, к слову говоря, родился и библиофильский фольклор, образцы которого читатель найдет в этой книге. Здесь Ефремов прочел свою пародию "Старец Пафнутий", а Геннади – "Женщины и книги" (опубликована в настоящем сборнике). Здесь происходил и обмен изданиями. Это продолжалось до 1879 года, до смерти хозяина дома. Менее регулярно, но тоже нередко собирались библиофилы и у П.А.Ефремова.

Есть все основания считать 50–70-е годы XIX века периодом наивысшего расцвета дореволюционного отечественного библиофильства, периодом наиболее значительных творческих достижений русских книгособирателей.

Как по существу, так и по форме их работы были, конечно, неодинаковы. Различна и их ценность, но в целом это – громадный массив сведений, фактов, сопоставлений, раздумий. Книжников вдохновляло сознание, что интерпретации жизни и творчества того или иного отечественного писателя должно предшествовать исправное и полное издание его сочинений. Отсюда – большое количество публикаций, иной раз и мелких, чисто фактологических, которые затем входили в состав полных собраний сочинений писателей XVIII и XIX веков. Такие издания, вышедшие под редакцией библиофилов, обращали на себя внимание обширными комментариями, библиографическими примечаниями и дополнениями. Сочинения А.С.Пушкина под редакцией Геннади имели целый специальный том библиографических и библиофильских сведений. Чрезвычайно богаты в этом отношении и подготовленные Ефремовым собрания сочинений русских авторов XVIII и XIX веков.

Книголюбы этой поры осуществили и несколько переизданий старинных русских книг и журналов, ставших к тому времени библиографической редкостью. Так, Афанасьев переиздал "Поденщину", "Пустомелю" и "Кошелек", Ефремов – "Живописца", "Трутень" и "Опыт исторического словаря о российских писателях" Новикова, а также трагедию Княжнина "Вадим Новгородский", запрещенную в екатерининское время. Геннади

переиздал старинную книгу о Ваньке-Каине. Пересказывались и забытые издания: Михайлов поведал читателям о старинной книге "Похождения Ивана, Гостиного сына", Лонгинов — о редкостях восемнадцатого века.

Перу библиофилов принадлежат и исследования историко-книжного характера. Такими работами Геннади, Афанасьева, Якушкина, Полуденского, Лонгинова. Среди них выделяется капитальное исследование Афанасьева о сатирических журналах XVIII столетия, вызвавшее в свое время появление большой статьи Н.А.Добролюбова "Русская сатира в век Екатерины". Публикаций отдельных, небольших по объему фрагментов, стихотворений, писем русских деятелей, выполненных библиофилами того времени, насчитывается несколько сотен. Они рассыпаны по периодическим изданиям и до сих пор полностью не учтены, хотя большинство из них давно вошло в научный оборот. Такой публикаторской активности не проявило никакое другое поколение русских библиофилов.

Почти все герои этой книги оставили нам в наследство ценные рукописные сборники. Лонгинов и Якушкин собирали "потаенного" Пушкина, Афанасьев и Ефремов — документы по общественному движению, Геннади — материалы по библиотечному делу в России того времени, Касаткин — по расколу и масонству. Это наследие лишь частично усвоено нашей исторической наукой; некоторые сборники еще ждут своих исследователей.

К величайшему сожалению, из замечательных книжных собраний, созданных библиофилами того времени, до нас дошли очень немногие. Более или менее полностью сохранилась библиотека М.Н.Лонгинова, которую его дочь принесла в дар Пушкинскому дому. Часть библиотеки П.А.Ефремова находится там же, но судить по ней об этом изумительном собрании уже нельзя. Библиотека Г.Н.Геннади была продана его вдовой букинисту и разошлась по рукам. Библиотека Е.И.Якушкина, пожертвованная его сыном народному университету имени Шаняевского, ныне в виде разрозненных остатков имеется в библиотеке Высшей совпартшколы. Библиотека А.Н.Афанасьева была продана еще при жизни владельца, а богатое собрание русских и иностранных книг, принадлежавшее М.Л.Михайлову, вообще куда-то исчезло...

Но живы труды этих людей. С ними мы и хотим познакомить читателя.

Портрет первый

”ИДУ ПОД СУХАРЕВУ БАШНЮ!”

Читателям этой книги нет надобности представлять Александра Николаевича Афанасьева. Вряд ли среди них найдется хотя бы один, который не держал бы в руках том ”Народных русских сказок”, собранных и прокомментированных Афанасьевым. Издание сказок и легенд русского народа, многочисленные работы в области народного творчества, обобщенные им в исследовании ”Поэтические воззрения славян на природу”, выдвинули Афанасьева в первый ряд фольклористов мира. Высоко оцененные еще при жизни ученого, эти труды продолжают служить науке, а сказки — радовать не одно поколение маленьких и взрослых читателей. В историю культуры А.Н.Афанасьев вошел прежде всего как знаток устного народного творчества и исследователь славянской мифологии.

Но есть и другой Афанасьев — исследователь русской литературы XVIII века, историк книги, редактор первого библиофильского журнала и сам выдающийся библиофил.

”Имя Афанасьева, — писал хорошо знавший его видный ученый Александр Николаевич Пыпин, — принадлежит к числу наиболее симпатичных имен в истории русской науки, посвященной исследованию русской на-

родности и старины. В наше время еще многие помнят этого ученого-исследователя, в котором глубокая любовь к науке связывалась с живым интересом к народной жизни"¹. Это было написано через 20 лет после смерти Афанасьева. Ныне прошло уже больше столетия с тех пор, как чухотка и нужда свели в могилу этого замечательного человека, а интерес к личности его и трудам еще более возрос. Об этом свидетельствует ряд работ, вышедших к 100-летию со дня смерти (в 1971 г.) и 150-летию со дня рождения Афанасьева (в 1976 г.)².

Демократ-разночинец, Александр Николаевич Афанасьев всем был обязан только самому себе. Выходец из бедной провинциальной семьи, он сумел преодолеть нужду и закончил с блеском юридический факультет Московского университета, бысто завоевал себе почетное место в научном и литературном мире России. Ему довелось быть учеником таких прославленных профессоров, как Т.Н.Грановский, П.Г.Редкин, П.Н.Кудрявцев, К.Д.Кавелин, Н.В.Калачов, считавших, что история и право — это науки, "по преимуществу воспитывающие гражданина"³.

Сохранились любопытные воспоминания Афанасьева о его студенческих годах. Он пишет: "Студенты в мое время делились на кружки, которые условливались их общественным положением: кружок аристократов по фамилиям и отчасти по состоянию, кружок семинаристов, кружок поляков и кружок (самый обширный), состоявший из остальных студентов, где по преимуществу и коренились любовь к русской науке и русской народности"⁴.

Среди демократически настроенного студенчества Афанасьев встретил единомышленников, из которых наибольшее влияние на него оказал сын декабриста Евгений Иванович Якушкин, ставший затем его ближайшим другом и собратом по библиотефильству. В конце 40-х годов Якушкин ввел Афанасьева в кружок Кетчера—Пикулина, отмеченный культом Герцена и хорошо знакомый исследователям общественного движения. Он же через 10 лет познакомил его с возвратившимися из ссылки декабристами — И.Д.Якушкиным, И.И.Пуцциным, М.И.Муравьевым-Апостолом, Г.С.Батеньковым, в которых Афанасьев нашел друзей, советчиков и усердных читателей его журнала.

В студенческие годы определился интерес Афанасьева к истории России, особенно к XVIII веку; тогда же он начал собирать книги. В эти годы он стал искать и переписывать в заветную тетрадь материалы по секретной истории России. (Об этой тетради речь еще пойдет.)

Литературно-научная деятельность Афанасьева началась очень рано, еще на студенческой скамье. Его учитель К.Д.Кавелин порекомендовал Н.А.Некрасову напечатать в "Современнике" студенческую работу Афанасьева "Государственное хозяйство при Петре Великом".

Опытнейший редактор, умевший угадывать полезных работников, Некрасов понял, что молодой человек — просто клад для журнала, и пригласил его в качестве постоянного сотрудника. Это была большая удача для молодого Афанасьева: сотрудничество в самом популярном журнале эпохи создавало ему имя и положение, да и в материальном отношении было большим подспорьем.

Хотя Афанасьев после окончания университета поступил на службу в московский главный Архив министерства иностранных дел и получал

приличное жалование, но ведь он был библиофилом — человеком, для которого покупка книг была самым важным делом и требовала немалых расходов. Правда, в середине века в Москве существовало два места, где относительно недорого продавались старые книги — Смоленский рынок и торг под Сухаревой башней. Там можно было встретить многих героев этой книги и их друзей.

Близкий в те годы к "Библиографическим запискам" И.Е.Забелин, выходец из бедной семьи, не получивший систематического образования, считал даже книжный рынок своим "университетом". Он вспоминал, как в 30-х годах "ходил на Смоленский рынок, где продавались старинные книги, с четвертаком в кармане и покупал все больше альманахи, книжки маленькие, копеек 20—30 дашь. Я все свое образование получил на Смоленском; придешь и начнешь рассматривать, вот и знаешь, что есть такая книга. В библиотеке книги стоят на полках — ничего не увидишь, а здесь лежат рядышком, ну и смотришь"⁵. Правда, Забелин был на несколько лет старше Афанасьева и Якушкина, их походы за книгами начались уже в 40-х годах, а чем дальше, тем выше становились цены на старую книгу, но им все-таки удалось застать время, когда книги были еще доступны людям весьма небогатым. Молодость, энергия, библиофильское чутье и, конечно, превосходное знание литературы помогало им среди старого хлама отыскивать настоящие сокровища.

Между Якушкиным и Афанасьевым существовало даже своего рода соперничество в добывании старинных книг, и в особенности периодических изданий XVIII века, собрание которых в их личных библиотеках со временем стало выдающимся. Когда Евгений Якушкин был вынужден покинуть Москву и в поисках хорошо оплачиваемой должности переехать в Ярославль, Александр Николаевич постоянно поддразнивал его, сообщая о своих походах за старой книгой. Одно из писем заканчивается так: "Иду под Сухареву башню! Последнюю прибавку делаю, во-первых, чтобы подразнить тебя, и, во-вторых, чтобы доставить удовольствие Елене Густавовне (жене Евгения Ивановича. —Л.Р.), которая, конечно, должна быть довольна Ярославлем, потому что в нем нет Сухаревой башни"⁶. Эта фраза говорит нам, что Якушкин и Афанасьев приобретали книги в ущерб семейному бюджету и, естественно, их жены были от этого отнюдь не в восторге.

Весь литературный заработок Афанасьева уходил на книги, и он старался заработать как можно больше. Его трудоспособность и литературная продуктивность просто удивительны. Так, в одном лишь "Современнике" он в течение шести лет, с 1847 по 1853 год, опубликовал сорок семь работ — обзоров, статей, рецензий на книги исторической тематики. "Очень рад, что вы согласились писать обозрение по части истории русской, — писал ему Некрасов. — Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе двух или трех последних лет"⁷. Уже в те годы А.Н.Афанасьев считался знатоком литературы, документов по истории России. Он активно сотрудничал и в других журналах — "Отечественных записках", "Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России", "Атенее" и, конечно же, в любимых "Библиографических записках". Везде он предстает не только как ученый, но и как книжник, горячо заинтересованный в качестве изданий.

Выступал Афанасьев и как библиограф: он составил прекрасные указатели к старым журналам — "Северному архиву" и "Отечественным запискам" Свинына, в которых учел преимущественно материалы, относящиеся к истории России. Эти указатели были высоко оценены Чернышевским⁸.

1849—1861 годы были самым благополучным временем в жизни Афанасьева. Он имел хорошее место, много писал и печатался, пополнял свою библиотеку, был окружен друзьями. Имя его произносилось с уважением. Казалось, тяжелые годы необеспеченной юности остались позади и ученого ждет спокойная зрелость и старость. Но в 1862 году Афанасьев был привлечен в качестве подсудимого к "Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами". Еще в 1860 году Афанасьев посетил Герцена и передал ему ряд важных бумаг, собранных им самим и полученных от других библиофилов⁹. Эта поездка осталась неизвестной властям. Но когда в следующем году Россию тайно посетил В.И.Кельсиев, он встречался с Афанасьевым, за что Афанасьева и привлекли к суду. Правда, судьям ничего не удалось доказать. Афанасьев держал себя исключительно мужественно, ни в чем не сознался, никого не назвал (а известно ему было многое!). Его оправдали и разрешили вернуться в Москву, "на место жительства", но последовала кара, может быть, еще более тяжкая для него, чем арест: он был уволен с службы.

Председатель комиссии, расследовавшей это дело, "инквизитор Голицын", как называл его Герцен, писал об Афанасьеве: «Чиновник этот по месту своего служения может содействовать неблагонамеренным людям к приобретению из архива таких документов, которые без разрешения правительства открыты быть не могут. Я предоставлял это обстоятельство на высочайшее государя императора благоусмотрение и полагал обратить на оное внимание непосредственно начальства над Архивом. Его величеству на всеподданнейшем докладе благоугодно было написать "необходимо"»¹⁰.

Чутье не обмануло опытную полицейскую ищейку. У Афанасьева произвели обыск и, действительно, обнаружили, что он списывал весьма секретные материалы, касающиеся убийства Петра III, ареста Сперанского, преследований раскольников и т. п. Комиссия сочла необходимым уведомить министра иностранных дел, в ведении которого находился Архив, "что она не ручается за сохранность важных государственных актов в Московском архиве, если не будет обращено должное внимание на служащего там литератора Афанасьева". Понятно, что Афанасьева тут же уволили, притом с "волчьим билетом". Долгое время он вообще не мог никуда устроиться и буквально был без куска хлеба. Потом ему удалось поступить на жалкую должность секретаря городской думы, а затем секретаря мирового съезда. Ученый с мировым именем едва мог заработать на пропитание. Из приличной квартиры пришлось переехать в холодную трущобу, куда нельзя было внести библиотеку, и ее пришлось продать за бесценок.

"Личные невзгоды он переносил очень спокойно, — писал Е.И.Якушкин, — но ему было тяжело не иметь почти времени для научных занятий, тяжело ему было расстаться с превосходной, собранной с большим трудом и пожертвованиями библиотекой, которую он принужден был

продать вследствие денежных затруднений”¹¹. Об этом пишет и другой библиофил, К.Н.Бестужев-Рюмин: “Большая библиотека, собранная трудами многих лет, помогала Афанасьеву в его работах, но в 1862 году случайные обстоятельства лишили его занимаемого места, и много книг перешло в другие библиотеки”¹². “А что же его друзья-библиофилы, — может спросить читатель, — почему они не помогли Афанасьеву или хотя бы не купили его библиотеку?”

Все они жили на жалованье и едва сводили концы с концами. Лучший друг Евгений Якушкин, живший в Ярославле, как раз в эти годы был на подозрении у жандармерии и не имел уверенности в завтрашнем дне, а у него была больная жена и четверо детей¹³. Другой приятель — Виктор Касаткин — стал политическим эмигрантом и потерял возможность вернуться в Россию (разве что в тюрьму). Петр Ефремов жил в Петербурге и тоже существовал на жалованье чиновника средней руки.

А как раз незадолго до печальных перемен, весной того же 1862 года, Афанасьев переехал в хорошую квартиру и перевез библиотеку. Вот как он описывал это событие в письме к Ефремову: “Сколько возни было и хлопот с библиотекой, еле-еле привел ее в порядок, причем, благодаря распространившемуся между московскими извозчиками просвещению, не досчитался некоторых изданий, которые, вероятно, явятся под Сухаревою башнею”¹⁴. Думал ли Афанасьев, что вскоре ему придется расстаться со своей библиотекой? Ведь это было не только любимое детище, но и рабочий инструмент. Хорошо знавший Афанасьева Г.Н.Геннади писал о нем: “Имея хорошую библиотеку по русской истории и значительное собрание русских журналов, он извлек из них этюды свои о сатирических журналах прошлого века”¹⁵. Библиотека Афанасьева содержала и много рукописных материалов.

Как и его друзья Ефремов и Якушкин, он собирал пушкинские и декабристские документы и автографы. “Видел возвратившихся из ссылки декабристов, — записывает Афанасьев в дневнике, — и удивлен, что люди, так много и долго пострадавшие, могли так сохранить свои силы и свежесть чувства и мысли”¹⁶. Эта запись перекликается с мнением Льва Николаевича Толстого, в те же годы познакомившегося со старыми героями. Измученные, больные старики, большинство из которых вернулись домой умирать, поражали молодых своими нравственными достоинствами и стойкостью убеждений. В свою очередь декабристы, вернувшиеся в незнакомый для них мир второй половины 50-х годов, нашли в новых друзьях поддержку и опору.

Не говоря уже об Евгении Якушкине, который кровно был связан с декабристами, его друзья, и в первую очередь как раз Афанасьев, сумели во многом стать полезными амнистированным декабристам и их семьям. Доверие их к молодому ученому было столь велико, что вдова декабриста М.А.Фонвизина Наталья Дмитриевна отдала ему в руки драгоценный семейный архив, когда Афанасьев работал над биографией Дениса Ивановича Фонвизина (знаменитый комедиограф, “друг свободы”, приходился декабристу дядей). Эти документы были частично помещены на страницах “Библиографических записок”. В публикации была использована и рукопись декабриста М.А.Фонвизина, весьма ответственная в политическом отношении, — “Обозрение проявлений политической жизни в России”¹⁷ В

ту пору Якушкин, Ефремов и Афанасьев начинали активно собирать и печатать декабристские материалы, и такая публикация стала одним из звеньев этой деятельности. Уже после смерти Афанасьева П.А.Ефремов поместил в "Русской старине" хранившийся в архиве Александра Николаевича рассказ о возмущении Семеновского полка, вероятно, также полученный им от декабриста. В заветной тетради Афанасьева сохранились и переписанные им агитационные песни декабристов — "Царь наш немец русский" и "Ах, скучно мне да в родной стороне". На страницах своего журнала Афанасьев сумел напечатать несколько фрагментов декабристских сочинений, а также рассказ Пушкина о встрече его с арестованным Кюхельбекером. Там же опубликованы письма тещи декабриста И.Д.Якушкина, Н.Н.Шереметевой, в которых говорилось о "далеком страдалце".

Тактика Афанасьева-редактора вообще весьма интересна и заслуживает отдельного рассказа. Листая "Библиографические записки", просто поражаешься обилию материала, появившегося в обход цензуры. А ведь журнал был все время на подозрении и очень жестко цензуровался. Письма Афанасьева полны жалоб на "цензурный терроризм". Вот одно из писем Афанасьева к воронежскому знакомому, литературоведу М.Ф.Депуле: "О Радищеве я уже думал, но дело очень щекотливое в цензурном отношении: на первый раз пуцу выписки из известной его книги, по поводу статьи Пушкина о Радищеве; к прозе Пушкина приготовлены очень любопытные дополнения и исправления по его собственноручным рукописям. Тут надо коснуться и статьи о Радищеве и его книге"¹⁸. И действительно, статья о прозе Пушкина (сама по себе также значительная) содержала обширные выписки из запретного "Путешествия из Петербурга в Москву". Эта публикация, подготовленная Афанасьевым вместе с Якушкиным, замаскирована под рецензию на анненковское издание сочинений поэта. Незадолго до того вышел в свет седьмой, дополнительный том, и не было буквально ни одного журнала, который не откликнулся бы на это событие. Такие рецензии цензура пропускала, пропустила она и труд наших героев. Между тем эта статья была насыщена цитатами мест, которых и в помине не было в анненковском издании. Заметим также, что работа велась по подлинникам ("по его собственноручным рукописям", — как пишет Афанасьев), а ведь считается, что в те годы (да и позднее) рукописи Пушкина были доступны только П.В.Анненкову, получившему их во временное пользование от вдовы поэта. Современные исследователи дают работе Якушкина и Афанасьева чрезвычайно высокую оценку. Известный пушкинист Татьяна Григорьевна Цявловская считает, что цель ее — "показать подлинное политическое лицо Пушкина"¹⁹.

Афанасьев писал Геннади, что "самая форма заметок, может быть сухая, нарочно придумана, чтоб удобнее проехать разные неудобноцензурные места, эпитеты и фразы"²⁰.

С таким же искусством были "препарированы" материалы и о других вольнодумцах осмнадцатого столетия, помещенные на страницах "Библиографических записок". Новиков, Фонвизин, Щербатов, русские мартинисты, преследовавшиеся правительством Екатерины II, — узнать о них можно было из статей, публикаций, сообщений. Иногда достаточно

было нескольких строк петитом в примечаниях, чтобы дать знать читателю о материалах, имеющихся у редактора, но не пропущенных цензурой. Можно сказать, что Афанасьев как редактор библиофильского журнала не имел себе равных. Но, естественно, большая часть собранного Афанасьевым политически острого материала осталась неопубликованной. А.Н.Пыпин даже считал, что Афанасьев был одним из первых собирателей рукописной литературы XVIII и XIX столетий²¹.

Тут, очевидно, пришла пора рассказать о заветной тетради Афанасьева, уже упоминавшейся в этом очерке. Она хранится в составе громадного якушкинского архива (Москва, ЦГАОР) и носит название: "Дневник. Отрывки из моей памяти и переписки". Кроме обычных дневниковых записей, раздумий автора и т. п., здесь имеется собрание важнейших исторических документов, таких, как уже упоминавшиеся агитационные песни декабристов, как стихотворение, написанное студентами в связи с арестом М.Л.Михайлова, как отрывки из прокламации "К молодому поколению", как факты из цензурной практики 50-х — начала 60-х годов. Здесь — неопубликованная статья Афанасьева о Белинском, сведения о петрашевцах и др.

Богатейший этот материал отчасти уже усвоен нашей исторической наукой, но сам "Дневник" — а это ведь человеческий документ, часть жизни незаурядной личности, — почти не известен. Тетрадь эту видел уже в конце XIX века А.Е.Грузинский, дважды переиздававший "Народные русские сказки" Афанасьева. А еще раньше ее держал в руках и внимательно читал Евгений Якушкин, к которому перешли бумаги покойного друга. Он даже пытался издать "Дневник", в сентябре 1875 года сообщал Ефремову: "В настоящее время я занят приведением в порядок бумаг Афанасьева и приготовлением к печати его записок, которые, к сожалению, придется печатать с большими пропусками"²². Но и с купюрами "Дневник" Афанасьева оказался неприемлемым для цензуры, и мысль об его издании пришлось оставить.

Уже в последние годы к этому дневнику стали обращаться историки общественных движений; в печати замелькали цитаты из этого замечательного документа эпохи. Была даже опубликована небольшая статья, специально посвященная "Дневнику"²³. Но все это, конечно, не заменяет его издания. Кроме этой тетради есть еще одна, на форзаце которой обозначено: "Александра Афанасьева". Тоже рукописный сборник материалов как декабристских, так и современных автору. Здесь переписаны (частично самим Афанасьевым, частично другими лицами с его правкою) такие важные документы, как сочинения декабриста Фонвизина "Записка об указе 2 апреля 1842 г." и "Обозрение проявлений политической жизни в России", "О повреждении нравов в России" М.М.Щербатова (изданное Вольной русской типографией примерно в те же годы), полный текст "Записок о Пушкине" И.И.Пушина, полученный от Евгения Якушкина, "О крепостном праве и об эмансипации" К.Д.Кавелина и множество других материалов. Этот сборник каким-то образом отделился от основного архива Афанасьева и ныне находится в Центральном государственном архиве древних актов. В свое время эти тетради были естественной частью библиотеки Афанасьева. К счастью, их нельзя было обратить в деньги, и они дошли до нас благодаря стараниям семьи Якушкиных.

Очень возможно, что Афанасьев имел и другие рукописные сборники. Доподлинно известно, что какие-то переписанные им в Архиве министерства иностранных дел важные документы у него забрали при обыске в 1862 году. Но описи их не существует.

Слабое знакомство историков с архивом Афанасьева объясняется, вероятно, тем, что он "запрятан" в якушкинском архиве и даже не значится в указателе личных фондов, так что отыскать его могли только те, кто занимался Якушкиными и вообще декабристами. Радует, что теперь исследователи все чаще и чаще обращаются к переписке, "Дневнику" и сборникам Афанасьева и расширяют, углубляют наши знания об этом замечательном человеке.

Отечественное библиофильство обязано А.Н.Афанасьеву еще одним важным деянием: он первый начал ту кампанию по переизданию библиографических редкостей (и — шире — старинной русской книги и периодики), которая развернулась в 50–70-е годы XIX века. В 1858 году он переиздал три старинных журнала — "Поденщину", "Пустомелю" и новиковский "Кошелек". Добыть эти журналы уже в то время было очень трудно, почти невозможно. Сразу всеми тремя не владел ни сам Афанасьев, ни Лонгинов, ни другие крупнейшие собиратели изданий XVIII века. Чтобы осуществить такое переиздание, Афанасьев должен был привлечь всех своих знакомых. Например, "Поденщину" он одолжил у Лонгинова.

Вполне понятно, что эти переиздания были встречены с большим энтузиазмом всей библиофильской общественностью России. Несколько иначе отнеслись к ним критики "Современника", вообще не слишком благосклонные к собирателям. Добролюбов откликнулся на выход нового издания "Поденщины", "Пустомели" и "Кошелек" ("Современник", 1858, № 12) обширной рецензией, в которой дал и оценку, весьма ироническую характеристику современной ему библиографии (и нераздельного с нею библиофильства). Он высмеивает книжников, "ради своей науки отрешившихся от всяких общественных, нравственных, литературных и иных интересов". Считая, что Афанасьев является исключением среди библиографов, так как он "не совершенно достиг еще до такого презрения к жизненным интересам ради высоты своей науки", Добролюбов пишет: "Истинный, совершенный библиограф (читай: библиофил. — Л.Р.) издал бы, конечно, "Мешанину", а уж никак не "Кошелек", при котором у Сопикова не стоит даже отметки "редка". Неполноту и даже слабость библиографических начал в г.Афанасьеве доказывают и многие из статей его, помещенных в "Библиографических записках", "Атенее", "Русском вестнике" и пр. В нем еще заметно легкомысленное, дилетантское стремление пользоваться библиографическою наукою для разрешения некоторых чуждых ей вопросов. Такие статьи, как "Школа светских приличий", "Черты нравов прошлого столетия" и т.п. уже по самому заглавию своему неприличны для истинного библиографа".

Читатель того времени, приученный к эзопову языку передовой журналистики, прекрасно понимал, о чем здесь идет речь: Добролюбов приветствует статьи и публикации Афанасьева за их большой общественный смысл. Однако молодой критик тут же добавляет: "Но с другой стороны, г. Афанасьев подает блестящие надежды на то, что он достигнет

совершенства библиографической учености. Надежды эти поддерживаются в нас особенно изданием "Пустомели" и "Поденщины". Здесь библиографическая точка зрения заслонила уже пред г. Афанасьевым всякие другие интересы. "Пустомеля" редка <...>: только два экземпляра известны на свете <...> Эти обстоятельства сообщают "Пустомеле" великую ценность в глазах библиографа. <...> Человек с обыкновенными, простыми понятиями о литературе выбрал бы, конечно, "Трутень", как самый лучший из всех и имеющий интерес не только исторический, но даже отчасти и современный. Затем обыкновенный человек издал бы "Живописца" <...> Но библиография имеет свои права и свои воззрения"²⁴.

Конечно, Добролюбов был прав относительно того, что "Трутень" и "Живописец" много содержательнее "Пустомели". Но он, по всей видимости, не знал, что Афанасьев как раз и пытался еще в 1857 году переиздать новиковские журналы. В письме к Геннадию он сообщает: «"Трутня" цензура не пропустила, следовательно, о "Живописце" и "Смеси" и думать нечего"²⁵. Только много лет спустя, после долгих цензурных мытарств П. А. Ефремову удалось переиздать эти журналы.

К. Н. Бестужев-Рюмин, также крупный библиофил и исследователь русской книжной старины, писал в некрологе Афанасьева: "Кроме больших трудов, много статей и заметок библиографического содержания было рассеяно им в журналах. Во всех этих статьях мы встречаемся с одним общим свойством: для Афанасьева книга важна не редкостью, а своим содержанием — свойство, редкое в библиографе!"²⁶

Конечно, Афанасьев, крупнейший исследователь восемнадцатого столетия, не мог ценить книги только за их редкость, но переиздание им уникальных журналов говорит само за себя. Вероятно, сила Афанасьева так же, как и других его товарищей-книголюбов, заключалась именно в соединении научного и библиофильского подхода к отечественной печатной продукции. Поэтому их труды до сих пор интересны как ученым, так и библиофилам. Афанасьев любовно описывает редчайшую книгу "Пансальвин, князь тьмы", и он же создает глубокие, интересные исследования о нравах, культуре осмнадцатого столетия.

Афанасьев был и человеком замечательным.

"Как личный характер, — писал Пыпин, — Афанасьев оставил по себе память безупречного человека, горячо преданного интересам науки, работавшего для нее с редким трудолюбием до самоотвержения и вместе принимавшего к сердцу живые интересы общественной жизни"²⁷.

"Афанасьев был человек с очень определенными и твердыми нравственными понятиями, не допускавшими никаких компромиссов"²⁸ — это мнение Евгения Якушкина, который и сам был таким же.

Добавим к этому, что Афанасьев был веселым человеком. Он любил и понимал шутку, острое словцо, пародию. Его письма к друзьям буквально блещут юмором. Была у него склонность и к сатире, к полемике.

"Свой труд, — писал Афанасьев, — приносим мы бескорыстно русской науке в чаянии, что будет же время, когда сумеет оценить это по достоинству"²⁹. Он был прав. Это время настало.

КНЯЗЬ ТЬМЫ

В 1809 году напечатана в Москве, в университетской типографии книга "Пансальвин, князь тьмы" с эпиграфом "Быль? Небыль? Однако ж и не сказка". Это — перевод сочинения, явившегося в 1794 году на немецком языке.

И немецкий подлинник, и русский перевод составляют в настоящее время большую библиографическую редкость. Фамилии сочинителя и переводчика нам неизвестны. При самом появлении своем в свет "Пансальвин" возбудил всеобщее любопытство и сделался предметом различных догадок и толков: причина такого внимания скрывается в содержании книги, рассказывающей под вымышленными именами историю быстрого возвышения светлейшего князя Потемкина-Таврического и исполненной того же анекдотического интереса, каким богаты "Russische Günstlinge (Tübingen, 1809)* и мемуары XVIII века.

Судьба героя, его интимные, любовные связи и разные придворные интриги переданы автором в форме нравственно-сатирического романа: при всяком удобном случае он принимает на себя роль нравоучителя и проповедует о губительных следствиях честолюбия, жадности завоеваний и других пороков, которые так обыкновенны в фаворитах и временщиках.

В издании Minerva, von Archenholdt, 1797 год**, в начале помещенной здесь во 2-м томе биографии Потемкина (стр. 3), были объяснены вымышленные имена романа и обнаружен его настоящий смысл. Объяснения эти, впрочем, не совсем верны, но ошибки легко исправить при пособии современных записок и биографических статей.

Пользуясь их указанием, мы так определяем действующих лиц романа: Пансальвин — князь Потемкин,

Графиня Маниль — жена графа Семена Романовича Воронцова, бывшая любимой фрейлиной императрицы Екатерины,

Г-жа Шпадиль — графиня Прасковья Александровна Брюс, урожденная графиня Румянцева,

Барон Понто — обер-гофмейстер Иван Перфильевич Елагин,

Баронет Пикин — Александр Семенович Васильчиков,

Граф Кервит — князь Григорий Орлов,

Трефия — Екатерина Николаевна Зиновьева, потом жена князя Григория Орлова,

Князь Кародо — граф Никита Иванович Панин,

Фельдмаршал Басто — граф Румянцев-Задунайский,

Неана — Анна Никитишна Нарышкина.

Накопец, на стр. 351 упоминается о Василии Степановиче Попове.

"Пансальвин, — говорит автор, — имел отличный рост: более чем обыкновенная вышина оно сообщала ему сановитость, с особливою правильностью частей соединенную. Видимые части тела дозволили заключать и о сокровенных... В лице его было много марциального, но оно сопровождалось пленяющим. Взор его обещал много, а паче, когда

* Русские фавориты. Тюбинген, 1809 (нем.).

** Минерва Архенхольцта, 1797 (нем.).

любовь сообщила оному приметным образом явственное выражение. Голос его был приятен, поступок не нагл, цвет лица, которого он не сберегал и который от того довольно позагорел, воспринял красивую тень, и кровь сообщала щекам его здоровый сок и силу. Пансальвин умел своему и без того привлекательному наряду по складности тела более придавать приятности чрез бросающуюся в глаза заботливость, так что и в сем случае он отличался и более других был заметен. Красивые волосы свои умел так убирать, и сие не избегало замечания, и в воинских оборотах для оказания почести находилось нечто такое, что задерживало на нем взоры самой монархини, когда она удостоивала его милостивого воззрения, и как скоро он сие замечал, тогда некое одушевление возвышало каждое его движение" (стр. 61—64).

Характер Пансальвина изображен в резких, но непривлекательных чертах. Название "Князь тьмы" намекает не только на действительную фамилию героя; в намерении автора было указать чрез то на темные стороны его политической деятельности и на демонические силы его гордой и властолюбивой души.

В этом взгляде заметна односторонность, но много и справедливого. Если, после должной критической оценки, история и воздаст хвалу замыслам и государственным планам Потемкина, то нет сомнения, что личному характеру фаворита, его своенравию, расточительности и капризам деспотизма произнесет она строгий приговор.

Пансальвин, читаем в романе, "был страшный муж, от одного имени которого выступал у некоторых холодный пот на лбу, такой муж, которого взорам предстать только немногие осмеливались, кои без трепета и содрогания сердечного не могли с ним в разговор вступить. Его гневный взгляд, так сказать, низлагал все пред ним стоящее, и имел он власть совершать сие; его гневная воля была пагубна, неизъяснимо истлевающая каждое счастье, каждую радость, каждое стяжание. Кому он не благоволил и до кого мог достигнуть, тот соделывался беднее нищего, несчастнее оставленного на пустом острове" (стр. 11—12). Никто не осмелился противустать его гордости, хотя Пансальвин и заставлял чувствовать ее всех, и великих, и малых. "Он со многими людьми обходился с презрением, не потому, что они достойны были презрения, но для того, что считал оных таковыми, хотя в суждениях своих о людях не всегда свободен был от ошибок. Многим достойным людям обхождение такое было очень оскорбительно... ибо претерпевали от него и те, которых наружность ему не нравилась" (стр. 373—374).

Любопытен, если справедлив, рассказ об одном иностранном художнике, который обратился к Пансальвину с просьбою доставить ему работу при дворе: "Проситель вошел, и суровое: что тебе надобно? было вместо приема. С вольнодушием, смежным с высоким почитанием, нежели раболепством, рассказал сей красноречивый и тонких чувств человек, что прибыл он, быв привлечен распространившеюся славою, что здешняя государыня покровительствует художников, а потому достиг он в ее счастливую державу для приобретения того удовольствия, которого ему в отечестве недоставало, и чтоб доказать на опытах, что он в художестве совсем не ученик; а потому просит его светлость осчастливить его своим высоким представительством, и у милостивейшей

из всех монархини замолвить за него слово... Я не могу тебя употребить (сказал Пансальвин), ты можешь возвратиться в свое отечество. — Для чего же бы, ваша светлость? — спросил его художник со скромностию. Вы не знаете еще ни меня, ни моей работы; а я имею довольно гордости помышлять о себе, что могу быть годным подданным. Князь посмотрел на него пристально: так доставь себе лучшее лицо, сказал он, твое мне противоно! — Ваша светлость, конечно, не погубит меня за один вид лица моего! — Молчи и пошел вон! Слышал ли? Ты мне ненадобен. — Я не желаю быть вашей светлости надобным, но той монархине, которая с милостию приемлет всех тех, кои во излишние ее щедрот ищут своего пропитания. — Так выезжай же чрез 24 часа из столицы! — Я ничего не сделал такого, чем бы заслужил высылку. — В последнее говорю тебе, выезжай!” Оскорбленный художник вышел. «Неужели нет другого средства?» — думал он, и решился при первом публичном выходе государыни повергнуться к ее стопам и вручить ей свое прошение. На другой день принял он за сочинение просительной записки, но напрасно он трудился... Едва наступил вечер, вошел к нему человек: ты здесь еще? и не повиновался княжескому повелению? За это ожидает тебя наказание; ступай за мною. Смерть твоя, ежели ты хотя пикнешь! Вот тебе приказ от князя. Бедный художник, усмотрев, что здесь не будут приняты никакие возражения, только спросил, куда ему идти? Ты увидишь это. Кроме платья, не позволено ему было ничего взять с собою. Он вышел; перед дверьми стояла кибитка, в которую принудили его сесть. Проводник его закрыл кибитку, и извозчик поскакал. Они ехали день и ночь на переменных лошадях. Сдавали его с почты на почту. Никто не говорил с ним ни слова”. Вскоре перемена климата заставила несчастного догадаться о своей ссылке (стр. 30—38).

Все должно было уничижиться и ползать перед гордым баловнем счастья; когда разъезжал он по провинциям, на всех путях встречали его с торжествами точно так, как бы саму государыню; вельможи, знатные и по рождению и по заслугам отечеству, целые часы должны были дожидаться его выхода: и все это требовал он для того только, “чтобы видеть передние комнаты свои набитыми орденовыми лентами и звездами и показать: вот что могу я делать!” (стр. 253—255, 262—263).

Великолепием и роскошью он превосходил и старался превосходить всех. ”В столице довольно то было известно, что, не исключая двор царский, хозяйство его стоило несравненно больше. Он давал столы такие же, как и царица, такие же праздники. Он имел свою собственную музыку, собственную оперу; в услужении своем больше особ, нежели царица. Он роскошествовал отличнейшими яствами, редчайшими напитками более, нежели она. Всем таковым у царицы наслаждались с радостью. Кто же был приглашен к нему, шел как бы его за волосы тащили; большею частию приглашение принимал с негодованием и следовал с неудовольствием, ибо ожидал его упругий церемониал; а сверх того не ведал, не покажется ли среди полного наслаждения князю не оказывающим полного почтения и после не заплатит ли за сей пир слишком дорого” (стр. 346).

Средства для такой безумной, расточительной роскоши Пансальвин собирал неустанною рукою с многочисленных деревень, ему пожалован-

ных, и с доходов различных занимаемых им мест; щедрость государыни к нему беспредельна, и ни для кого не оставалось тайною, что он по собственному произволу мог распоряжаться казенными суммами и брать из них более, нежели было надобно: случалось иногда, что правительство требовало на государственные нужды денег, а казна "вместо оных показывала ему расписки от князя тьмы".

Рассуждая о богатствах Пансальвина, автор романа делает такое замечание: "когда приватный человек, не имевши собственно никаких доходов, кроме пожалованных ему монархиною, ежели он достиг таких сокровищ, которых сама царица не могла приобрести во все свое царствование; когда он при своих расходах, кои равнялись ее расходам, тягость их усугубил, но богатства своего не истощил, то можно ли иначе назвать его, как пиявицею, высосавшею все государство, и что миллионы народа от того страдали" (стр. 236, 251, 348 и 420).

Под конец жизни Пансальвина со всех сторон слышался сдержанный говор о его неумеренном властолюбии и необузданных страстях: "Здесь рассказывали о происшествии с дочерью одного храброго офицера, которой красотою Пансальвин был пленен, но которой добродетель желаниям его сопротивлялась, что он приказал оную увезти с бала, дабы ее обесчестить, и что отчаянный отец ее, не надеясь сыскать себе правосудного удовлетворения, застрелился от горести. Там повествовал другой: он хотел посетить старинного друга своего в столице, но оставшиеся в доме сего сказали, чтобы он искал его миль за сто и более, в пустыне, куда несчастный друг его сослан в ссылку за то, что смело говорил о Пансальвине, которому пожертвовал всем своим имением. В ином месте нашел он целый дом нищих, оттого что дом сей проиграл судное дело против князя, ибо криводушный судья совсем нарушил правосудие и склонил дело в пользу Пансальвинову... Наказания Пансальвина были все тиранические и доказывали варварство, которое в других странах казалось тем лютейшим, что там неизвестен был род сего наказания" (стр. 417—418).

Такова характеристика Пансальвина. Мы вовсе не имеем в виду уверять в непогрешительной исторической верности всех ее подробностей. Приводя выписанные нами места, мы хотели только познакомить читателей со взглядом автора романа на загадочную личность Потемкина и с направлением его книги. Неумытый суд истории должен взвесить эти обвинения и оценить их вероятность или сомнительность, но он ни в каком случае не может пройти их молчанием, и с этой точки зрения книга "Пансальвин" должна быть причислена к материалам, необходимым при изучении прошлого века.

Из других лиц, выведенных в романе, особенное внимание обращают на себя фельдмаршал Басто, честный, откровенный и прямой воин, и князь Кародо, лучший государственный муж и политик своего времени. Барон Понто и госпожа Шпадьиль играют жалкие роли придворных прислужников, неразборчивых исполнителей всяких поручений; они помогают Пансальвину в его любовных замыслах и поклоняются его могуществу. На всех страницах романа, где только заходит речь о Екатерине Великой, автор говорит об ней с величайшим уважением к ее уму, сердцу и дарованиям и с видимым сочувствием к ее правительственным заботам, хотя в то же время указывает и на некоторые слабости этой государыни.

Исчислив ее нравственные достоинства, он прибавляет: "Словом сказать, Миранда* имела в себе все свойства для преизящной обладательницы и была таковою в частях толико многих, что если бы отделить от ней ее погрешности и слабости или хотя бы она в состоянии была одна своею особою о всем пеццися и все выполнять, то, конечно, заслужила бы она место ангела между главами тогдашнего человечества" (стр. 43—47).

К этим кратким заметкам о книге "Пансальвин, князь тьмы" прибавим, что на русский язык переведена она слогом тяжелым и не всегда ясным; некоторые слова и выражения, употребленные переводчиком, поражают своею странностию, например: высочие, шумство.

АДСКАЯ ГАЗЕТА

Под этим заглавием обращается между грамотным простонародьем, преимущественно между староверами, рукописное сатирическое сочинение, содержание и форма которого указывают на недавнее его происхождение. Оно написано тяжелым книжным языком, обильным рифмами, и по форме близко подходит к силлабическим стихам начала XVIII столетия. Я имею под руками два списка "Адской газеты": один белорусский, присланный учителем Новогрудского дворянского училища Г. Дмитриевым в Русское географическое общество и оттуда доставленный мне вместе с некоторыми народными сказками; другой сообщен мне в Москве. Этот последний список полнее и носит следы обращения своего между раскольниками. Что касается содержания "Адской газеты", то она имеет в виду изобразить житейские пороки, и с этою поучительною целью представляет появление в ад разных грешников: из монахов, белого духовенства, купцов и бояр; к ним присоединяются еще пьяница, ростовщик и песельницы. Вообще в сатире этой довольно грубых выражений, но мало соли; она чужда той меткой наблюдательности, которая умеет схватить типические стороны людских отношений и которую не раз мы замечали в чисто народных сатирических рассказах. "Адская газета" казнит порок, почти не касаясь тех характеристических особенностей, какие принимает он в своем проявлении на известной почве и в известную эпоху. Представим здесь некоторые выписки. Сочинение начинается этими словами: "В нынешние плачевные и последние лета с того света пришла газета, то есть новая почта из ада, сказует известно всем людям, какова будет грешным за грехи награда...** А в нынешний век всяк зри человек, яко царствует в мире грех едва ли не на всех. Правда уж сгорела, а истина охромела; лесть и ложь ныне пришла, а честь и верность в отставку давно ушла; добрую совесть в землю закопали, а смирение ногами попрали. В монастырях самочиние устроилось, гордость с монахами познакомилась; братоненавидение икономом поставлено, а благонравие прочь отставлено; сластолюбие и лакомяство поставлено во дяконство; тщеславие игуменствует, а невежество старейшествует; славолюбие епископом стало, а сребролюбие всеми обладало". Сатана,

* Под этим именем упоминается в романе Екатерина II.

** Белорус.: На сех днях выехау курьер з аду, абъявиу, какая будзе грешникам награда...

”предвидя кончину сих дней”, приказал бесам развести огни и измерить адскую глубину*, а сам воссел на *седало*. Прежде всего предстали к нему чернецы. ”Зачем вы, святини отцы, пришли сюда? (спрашивает их сатана). Видно вы свой век ради суетного богатства прозирали, того ради путь во царствие небесное потеряли. Вы проживали всю жизнь во скитах – во всяческих суетах, а сами между собою друг на друга ложь шивали, а меня всегда понапрасну обвиняли, и не было вам в монастырях ладу, за это будет сидеть вам со мною в аду”. Затем привели некоего священника и диакона. Обрадовался сатана, испустил громкий глас: ”О еси вы мои благодетели!.. вы в церквах своих проживали, а всегда мою волю совершали... Табачищем нос набивали и за то греха не считали, а вино и пиво пили, яко воду в рот свой лили... О себе же и о стаде своем не пеклися, чтобы души их и ваши спаслися, и только принося их обирали и кутью сладкую хлебали”. Преданы и эти грешники вечному огню. За ними приведены гордые кушцы да бояре; сатана обещается угощать их несытые утробы разженным оловом, смолою и серою**, а косою бес захватывает их багром и увлекает в преисподнюю. Тогда предстали пред сатану: *отойца* – ”бес кривой бросил его в адскую темницу вниз головой”, *ростовщик* – он много процентами ”денег скопил, себе место в аду откупил” и низринут в преисподнюю вверх ногами; *девицы пельничницы-мастерицы*. ”Живите тут без скуки (говорит пельничницам сатана), потому что вы хорошо понимали мои науки, в праздники и в воскресенье пели, плясали, скакали, моих бесов переиграли, *рубашки носили большие воротки*, а певши песни наслаждались свои протки”***. И приказал сатана связать им руки и ноги, нарядить в свою одежду и посадить их во тьму кромешную. ”И посем приидоша нищие и смиренные духом с голодным брюхом, и сатана их не возлюбил, сего ради гордо с ними говорил: куда вы, глупые, зашли, или в царство небесное дороги не нашли? вы о грехах своих день и ночь болели и во аде места себе готовить не велели. Здесь места все заняли люди не простые, богатые, толстые, господа и вельможи, которые завсегда мне были угрожи. Нищие в ту же минуту, ухватя свои кошель, во царство небесное побрели...”****

В заключение прибавлено: ”сия газета писана на глум, а должно ее понимать (принимать?) всякому человеку на ум”.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НОВИКОВ
(Фрагменты)

Одним из самых замечательных деятелей царствования Екатерины Великой, без сомнения, был *Новиков*, человек глубокого ума, высоких

* Белорусский список прибавляет: ”Там будзе работа несносная: иные лукавцы канаты вьюць, медники котлы куюць, ковали молотами бьюць, паны уголья тоукуць, иные дзелаюць кручья”.

** Белорусский список: ”Я вас буду неотменно угощаць огнем-пламенем, для ваших роскошных тел ещъ у мене в аде большой котел, для вашей скоромной души растоплю я олово вместо пуншу”.

*** Протка – горло (Опыт обл<астного> великору<сского> словаря, стр. 182).

**** Белорус<ский> список: ”Убогие старцы, подхвата свои хатомки, наделали в аде много ломки”. В этом списке в числе других грешников выведены: малаханцы (?), кривотолки и перекрещенцы.

нравственных достоинств и непреклонного благородства в убеждениях и в жизни, деятельный и смелый представитель современного литературного движения, сумевший тесно сочетать с печатным словом гражданское дело, неутомимый издатель, журналист, книгопродавец, типограф и филантроп. <...> Он решился приняться за издание сатирического журнала, чтобы орудием насмешки поколебать односторонние и часто невежественные мнения, какие слышались в современном ему обществе. На литературном поприще Новиков выступил с еженедельником "Трутень" (1769—1770). <...>

Направление "Трутня" (название, данное Новиковым в pendant¹ "Трудолюбивой пчеле" Сумарокова) было исключительно сатирическое. В предисловии Новиков так объясняет причины и назначение этого издания: «...долго помышлял, чем бы мог я оказать хоть малейшую услугу моему отечеству <...> Наконец, вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу своим согражданам. Итак, вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием "Трутня", что согласно с моим пороком и намерением, ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало, а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и стихах, а особливо сатирические, критические и прочие, к исправлению нравов служащие, ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу, а сие-то и есть мое намерение». В другом месте "Трутня" высказано, что сатира на порочных — зеркало всего, достойного осмеяния, и потому чтение сатирических сочинений приносит удовольствие добродетельным гражданам, которые, видя, как литература осмеивает порочных людей, возвышаются над ними мысленно не богатством и пышными титулами, а благородными поступками. На виньетке, отгиснутой на заглавном листке второго издания "Трутня", изображен осел, придавленный сатиром. "Трутня" сменил "Живописец" (1772—1773), лучший журнал екатерининского времени; его обличительная сатира затрагивала самые живые интересы и облекалась иногда в формы истинно художественные. Из сочинений, напечатанных здесь, перу Новикова должно приписать статью под заглавием "Автор к самому себе" и другую — о книжной торговле. В 1774 году он открыл новое издание: "Кошелек", в защиту русской народности против крайностей иноземного влияния, что прямо было высказано им уже в предисловии.

Превосходными своими изданиями Новиков возбуждал у нас любовь к наукам и охоту к чтению, и дело, им совершенное, не забудется, потому что имело значение вполне практическое. Новиков умел угадать насущные потребности публики, и, смело выступив распространителем современных гуманных идей, он с требованиями общечеловеческого образования постоянно связывал уважение к национальному чувству. В 1779 году он переселился из Петербурга в Москву и продолжал трудиться с еще большей настойчивостью и необыкновенным усилием. <...> Профессор Шварц свидетельствует, что в 1781 году университетская типография была приведена в такое цветущее состояние, что немного подобных ей было и в Европе; в три года Новиков напечатал в ней более книг, нежели сколько было напечатано за все прежние 24 года существования университета.

¹ По сходству с... (фр.).

В 1784 году основалась "Типографическая компания" <...> В числе 14 ее членов были Новиков, Лопухин, Тургенев и Гамалей; компания учредила в Москве типографию, столь известную распространением мистических книг, наблюдение за которою вверено было Новикову. Этот последний сверх того завел еще свою собственную типографию, а Лопухин — свою. Типографическая компания устроена была с целью не только содействовать изданию полезных книг, но и выпускать их в продажу по самым дешевым ценам — мысль, которая постоянно занимала Новикова. <...> "Торговля книгами, — говорит он, — по существу своему весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оных в нашем отечестве, нежели как было доньше. По моему мнению, недовольно сего, чтобы только печатать книги, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранилищныя и употреблять их в свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но петербургские и московские жители много имеют увеселений; есть у них различные зрелища, забавы и собрания; следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг; а сверх того и просвещение наше, или, так сказать, слепое пристрастие к французским книгам не позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими господами преемется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга через трое или четверо рук дойдет, например, в Малую Россию; всякий накладывает неумеренный барыш для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег; итак продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда по три рубля, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются; книг расходуется меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, часто терпят убыток... Сколь большей пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам. О распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно". Мысль эту Новиков старался привести в исполнение, что видно из публикаций, которые прилагались им при каталогах книг. <...>

Новиков желал было возобновить контракт относительно дальнейшего содержания университетской типографии, но императрица решила: «Новикову не отдавать типографии: "с'est un fanatique"». В другой раз она отозвалась о нем, как о человеке умном, но опасном. После появления книги Радищева ("Путешествие из Петербурга в Москву") статс-секретарь Храповицкий отметил в своих записках: "Говорено о книге Радищева; тут рассеяние заразы французской, отвращение от начальства; автор *мартинист**." По окончании десятилетнего срока университетская типография от Новикова перешла к другим содержателям <...>

¹ Это фанатик (*фр.*).

* В Записках Храповицкого есть еще следующая заметка под 1793 г.: "Читал в московской почте донесение кн. Прозоровского касательно окончания дела о книгопродавцах, торговавших запрещенными книгами. При вопросе: почему запрещена Киропедия, нашел я случай изъясниться о старом масонстве, что было в ложе

”Вдруг все книжные лавки в Москве запечатали, также типографию и книжные магазины Новикова, и дома его наполнили солдатами, а он из подмосковной взят был под тайную стражу, с крайними предосторожностями и с такими воинскими снарядами, как будто на волоске тут висела целость всей Москвы” (Из записок Лопухина). В 1795 году главнокомандующий московский кн<язь> Прозоровский представил государыне доклад по делам Новикова. <...> С восшествием на престол нового императора судьба Новикова изменилась. В первый же день своего царствования Павел Петрович освободил его из душной темницы, в которой сидел он около четырех лет. <...> Новиков скончался 31-го июля 1818 года на семьдесят пятом году от рождения в селе Тихвинском и там же погребен в приходской церкви.

Прилагаемый при этом номере Библиографических записок литографированный портрет Н.И.Новикова есть снимок с известного портрета работы Боровиковского, о котором упоминал в своей статье г. Лонгинов — в следующих словах: ”Это мастерское произведение по красоте рисунка, тонкости кисти и живописи красок, не утративших своего достоинства через 60 лет. Особенно поразительна по естественности кисть правой руки, согнутой наперед туловища. Новиков изображен в гороховом широком сюртуке, черном бархатном жилете, белом галстуке и жабо. Темные волосы, уже редкие на лбу и на висках, зачесаны назад и открывают высокий прекрасный лоб; брови дугою очень понижаются у орлиного носа; губы и вся нижняя часть лица обличают кротость и добродушие”. Чтобы полнее обрисовать характерное лицо Новикова, приведем отзыв о нем княгини Е.Р.Дашковой в письме к И.В.Лопухину: ”Мне он тотчас бросился в глаза (пишет княгиня), и я бы тотчас узнала его, без всяких ваших рекомендаций, по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакам с черными же особенно-глянцевитыми пряжками. Лицо его открыто; но не знаю, я как-то боюсь его: в его прекрасном лице есть что-то тайное!”*

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ

Бедная книжная торговля на Руси! Поговоришь с книгопродавцами — услышишь постоянные жалобы на публику: она мало сочувствует делу образования, умственные интересы ее слишком ограничены и слабы, книги раскупаются медленно и в малом количестве экземпляров, да и то больше романы и повести. Обратишься к читающему люду — и тут не оберешься жалоб на дороговизну книг, на трудность доставать их и неаккуратность книготорговцев. И та, и другая стороны правы; все эти недостатки действительно имеют место в нашей книжной торговле и мешают ее успехам и правильному развитию. Устранить такие неблагоприятные

А.И.Бибикова и что я же перевел *Société antiabsurde* (Антиабсурдное общество. — Л.Р.), сочинение ее величества. Кажется, что выслушан хорошо и некоторыми отзывами отделен от нынешних мартинистов” (Отеч<ественные> записки, 1828, № 93, стр. 164–165).

* Отецеств<енные> записки, 1839, № 8, смесь, статья Макарова. — Мне случилось видеть два гравированных портрета Новикова (в осьмую долю листа), впрочем оба незавидно исполненные; один гравирован А.Осиповым, другой — И.Розановым.

обстоятельства не очень легко, потому что они, как вообще все жизненные явления, друг другом вызываются и взаимно одно другим обуславливаются. Малочисленность читателей и плохой сбыт книг заставляют издателей печатать их в незначительном количестве экземпляров и на это небольшое число разделять как издержки изданий, так и следующий за него барыш: цена книг очевидно вырастает и для многих делается недоступною. В свою очередь возвышение цен на книги уменьшает и тот небольшой круг читателей, который не чужд умственных интересов. Таким образом, если слабый расход сочинений в публике увеличивает их стоимость, то дороговизна книг обуславливает медленность и малочисленность их сбыта. Как разрешить эту дилемму? Удешевить книги; но всегда ли это возможно? Всегда ли можно рассчитывать на такое увеличение числа покупателей на дешевую книгу, чтобы оно могло вознаградить издателя и книгопродавца за их издержки и дать им законную прибыль? В большей части случаев — нет. Известно, например, что редкое из дельных ученых сочинений расходится у нас более 600 экземпляров, и притом года в три, в четыре и более; никакая дешевая цена здесь не поможет, ибо один или два десятка лишних покупателей, на которых можно надеяться при понижении платы, нисколько не обеспечивают издателя. "Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете" за прошлый 1858 год, несмотря на свою дешевизну (пять рублей за четыре книги, из которых каждая от 30 до 40 листов, с приложением разных снимков), несмотря на ученое достоинство издания и на общий живой интерес помещаемых здесь памятников по отечественной истории, имели 174 подписчика — число, которое едва ли в состоянии окупить треть потраченных издержек. "Библиографические записки" имели в прошлом году только 250 пренумерантов, что и заставило редакцию перенести в нынешнем году пересыльную плату на подписчиков, каковой расход первоначально был принят ею на себя. Остается ожидать, когда распространение в публике более серьезного образования сделает полезные книги для многих существенною необходимостью и умножит читающую массу; тогда, без сомнения, увеличится и круг покупателей, а с тем вместе самая выгода заставит сочинителей и издателей понижать цены на свои книги. В настоящее время значительным расходом пользуются у нас немногие журналы, которые успели приобрести более или менее справедливую известность, некоторые произведения изящной словесности и учебники, принятые в руководство в гимназиях, институтах и корпусах, и в редких случаях можно пожаловаться на их дороговизну.

Но кроме того, на дороговизну книг оказывают влияние и другие, не менее существенные обстоятельства. Ценность всякой книги зависит, во-1-х, от количества типографских расходов и от цен на бумагу. В три последние года, с большею свободою, данною печатному слову, появилось много новых журналов и вообще печатание значительно усилилось, прежние типографии оказались недостаточными и цены в них за набор и отпечатание поднялись (в Москве с 8 до 11 и 12 рублей с листа). Заведены были новые типографии, но это не поправило дела, потому что числа наборщиков нельзя было увеличить скоро и по призыву; пока не подрастут и не выучатся взятые в типографии мальчишки, старым наборщикам

приходится платить довольно высокую заработную плату. Конечно, это обстоятельство имеет временное значение, и сила его мало-помалу будет ослабевать, но теперь оно не может не содействовать увеличению цен на книги.

Во-2-х, ценность книг зависит от количества процентов, уступаемых издателем книгопродавцу. У нас принято уступать не менее 20% с книг и 10% с журналов; исключение весьма редки, и сколько нам известно — только сочинения Пушкина, Гоголя и С.Т.Аксакова охотно разбирались книгопродавцами с уступкою 10%. Полтора года тому назад г. Щепкин стал брать на комиссию книги из 10%, а журналы из 5%, но его добрый пример не нашел подражателей и произвел то, что другие книготорговцы нашли для себя более выгодным покупать новоизданные сочинения на чистые деньги с уступкою от 20 до 30% (смотря по количеству покупаемых экземпляров), нежели брать их на комиссию из 10%. Сочинители и издатели, желая скорее выручить затраченный капитал, легко соглашались на подобные уступки, тем более, что отдавать издание на комиссию можно только весьма немногим книгопродавцам, заслужившим такое доверие. Бывали случаи, что за отданные на комиссию книги долго приходилось ждать расчета после их распродажи; бывали и такие случаи, когда издатель вовсе лишался книг без всякой уплаты. Покойный Фролов, напечатав перевод 1-го тома "Космоса", отдал значительную часть экземпляров этого издания на комиссию одному петербургскому книгопродавцу и не получил ни книг, ни денег; впоследствии, имея в виду подарить кому-нибудь экземпляр своего перевода, он сам покупал собственные книги по возвышенной цене. Многие думают, что уступка 20%, требуемая книгопродавцами, слишком велика. Но кому хоть сколько-нибудь знакомы условия нашей книжной торговли, тот найдет, что едва ли можно довольствоваться меньшею уступкою: из этих денег книгопродавец должен уплачивать за право торговли, за наем и содержание лавки, приказчика и нескольких мальчиков, за постоянное печатание объявлений о поступающих в продажу книгах и за корреспонденцию; из этих же денег должен он вознаградить себя за труд и получать определенные проценты на свой капитал, затраченный им для приобретения книг. Если мы примем в расчет, как медленно и в каком малом числе расходятся у нас многие из книг, то поймем, почему книгопродавцы так упорно стоят за 20% уступки и так неохотно берут большое количество экземпляров новой книги на чистые деньги: вчастую ограничиваются они одним или двумя десятками экземпляров. Книжная торговля в этом случае решительно не может идти в сравнение ни с какою другою торговой операцией, где скорый и достаточный сбыт, ручаясь за верные барыши, позволяет довольствоваться гораздо меньшими процентами.

Остановим внимание на книжных объявлениях. Необходимость их слишком очевидна; нужно, чтоб сведение о всякой вновь вышедшей книге дошло до возможно большего круга читающей публики, и потому чем чаще, своевременней и обстоятельней делаются объявления, тем оживленнее бывает ход книжной торговли. За границею существуют для этого особые библиографические журналы; у нас же, строго говоря, нет ни одного подобного издания. Попытка книгопродавца Смирдина издавать "Библиографический листок" не удалась; библиографические же

сведения, разбросанные по разным журналам, весьма неполны и более или менее случайны*. У иностранных книготорговцев принято за правило: на обертках своих собственных изданий печатать известия о различных книгах, находящихся у них в продаже; у нас нет и этого обыкновения, потому что книготорговцы наши редко бывают издателями; большую часть сочинитель есть вместе и издатель своего литературного или учебного труда. Правда, книгопродавческие каталоги выходят и у нас в довольном количестве, но они мало распространяются в публике и, должно признаться, составляются очень плохо. Каталоги эти служат самым лучшим доказательством того, как мало сведущи в своем собственном деле и вообще как малообразованны многие и многие из наших книгопродавцев, что без сомнения должно вредить успехам книжной торговли. Поступая в лавку или магазин, литературное произведение справедливо рассматривается как товар; но ведь во всяком случае купец обязан же знать достоинство и недостатки своего товара. Отчего же в книжном деле позволительно ограничиваться ничтожным знанием одних заглавий, тогда как, торгуя мылом и свечами, считают за необходимое знать действительную доброту этих товаров?..

Объявления о книгах, поступающих в продажу, вернее всего печатать в Московских и С.-Петербургских Ведомостях, потому что эти газеты расходятся в наибольшем количестве экземпляров по всей России; сюда действительно и обращаются чаще всего наши книгопродавцы со своими объявлениями, платя С.-Петербургским Ведомостям по 7,5 копеек с дюйма, а Московским по 1/3 копейки с буквы и цифры за один раз, по 1/2 копейки за два раза и по 2/3 копейки за три раза. Цены эти признаем мы слишком высокими и едва ли выгодными для тех мест и лиц, которым принадлежат означенные издания. Понижение платы в данном случае несколько не уменьшило бы доходов издания, а разве умножило бы их, ибо с уменьшением цен за печатание объявлений число последних непременно и значительно должно умножиться и самые объявления будут печататься полнее и обстоятельнее. Доказательством тому могут служить Московские Полицейские Ведомости, которые за напечатание объявлений взимают с буквы или цифры 1/7 копейки и вследствие того пользуются от объявлений несравненно большими выгодами, нежели вышеназванные издания. Ну что ж, скажут нам, надо печатать книжные объявления в Полицейских Ведомостях, чтобы таким образом сократить по возможности значительный расход, требуемый книжными публикациями. Дело, однако, в том, что Полицейские Ведомости расходятся только между жителями той и другой столицы, для которых, собственно, и назначаются; в другие же города мало или почти вовсе не выписываются, и напечатанное здесь объявление о книге никогда не дойдет до иногородних читателей. Но даже если бы от понижения платы за книжные объявления понизился доход С.-Петербургских и Московских Ведомостей (чего быть не может), то и в таком случае необходимо ее понизить в видах распространения образования — цель, для которой,

* Библиографические росписи императорской Публичной библиотеки, печатавшиеся при Отецеств<енных> записках, к сожалению, с некоторого времени более не появляются.

собственно, и учреждены академия и университет, коим принадлежат названные нами газеты.

Разнесся было слух о намерении петербургских и московских книгопродавцев взамен отдельных объявлений издавать на общий счет библиографический листок, в котором бы помещались адреса книжных лавок и сведения о находящихся в продаже и вновь выходящих книгах; листок предполагалось рассылать бесплатно подписчикам С.-Петербургских и Московских Ведомостей, при самых этих изданиях. Мысль прекрасная, потому что, действуя сообща, книгопродавцы не имели бы нужды каждый от своего имени публиковать об одной и той же книге, что значительно сократило бы их издержки. Но слух этот оказался несостоятельным, да и трудно было поверить возможности такого явления — при известном отсутствии доверия и единодушия между нашими книготорговцами.

Для иногородних стоимость книги увеличивается еще платою за ее упаковку и пересылку, и увеличивается значительно, так что книга в рубль — с пересылкою обыкновенно стоит полтора. Цены за отправление посылок назначены почтамтом различные, смотря по расстояниям, и потому книгопродавцы при назначении пересылочной платы большею частью принимают в расчет самое дальнее расстояние; присоедините сюда 5 копеек за объявление и те мелочные расходы, которые следует заплатить за холст, нитки, сургуч, за извозчика, и взвешивание посылки в почтамте — и тогда поймете, отчего пересылочная плата так высока. Впрочем, не раз случалось замечать нам, что у разных книгопродавцев назначались и разные цены за пересылку одной и той же книги: у одного больше, у другого меньше; такое различие ясно указывает, что некоторые из них желают эту статью обратить в доходную для себя. В настоящее время есть единственный способ избежать высокой пересылочной платы — это выписывать разом большое количество книг; но и тут, к сожалению, не все книгопродавцы публикуют, что в этом случае берут они за пересылку по весу за все книги разом, а не отдельно за каждую. Между тем нет ничего легче, как устроить дешевую пересылку книг; стоит только ввести те правила, какие давным-давно с пользою существуют за границею, именно: допустить пересылку книг и журналов за бандеролью, без всякой упаковки, с платою возможно невысокою и равною для каждой отдельной книжки и брошюры, несмотря на близость и дальность расстояний. Понижение и уравнивание платы за отправку журналов и писем значительно увеличило <бы> доходы почтамта; то же вызовет подобная мера относительно пересылки книг и брошюр. К чему эта ненужная упаковка? Скажут: некоторые дороги наши так дурны, что без этого нельзя обойтись. Но ведь посылаются же периодические издания в простом бумажном конверте и все-таки благополучно достигают своего назначения! Теперь, когда приложено так много забот об улучшении путей сообщения, менее всего можно помириться с приведенным нами возражением.

В заключение мы должны указать еще на два существенных недостатка нашей книжной торговли: во-первых, на отсутствие кредита и недостаточность сношений между книгопродавцами. В Германии существует обычай, по которому каждый книгопродавец приобретенные им или же на

его счет напечатанные издания рассылает на комиссию в различные города к своим товарищам, без всякого с их стороны требования, а эти, в свою очередь, снабжают его своими собственными изданиями; счета сводятся по окончании года. При этом представляются две выгоды: всякая новая книга тотчас по напечатании является во всех значительных торговых местах, а книготорговцы избегают излишней переписки и частой пересылки денег. У нас не то; пока узнает книгопродавец о существовании книги, вышедшей в губернском городе, пока рассчитает, сколько экземпляров можно выписать без риска (для этого обыкновенно *поджидает* он, будет ли спрашиваться новая книга и много ли явится на нее охотников), пока наконец соберется написать о ее доставке — пройдет довольно и довольно времени. Еще между петербургскими и московскими книгопродавцами есть кой-какие связи, и книги, напечатанные в одной из столиц, скоро сообщаются в другую, но книга, вышедшая в Одессе, Киеве, Харькове, часто совершенно недоступна для покупателя, проживающего в столице, даже иной раз не допросишься выписать ее на свое имя. Результатом такого состояния торговли бывает то, что читатель, очень хорошо ведая о существовании необходимой ему книги, не может ее приобрести, издатель жалуется на равнодушные публики, а книжная торговля лишается следующих ей барышей*.

Другой недостаток заключается в том, что у нас нет достаточно образованных и сведущих книгопродавцев, которые посвятили бы себя торговле старыми книгами, разузнавали бы о старых рукописных и печатных сочинениях и были бы готовы дать о них сведения охотнику, которые принимали бы заказы от желающих приобрести то или другое давно вышедшее из обыкновенной книжной торговли издание, словом, были бы постоянными посредниками между учеными и библиофилами, с одной стороны, и людьми, желающими почему-либо сбыть доставшуюся им старинную библиотеку, с другой стороны. Букинисты наши, торговцы Сухаревой башни, Смоленского рынка и Щукина двора, далеко не вполне удовлетворяют этой потребности; они не имеют для того ни достаточного запаса сведений, ни достаточных средств. Тем не менее большое и искреннее им *спасибо*; своими розысками они много частных библиотек пополнили редкими и необходимыми изданиями, и я не знаю, как бы сумели обойтись без их помощи наши археологи и библиографы, особенно в Москве, где до сих пор нет даже публичной библиотеки.

ЖУРНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В наш практический и деньголюбивый век, наряду с другими промышленными предприятиями, открыто еще одно, обещающее в скором времени развиться до изумительных размеров. Предприятие это очень просто: если вы чувствуете в карманах ваших пустоту и желаете, без дальних хлопот, хотя на время устранить эту маленькую неприятность, то, поверьте, нет лучше средства, как приняться за издание журна-

* В Русской Беседе, 1858 г., № 4, высказана Смоляром дельная и практическая мысль об устройстве в Москве центральной книжной торговли, по образцу лейпцигской, с учреждением постоянных комиссионерств; но кто из наших книгопродавцев и чем отозвался на это живое слово?..

ла, т. е. не то чтобы в самом деле издавать журнал (Боже вас упаси); довольно придумать какое-нибудь громкое заглавие, напечатать заманчивое объявление и надавать тысячи роскошных обещаний, которые ни в каком случае исполнять не следует; собрав с публики деньги, можно выдать ей один или два тощих и никуда не годных номера и затем умолкнуть, не обращая ни малейшего внимания на требования неугомонных подписчиков.

На такое размышление навели нас нижеследующие факты, которые не худо заявить печатно, для общего сведения. В прошлом году *Мода* и *Общезанимательный вестник* выдали только половину обещанных номеров и затем спокойно прекратились. Долго ожидали мы от редакторов расчета и объяснений и не дождались ни того, ни другого. В начале нынешнего года скончались еще два журнала: *Весельчак* и *Живописный сборник*; издатель их г. Плюшар также не объяснился с публикою по этому вопросу и подписчики также не получили обратно следующих им по расчету денег. Недавно прочли мы совершенно справедливые жалобы на г. Оже, издателя журнала *Светопись*, которые не станем повторять здесь; желающие могут прочитать их в № 90 "Московских ведомостей" (стр. 680).

В январе 1857 года появилось объявление об издании в Киеве гг. Сементовским и А.Гаммершмидтом *Галереи киевских достопримечательных видов и древностей*. "Галерея, — сказано в этом объявлении, — будет выходить по две тетради в месяц, каждая тетрадь с двумя картинами, отпечатанными в два тона на превосходной бумаге; подписная цена за 24 выпуска с 48 рисунками назначена с пересылкой 12 р. сер."

В начале настоящего года напечатано в "Северной пчеле" от г. Сементовского новое объявление об издании Галереи киевских видов в 1859 году, здесь было сказано: "В издании Галереи за 1857/8 год в 24 тетрадях помещено (то-то и то-то). Согласно первоначальной программе, при 24 тетрадях находятся 48 картин. Лестные отзывы об издании Галереи, помещенные в русских повременных изданиях и некоторых иностранных (?), свидетельствуют о достоинстве этого издания", несколько ниже: "Издание Галереи за 1857/8 год можно получать по объявленной цене". При чтении этих строк нам и в мысль не приходило, чтобы можно было так положительно говорить о действительном существовании тетрадей и рисунков, еще вовсе не изданных и существующих разве в пылком воображении г. редактора. Не допуская возможности такого слишком наглого обмана, мы подписались на "Галерею" 1857/8 года через книжный магазин Н.М.Щепкина. Деньги были высланы в редакцию, но долго пришлось нам ожидать присылки киевского журнала, и дело не обошлось без хлопот и неприятной переписки. Наконец, после двух-или трехмесячного ожидания Галерея получена; но вместо 24 тетрадей оказалось только семнадцать, из которых большая часть состоит из одного печатного полуплиста; вместо 48 рисунков оказалось двадцать один, и то весьма плохие; с 12-й тетради приложение рисунков совсем прекращается. Будут ли доданы остальные номера и картины? — Мы сильно сомневаемся. Между тем г. Сементовский объявил подписку на издание Галереи в 1859 году и уже выдал первый номер с обещанными рисунками. Не лучше ли, г. редактор, вместо принятия на себя нового обязательства, выполнить

наперед прежнее перед подписчиками 1857 и 1858 годов, — если не из сознания, что всякое дело требует добросовестности, то хотя в награду за их долготерпение. Коммерческий расчет ваш, конечно, нуждается в новом сборе подписной платы; но ведь не всегда удается в другой раз то, что так хорошо удалось впервой...

Заявленные нами факты тем более неутешительны, что подрывают доверие публики и к другим периодическим изданиям, и к самим книгопродавцам.

ИЗ ПИСЕМ

1. *Е.И.Якушкину. Из Москвы в Ярославль. 19 февраля 1860 г.*

Говоря о книжной торговле, ты упомянул о "Пустомеле", но не прибавил, из скольких месяцев состоит приобретенный тобою экземпляр? Сличика-ка твою находку с описанием экземпляра, который был в моих руках (см. в конце книги: Рус<ские> сатир<ические> журналы) и уведоь меня. Может журнал этот состоит из 2 выпусков: тогда находка для библиографов будет не лишена интереса.

2. *Е.И.Якушкину. Из Москвы в Ярославль. 22 декабря 1860 г.*

Переписка Петра В<еликого> с Екатериною окончена. Цензурных пропусков — два-три, да и то такие, которых уж нельзя было избежать ради целомудрия нашей публики. Я сберег для тебя экземпляр корректуры и при случае перешлю. 2-й том Лермонтова вышел, но я изданием недоволен; Дудышкин не всем воспользовался, на что было указано в Биб<лиогр<афических> записках, а биография поэта уместилась у него на нескольких страничках, жидка и бесцветна. Хоть бы потрудились собрать и свести воедино, что было обнародовано Меринским и другими. Кстати, о Биб<лиогр<афических> зап<исках>. Ефремов прислал Касаткину статью о сочинениях Филарета; в чем она — не ведаю, но, вероятно, она попадет в первые номера журнала.

3. *Е.И.Якушкину. Из Москвы в Ярославль. 27 августа 1861 г.*

Касаткин, по возвращении из своего путешествия, повествует нам о Валааме, где архимандрит не пустил его в монастырскую библиотеку: ступай-де прежде, да отстой обедню; повествует он слогом Карамзина, так что рассказ всем нам напомнил Марфу-посадицу, особенно эту фразу: Народы дикие любят независимость, народы просвещенные любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Все это мы (сиречь я, грешный, Кетчер, Шумахер и пр<очие>) изъяснили ему, в бытность нашу в деревне у Николая Щепкина, но таинственный незнакомец рассердился. Вот поди же хвали после этого людей! Я добыл для Биб<лиогр<афических> записок преинтересные материалы (письма Державина, Шувалова, протоколы первых академических заседаний и дело Радищева), но боюсь, чтобы они под руками Касаткина и Гилярова не утратили своей девственной чистоты.

4. *М.Ф.Де-Пуле. Из Москвы в Воронеж. 12 ноября 1858 г.*

О Радищеве я уже думал, но дело очень щекотливое в цензурном отношении: на первый раз пушу выписки из известной его книги, по поводу статьи Пушкина о Радищеве; к прозе Пушкина приготовлены очень любопытные дополнения и исправления, по его собственноручным

рукописям. Тут надо было коснуться и статьи о Радищеве и его книге. Разумеется, отзыв Пушкина не выдерживает критики; в его заметках о вопросах, поднятых Радищевым, слишком выглядывает камер-юнкер, за что поделом ему и достанется. Но цензура, цензура! Не знаю, как улажу с нею. На днях еще каким искажением предала она послание Невзорова (в 21 № Библиографических записок), но я все-таки настоял, чтобы что-нибудь да пропустили, а не совсем бы запрещали. Сами увидите, что за интересный материал.

5. *М.Ф.Де-Пуле. Из Москвы в Воронеж. 21 мая 1860 г.*

“Легенды” мои запрещены III отделением, во власти которого очутилась наша цензура, сделавшаяся в последнее время (особенно в Москве) крайне стеснительною. Порядочных цензоров здесь разогнали, а на место их набрали идиотов и скотов в образе Прибыля и Росковшенко <...> При таких условиях я не мог бы издавать Библиографические записки и рад, что обстоятельства заставили приостановить их.

6. *М.Ф.Де-Пуле. Из Москвы в Воронеж. 21 октября 1860 г.*

Возобновление Библиографических записок не принадлежит мне; я вовсе не думал и не имел возможности воротиться к ним так скоро. За издание взялся (разумеется, с моего согласия) мой хороший знакомый Виктор Иванович Касаткин, человек весьма хорошо образованный и любитель библиографии. На него можно положиться, и я верю, что издание пойдет в прежнем направлении и не будет лишено интереса. Что касается лично меня, то я буду только доставлять в Записки изредка некот<орые> замечания, да имеющиеся у меня неизданные материалы — тем роль моя пока и ограничится.

7. *П.П.Пекарскому. Из Москвы в Петербург. 23 сентября 1858 г.*

Вы жалуетесь на цензурные шалости; у нас эта богомольная дура делает выходки почище. Крузе взял отпуск на месяц, и теперь дали нашим журналам нового цензора, некоего Капниста, который, если бы можно, запретил бы “Ябеду” своего однофамильца: такое дрянцо, что не уступит Бессомыкину, Фрейгангу и прочей братии, подвизающейся на поприще литературной полиции. Этот кварталный московской журналистики похерил у нас почти целый номер, и вот причина невыхода “Записок” к сроку. А какая была набрана статья! Вы просто облизали бы себе пальчики и раза два, три причмокнули: так сладко! Это преинтересное послание Невзорова, касающееся его собственной биографии, Дружеского общества и мasonicства в Москве. Материал, еще никому неизвестный! <...> Посылаю вам с Геннади три крошечные книжечки, сиречь сатирические журналы.

8. *П.П.Пекарскому. Из Москвы в Петербург. 17 марта 1862 г.*

“Библиографические записки” опять приостанавливаются — до более удобного времени. Была здесь мысль о составлении библиографического общества, от лица которого мог бы продолжаться журнал, но увы, с нашими библиографами, каковы Соболевский, Ундольский и прочие таковые — далеко не уедешь. У меня давным-давно свербят руки взяться за перо и составить едкого свойства заметку о бесполезности библиографов, не видящих ничего далее формата книги, года и места печатания; да боюсь, что ввиду других интересов подобная заметка покажется желанием поднять бурю в стакане воды.

Портрет второй
РОК СЕМЬИ ПОЛУДЕНСКИХ

Декабрист Михаил Сергеевич Лунин был предусмотрительным человеком. Совсем еще молодым, тридцати двух лет, он составил духовное завещание, по которому в случае его смерти все имущества и крепостные переходили к двоюродному брату Н.А. Лунину с тем, чтобы он дал крестьянам волю.

Сам декабрист сделать этого тогда не мог: имение было обременено долгами, с которыми его владелец расплатился лишь к весне 1825 года (завещание же было составлено в 1819-м). Среди фамилий близких друзей, засвидетельствовавших документ, мы видим и подписи Никиты Муравьева и Петра Полуденского.

Биограф Лунина С.Б.Окунь полагал, что Полуденский был привлечен к этому довольно сложному делу как "законник". "Не случайно в числе свидетелей второй редакции значится П.С.Полуденский, директор Ссудной кассы*, впоследствии сенатор, хорошо разбиравшийся в юридических вопросах"¹, — пишет исследователь. Можно добавить, что Полуденский пользовался в Москве репутацией человека безупречной честности,

* Точнее казны (Л.Р.).

рыцарского благородства. Но не только это заставило Лунина просить его быть свидетелем, они были друзьями и родственниками. Петр Семенович Полуденский был женат на Елене Александровне Луниной, родной сестре Николая Лунина, которому декабрист завещал свое имение.

После ареста и "гражданской смерти" Михаила Сергеевича Н.А.Лунина и П.С.Полуденский принадлежали к тем немногим родственникам декабристов, которые не побоялись действовать в пользу осужденных и старались выполнить волю завещателя.

Им это не удалось: имение досталось сестре декабриста Е.С.Уваровой. В свое время брат обошел ее в своем завещании: боялся, что его крестьяне попадут в руки ее мужа, "черного Уварова". Желая получить этот лакомый кусок, Уваров заявил (неоспоримый аргумент в глазах властей!), что завещание не имеет силы, так как писано государственным преступником: Лунин уже в 1819 году был членом тайной революционной организации. Но пока шла эта тяжба, Уваров исчез: 7 января 1827 года он вышел из дома — и больше никто никогда не видел его.

Михаил Лунин принадлежал к младшей ветви знатного рода Луниных, Николай Александрович — к старшей. Он владел родовым имением Богородским, пожалованным их общему предку "Ивашке" Лунину при Василии Ивановиче, отце Ивана Грозного. После смерти декабриста и бездетного Николая Александровича это имение перешло к Елене Александровне Полуденской, а затем к ее детям. Кроме великолепной библиотеки там хранился богатейший семейный архив. (Род Луниных пресекается смертью обоих кузенов.)

У четы Полуденских было шестеро детей — две дочери и четыре сына. Казалось, этому роду суждено длительное продолжение. Но оборвался он уже на их детях. Сыновья друг за другом заболели наследственной чахоткой и умирали. Старший, Александр, одаренный, блестяще образованный юноша, подававший большие надежды, умер в 28 лет; следующие за ним Сергей и Николай прожили немногим больше. Самый "долгий" век был уготован герою настоящего очерка Михаилу Петровичу Полуденскому — он прожил 39 лет, пережив смерть братьев и горячо любимой молодой жены, которую унесла та же болезнь. Имущество братьев (в том числе библиотека) досталось младшему, но недолго он пользовался им! Сын захудалого дворянина (за которого, впрочем, выдал свою дочь важный екатерининский вельможа), М.П.Полуденский умер человеком богатым, богатым и в библиофильском смысле слова.

Михаил Петрович Полуденский родился в 1829 году; учился в Московском университете на историко-филологическом факультете; после окончания поступил на службу в Главный архив Министерства иностранных дел, где познакомился с А.Н.Афанасьевым и стал вместе с ним издавать "Библиографические записки". Какова была его роль как редактора, установить очень трудно. Судя по переписке Афанасьева, все внешние сношения — переписка с авторами, война с цензурой — делались без активного участия Михаила Петровича, не склонного к подобного рода делам, замкнутого и даже несколько чопорного.

Близко знавший его С.М.Загоскин, младший сын известного писателя, вспоминал: "Высокого роста, чрезвычайно худой, некрасивый, с рыжеватыми волосами, он походил более на англичанина, чем на русского,

но под эту как будто холодную наружность у него было теплое русское сердце, преисполненное любви к родине и к своему ближнему. Вскоре после нашего знакомства мы близко сошлись, чему я немало был удивлен, так как наши вкусы, характер и образование были совершенно различны: Полуденский не любил общества, был серьезен и не только многосторонне образован, но и учен — я же жаждал общества, веселья и не был вовсе образован. Несмотря на то, мы сделали искренними друзьями”². Холодная, ”английская” внешность Полуденского многих вводила в заблуждение; естественно, что такого человека нельзя было посылать к невежественным цензорам. Видимо, он занимался непосредственно редактурой, которая в изданиях подобного рода требует значительной историко-архивной и библиофильской эрудиции. Этим он обладал. ”Старики” — С.А.Соболевский, С.Д.Полторацкий — именно его считали редактором ”Библиографических записок” и предпочитали как авторы иметь дело с ним, а не с его активными и энергичными товарищами. Из публикуемого в этом сборнике письма известного ученого-слависта А.А.Котляревского видно, что и в академических кругах именно Полуденского считали наиболее подходящей кандидатурой на пост редактора специального издания. Да и сам Михаил Петрович тянулся к библиофилам старшего поколения и был кем-то вроде связующего между ними и собственным кругом ”Библиографических записок”. Из его переписки мы узнаем, что он был посредником между Лонгиновым и Афанасьевым, когда последнему для переиздания понадобился экземпляр ”Пустомели”, имевшийся только в лонгиновской библиотеке. Раз за сохранность ручался Полуденский, то любая библиографическая редкость одалживалась без малейших колебаний. Как и его отец, Михаил Петрович был и слыл безупречным человеком. Впрочем, надо сказать, что благородная традиция взаимовыручки и обмена сведениями и изданиями была широко распространена среди книжников середины века.

На страницах ”Библиографических записок” Полуденский поместил множество небольших, но весьма содержательных заметок и несколько важных публикаций из своего архива³. Интересы его, как и других редакторов журнала — Афанасьева и Касаткина, сосредоточивались преимущественно на восемнадцатом веке. В этом столетии, еще очень слабо изученном в середине XIX века, Полуденского привлекало буквально все — литература, общественная мысль, народные движения, раскол и масонство. Особую страсть, как и многие библиофилы молодого поколения, Михаил Петрович питал к высоко им почитаемому Н.И.Новикову. В его библиотеке хранилась редчайшая брошюра, нечто вроде пригласительного билета на открытие Дружеского ученого общества. Ее он опубликовал полностью, доставив тем несказанную радость книголюбам, увлекавшимся восемнадцатым столетием. Надо полагать, что этот уникум был в семейной библиотеке Луниных. Дед Михаила Петровича по материнской линии хоть и был обласкан императорским двором, но вполне мог оказаться союзником Новикова и во всяком случае человеком просвещенным, которого тот пригласил на открытие Общества и на содействие которого безусловно рассчитывал. Но то, что было обиходной вещью во времена дедов, внуками ценилось уже как библиографический раритет.

Служба в архиве дала Полуденскому возможность ознакомиться с редкими (порою и секретными) документами. Нет сомнения в том, что он, так же как и Афанасьев, снимал для себя копии всевозможных бумаг. В архиве имелась и превосходная библиотека. В настоящем сборнике читатель найдет статью Полуденского "Львовские Евангелия XVII века", библиофильское исследование, сделанное по редчайшим экземплярам, находившимся в библиотеке архива. Перейдя в 1869 году на службу в Московскую дворцовую контору, Полуденский и тут не теряет времени даром, — он изучает богатейший архив Кремля и собрание старинных книг. Результатом этих штудий стали статьи и публикации, напечатанные им в различных изданиях: "Беседы в Обществе любителей российской словесности", "Русском архиве", "Чтениях в Обществе истории и древностей российских" и т.п.

Большое значение для знакомства европейских книжников с историей русского печатного дела имели статьи Полуденского, регулярно появлявшиеся в "Бюллетене букиниста", издававшемся в Париже книгопродавцем Обри. Среди них выделяется опубликованный там в феврале 1865 года труд, посвященный первой книге, напечатанной в Москве⁴. Работы Полуденского несколько суховаты по изложению; в них нет ни иронии, которой проникнуты многие статьи Афанасьева, ни того библиофильского любования книгой, которое присуще трудам Лонгинова, ни публицистического накала выступлений Ефремова и Якушкина; он везде ровен, спокоен, даже бесстрастен. Но безусловную точность трудов Полуденского высоко ценили ученые.

Эти свойства Михаила Петровича сделали его и незаурядным библиографом. Две выполненные им библиографические работы и ныне могут считаться образцовыми. Это — указатель к "Вестнику Европы" (1802—1830), в котором каждая запись сопровождается аннотацией, а порою и кратким извлечением (чем-то вроде реферата), раскрывающим содержание многочисленных статей этого важного для развития русской литературы и общественной мысли издания, и "Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии в "Московском вестнике" (1827—1831). Выбор журналов был не случаен. Первый представлял собой, если можно так выразиться, памятник карамзинской эпохи, второй — пушкинской. Аннотации, составленные Полуденским, были так хороши, что их впоследствии использовал в своих работах В.И.Межов, порою полностью перепечатывая их⁵, без ссылки на автора, но это довольно обычное явление: библиографический труд как бы не считался авторским.

Весьма деятельно сотрудничал Михаил Петрович Полуденский в возрожденном в 1858 году Обществе любителей российской словесности при Московском университете. Принятый по рекомендации Г.Н.Геннади, Полуденский вскоре уже занимает ответственную должность секретаря, а затем с 1861 по 1868 год — казначея. Под его редакцией вышли изданные Обществом Стихотворения А.Ф.Мерзлякова (М., 1867). Когда Общество любителей российской словесности задумало создать большой коллективный труд — словарь русских писателей, Полуденский вошел в редакторский коллектив этого издания.

Вскоре Михаил Петрович умер. А словарь так и не был составлен. Может быть, проживи Полуденский подольше, благодаря его обязатель-

ности и серьезнейшему отношению ко всякому порученному делу, члены общества, среди которых были большие знатоки, внимательнее отнеслись бы к этому труду и составили такой нужный справочник.

В немногочисленных заметках о Полуденском, рассеянных по словарям и энциклопедиям, содержится фраза, начинающаяся словами: "Имея хорошую библиотеку..." Однако никаких конкретных сведений о ней нет. Попытаемся реконструировать ее состав на основе косвенных данных.

Начнем с предположений. Дед и прадед Михаила Петровича по материнской (лунинской) линии были просвещенными людьми; они покупали книги. О его предках по отцовской линии вообще ничего не известно. Так как к Михаилу Петровичу в конце концов перешло все имущество семьи (даже двух семей), то можно не сомневаться, что были здесь и книги XVIII века, приобретенные его предками. Дед Полуденского Александр Михайлович и прадед Михаил Киприянович Лунины были людьми достойными, видными. В "Русском архиве" опубликована (Полуденским) их переписка с известным екатерининским вельможей А.И.Бибиковым, который обращается к ним как к равным⁶. Видимо, их коснулась хотя бы мода на составление библиотек, характерная для того времени. Книги же в XVIII веке сохранялись бережно и передавались от отца к сыну.

Эти соображения заставляют нас предполагать, что Михаил Петрович имел наследственную библиотеку. Но он и сам всю жизнь собирал книги. У современников Полуденский пользовался репутацией крупного библиофила. Книжниками были и его старшие братья – Сергей и Николай. Первый несколько лет заведовал библиотекой Московского университета и произвел там ряд важных преобразований: в частности, сделал ее более доступной для посторонних читателей. Это было крайне важно в те годы, когда в Москве не было публичной библиотеки. Таким образом, вся семья любила и ценила книгу. Тот же Загоскин, которого мы уже цитировали, рассказывает: "Прожив у Полуденских более месяца (после смерти отца. – Л.Р.), я нанял во флигеле их дома, выходящем в Лебяжий переулочек, маленькую, но поместительную квартиру, из которой был прекрасный вид на Замоскворечье. Уютно устроившись в ней, я не мог, по малому размеру довольно низких комнат, поместить библиотеку отца в больших книжных шкафах и счел удобным, до поры, до времени, свалить все книги на пол в одну комнату, загромоздив ее почти до потолка. Поступок этот, свидетельствующий о недостатке моего образования и пренебрежении к книгам, привел в негодование Михаила Полуденского. Он сильно распек меня, назвал неучем и невеждою и сам привел в порядок все разбросанные книги, поставив их без шкафов, вдоль стен одна на другую, и вместе с тем взял с меня слово, что впредь я не буду так варварски обращаться с моею довольно ценною библиотекою"⁷.

В этом бесхитростном рассказе хочется обратить внимание читателя на поведение Полуденского. Истинный библиофил, он не только поучает легкомысленного товарища – он распространяет вокруг себя атмосферу любовного отношения к книге и как к предмету материальной культуры, и как к вместилищу человеческого духа. Библиофил не только по призванию, но и в повседневной жизни, Полуденский мог у многих воспитать (и вероятно воспитал) истинную любовь к книге. В отличие от таких светских людей, как Лонгины и Геннади, которые, будучи первоклассными

знатоками и собирателями книги, в быту не отличались от других людей их круга, Полуденский всегда и везде вел себя как книжник, чуждый суетных удовольствий, ставил превыше всего духовные блага. Если можно считать, что библиофил середины XIX века – это определенный культурно-исторический и социально-психологический тип, то в лице Полуденского мы имеем типичного представителя этой категории.

Во второй половине 1850-х годов братья Сергей и Николай Полуденские сообща купили библиотеку разорившегося купца П.О.Хрусталева*. Это был книготорговец, сначала – комиссионер университета св. Владимира в Киеве, затем – комиссионер Московского университета, открывший при нем книжную лавку. В это время с ним и познакомился Сергей Полуденский, в 1850–1857 годах заведовавший университетской библиотекой. Очевидно, большинство книг покупалось через Хрусталева. В 1856 году кончился контракт его с университетом и он переехал на свое старое место, на Театральную площадь. Тут дела пошли все хуже и хуже, и в конце концов он вынужден был прекратить свою торговлю. Заодно пошла с торгов и его личная библиотека: он был не только книгопродавцем, но и собирателем. Можно предположить, что он сам предложил ее Полуденскому как человеку знакомому и безусловно честно-му. Тот купил ее.

Имея совсем небольшие средства, Полуденский приобрел собрание, как мы уже говорили, на паях с братом. Разобрать книги, привести в порядок и дать общую оценку братья поручили младшему, Михаилу, как самому знающему в семье.

Библиотека была довольно велика (правда, еще в 1855 году Хрусталева подарил университету две тысячи томов). "Брат мой Михаил, – писал Сергей своему приятелю, – перевозит купленные мною книги и пишет, что покупка богатая; предлагает 400 рублей сер<ебром> барыша. Но не уступлю"⁸. Сколько стоила сама библиотека, к сожалению, нигде не обозначено, но, очевидно, немало, если младший брат, большой знаток, еще даже не видя ее целиком, уже предлагает такой значительный "барыш". После смерти братьев, умерших вскоре один за другим, и это собрание перешло к Михаилу Петровичу.

Таким образом он оказался владельцем значительных книжных богатств: наследственная библиотека Луниных, библиотека Хрусталева и собственная его библиотека, скомплектованная из самых отборных изданий. Как свидетельствуют современники, наиболее полно и разнообразно тут был представлен XVIII век: недаром Полуденский считался крупнейшим знатоком книг этого столетия, как и Касаткин, Афанасьев и Лонгинов.

В библиотеке Полуденского были не только печатные издания: очень богатым был и ее рукописный отдел. Здесь сосредоточены бумаги нескольких поколений Луниных и Полуденских, да и сам Михаил Петрович приобретал всевозможные рукописи, в особенности относящиеся к масонству и Новикову. Попробуем представить этот важнейший отдел его собрания. Самые старые семейные документы восходят к XVI веку.

* Сергей Петрович Полуденский скончался в 1858 г. Следовательно, покупка библиотеки могла произойти между 1856 и 1858 гг.

Это – опубликованная Полуденским дарственная его предку "Ивашке" Лунину на деревню Туралево (затем переименованную в Богородское) – фамильную вотчину старшей ветви Луниных, также доставшуюся Михаилу Петровичу. Большой интерес представляли и бумаги прадеда и деда, Михаила Киприяновича (крестника Петра II) и Александра Михайловича Луниных. Последний был высокообразованным человеком, знал цену книгам и документам и собрал множество материалов о восстании Пугачева. Будучи членом казанской следственной комиссии, судившей бунтовщиков, он для себя снимал копии наиболее важных официальных (секретных) документов. Так в собрании М.П.Полуденского оказались пугачевские бумаги (частично им опубликованные в различных периодических изданиях, частично сохранившиеся в его архиве – те, что не прошли сквозь цензурные рогатки).

Мы уже говорили о том, что Полуденский испытывал особый интерес к Новикову и тесно связанному с ним русскому масонству. Множество интереснейших бумаг по этому вопросу украшали его архив.

Весьма богат был и рукописный отдел библиотеки, относившийся к XIX веку. Прежде всего это были документы, так или иначе связанные с декабристом М.С.Луниным, память о нем благоговейно хранили в семье. Историкам декабризма известны письма к М.С.Лунину П.С.Полуденского (отца Михаила Полуденского), в которых он называет декабриста "милостивый государь братец Михайло Сергеевич"⁹. Думается, что были и ответные письма и они, конечно, бережно хранились в семье, ведь Полуденский-отец не побоялся в самые страшные времена бороться за завещание брата, а его жена, женщина с твердым характером, с детства дружила с осужденным на каторгу кузеном. Возможно (но тут можно только строить предположения), что братья Полуденские как-то участвовали в распространении "сибирских писем" декабриста. Нельзя забывать и о том, что к Михаилу Петровичу перешел унаследованный его матерью архив Николая Александровича Лунина, который постоянно много лет переписывался с декабристом. Таким образом, декабристские материалы были разнообразно представлены в личном архиве Полуденского.

Очень возможно, что Михаил Петрович имел в копии дневник близкого родственника – Ф.Н.Лугинина (мужа старшей сестры Варвары), где немалое место занимает Пушкин. Записи эти молодой тогда прапорщик Ф.Н.Лугинин вел в Кишиневе, где и познакомился с великим поэтом. Дневник, точнее его "пушкинская" часть, опубликован уже в советское время¹⁰.

Одно из почетнейших мест в архиве Полуденских принадлежало документам, посвященным Герцену. Он был другом старших братьев – Александра и Сергея и постоянно бывал в доме Полуденских. Вот как вспоминает об этом А.А.Фет: "Не помню, по какому случаю я вошел в дом молодых Полуденских. Недавно кончивший курс в Московском университете, А.П.Полуденский был женат на прелестной блондинке (сестре известного публициста Сазонова. – Л.Р.). На скромных домашних вечерах их царил самая изящная простота. Почти каждый раз я заставал в гостиной неистощимого А.И.Герцена, смешившего всех неожиданными остротами. Полуденский сам следил за европейской

литературой, а жена его и молодая свояченица были страстными поклонницами поэзии. Наши небольшие чтения заканчивались прекрасно поданным ужином, а к полуночи все расходилось по домам. Тихим, прекрасным людям недолго суждено было оставаться на земле. Сначала чахотка унесла горячо любимую жену Полуденского, а немного лет спустя и его самого”¹¹.

Михаилу Петровичу в те годы было 16 лет, но можно не сомневаться в том, что его уже допускали в компанию этой блестящей молодежи и он более чем внимательно прислушивался к разговорам. Связь братьев Полуденских с Герценом не прекратилась и после его эмиграции. Доподлинно известно, что Александр навещал А.И.Герцена в Париже в 1847 году, где они постоянно встречались¹². Герцен очень любил молодого человека и прочил ему большое будущее. Видимо, в семейном архиве Полуденских были и герценовские бумаги.

Таким образом, в библиотеке М.П.Полуденского сосредоточились богатейшие документы, отражавшие духовную и общественную жизнь России за несколько столетий. Кроме того, Михаил Петрович и сам записал много интересного, среди его заметок особо примечательны рассказы князя С.М.Голицына. Им записаны и воспоминания отца о своих студенческих годах. Значительны и эпистолярные материалы. Тут письма к М.П.Полуденскому — Я.К.Грога, И.С.Аксакова, П.В.Анненкова, А.М.Жемчужникова, Е.В.Салиас и других лиц — и письма к другим членам семей Луниных и Полуденских. Богато представлены были в собрании Полуденского и автографы русских и зарубежных писателей, вплоть до редчайших. Все это представляло громадную ценность.

Нам особенно хочется рассказать читателю об одной редкости из библиотеки Полуденского, редкости, созданной им самим. Это — маленькая книжка под названием ”Три вторника”, изданная библиофилом в 1867 году в количестве шести экземпляров. Седьмой, собранный из дефектных листов, остался в его библиотеке, остальные шесть были подарены его друзьям. В книге три ”святочных” рассказа, сочиненных либо самим Михаилом Петровичем, либо записанных им со слов брата Сергея, блистательного рассказчика. Эти новеллы называются: ”Леший”, ”Огоньки” и ”Дворник Павел”. Первая построена на фольклорном материале, вторая и третья — ”страшные”. Хорошая проза предваряется задушевным стихотворением:

В память дружбы, в память споров
И гостиней голубой,
В память тихих разговоров
На Никитской, на Сенной
И того, что между нами
На заветных вечерах
Недосказано словами,
Недописано в стихах;
В память маленького круга,
Где, бывало, в поздний час
Вы внимали сказкам друга,
Покидающего вас...

”Три вторника” были как бы прощальным изданием Полуденского — последнего представителя этой фамилии, твердо знавшего, что его участь предрешена, и ожидавшего смерть с необычайной стойкостью.

Нам известен только один экземпляр этой книги, как раз тот, который Полуденский оставил себе. Он был завещан им С.А.Рачинскому, тот подарил его С.А.Соболевскому, а при распродаже библиотеки маститого библиофила в Лейпциге куплен среди других редкостей для Публичной библиотеки, где ныне и находится¹³.

Какова же судьба библиотеки М.П.Полуденского? Удел ее напоминает тот, который выпал на долю другим замечательным собраниям русских библиофилов. Библиотека погибла.

Еще при жизни Полуденский пожертвовал множество книг Рязанской публичной библиотеке (получив в наследство лунинское имение Богородское, он стал рязанским помещиком). Но это собрание, как и сама библиотека, к началу XX века перестало существовать. Во всяком случае, в словаре уроженцев Рязанской губернии, в статье, посвященной Полуденскому, сказано, что он "своими жертвованиями значительно содействовал образованию и открытию публичной библиотеки в Рязани, ныне (1910 г. — Л.Р.) уже не существующей"¹⁴. Сгорела ли она, уничтожили ли ее "благодарные" сограждане, но только эта часть собрания Полуденского пропала. Остальные книги тоже не уцелели. Все свое имущество, в том числе и библиотеку, Михаил Петрович завещал незамужней сестре Екатерине, а та не нашла ничего лучшего, как продать библиотеку с публичного торга. Странный, совершенно необъяснимый поступок. Е.П.Полуденская была культурной женщиной, материально обеспеченной после смерти братьев; к тому же в семье был библиофил — сын старшей сестры В.Ф.Лугинин. Но сестры, очевидно, не ладили (уж очень разными они были), и вместо того чтобы передать библиотеку племяннику, Е.П.Полуденская продала ее. Это было настолько из ряда вон выходящее событие, что С.А.Соболевский, высоко ценивший Полуденского как библиофила, специальным письмом пригласил Я.Ф.Березина-Ширяева на аукцион¹⁵. Кто купил книги, сколько и какие именно — осталось неизвестным. Так и пропала эта великолепная библиотека, собранная тремя, а то и четырьмя поколениями книголюбов. Впрочем, вполне возможно, что хотя бы часть ее выкупил В.Ф.Лугинин. К этому можно добавить, что Михаил Петрович после смерти брата Сергея подарил библиотеке Московского университета 360 томов и 24 рукописи, а еще раньше сам Сергей подарил ей же комплект "Московских ведомостей" за 1805 год.

Гораздо благополучней сложилась судьба архива М.П.Полуденского. Еще при жизни он передал бумаги деда своего А.М.Лунина (и среди них важные пугачевские документы) Румянцевскому музею, а большую часть собранных им рукописных материалов — в Чертковскую библиотеку. Очевидно, уже после смерти Полуденского туда же поступили и его личные бумаги. Ныне это выглядит так: лунинские (пугачевские) бумаги (2000 листов) хранятся в Библиотеке СССР им. В.И.Ленина (в музейном собрании Отдела рукописей). Там же — собрание масонских и некоторых других рукописей и до сих пор не опубликованная тетрадь "Из записок давно прошедшего времени" Н.И.Лунина, любимого кузена декабриста. Остальные бумаги — в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Тут и письма, и автографы, и бумаги отца Михаила Петровича и многое, многое другое¹⁶. Эти богатейшие материалы лишь в небольшой своей части освоены нашей исторической наукой. То же, что

непосредственно связано с библиофильской деятельностью Михаила Петровича (и прежде всего письма товарищей по цеху), не только не опубликовано, но и просто неизвестно исследователям. Можно только надеяться, что столь ярко проявившийся в последние годы интерес к истории отечественного библиофильства будет способствовать изданию важнейших материалов, "пощаженных еще, — как писал Афанасьев, — всесокрушающим временем".

М.П.Полуденский.
ИЗБРАННОЕ

ЛЬВОВСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ XVII ВЕКА

Во Львове, при церкви Успения Божией Матери, с давних времен существовало Братство, цель которого была заботиться об обеспечении церкви и состоявшего при ней монастыря. Оно пользовалось особенным покровительством князей Острожских и во второй половине XVI века Братство достигло мало-помалу высшей степени благосостояния. Посланный во Львов Константинопольским патриархом Иеремиею для укрепления православных в вере антиохийский патриарх Иоаким преобразовал львовское Братство, исходатайствовал ему звание ставропигии, уговорил завести типографию и школу для обучения греческому и русскому языкам. Из этой школы вышло много достойных ученых мужей, так например: Стефан Зизаний, Кирил Транквилион Ставровецкий, Иов Борецкий, Павма Беренда, Гавриил Дорофеевич и др. С самого своего основания типография Братства постоянно занималась изданием славяно-русских книг преимущественно духовного содержания и составляла одну из главнейших статей доходов Братства. После основания в Москве типографии Иван Федоров, вследствие возникших на него преследований за введение книгопечатания, бежал в Польшу, где, принятый радушно, работал в типографии гетмана Хоткевича в Заблудове, откуда переселился во Львов, разлучившись со своим московским товарищем Петром Тимофеевым.

Первая напечатанная во Львове Иваном Федоровым книга была *Апостол*: она начата печатанием в 1573 году и окончена в 1574 году*, и может считаться вторым изданием Апостола, напечатанного им же в Москве. После смерти Ивана Федорова в 1583 году заложенные им еврею Израилю Якубовичу книги вместе с литерами и прочими типографскими принадлежностями присуждены были решением львовского еврейского суда 1584 года в собственность еврею Якубовичу, который все продал львовскому ставропигиальному Братству за 1500 злотых.

Таким образом, типография Ивана Федорова послужила основанием типографии львовского Братства, которая множеством своих изданий так деятельно содействовала распространению просвещения.

Списки книг, напечатанных во Львове, в Братской типографии, содержат довольно много заглавий; в этих списках значатся: Евангелия

* Описание библиотеки графа Толстого, № 18.

1636 года, 1664 года, 1670 года, около 1683 года, 1690 года*. В заглавии первого издания сказано: *Евангелион, сиречь благовестие богодухновенных Евангелист. Благословением святейших патриарх и преосвященного кир Петра Могилы, митрополиты православного, тицанием братства ставроп. храма Успения Пресвятыя Богородицы, в Львове, в лето от создания мира 7144, а от Рождества Христова 1636, августа 20*. Это издание напечатано Михаилом Слезкой, кторый, родом из Литвы, поступил в типографию Братства при ее возобновлении после пожара 1628 года. Как человек деятельный, Слезка получил звание члена Братства и управлял типографией до 1638 года; впоследствии он отделился от Братства и содержал собственную типографию. Заглавие издания 1644 года разнится несколько от первого: *Евангелион, сиречь благовестие богодухновенных Евангелист. Благословением святейших четверопрестольных патриарх, тицанием же и иждивением братства ставропигион храма Успения Пресвятыя Богородицы опасно вторицею издадеся: в Львове, в лето от создания мира 7152, а от рождества Христова 1644, мая 21*. В заглавии издания 1670 года сказано: "*опасно третицею издадеся*".

Эти Евангелия напечатаны в лист (12 и 412 листов). Помета и по листам и по тетрадам, коих 71, внизу. Изображения Господа Вседержителя и Евангелистов и картинки в тексте (числом до 50 в первом издании и до 70 в двух последующих) резные на дереве. На обороте заглавия второго издания находится изображение Воскресения Христова и стихи:

Тем Боже даждь крестоносу братству светлети,
В заповедех ти непорочным пребыти,
Мирно безмятежну жизнь zde препроводити,
И паки грядуща тя в славе видети.

В издании 1690 года находятся изображения Евангелистов и картинки в тексте (числом до 50), резные на дереве Евстафием Завадовым, 1681–1683 годы, и Георгием Иеродиаконом. Заглавие, сходное с предыдущими изданиями, окружено изображениями апостолов, пророков и Успения Божией Матери, внизу написано: Року Божьего 1636. Георгий иеродиакон. На обороте изображение Распятия и стих из Ев<ангелия> Иоанна зач. 61 и подпись: "*Симеон друкаръ*". Подпись 1636 года показывает, что для заглавного листа 1690 года послужила доска первого издания.

Кроме упомянутых четырех изданий в библиотеке московского главного Архива министерства иностранных дел есть еще одно, которое, к сожалению, без заглавного и последнего листа (411 листов). Изображения Евангелистов, резные на дереве Евстафием Завадовым, 1681–1683 годы, те же, которые находятся при издании 1690 года, и до 50 картинок в тексте. Это последнее издание во многом сходно с изданием 1690 года: молитвы напечатаны буква в букву, в них упоминается "Спаси, Господи, владущего нами великого короля нашего Иоанна". В обоих по 50 картинок в тексте, которые почти все отпечатаны с одной доски, знаки бумаги также одинаковы, и, несмотря на такое сходство, есть между ними весьма значительные различия:

* Опис. библ. гр. Толстого, № 84. В Москов. муз. № 104, экземпляр неполный; опис. библ. Царского, № 132. В Москов. муз. № 117; дополн. к опис. старопечат. книг, № 104; Каратаев, № 918, опис. библ. Царского, № 217; Каратаев, № 1007, в Моск. муз. № 237.

Все заставки и украшения разные, не все страницы оканчиваются одними и теми же словами, что указывает на разновременный набор. Заглавные буквы не все отпечатаны киноварью.

Из числа 50 картинок, находящихся в тексте, 39 совершенно сходны, в остальных одиннадцати встречаются изменения, так, например: на 28-м листе исцеление прокаженного; на 30-м листе Иисус исцеляет немого, в описываемом издании библиотеки московского главного Архива министерства иностранных дел Иисус Христос благословляет немого *левою* рукой; ошибка эта в издании 1690 года исправлена. На листах 236 и 331 изображение Богородицы, сидящей с апостолами, различно в обоих изданиях как по объему самой картинки, так и по расположению лиц. На обороте 376-го листа изображено распятие Иисуса Христа; в издании 1690 года находится посередине распятие, ошую и одесную его два разбойника; у креста стоит Матерь Божия, Мария Магдалина и другой ученик Иисуса; внизу напечатано: Георгий иеродиакон, року Божьего 1636. В издании библиотеки московского главного Архива министерства иностранных дел то же распятие окружено множеством лиц, апостолов, жен и воинов, внизу отгиснуто: *1636 г. Илия*. Прочие картинки сходны по содержанию, но в издании 1690 года они обведены узким бордюром. Сличая эти два последние издания, нельзя не прийти к заключению, что издание 1690 года было *пятым* и что между 1670 годом (третьим изданием) и 1690 годом было издание *четвертое*, экземпляр которого, вероятно, находится в библиотеке московского главного Архива министерства иностранных дел и описан в библиотеке Царского № 217 и у Каратаева № 918. К сожалению, все эти три упомянутые экземпляры не полны, и поэтому нельзя с точностью определить год издания, но, судя по подписи года, находящегося на изображении Евангелиста Иоанна, "*1683 год*" можно считать годом издания и четвертым изданием Евангелия, напечатанного львовским Братством.

ПУТЕШЕСТВИЕ КО СВЯТЫМ МЕСТАМ ВАСИЛИЯ БАРСКОГО

Один из замечательнейших пешеходов-путешественников XVIII века, без сомнения, был Василий Григорьевич Барский; он родился в 1702 году, 1 января, в Киеве. Предки его были из Польши, греческого вероисповедания, вышедшие в Малороссию из вольнского города Бара, в 1648 году, по причине бывшего там гонения на исповедующих греческую веру. Первоначальное образование Барский получил в киевских школах. Болезнь ноги принудила его отправиться в Польшу для излечения; он оставил Киев с одним из своих товарищей 20 июля 1723 года и поехал в Польшу, где в начале 1724 года оба поступили в Львовскую иезуитскую академию. Тут провели они немного времени и решились предпринять путешествие через Рим на восток. В апреле 1724 года они пустились пешком через Венгрию и Австрию, были в Вене, Лоретте, местечке Бари, Барлетте и Неаполе и достигли Рима. Здесь Василий Григорьевич расстался со своим товарищем и пошел в Венецию, откуда на корабле отплыл в марте 1725 года в Корфу, Кафалонию, Зант, Хиос, Солунь и на Афонскую гору; в начале 1726 года он возвратился в Солунь, откуда отплыл в Иерусалим. Обошел знатнейшие места Палестины, в апреле 1727 года

прибыл на остров Кипр, а оттуда в Рахит и рекою Нилом достиг Каира и Александрии, прошел через Суэц и Раифу в Каменистую Аравию, на Синайскую гору. В 1729 году он вторично отправился в Иерусалим, обошел всю Сирию и остался в училище трипольском до 1731 года. Желая усовершенствоваться в познании греческого языка, он путешествовал по всем островам архипелага и в начале 1734 года пострижен в монахи в Дамаске антиохийским патриархом Сильвестром, но по желанию своему уволен для продолжения наук на остров Патмос, где пробыл шесть лет. В 1743 году вызван в Константинополь бывшим там русским резидентом Вешняковым, у которого пробыл год, и потом отправился вторично морем на Афонскую гору; здесь находился также около года. В 1745 году ходил в греческие области Эпир, Крит и Ливадию, в половине 1746 года возвратился в Константинополь, где не застал уже в живых Вешнякова, а преемник его Неплюев, по клевете и за смелые слова, сказанные Барским, хотел отправить его под строгим надзором в Россию, но Василий Григорьевич оправдался и возвратился сухим путем из Константинополя через Румынию, Болгарию, Валахию, Молдавию и Польшу в Киев — сентября 1747 года и, прожив только 35 дней, скончался 7 октября и погребен в киевобратском монастыре.

В путешествиях своих он часто переменял свое прозвание и назывался иногда Барским, от отечественного города своих предков, иногда по фамилии Беляевых, по-гречески Плакою, по латыни Альбовым, и по родине Киевским.

Барский оставил подробное описание всего, что видел. Это описание касается преимущественно монастырей и церковных обрядов и отличается беспристрастием и верностью. Рукопись осталась у его матери, которая давала ее списывать всем, кто хотел; от этого размножилось большое количество списков с этой рукописи, так что в Малороссии не было почти ни одного знатного дома, где бы не было ее списка; почти во всех русских семинариях списывали ее для архиереев по несколько раз.

Подлинная рукопись путешествия Барского ныне находится в библиотеке графа А.С.Уварова, куда она перешла от И.Н.Царского. В каталоге рукописей Царского (Москва, 1848) она значилась под № 601 и 602, переплетенною в две книги, из коих одна в четверку (560 листов), другая в лист (62 листа). Первая книга неполная: начальные семь листов приписаны гораздо после; при ней сто с лишком рисунков, в числе которых и тетрадь упражнений и рисований; на конце разные заметки о родстве Григоровича, писанные разными руками до 1794 года, что доказывает долгое ее пребывание в доме Григоровичей. Во второй — двенадцать писем автора к родителям и брату, семь писем к нему от других лиц и двенадцать паспортов и документов на латинском, греческом и турецком языках. Все это повреждено сыростию и переплетено заново.

До полного издания этого путешествия отрывок из него был напечатан в издававшемся в Петербурге в 1770 году ежемесячном журнале под названием "Парнаасский щепетильник" (месяц июль, стр. 119). Отрывок этот был: *Описание города Солуня, называемого другим именем Салоники, по латински Tressalonika, учиненное там бывшим российским путешественником Василием Григоровичем, гражданином киевским, во время странствования его по свету через 25 лет, которое им описано и у*

многих в манускрипте хранится. По поводу этого отрывка издатель "Парнасского щепетильника" говорит: "При сем выбранные из того ж путешествия для любопытства читателей прилагаются имена островов архипелагских, населенных христианами, под властью турков находящихся, для того что многие из них никакими другими писателями не описаны и о которых в рассуждение нынешних обстоятельств небесполезно будет иметь сведение, а естли время и место допустит, то и описание оных для пользы публики впредь сообщено будет, но и самое то достопамятное путешествие предастся тиснению, которое в рассуждении редких описанных в нем вещей заслуживает видеть свет".

Псковский архиепископ Симон и граф Алексей Григорьевич Разумовский хотели напечатать путешествие Барского вполне, но это осталось одним только намерением. Осуществил эту мысль известный писатель Рубан, издавший рукопись на иждивение князя Потемкина-Таврического, под следующим заглавием: *Пешеходца Василия Григоровича Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное, ныне же на иждивении его светлости князя Григория Александровича Потемкина для пользы общества изданное в свет, под смотрением Василия Григорьевича Рубана. Санкт-Петербург. При императорской академии наук. 1778. В 4 д. л.* Книга начинается с предисловия от издателя (стр. III–XII), самое путешествие занимает стр. 1–752, затем следуют: а) на стр. 753–766 – *Приложения оправдательные или путевые свидетельства*; в) на стр. 767–768 – *Выноска к стр. 628*; с) на стр. 769–770 и частью 771 – *Показание чертежей или рисунков, находящихся в списке путешествия ко святым местам монаха Василия Григоровича, сообщенном из Полтавы от отца архимандрита Феоктиста Мочульского, состоящем в трех книгах, в десять*. В этом списке показаны в первой книге (от Киева до Иерусалима) 24 рисунка, во второй книге, содержащей описание Палестины, Кипра, Синайской горы и Сирии – 33 рисунка, в третьей книге (описание Кипра, Афона и конец путешествия) – восемь рисунков; d) на конце стр. 771, на 772 и в начале 773 – *Показание рисунков, учиненных рукою самого монаха Василия и найденных в архиерейской псковской библиотеке, с подписями греческими, а некоторые и русскими*. Тут показано 20 рисунков монастырей афонских и 37 рисунков разных мест – 1745 года; e) на стр. 773 и 774 – *Показание рисунков, находящихся в списке, от г. асессора Бантыша-Каменского сообщенном, состоящем в одной книге в 4-ть листа, писанном разными руками*. Этих рисунков исчислено 34; f) на стр. 775–786 – *Дополнительная повесть о святом граде Иерусалиме и прочих окрестных святых местах, учиненная Симеоном Симоновичем, архимандритом Иерусалимским, уроженцем сербским, с исчислением 59 рисунков, находящихся в венском издании этой повести*; наконец, на стр. 787–796 – алфавит всех упоминаемых в путешествии Барского городов, сел, морей, рек, островов, гор, монастырей, церквей, достопамятных мест и вещей, также и знаменитых людей. Алфавит этот напечатан в два столбца. Жаль, что при этом путешествии не изданы все собранные самим Барским виды, планы и фасады замечательнейших мест и зданий, им виденных. Издатель в

предисловии извиняется в этом тем, что напечатание рисунков было отложено для другого издания, потому что многие из них не подписаны и неизвестно, к чему относятся, а многих по ссылкам недостает. Но еще более сожаления достойно то (об этом замечает митрополит Евгений, т. 1, стр. 72 в Словаре о писателях духовного чина), что Рубан выключил из подлинника многие повести потому только, что таковые не находятся в других российских церковных и гражданских книгах, и вместо писанного Барским предлагает читателям переведенное из Бюшинговой географии и энциклопедии.

Митрополит Евгений упоминает о шести изданиях Путешествия Барского 1778, 1785, 1788, 1793, 1800 и 1819 годов; Сопилов, исчисляя пять первых (он печатал четвертый том своего Опыта в 1816 г.), называет третьим клинцовское издание 1788 года, четвертым издание 1793 года, а шестым издание 1800 года, причем не упоминает о каком-либо пятом издании; у Смирдина показаны только издания второе и шестое. Постараемся пополнить и пояснить эти указания сведениями, почерпнутыми нами в библиотеке С.А.Соболевского. Кроме первого издания, в ней еще четыре петербургских, все в 4-ю д<олю> л<иста>. На всех показано, что они печатаны *иждивением академии наук*, что сочинение разделено на две части и на каждом обозначено, какого тиснения. Вот их исчисление: вторым тиснением – 1785 года, третьим тиснением – 1793 года, пятым тиснением – 1800 года, шестым тиснением – 1819 года. Итак, мы не находим тут четвертого тиснения, но оно, вероятно, существует и вышло между 1793 и 1800 годом, ибо трудно предположить, чтобы клинцовское издание, о котором мы будем говорить ниже, вышедшее в 1788 году, т. е. после второго и прежде третьего, было принято академиею за четвертое.

Сверх пяти петербургских изданий Барского, в библиотеке С.А.Соболевского удалось нам видеть редчайшее – клинцовское, которое у Сопилова показано третьим; оно напечатано в лист, шрифт крупнее шрифта петербургских изданий. До страницы 786 включительно оно перепечатано с первого издания страница в страницу, строка в строку, так что даже на заглавии выставлено: в С.-Петербурге, при императорской академии наук; алфавит же, напечатанный в издании 1778 года в два столбца, здесь перепечатан в целую страницу. Там он занимает стр<аницы> 787–796, а здесь 787–803. На 804-й стр<анице> здесь помещено следующее извещение о годе и месте печатания: *Сия книга пешеходца Василия Григоровича Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам, напечатанная в Санкт-Петербурге, при императорской академии наук, в 1778 году. Ныне же вышенапечатанная книга Путешествие перепечатана с указного дозволения и за свидетельством северского-новгородского наместничества нижнего земского уряджского суда, и подписана же оного суда присутствующими, и печатью утвержена: с которой ныне напечатана в вольной типографии клинцовского посада второй гильдии купца Дмитрия Рукавишника, 1788 году, июня 15 дня.* В типографии Рукавишника, вероятно, не было иностранных букв, поэтому в сем издании оставлены пробелы для всех тех слов, которые в издании 1778 года напечатаны на иностранных языках.

Помещенная в конце путешествия Барского повесть о Иерусалиме была издана несколько раз; первое издание было гравированное, отпечатано в Вене иеродиаконом Хр. Жефаровичем, в 4-ю д<олю> л<иста>, в

1748 году, на славяно-сербском языке. Тут вместе с текстом помещено много рисунков, листов 52, коих обороты оставлены белыми; последний лист помечен 53, потому что второй помечен вторым и третьим.

У г. Соболевского есть еще издание, в лист; но экземпляр неполный (недостает листов 2, 7, 14 и 15); книга отпечатана также с гравированных досок, обороты страниц также оставлены белыми; это издание состоит, вероятно, из 14 или 15 листов, потому что 13-й лист кончается тем, что напечатано на предпоследних строках 50-го листа венского издания. Издание в лист разнится с венским тем, что в нем выпущены: весь первый лист с изображением святых жен при гробе, на 2–3-м листе выпущено все, что следует после окончания заглавия, т. е. 13 строк, в коих означены: имя автора Симеона Симоновича, год и место печати, эти 13 строк выпущены и в прочих изданиях.

У Сопикова, № 7720, показано издание 1771 года, Москва, в 4-ю д<олю> л<иста>; это издание также гравировано, и притом с венского, почти страница в страницу и строка в строку, на 52 листах; главная разница в том, что в московском заглавная страница, помеченная 2 и 3 – в рамке, чего нет в венском. У Смирдина, № 9810, показано издание, напечатанное в Москве, в 4-ю д<олю> л<иста>, без означения года. Этого издания мы не имели случая видеть. Какое-то издание, без означения года, было в библиотеке В.М.Ундольского, оно также напечатано с гравированных досок и разнится от венского одним заглавием, которое здесь сокращено и обведено рамкою.

Эта книга встречается и в лубочных изданиях. В 1854 году она издана в Москве, в типографии Волкова и К°, в 4-ю д<олю> л<иста>, 53 стр., с немногими рисунками, гравированными на дереве, под заглавием: *Краткое описание святого града Иерусалима и прочих окрестных святых мест Симеона Симоновича, архимандрита Иерусалимского <...>*

В заключение скажем несколько слов об *Истории о отцах и страдальцах соловецких <...>*. Эта книга чрезвычайно редка; мне известны два издания: в 4-ю д<олю> л<иста> и в 8-ю д<олю> л<иста>. <...> Экземпляр этого издания есть в моей библиотеке.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРУЖЕСКОГО УЧЕНОГО ОБЩЕСТВА 1782 Г.

(Предисловие к публикации)

Мысль об основании Дружеского Ученого Общества принадлежала Шварцу, другу Новикова и его сотруднику. Еще в 1781 году незначительное число членов, принадлежавших, большею частью, к московскому ма-сонству, при скудных средствах, начало свою деятельность, почти тайную; оно ограничилось переводом и изданием нескольких полезных сочинений, преимущественно духовного содержания, противных учению энциклопедистов; главною целию общества было – воспитание: распространение в публике правил истинного воспитания, а для этого приготовление знающих русских наставников. При помощи Петра Алексеевича Татищева и других богатых и знатных людей общество получило значительные денежные пожертвования, так что на его счет была учреждена филологическая

семинария на 35 учеников, в которой воспитывалось в 1782 году 21 человек студентов. Московская Академия, Троицкая и другие семинарии посылали своих питомцев Дружескому Ученому Обществу, которое вверяло их образование особенному наблюдению Шварца и помещало их в своем доме, близ Мясницкой, в Банковском переулке, № 4, в доме, принадлежащем ныне г. Сабанееву. Таким образом в короткое время образовалось общество, обладавшее значительными денежными средствами и в числе своих членов имевшее сильных покровителей; оно действовало почти год без всякого формального заявления, наконец, предложено было сделать торжественное открытие 6 ноября 1782 года, в доме П.А.Татищева: предварительно были разосланы печатанные в типографии Новикова приглашения на латинском и русском языках, в которых объяснена цель общества, исчислены его покровители и изложена программа торжественного открытия; вероятно, что латинский текст был написан самим Шварцем.

Брошюра эта в 4-ю долю л<иста> на 11 страницах находится в моей библиотеке и по ее редкости здесь перепечатывается вполне (один русский текст). Более подробные сведения о Дружеском Обществе находятся: в статье г. Тихонравова в Биографическом словаре профессоров и преподавателей Имп. Моск. университета, ч. II, стр. 574–579; в сочинении М.Н.Лонгинова: Новиков и Шварц, Москва, 1858; в статье А.Н.Афанасьева: Н.И.Новиков, в Библиографических записках 1858 года, № 6; в Истории Московского университета, 1855 года, С.П.Шевырева и в Сборнике студентов Санктпетербургского университета, выпуск 1-й, 1857 года.

ОПИСАНИЕ ПАТРИАРШЕЙ БИБЛИОТЕКИ 1718 ГОДА

(Предисловие к публикации)

В Чтениях в Обществе истории и древностей российских, 1847 года, напечатана В.М.Ундольским "Опись книгам, взятым в патриаршую ризную казну", составленная 1765 года монахом Евфимием и иеродиаконом Иакинфом, и роспись книг, взятых в патриарший разряд и пр. Как необходимое дополнение к этой описи и к прекрасному обозрению патриаршей библиотеки, составленному пр. Саввою, печатаем здесь опись патриаршей библиотеки, 1718 года, сохранив в точности правописание подлинника. Нам не известно, кем и по какому случаю составлена эта опись, она не сохранилась в Патриаршей библиотеке, иначе была бы указана в обозрении пр. Саввы.

Рукопись писана скорописью, разными почерками, на простой бумаге, в лист, на 54 листах и принадлежит Д.Д.Благово, прекрасная библиотека которого находится в Московской губернии, Дмитровского уезда, в селе Горках.

Опись 1765 года оканчивается 551-м номером, опись же 1718 года, кроме некоторых подробностей, до 525-го номера сходна с первой. Эти подробности, заключающиеся в означении годов и в наружном описании книг, заставили нас напечатать опись 1718 года вполне, присоединив к ней, для большего ознакомления с книгами, ссылки на некоторые библиографические сочинения, в которых мы нашли еще более подробные сведения об упоминаемых книгах или рукописях.

Патриаршая библиотека так драгоценна для нас и значение ее так было велико, особенно в патриаршество Никона, что любопытно проследить по описям за постепенными приращениями тех сокровищ, которые в ней были и которые сохранились до нас.

ТИПОГРАФИЯ МЕЯ И КРЯЖЕВА

Материалом для предлагаемой статьи послужила хранящаяся у меня переписка с разными лицами покойного председателя московского опекунского совета действительного тайного советника Александра Михайловича Лунина. Между этими бумагами нашлись сведения о бывшей в Москве, в начале нынешнего столетия, типографии Мея и Кряжева и о споре этих типографчиков с Максимовичем, составителем "Указателя российских законов".

В 1802 году московский опекунский совет выдал заимообразно 2500 рублей Ивану Мею, Василию Кряжеву и купцу Готье для заведения типографии, приняв в залог вновь заводимую ими типографию и книжный иностранный магазин купца Готье, в котором находилось товару на 60 000 рублей по уверению закладчиков; поручителями заемщиков были генерал-лейтенант князь П.М. Дашков, сенатор тайный советник С.С. Кушников и действительный статский советник Ф.П. Ключарев. Заем этот был совершен на восемь лет с тем, чтобы уплачивать каждый год восьмую часть капитала, а на остающуюся сумму вносить проценты. Типография состояла под особым покровительством императрицы Марии Федоровны и печатала все необходимые бумаги для московского воспитательного дома и подведомственных ему заведений.

В январе месяце 1804 года книгопродавец Готье внес в уплату третью часть капитала: восемь тысяч рублей и проценты и просил исключить его из числа заемщиков, а поручителя Ключарева освободить от поручительства, на что совет изъявил свое согласие и принял в залог вместо иностранной книжной лавки Готье русскую книжную лавку Мея и Кряжева, в которой помещались напечатанные в их типографии книги.

В 1803 году в типографии Мея и Кряжева вышли три части неоконченного "Указателя российских законов" Максимовича. Полное заглавие этой книги: *Указатель российских законов, временных учреждений суда и расправы, изданный с высочайшего соизволения надворным советником Львом Максимовичем. Москва, 1803, в привилегированной типографии Мея и Кряжева собственным их иждивением, 3 части, в 4-ю д<олю> л<иста>*. Первая часть содержит узаконения со времен св. Владимира по 1650 год; вторая часть — с 1651 года по 1699; третья часть — с 1700 по 1720 год. Четвертая часть не была окончена печатанием. Издание посвящено императору Александру I; оно начинается очерком истории российских законов (стр. I—XIV) и сведением о старинных московских приказах, существовавших до времен Петра Великого (стр. XV—XXVIII); затем следует самый указатель, в котором в хронологическом порядке помещены узаконения со времен Владимира до 1720 года, с обозначением, откуда заимствовал составитель каждый указ. В конце каждой части находится оглавление содержащихся в ней материй и изъяснение старинных слов и наименований по алфавитному порядку.

Вследствие несогласия и неоконченных денежных расчетов с Максимовичем типографшики в 1804 году подавали прошение императрице Марии Федоровне, по которому высочайше повелено было: "На печатание Указателя денег уже Максимовичу не отпускать, кабинету сделать экономическое расчисление, а содержателям типографии по сему предмету относиться впредь к министру юстиции". Издание указателя стоило Мейю и Кряжеву больших издержек и трудов; не будучи в состоянии продолжать его без помощи казны, они в августе и сентябре 1804 года писали к министру юстиции и товарищу его и просили исходатайствовать у государя императора о пожаловании им из кабинета на дальнейшее печатание Указателя заимообразно 30 тысяч рублей в два срока: 15 тысяч в январе 1805 года и 15 тысяч в январе 1806 года; а в обеспечение возврата этой суммы предоставляли кабинету 600 экземпляров означенного издания, по распродаже которых по 60 рублей за экземпляр должна выручиться сумма в 36 000 рублей; из этих денег 30 000 погасили бы долг, а 6 000 рублей издатели жертвовали на какое-нибудь благотворительное заведение. Между тем печатание Указателя продолжалось, и четвертая часть была доведена почти до конца. В декабре 1804 года министр юстиции уведомил издателей, что он не может по их прошению входить с докладом к государю, ибо кабинет, на счет которого принято было печатание Указателя, не состоит в его ведомстве; сверх того ему известно посторонним образом, что в кабинете не только нет суммы для раздачи займы, но едва достаточно на самые необходимые расходы.

В это время Максимович известил Кряжева, что государь разрешил 600 экземпляров Указателя напечатать на счет кабинета, с предоставлением их в пользу автора, который предполагал поэтому перенести печатание своей книги в Петербург и требовал от московских типографшиков расчета за напечатанные четыре части. По счету типографшиков ими получено было от подписчиков 10 120 рублей, печатание с разными издержками и выданными Максимовичу деньгами стоило 26 940 рублей, а за вычетом подписных денег долгу за Максимовичем оставалось 16 820 рублей. В феврале 1805 года Мей и Кряжев обратились к императрице Марии Федоровне и просили обеспечить их в сумме, причитающейся на Максимовиче. Прощение свое оканчивают они так: "По сему же нашему расстройству молим еще вас, всемилостивейшая государыня! из особенной к нам щедроты монаршей повелеть отсрочить нам на три года платеж остальной суммы 17 тысяч рублей нами воспитательному дому должной, для поддержания тем от упадку заведения, высочайшим покровительством вашего императорского величества возникшего и поныне продолжающегося для пользы воспитательного дома и заведений от него зависящих".

Прощение свое на имя императрицы Мей и Кряжев отправили к состоявшему при ней Михаилу Ивановичу Полетике при письме, в котором между прочим писали: "Так как нам печатание Указателя слишком много трудов, хлопот и издержек и даже здоровья по сие время стоило, то мы сами ничего более не желаем, как только, чтобы разделаться с г. Максимовичем. И хотя он прежде обещал нам все с благодарностию и верностию воздать, в бытность его еще в Москве; как нас, так и других об нас интересовавшихся людей уверял, что продолжать будет печатать свое издание у нас, и даже из Петербурга писал, что условие наше свято,

но теперь, нарушая его столь внезапно, справедливо заставляет нас не иметь более доверия к нему, и мы необходимо вынуждаемся просить о разобрании нас с ним в рассуждении нашего счета и обеспечения нас в получении от него следующего платежа, потому что на него надежда едва ли быть может <...>”.

Императрица Мария Федоровна по получении прошения Мея и Кряжева препроводила его чрез статс-секретаря Г.И.Вилламова на рассмотрение председателя московского опекунского совета А.М.Лунина. На отношение Вилламова от 28 марта 1805 года Лунин отвечал 13 апреля:

”Милостивый государь мой Григорий Иванович! <...> По первому пункту просьбы кажется, что претензия их на Максимовича не без основания и они имеют право приносить на него жалобу и просить о разобрании их в счетах <...> По второму пункту просьбы в рассуждении отсрочки им остального их долга воспитательному дому 17 000 рублей еще на три года — к платежу исправнее не будут; ибо хотя показывают они, что заплатили 8 000 рублей по их заемному обязательству, но сие к исправности их отнести никак нельзя, ибо известно, что сумма эта заплачена от третьего бывшего их товарища купца Готье за счет своей части, единственно для того, чтобы отойти от товарищества с ними и освободить из залога его книжный магазин, что ему и сделано, и теперь должниками остались только нынешние просители и Кряжев. <...>

Что же касается до печатания в их типографии ведомостей, билетов ссудной и сохранной казны и прочего, которое для воспитательного дома необходимо, то сделать бы с ними однажды навсегда постановление в рассуждении цены, и таким образом учредя, воспитательный дом мог бы сложить с себя покровительство, на основании коего они осмеливаются ныне утруждать ее императорское величество по делу, совершенно до воспитательного дома не касающемуся, и впрямь, ежели настоящее положение не переменится, утруждать будут.

Все сие есть мое частное мнение, которое, хотя имеет вид гадательного, однако ж, убеждаясь всеми вышесказанными обстоятельствами и причинами, не сомневаюсь, что последствие заключения мои оправдает”.

Государыня согласилась с мнением Лунина и поручила ему сообщить об этом Мею и Кряжеву, а полученный от них отзыв доложить ей. Впоследствии этого Лунин призывал к себе обоих типографщиков и объявил им высочайшую волю; типографщики выразили желание остаться по-прежнему под покровительством воспитательного дома, надеясь чрез это иметь большее снисхождение от прочих своих кредиторов. <...>

В 1806 году императрица Мария Федоровна, по представлению Лунина, приказала уволить содержателей типографии Мея и Кряжева от дальнейшего ежегодного взноса в пользу воспитательного дома и коммерческого училища по 1500 рублей и рассрочить долг их сохранной казне вновь на восемь лет.

В следующем году Мей и Кряжев подали государыне новое прошение (в котором подписались коллежскими асессорами) о дозволении им продать их типографию в ведомство управы благочиния с переводом долга их сохранной казне на управу. <...> После долгих расчетов, вследствие мнения, представленного московским гражданским губернатором в мае 1808 года, покупка типографии Мея и Кряжева не состоялась;

заемщики ни капитала, ни процентов не вносили, долг их постепенно увеличивался, и, по мнению Лунина, ничего более не оставалось делать, как приступить к продаже типографии и книжного магазина, а чего не будет доставать для уплаты долга – то взыскать с поручителей. <...>

Когда приступлено было к описи типографии, в ней было только пять станков с принадлежностями. <...> По многократным публикациям о продаже типографии никто не давал более 5 000 рублей; за эту сумму она и была продана. <...> Затем совет обратился к поручителям. Уполномоченные от наследников князя Дашкова внесли в уплату долга более 10 000 рублей; на часть Кушникова приходилось уплатить до 11 000 рублей. Для его облегчения Лунин представлял императрице, чтобы сложить с долга ту сумму, каковая причиталась на типографщиках вследствие обязательства их жертвовать ежегодно по два процента с занятого капитала в пользу коммерческого училища; означенные проценты были внесены только за два первые года, а невнесенных считалось 2 334 рублей 85 копеек. Уже в конце 1811 года императрица Мария Федоровна приказала окончательно решить дело о типографщиках Мее и Кряжеве, пожертвованные ими в пользу коммерческого училища два процента с долга их отчислить: сумму эту государыня внесла из собственной казны, так что за ее вычетом на долю поручителя 1 января 1812 года приходилось внести 8 803 рубля 32 копейки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БИБЛИОТЕКАХ В КИТАЕ

Следующие известия о библиотеках в Китае заимствованы из статьи Г.Макгован, помещенной в "Journal of the North China Branch of the royal Asiatic Society"¹

Собственно публичных библиотек в Китае не существует, потому что единственное учреждение в этом роде, *Ван-Лай-Ко*, или библиотека, находящаяся во дворце Кинланг, в Хангчеу, открыта только для лиц, пользующихся особым разрешением, поэтому ее и посещает только небольшое число избранных. Взамен того в Китае много частных библиотек. Самая замечательная принадлежит фамилии Фан, в Нинпо. По составленному каталогу этой библиотеки в ней 4 094 сочинения, состоящие из 53 799 тетрадей; она была основана фамилией Юнг, которая вследствие несчастных обстоятельств была принуждена продать все книги, поступившие к новым владельцам и послужившие богатым источником императору Кинг-Лонг, когда он пополнял императорское собрание. Этот государь в 1774 году приказал издавать каталоги своей библиотеки и обещал вознаграждение всем, кто доставит ему недостающих у него книг, хотя для того только, чтобы снять с них копии. Фаны послали императору 696 сочинений, которых у него не было; за это они получили полный экземпляр издания *Ку-Кин-Ту-Шу-Тци-Чинг*, предпринятого по повелению императора Кангхи и напечатанного в небольшом количестве экземпляров. Сочинение это состоит из 10 тысяч томов, правда не очень толстых, и 108 томов оглавления. Этот сборник, единственный в своем роде в целом мире, разделяется на шесть частей: астрономия, география,

¹ Журнал Северо-Китайского филиала королевского общества (англ.).

судоустройство, нравы и обычаи, естественные науки и искусства, классическая и политическая литература. В этом издании 320 томов посвящены ботанике и 120.— китайской фауне.

Библиотека фамилии Фанов хранится в здании, выстроенном в большом саду, в южной части города Нинпо. По-видимому, она содержится в совершенном порядке; каждый член семейства Фанов имеет свой ключ; посещение этой библиотеки доступно известным и значительным лицам.

Полагают, что собрание Фанов содержит много книг, относящихся к отрасли, которую китайцы называют *Тчи*; это статистические описания некоторых уездов, описания монографические. Есть *Тчи*, посвященные описанию провинций, городов, гор, храмов. Г.Макгован говорит, что число их превышает 10 тысяч описаний для всей империи. Сколько драгоценных и совершенно новых сведений могли бы извлечь синологи из такого богатого источника.

ИЗ ПИСЕМ

1. *С.А.Соболевскому. В Москве. 29 октября 1857 г.*

Милостивый государь Сергей Александрович!

Когда же доставите вы мне случай видаться с г. Лонгиновым??? А мне очень нужно его видеть. Неужели он не видывал описания ледяного дома Крафта??? За этим далеко нечего ездить, не далее моей комнаты. Попросите его, не одолжит ли он мне на очень короткое время двух журналов: Пустомели и Поденщины? Прочли ли вы *Miroir de Bibliophile*?¹ Нет ли слухов о Полторацком? Закидавши вас вопросами, прошу верить в душевной преданности готового к услугам М.Полуденского.

2. *М.Н.Лонгинову. В Москве. 27 февраля 1858 г.*

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Потрудитесь прислать ко мне доставленный вам мною список масонских книг Геннади и также мою "Химическую псалтырь". Я должен сообщить этот список другим также для пополнения, а потом позвольте попросить его окончательно просмотреть перед напечатанием. Много обяжете готового к услугам М.Полуденского.

3. *М.Н.Лонгинову. В Москве. 3 июня 1858 г.*

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Афанасьеву нужна Поденщина, чтобы по ней проверить корректуру нового издания, вы весьма одолжите его, если доставите ему ваш экземпляр Поденщины, который потрудитесь доставить в лавку к Шепкину, потому что я завтра уезжаю в Самару. С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть покорный слуга М.Полуденский.

4. *М.Н.Лонгинову. В Москве. 18 сентября 1858 г.*

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Афанасьев просил меня передать вам Поденщину с благодарностью и вновь изданные им журналы. Возвращаю вам также подлинник, с которого напечатаны заметки Екатерины, может быть, он вам нужен. Не можете ли вы уделить мне два оттиска вашей статьи о Разбойниках Шиллера, напечатанных в нашем журнале? Чем много обяжете готового к услугам М.Полуденского.

¹ Зеркало библиофила (фр.).

5. А.А.Котляревскому. Из Москвы в Петербург. 13 декабря 1866 г.

Благодарю вас, любезный Александр Александрович, за доверие избранием меня редактором Библиографических записок. Я, как и прежде, не прочь от этого, но мне кажется, что это неудобноисполнимо по многим причинам:

1) Капитал Общества 1864 р. 23 к. Из одного отложите на Мерзлякова, коего 23 листа отпечатано, 500 р. с<еребром>, столько же надо отложить и на Беседы, еще отложите на 7-й выпуск Киреевского, с остатком трудно издавать Библиографические записки.

2) Я был бы согласен издавать Биб<лиграфические> зап<иски>, будучи полным хозяином издания, помимо всяких редакционных комитетов, которых я враг.

3) Я предполагал бы издавать Биб<лиграфические> зап<иски> в том виде и по той программе, в которой они издавались, только один раз в месяц, кроме двух летних, по пяти листов в номере.

4) Калачов желал бы, чтобы издание Биб<лиграфических> зап<исок> состоялось в виде приложения к Беседе. На это я не согласен.

5) Если бы ваше предложение состоялось, то, по-моему, трудно начать издание с будущего января, когда нет в запасе ни одной статьи и не сделано публикации о подписке.

6) Есть ли надежда на подписчиков, когда интересующиеся таким изданием состоят членами общества и получают издание даром?

7) Всех членов любителей словесности 109, из них, дай боже, чтобы половина внесла годовые 10 р. с<еребром>. Вот вам мое откровенное мнение, а там располагайте мной. Готов, по крайнему разумению, быть полезным.

Портрет третий

РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ НА ЧУЖБИНЕ

В ненастный декабрьский день 1867 года по улицам Женевы двигалась скромная похоронная процессия. Русские политические эмигранты, жившие в этом городе, провожали в последний путь своего товарища Виктора Ивановича Касаткина. Это был молодой, сильный, красивый человек. 28 декабря жена его вошла утром в кабинет, где он постоянно работал, и нашла его мертвым на полу. Он умер от аневризмы сердца.

Ему было 36 лет. За гробом его двигались люди, тоже еще молодые. Но шел среди них один уже седой. Это был Николай Платонович Огарев. Через день в письме к другу своему Александру Ивановичу Герцену (который был в это время в отъезде) он напишет об этом печальном событии, и оба будут очень сожалеть о безвременной кончине молодого человека¹.

Кто же таков был Виктор Иванович Касаткин? Мы знаем о нем до обидного мало. Правда, если посмотреть именные указатели к полному собранию сочинений А.И.Герцена и к посвященным ему томам "Литературного наследия", то имя Касаткина мелькнет много раз, но ничего цельного, кроме маленькой заметки в известном словаре "Деятели

революционного движения в России”, ставшем уже библиографической редкостью, мы о Касаткине не прочтем. А так как он был политическим эмигрантом и умер на чужбине, то, естественно, и некрологов (этого спасительного материала для забытых деятелей) мы в русской прессе тоже не найдем. Понятно, что о нем нет сведений и в дореволюционных энциклопедиях. При фронтальной, казалось бы, изученности революционного движения, Касаткин оказался обойденным. Между тем о деятелях 60-х годов, о лицах, принадлежавших к той же “молодой эмиграции”, что и он, и гораздо менее значительных, написаны книги и статьи. Можно без преувеличения сказать: Касаткин — забытый революционер.

Но Виктор Иванович был и видным библиофилом. Его собрание, уникальное по составу, было известно не только в России, но и за рубежом; однако о нем тоже нет литературы. В вышедшем не так давно энциклопедическом словаре “Книговедение” Касаткин даже не упоминается. Впрочем, это издание вообще зияет необъяснимыми лакунами. Так что Касаткин еще и забытый библиофил.

Попробуем же рассказать читателю об этом человеке, прожившем короткую жизнь, полную драматических событий. Этого требует от нас элементарная историческая справедливость.

Виктор Иванович Касаткин происходил из богатой купеческой семьи. Возможно, что среди его предков были масоны, последователи Н.И.Новикова, а также раскольники. Во всяком случае, влечение Касаткина к тому и другому феноменам русской жизни было гораздо сильнее, чем у других русских “герценовцев”. Но здесь был не только интерес: библиотека Касаткина (тем она и славилась) была богата такими рукописными материалами по расколу и масонству, которые владелец приобрести просто не мог. Напрашивается мысль, что хотя бы часть их восходила к семейному собранию, была наследственной.

Родился Касаткин в 1831 году; он был несколько моложе других героев этой книги. Мы не знаем, был ли он, подобно большинству из них, воспитанником Московского университета, но это вполне возможно: богатое купечество в те годы уже посылало своих сыновей в университеты. Будучи человеком состоятельным, Касаткин, по всей видимости, нигде не служил; об этом свидетельствуют его постоянные и долгие путешествия.

Самое раннее упоминание о Викторе Ивановиче — в воспоминаниях другого видного библиофила, Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Он пишет: “Лето 1857 года прожил я в Архангельском, приезжая в Москву только два раза в неделю. Я жил на одной даче с Касаткиным, впоследствии эмигрантом. Это был человек неглупый, но весьма легкомысленный. У него была большая библиотека преимущественно запрещенных книг, здесь я прочел “Полярную звезду” и “Колокол”, тогда начавший выходить”².

В чем заключалось легкомыслие Касаткина, мемуарист не сообщает, — вероятно, в том, что тогда он был еще доверчив и давал читать запрещенные издания своим знакомым. Впоследствии Касаткин, перейдя в другую крайность, стал везде подозревать агентов правительства и, говоря по-русски на женевских улицах, даже переходил на шепот. Жена его вообще приучена была говорить тихо.

Бестужев-Рюмин сообщает о библиотеке Касаткина, о том, что кроме старинных изданий у него было отдельное собрание запрещенных книг и журналов. Очевидно, он уже тогда был связан с людьми, доставлявшими в Россию издания Вольной типографии Герцена. Затем он сам станет одним из них...

"Легкомысленному" Касаткину в это время — 26 лет, и жить ему остается одно десятилетие. В следующем, 1858 году, летом, он уезжает за границу на неопределенный срок. Там близко сходитесь с Герценом и Огаревым, помогает им в издательских делах. Основатели Вольной русской печати не могли не оценить энергию, предприимчивость и деловые качества этого преданного им человека. Касаткин в эти годы — уже давний, твердый последователь Герцена, корреспондент его изданий. Он привез Герцену драгоценность, доверенную ему Евгением Якушкиным: "Записки" декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина, две части которых были затем опубликованы Вольной русской печатью³. Касаткин пробыв за границей в тот раз почти два с половиной года, и, зная его кипучую энергию, можно не сомневаться, что там он не сидел сложа руки.

Был ли Касаткин уже в этот свой приезд таким деятельным помощником Герцена, как впоследствии? Во всяком случае, он, безусловно, участвовал в делах Вольной печати. Известно, что он помогал Огареву в составлении сборника "Русская потаенная литература". Надо сказать, что имеет дело с Виктором Ивановичем было очень непросто. Характер он имел трудный, несговорчивый, властный. Касаткин был, что называется, сильной личностью, а для окружающих это не всегда приятно. Но его прямота, честность научная и человеческая, его бесстрашие, выразившееся в способности идти против течения и выступать против большинства (что он затем продемонстрировал во взаимоотношениях Герцена с "молодой эмиграцией"), — все эти черты натуры незаурядной. Если бы не ранняя смерть, Касаткин, вероятно, стал бы выдающимся деятелем русского освободительного движения. Планы его, касающиеся печатания и доставки в Россию нелегальной литературы, были просто грандиозны; он не успел их осуществить.

Виктор Иванович мог бы остаться в Лондоне, но его, человека беспокойного, томила "охота к перемене мест", да и домой сильно тянуло. И вот осенью 1860 года мы уже застаем его в Москве. Как ранее в Лондон, так и теперь в Москву Касаткин ехал отнюдь не с пустыми руками: он вез свежие издания Вольной печати, да к тому же фотографии Герцена и Огарева. Посылая экземпляры этих снимков Е.И. Якушкину в Ярославль, Касаткин пишет 14 мая 1861 года: "На днях к посылке в Ярославль я присоединил вам карточку с лицами А.И. и Н.П. Это была доследняя, и я не без труда сберег ее для вас от хищнических нападений разных господ. Читали ли вы № 89 ("Колокола". — Л.Р.), где статья Огарева, если нет, то захвачу с собой: мне страх хочется потолковать с вами об этой статье. Постараюсь захватить и другие новости; любопытно-го бездна и во 2-м т. и в 6-й книге ("Полярной звезды". — Л.Р.)"⁴. Из этого письма видно, что Касаткин в Москве продолжал регулярно получать лондонские издания и распространял их.

Надо сказать, что Касаткину невероятно везло: ведь он то и дело совершал противуправительственные действия — ездил в Лондон и был

там помощником основателей Вольной печати, перевозил в Россию нелегальную литературу, организовывал всевозможные оказии для постоянной доставки лондонских изданий, — и все ему сходило с рук.

Кроме этого, Касаткин привез на сей раз из Лондона два плана предстоящей деятельности. Первый касался создания по всей стране неких организационных пунктов, ведающих распространением лондонских изданий. Кроме того, он "нашел какого-то немца" (очевидно, где-то вблизи русской границы), который обещал свою помощь⁵. Касаткин обратился к своим друзьям с чем-то вроде циркулярного письма, в котором изложил свой план и спрашивал их мнения. Такие послания получили Якушкин, Ефремов и даже жившие тут же в Москве Забелин и Афанасьев. Надо сказать, что все они сомневались в осуществлении такого грандиозного плана и были, по всей вероятности, правы.

Второй план, с которым Касаткин возвратился в Москву, был более реалистичен: он решил возобновить "Библиографические записки". Александр Николаевич Афанасьев, изнемогший в борьбе с цензурой, занятый к тому же своими большими научными трудами, еще год тому назад отказался от редактирования журнала, и издание перестало выходить. Касаткин, вообще человек уверенный в себе, к тому же получивший некоторый редакторский опыт в совместной с Огаревым работе, решил, что ему удастся то, перед чем "спасовал" Афанасьев. Касаткин возобновил издание "Библиографических записок" за собственный счет, ибо прежняя редакция не только не получила прибыли, но и понесла убытки от их издания. Виктор Иванович был не беден, энергичен, а уж материала, — драгоценностей, ждущих опубликования, — у него было достаточно. Но надо было заручиться согласием и других библиофилов и ученых. С хорошо его знавшими москвичами он договорился без труда, но петербургские книжники мало знали Касаткина, и вот он едет в столицу с рекомендательными письмами А.Н.Афанасьева. Одно из них мы приведем здесь — оно хранится в Рукописном отделе Публичной библиотеки.

"Многоуважаемый Петр Петрович, — пишет Афанасьев Пекарскому 9 января 1860 года. — Не знаю, знакомы ли вы с В.И.Касаткиным. Если нет, то познакомьтесь, это прекрасный и весьма умный господин. Он доставит вам это письмо. Между тем как я вожусь со сказками да работаю над письмами Петра В<еликого>, он задумал возобновить издание "Библ<ографических> записок", чему, разумеется, и вы порадуетесь вместе со мною. Я знаю, что у Вас бездна разнообразной работы, но может случиться, что попадутся материалы и для скромных листков библиографического журнала — в таком случае не откажитесь поделиться с вашим добром"⁶.

В Петербурге Касаткин посетил П.А.Ефремова, В.П.Гаевского, Н.В.Гербея, познакомился с В.В.Стасовым, тоже обещавшим ему свое сотрудничество и сдержавшим слово. Все они радовались возрождению родного журнала.

Времени для подготовки и выпуска в свет первого номера оставалось крайне мало. Журнал выходил два раза в месяц, и потому первый его номер должен был быть готов в первой половине января 1861 года. Было очень важно, чтобы этот номер имел успех; от этого отчасти зависела дальнейшая судьба издания. Материалов — бездна, но тот,

который готовили для этого номера, должен был иметь большой научный и общественный интерес и не вызвать преследований со стороны цензурных инстанций — два трудно совместимых условия. Мы уже имели случай рассказать читателю, что московская цензура особенно бдительно следила за "Библиографическими записками", редакция которых уже давно заслужила репутацию гнезда смутьянов. Касаткину удалось выйти из этого затруднительного положения.

Читатель, получивший первый номер возрожденных "Библиографических записок", с изумлением и радостью увидел заголовок статьи, открывающей этот номер. Называлась она "Письма П.Я. Чаадаева". Чтобы современный читатель понял удивление читателя тех времен, расскажем кратко о судьбе литературного наследия замечательного русского мыслителя, друга Пушкина, названного брата декабриста Якушкина.

В 1836 году за появление одного из "Философических писем" П.Я. Чаадаева Николай I объявил его сумасшедшим и ему было запрещено писать и печататься. Писать он, конечно, не перестал, и одной из форм публицистической деятельности стали его частные письма, которые были широко известны в образованном обществе, переписывались (да и сам Чаадаев давал их списывать). Но в печати его имя уже не появлялось. Так длилось *двадцать лет*. Наконец умер Николай. Философ пережил своего мучителя только на один год. За это время не удалось выяснить, снят ли уже, наконец, запрет с имени и сочинений Чаадаева. Энергичному М.Н. Лонгинову, пылкому поклоннику философа, удалось напечатать его некролог, правда, только через несколько месяцев после кончины Петра Яковлевича, зато не где-нибудь, а в "Современнике", который читала вся Россия⁷.

Бумаги философа унаследовал его племянник М.И. Жихарев. В конце 1859 года он пришел с ними к Чернышевскому, памятуя о том, что в журнале был опубликован некролог его дяди. Среди бумаг выделялась большим общественным интересом "Апология безумного", написанная Чаадаевым уже после объявления его сумасшедшим. Чернышевский взял у Жихарева это поразительное сочинение и написал к нему вступительную статью*.

Материалы предназначались для первого номера "Современника" на 1860 год. Но цензура ни под каким видом их не пропускает. О самом Чаадаеве, таким образом, писать уже было можно, но публиковать его тексты — нельзя⁸. Этот варварский запрет существовал до революции 1905—1906 годов, т. е. семьдесят лет! Слова Чаадаева боялись не только светские, но и духовные власти.

И вот при этих обстоятельствах в "Библиографических записках" появляются "Письма П.Я. Чаадаева"! Можно себе представить, с каким чувством их читали люди того времени, тем более подписчики "Библиографических записок" — библиофилы, историки литературы, библиографы — те, которым вся чаадаевская история была хорошо известна. Ничем, кроме удивительной везучести Виктора Ивановича, объяснить появление такого материала нельзя.

* Эта статья была найдена и опубликована уже в советское время (ПСС. Т. X).

Что же тут напечатано? Конечно, о публикации "Философических писем" не могло быть и речи. Здесь только частные письма — к Жуковскому, к даме Н.П., к Жихареву, проникнутое "черным юмором" письмо к московскому начальствующему генералу по поводу пропажи пальто. Все это, кроме письма к Жуковскому, материалы малозначительные, но все равно — это Чаадаев. Вне всякого сомнения, публикация в "Библиографических записках" — лишь жалкие остатки собранного Касаткиным чаадаевского материала*. Не был пропущен, очевидно, и портрет философа (его имели Лонгинов, Якушкин и многие другие собиратели). Первый номер возрожденных "Библиографических записок" открывается превосходно выполненным литографированным портретом А.Н.Радищева (о котором в журнале материалов вовсе нет), и это воспринимается как своего рода перекличка поколений.

У друга Касаткина, Евгения Якушкина, были письма Чаадаева к его отцу, в том числе и посланные в Сибирь. Он дал их скопировать Касаткину (а возможно, что и другие материалы этой публикации восходят к якушкинскому архиву, — там копились чаадаевские бумаги), но они тоже не прошли сквозь цензурные врата. Кроме писем философа эта подборка содержит и другие материалы, так что ее содержание много шире заглавия. Тут помещены отрывки из мемуаров нескольких современников философа, а также перепечатанная из "Русского вестника" (1860, № 5) заметка М.Н.Лонгинова о Чаадаеве, написанная в связи с выходом в свет сочинений Дениса Давыдова, где было впервые опубликовано письмо бравого партизана к Пушкину, полное недоброжелательства по отношению к Чаадаеву. В нем Давыдов называет философа "белокурой кокеткой", а его друзей-мыслителей (таких, как Шеллинг) "шустерами-метафизиками". Понятно, что пылкий Лонгинов не мог молча снести этого и выступил с панегириком Чаадаеву, перепечатанным Касаткиным. Чаадаевские материалы занимают почти весь первый номер журнала.

В конце подборки помещено обращение редактора ко всем, владеющим письмами Чаадаева, "поделиться ими со временем с публикою". Долго же пришлось публике ждать этого. Первое собрание сочинений и писем Чаадаева вышло в России только в 1913—1914 годах. Тем яснее для нас заслуга Касаткина.

Но вот ведь какой парадокс: именно те люди, которые, казалось бы, более других должны были оценить эту публикацию, рассердились на Виктора Ивановича. Дело в том, что в мемуарных материалах здесь был помещен и отрывок из воспоминаний анонимного автора, недоброжелательного к философу. И вот Касаткин узнает, что высоко уважаемые им Ефремов и Гаевский недовольны тем, что он включил этот отрывок. Они считали, что по отношению к выдающемуся историческому лицу, особенно подвергавшемуся несправедливым гонениям, надо соблюдать максимум такта и осторожности, дабы не сыграть на руку реакции. Касаткин доказывал им, что это несколько рискованная позиция, ибо можно

* Так, из переписки Касаткина мы узнаем, что он имел и "Апологию безумного", которую намеревался поместить во втором номере (очевидно, не зная о запрещении ее год тому назад для "современника"). Чаадаевские материалы, как можно судить по письмам Касаткина, должны были украсить несколько номеров журнала, но больше ничего не пропустили.

невольно исказить историческую правду*. В этом вопросе он шел наперекор мнению всех наших героев, которые в своих публикациях и статьях, посвященных Пушкину, декабристам, тому же Чаадаеву, стояли на демонстративно апологетических позициях, даже несколько преувеличивали дворянскую революционность. Это не было исторической ограниченностью взгляда: их частные письма свидетельствуют о том, что они вполне сознательно шли на подобный тактический маневр, ведь речь шла о противостоянии силам реакции с одной стороны и нигилизму определенной части молодежи того времени — с другой.

"Библиографические записки" при Касаткине придерживались в целом той же программы, что и при старой редакции: это был тот же библиофильский журнал, на страницах которого публиковались исследования и находки, сделанные русскими книжниками в мире рукописей и печатных изданий.

Но некоторые отличия все же были. Касаткин сделал журнал более узкопрофессиональным. Если Афанасьев мечтал о том, чтобы читателями "Библиографических записок" были не только книжники, но и просто интеллигентные люди, то Касаткина такая позиция, видимо, не устраивала. При нем журнал сделался скорее академическим. На его страницах стали публиковаться крупные библиографические указатели, интересные только для профессионалов. Так, уже с первого номера стал печататься большой труд, переведенный самим Касаткиным, — "Библиография Далмации и Черногории".

Горячий интерес Касаткина к литературе славянских народов вполне понятен, но публикация в небольшом по объему журнале крупного библиографического указателя сильно "утяжеляла" издание.

Однако с 8-го по 14-й номер "Библиографические записки" печатают громадный (658 названий) указатель раскольничьей литературы, составленный Павлом Любопытным в 1829 году. Под псевдонимом скрывался раскольник Поморской секты Павел Ануфриев, сам писатель и великий книголюб. Публикация этой работы отражала тот горячий интерес к расколу, который проявлял Герцен и разделяли его последователи. Но и указатель надо было издать отдельно, а не загромождать им страницы журнала. Вероятно, это и побудило А.Н.Афанасьева написать Якушкину: "Библиографические записки сухи, сухи и сухи" — и пожаловаться, что Касаткин никого не слушает и все делает по-своему⁹. Столь же громоздкой была напечатанная в журнале пародия "Митюха Валдайский" на трагедию Озерова "Дмитрий Донской" (№ 5 и 6).

Но были у Касаткина-редактора и большие удачи. Прежде всего те разделы, которые он придумал и сам вел. Эти разделы касались как раз современности: "Книжные вести", "Аукционы книг", "Движение по устройству библиотек в России" (этот раздел, кроме редактора, вел Г.Н.Геннади, затем собравший такие сведения в своей большой работе "Указатель библиотек в России"), и, наконец, с 12-го номера до окончания издания велся раздел "Bibliophiliana"^{**}, подобного которому по тематике не было ни в одном русском журнале того времени.

* См. помещенное в настоящем сборнике интересное письмо В.И.Касаткина к В.П.Гаевскому от 16 апреля 1861 г.

**Библиофилиана (лат.).

Прекрасно владея основными европейскими языками, Касаткин извлекал из специальной (а отчасти и общей) зарубежной периодики всевозможные библиофильские известия и эту любопытную "смесь" печатал со своими комментариями и дополнениями, что явилось прекрасным противовесом "сухому" библиографическому материалу. Такой же пестрой смесью был и раздел "Книжные вести", отражавший преимущественно материал из отечественной периодической печати.

Надо полагать, что особенным вниманием библиофилов пользовался отдел, посвященный книжным аукционам: здесь приводились сведения из аукционных каталогов, цены на книги, определение степени их редкости и т. п. Сам Касаткин в эти годы добивался позволения на устройство собственных аукционов, которые в России частным лицам разрешались весьма неохотно. Из его писем к товарищам-библиофилам мы узнаем, что он просил их поделить с ним дублетами и вообще ненужными книгами для устройства первого публичного книжного аукциона в Москве¹⁰. Средства, собранные таким образом, должны были, по всей видимости, пойти на дело революционной пропаганды. Но организовать такой аукцион Касаткину не удалось.

Начиная раздел "Движение по устройству библиотек в России", редактор писал: "Собранные нами известия, рассеянные по разным журналам и газетам, об устройстве в разных местах России общественных публичных библиотек, ярко указывают на то, какую существенную и важную потребность составляют в наше время подобные учреждения. К сожалению, Москва отстала в этом отношении от других городов. Слухи о двух частных библиотеках (Гг. Черткова и Голицына), открывающихся в Москве для публики, единственное пока утешение в этом застое Москвы. <...> Но как ни приятно открытие этих частных библиотек, они все-таки не могут (не по одной только своей специальности) заменить городской общественной библиотеки, и нам остается еще пока надеяться, что когда-нибудь и Москва отзовется на всеобщее стремление образований общественных книгохранилищ"¹¹. На страницах "Библиографических записок" неизменно сообщались все новости, связанные с предстоящим открытием в Москве публичной библиотеки. Ее судьбой интересовались все крупнейшие библиофилы России, которые стали затем ее активными "вкладчиками".

Как страстный собиратель автографов, Касаткин особенно ценил факсимильное их воспроизведение. За то время, пока он был редактором, в "Библиографических записках" появилось несколько факсимиле, из которых наибольший интерес представляет собственноручное письмо Н.И.Новикова к П.П.Бекетову (№ 17).

Уже в 1862 году, в 20-м номере, оказавшемся последним, Касаткин поместил составленный им самим большой библиографический указатель "Новые книги". Здесь описаны (и частично аннотированы) 190 книг, изданных в России. Тематика их — библиография, библиофилия, история русской и зарубежных литератур, всеобщая история, россика, этнография, статистика, археология, фольклор, общие вопросы просвещения и художественная литература. Многие книги снабжены весьма квалифицированными аннотациями, иной раз напоминающими маленькие рецензии.

Самое удивительное приберег Касаткин "под занавес". Последняя запись в этом большом списке: "Письмо А.И.Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К.Шедо-Феротти. 3-е изд. Берлин, 1862". Эта брошюра хорошо известна герценоведам, и ее не раз упоминали в работах, посвященных А.И.Герцену, но нашему читателю будет, вероятно, небезынтересна аннотация, которой Касаткин сопроводил это описание: «Из писем этих, во многих отношениях любопытных по содержанию, видно, между прочим (стр. 23) , что с 1857 года в Лондоне издается журнал "Колокол" и что прежде его г. Герцен основал там же два периодичес<еских> издания: "Полярную звезду" и "Голоса из России"»¹². Вот какой был Виктор Иванович Касаткин! Так смело воспользоваться антигерценовской книжонкой агента русского правительства, чтобы преспокойно сообщить своим читателям об изданиях Вольной печати, – тут нужно было большое пропагандистское умение! Здесь Касаткин с честью продолжил традиции других редакторов и сотрудников "Библиографических записок", и прежде всего Афанасьева и Якушкина.

Журнал, как читатель уже знает, не только не приносил прибыли его издателям, но и был убыточным. Но В.И.Касаткин, несравненно более состоятельный, чем А.Н.Афанасьев, мог бы продолжать их издание. Мог, если бы... не цензура. Ни колоссальная энергия, ни обычная удачливость Виктора Ивановича не могли его оградить от "квартирных русских журналистики".

Уже в самом начале издания журнала в письмах Касаткин жалуется на произвол цензуры. Еще до выхода первого номера, в декабре 1860 года, он пишет К.Н.Бестужеву-Рюмину: "Я, признаться, крепко побаиваюсь за Записки, тем более, что большая часть материалов моих враждебного цензуре свойства. Да вдобавок на Библиограф<ические> Записки, как сообщено мне, *повелено* обратить *особенное* внимание. Я, впрочем, не падаю духом, но, грешный человек, завидую вам: вы уже, так сказать, обдержались в перелюбках с нею, а мне еще только приходится вступить в столь приятные отношения..."¹³.

Дальше – хуже. Запрещаются целые статьи, ни один номер журнала не выходит в срок. "Первенец наш, – сообщает Касаткин В.П.Гаевскому, – не обошелся без представления в цензурный комитет. На свою ответственность Г<иляров>-П<латонов> не брал его. Мало этого, – в debateх со мною он объявил мне, что "приставлен к Библиограф<ическим> запискам как собака", и советовал не издавать вовсе такого заслужившего дурную репутацию журнала. Как вам это покажется?"¹⁴ "Цензурный произвол у нас во всем разгуле: разъезды и объяснения по этому случаю отнимают пропасть времени"¹⁵. Это – в послании к П.П.Пекарскому. А в мае 1861 года Касаткин пишет Е.И.Якушкину: "Материалов для Библиографических записок довольно, но, увы, большей частью они нецензурного свойства. <...> Цензура московская – олицетворенная мерзость и тупость. <...> У меня погибли 4 статьи. Ожидает погибели целый десяток. Что делать? Просто руки опускаются"¹⁶.

Мы уже говорили о том, что первый номер возрожденных "Библиографических записок" открывался портретом Радищева. Из переписки Касаткина видно, что он написал о нем статью и добыл какие-то неизвестные материалы для публикации, но цензура ничего не пропустила. Как ни упрям был Виктор Иванович, но пересилить российскую цензуру он все же не мог и в конце концов сдался...

Летом 1862 года Касаткин уезжает за границу и увозит свою большую и весьма ценную библиотеку. Исследователи высказывали предположение, что он и на этот раз отбывал ненадолго, как обычно, на год-другой¹⁷. Но тогда зачем он увез библиотеку? Уехал он совершенно неожиданно для своих друзей. В письмах к Евгению Ивановичу Якушкину (которому он безмерно доверял), посланных совсем незадолго перед этим, об отъезде не было даже речи.

Не успел Касаткин распаковаться в Лондоне, как в России началось "дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами" (о котором мы уже рассказывали в связи с Афанасьевым). Виктор Иванович числился среди лиц, привлеченных к суду, и ему был послан за границу официальный вызов, который он, естественно, игнорировал и даже поместил в "Колоколе" письмо-протест (15 июля 1865 г., № 200, с. 1638–1639). Столь поспешный отъезд наводит на мысль, что его предупредил кто-то из многочисленных друзей, — возможно, человек, имевший связи (или даже служивший) в III отделении. Это не раз случилось в те времена; революционерам многие сочувствовали.

Как бы то ни было, пути в отечество были отрезаны навсегда (возвратиться в Россию можно было только ценой предательства, что сделал некоторое время спустя В.И.Кельсиев, из-за приезда и неосторожности которого, собственно, и разгорелся весь этот сыр-бор с "лицами, обвиняемыми").

Формула изгнания была такова: "Преданных по высочайшему повелению суду правительствующего Сената, находящихся за границею Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василия Кельсиева за слушание противу правительства, состоящее в неявке их в Россию, несмотря на делаемые им вызовы, — лишит всех прав состояния и считать их изгнанными навсегда из пределов государства"¹⁸.

Так Виктор Иванович Касаткин стал политическим эмигрантом. Сначала он приехал в Лондон и стал активным помощником Герцена и Огарева. Но вскоре мы видим его уже в Берне, где он совместно с В.И.Бакстом организует свою типографию, просуществовавшую немногим более года.

При переезде Герцена в Женеву в 1865 году Касаткин помогает ему в устройстве на новом месте: принимает багаж и оборудование типографии, нанимает помещение, заботится о приобретении шрифтов и т.п. Затем возникает план организовать на паях типографию с участием Герцена, известного эмигранта П.В.Долгорукова, Касаткина и Чернецкого. Немного просуществовав, эта типография также распалась, причем между Герценом и Касаткиным произошли какие-то недоразумения, поссорившие их. Можно себе представить, как болезненно они оба переживали этот случай: ведь Касаткин был одним из немногих эмигрантов второго поколения, всегда и во всем державший сторону Герцена. Он был так предан ветерану Вольной печати, что среди молодой эмиграции получил прозвище "герценовской цепной собаки". Смерть его настолько потрясла Огарева, что у него случился обморок на улице¹⁹.

Незадолго до своей безвременной кончины Касаткин успел издать за свой счет в типографии Людвиг Чернецкого известную книгу Флетчера "О государстве Российском". Это издание было, конечно же, предназначено

для библиофилов. Сохранилось и письмо Касаткина к Тхоржевскому, в котором также весьма ярко проявились библиофильские пристрастия Виктора Ивановича. Благодаря своего корреспондента за отпечатанный специально для него экземпляр "Записок" И.Д.Якушкина, он просит прилагаемые к письму записки (к сожалению, нам не удалось установить, какие именно) отпечатать для него "не на желтой, а на синей, на зеленой и на розовой бумаге, так, чтобы все экземпляры были на разного цвета бумагах"²⁰. При чем каждая такая книга печаталась в одном экземпляре, а затем вливалась в собрание Касаткина, пополняя его искусственно созданной редкостью.

Библиотека Касаткина к смерти владельца насчитывала 25 тысяч книг, не считая рукописей. Если же иметь в виду, что большая часть изданий были уникальными, то цифра эта представится чрезвычайно значительной.

Прежде всего, Касаткин владел ценнейшей коллекцией русских старопечатных изданий. Насколько можно судить по отзывам современников, это было самое крупное частное собрание русских инкунабул. Затем он имел богатейшую коллекцию книг и рукописей XVIII века, в особенности масонских, вышедших из типографии Н.И.Новикова. Некоторые рукописи (очень немногие) Касаткину удалось опубликовать на страницах "Библиографических записок"²¹. Великолепно была представлена и периодика XVIII века, в те годы — предмет исканий самых страстных библиофилов.

Кроме собрания старинных книг у Касаткина хранилась отдельно библиотека запрещенных изданий того времени. К ней допускались все желающие. Для нас теперь каждая из этих книг — редкость.

Как и другие библиофилы того времени, Касаткин хранил множество списков потаенной русской поэзии и прозы²².

Кроме книг и рукописей Касаткин собирал портреты русских деятелей. Основанием этой также весьма богатой коллекции стало купленное им крупное собрание известного издателя XVIII века П.П.Бекетова, куда вошло не только множество редких портретов, но и пробные листы, т. е. вовсе уникальные экземпляры. Это собрание Касаткин активно пополнял. В него влились и портреты его современников, а среди них превосходный портрет П.Я.Чаадаева с надписью: "Виктору Ивановичу Касаткину от друга Чаадаева А.Герцена 18 марта 1866 г."*

Помимо собственно библиотеки, т. е. собрания книг и рукописей, Касаткин имел и богатейший личный архив. Ведь он переписывался с Герценом, Огаревым, видными русскими библиофилами и учеными. Все книжные богатства остались в распоряжении его вдовы.

Как раз после смерти библиофила фельдмаршал князь А.И.Барятинский, наместник Кавказа, большой любитель старинных изданий, прослышал о собрании Касаткина и пожелал приобрести его. Этот вельможный библиофил покупал не только отдельные книги, но и целые библиотеки. Перед этим он как раз приобрел собрания ориенталиста Гульянова и филолога Гильфердинга, а теперь послал своего брата к Е.А.Касаткиной, боясь, что его кто-то опередит.

* Этот портрет вместе с надписью воспроизведен в кн.: Лебедев А.А. Чаадаев. М., 1965. (Жизнь замеч. людей).

К чести молодой женщины надо сказать, что она поступила с наследием мужа куда благороднее, чем, например, богатая вдова Геннади. Касаткина семь лет не продавала библиотеку, по-видимому, пока хватало средств для существования, и только тогда, когда жить стало уже не на что, решила на продажу. Перед тем как расстаться с библиотекой, она пригласила бывшего соратника Писарева по "Русскому слову", а теперь также эмигранта Варфоломея Зайцева для составления ее каталога. Кроме того, Бярятинский заверил вдову, что собрание будет храниться отдельной коллекцией (это обещание князь выполнил, во всяком случае в отношении книг). В 1874 году библиотека, собрание рукописей и весь архив В.И.Касаткина были приобретены Бярятинским за 45 тысяч франков — цена немалая, но нисколько не соответствующая истинной ценности всех этих сокровищ²³. Довольно скоро, в 1879 году, умер и сам фельдмаршал. Вся его большая библиотека (42 тысячи томов) согласно завещанию была передана Румянцевскому и Историческому музеям в 25-летнее пользование. Эта передача длилась несколько лет и завершилась только в 1887 году. Собрание Бярятинского, а вместе с ним и библиотека Касаткина, таким образом, раздвоились, и теперь эти книги частично хранятся в Библиотеке СССР им. В.И.Ленина, частично — в Государственной публичной исторической библиотеке, бумаги же в основном осели в фонде Бярятинских в отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Но как бы то ни было, они живы и продолжают верно служить людям²⁴.

В.И.Касаткин. ИЗБРАННОЕ.

(О МОСКОВСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ)

Носится слух, что Румянцевский музей переводится из Петербурга в Москву. Богатое собрание русских и славянских рукописей этого музея может быть лучшим основным камнем для будущей Московской публичной библиотеки. Естественно, что возможно скорейшее осуществление этого слуха — одно из задушевнейших желаний московских ученых, литераторов и библиофилов. И кто знает, может быть, перевод Румянцевского музея станет побудительной причиной для некоторых владельцев библиотек, книги которых, под сотнями печатей, гниют без всякой пользы для них и для общества, пожертвовать принадлежащие им собрания для городской публичной библиотеки в Москве.

Мы, со своей стороны, вполне убеждены, что все, пользовавшиеся до сих пор Румянцевским музеем в Петербурге, не только не будут огорчены переводом его в Москву, но деятельно, насколько это зависит от них, помогут и порадуются вместе с нами осуществлению этой прекрасной мысли. При книжных сокровищах Императорской публичной и других библиотек в Петербурге такая уступка Румянцевского собрания Москве не должна быть чувствительной потерей для петербургских ученых и библиофилов; но что еще гораздо важнее, она лучше всего докажет в то же время, что светлая мысль о развитии умственных сокровищ по всей России явно берет верх над старой мыслью стягивания такого рода сил только к одному центральному пункту.

* * *

Сообщенный нами, во 2-м № Библ<иографических> Зап<исок>, слух о переводе Румянцевского музея в Москву ныне подтвердился вполне. Музей окончательно переводится из Петербурга в Москву, где и должен войти в состав Московской публичной библиотеки. Мы не замедлим сообщить нашим читателям все подробности этой отрадной новости и надеемся, что общее сочувствие к новой жизненной силе Москвы выскажется в книжных и других пожертвованиях, столь необходимых для всякой возникающей публичной библиотеки.

* * *

Дело образования Московской публичной библиотеки окончательно упрочено. Фундамент ее — Румянцевский музей со всеми своими сокровищами, не исключая ничего из них, уже переправлен в Москву. Мы слышали (не ручаемся, однако же, за достоверность этого слуха), что и самый дом, в котором помещался Румянцевский музей, как нераздельное целое с ним, должен перейти в собственность московского книгохранилища. Со своей стороны мы искренно желаем, чтобы этот слух обратился в действительное подспорье возникающей библиотеке. Нет сомнения, что богатая библиотека Московского университета должна также войти в состав московской общественной библиотеки, но на каких условиях, это пока еще неизвестно. Можно, впрочем, заранее ручаться за то, что университет дозволит пользование его библиотекой на самых льготных условиях и отделит в собственность публичной библиотеки не одни только дублеты, но и все книги, не соответствующие научным его потребностям. Превосходный выбор местности и помещения (в бывшем доме Пашкова, близ университета) новой библиотеки, живое участие к этому делу начальства университета и два таких драгоценных собрания, как Румянцевский музей и библиотека Московского университета, лежащие в основание московского книгохранилища, служат лучшим ручательством того, что самая организация и состав управления библиотеки быстро подвинуется вперед и оправдают вполне все возбужденные этим истинно современным и прекрасным делом ожидания публики. Нельзя не порадоваться также и тому, что, как видно из Московских ведомостей, частные лица начинают понемногу пожертвования в возникающую библиотеку; незначительные пока еще от разных лиц приношения книгами (в числе которых, однако, успела уже попасть в возникающую библиотеку и библиографическая редкость — журнал Пустомеля, в превосходном, как мы слышали, экземпляре) указывают дорогу и другим пожертвованиям, число которых, как мы думаем, не перестанет расти и увеличиваться.

Искренне сочувствуя и радуясь образованию так долго недостававшей Москве публичной библиотеки, мы считаем долгом предложить всем русским библиофилам и всем, кому дорого возникновение новой жизненной силы для нашего развития и образования, доставлять все жертвования в пользу библиотеки до тех пор, пока можно будет обращать их прямо в самую библиотеку, в контору редакции Библиогр<афических> Записок, при книжном магазине Н.М.Щепкина и К°, в Москве. О всяком пожертвовании мы заявим в нашем журнале и не замедлим сдать его по принадлежности.

Будучи убеждены, что наши читатели особенно интересуются образованием будущей библиотеки, мы от времени до времени будем сообщать им как подробности о ходе дела, так и наиболее важные мнения, вызванные этим делом.

* * *

В временное пользование Московской публичной библиотеки поступило богатое (до 6000 томов) и специальное собрание книг покойного издателя "Магазина земледелия" Н.Г.Фролова. Библиотека его состоит преимущественно из книг, относящихся до географии, статистики, отдела путешествий и вспомогательных сочинений по означенным предметам. Было бы весьма желательно, чтобы временное помещение этого специального собрания книг в московском книгохранилище обратилось в его собственность, занеся в свои летописи имя собирателя его Фролова и жертвователей.

К этому известию мы должны прибавить и другое, еще более приятное — о поступлении в полную собственность московского книгохранилища другой библиотеки, составленной Константином Матвеевичем Бороздиным и жертвуемой ныне его дочерью Еленой Константиновною Бороздиной. Библиотеку эту составляют около 4000 томов. В числе книг, из которых особенно богаты отделы: периодических изданий, журналов и газет (871 т.), словарей (261 т.), географии, этнографии и путешествий (255 т.), проектов, уставов и отчетов (229 т.), истории России (201 т.), исторических материалов (190 т.), календарей (185 т.) и т. д. есть много весьма редких и замечательных изданий и сочинений. Не перечисляя всех, мы особенно укажем на следующие редкие книги:

Месяцесловы с 1732 по 1780 год, в том числе весьма редкий месяцеслов на 1741 год.

Арифметика Леонтия Магницкого. М., 1703.

География генеральная Варения. Пер. с лат. М., 1718.

Les voyages de Jean Struys en Moscovie. Rouen; 1724¹.

Новый словотолкователь, расположенный по алфавитному порядку, Яновского. Спб., 1803. — 63 кн.

Доброе намерение. Печатано при Московском университете. 1764 г. 1 кн.

Свободные часы (изд. Хераскова). При Московском университете. 1763 г. 1 кн.

Манифест 22 февраля 1711 г. о войне с турками (церк. печати).

Mowy wybotne. Wilno, 1784².

Собрание примечаний к Спб. ведомостям 1736—1740. 1 кн.

Материалы для истории просвещения в России П.Кеппена., Спб. 1825—1826.

Mémoires et actes authentiques du partage de la Pologne, 1810³.

<...> Книга мирозрения. М., 1724.

Нога, или Беседы мудрого. Пер. с нем. Лабзин. М., 1804. 1 кн.

¹ Путешествия Жана Стрюяса в Московию. Руан, 1724 (фр.).

² Избранные речи. Вильно, 1784 (пол.).

³ Подлинные доклады и акты о разделе Польши, 1810 (фр.).

Камень веры, соч. Стефана Яворского, 1-е изд. М., 1728 (церк. печ).
1 кн.

<...> Все книги этой библиотеки в хороших экземплярах и большая часть в переплетах. Согласно условию жертвовательницы, библиотека с именем ее составителя должна быть помещена, без раздробления ее, в одном месте. В таком виде многие частные библиотеки входили в состав общего книгохранилища. Так, у нас в СПбургской публичной библиотеке помещается отдельно "Древлехранилище г. Погодина", в Эрмитажной библиотеке собрание книг Вольтера, в Британском музее великолепная коллекция Томаса Гренвилля, библиотека короля Георга III и т.д. Отдельное помещение таких частных собраний не нарушает, конечно, принятой общей системы каталогизирования книг и потому несколько не затрудняет библиотечкарей.

Мы твердо убеждены, что и теперь, а особенно впоследствии, не один из наших библиофилов и будущих читателей московской библиотеки скажет искреннее спасибо составителю и жертвовательнице этого дорогого книжного вклада.

Кроме того, Московская публичная библиотека обогатилась новым денежным пожертвованием. Любитель просвещения г. Кошелев, искренно и горячо сочувствуя необходимости такого учреждения, принес ему в дар, исключительно на приобретение одних книжных собраний, 25 000 рублей серебром, распределив взнос их по равным частям, на десять лет. Есть слух, что эти деньги будут употреблены на приобретение библиотеки С.Д. Полторацкого, заключающей, как известно, много библиографических редкостей.

Петр Иванович Севастьянов передал публичной библиотеке и музею в Москве собранные им в различных путешествиях по Востоку древности, а также обширное собрание памятников византийского искусства, привезенных им с Афонской горы.

Недавно сделано еще одно важное приобретение, значительно обогащающее Московскую публичную библиотеку. По ходатайству барона М.А. Корфа Государю Императору угодно было разрешить, чтобы те сочинения библиотеки Эрмитажа (заключающей в себе до 55 000 томов), которые уже имеются в Императорской публичной библиотеке, были переданы в Московскую публичную библиотеку. Этим путем, по приблизительному расчету, последняя получит до 4000 томов.

Настоящий директор Императорской Публичной библиотеки, тайный советник Делянов сделал распоряжение о передаче из нее в Московскую публичную библиотеку всех дублетов, огромное число которых трудно определить.

BIBLIOPHILIANA*

1

Недавно в Тоскане учрежден суд присяжных для разбора *литературных* преступлений. Этим учреждением правительство выказало доверие

* Под этим заглавием мы намерены помещать разного рода библиографические известия других стран. Редактор.

к общественному мнению. В первом процессе подобного рода (22 июля 1861 г.) журнал Новая Европа, обвиненный в оскорблении особы короля, был оправдан присяжными. Адвокатом журнала был главный его редактор – распорядитель – профессор и адвокат Монтанелли. Решение присяжных, несмотря на враждебное расположение публики к обвиненному, было встречено первой выражением живого одобрения.

2

Г.Блек, член парламента и издатель известной "Encyclopaedia Britannica"¹, на обеде, данном недавно своим сотрудникам, объяснил, во что обошлось 8-е и 9-е издание гигантского сборника. Вот эти интересные цифры. Авторские гонорары – 250 000 р. сер<ебром>; бумага – 325 000 р. сер<ебром>; печатание – 225 000 р. сер<ебром>; гравюры – 11 200 р. сер<ебром>; переплет – 137 500 р. сер<ебром>; объявления – 68 000 р. сер<ебром>. Всего около 1 150 000 р. сер<ебром>.

3

Журнал Созвездие ("Constellation"), издаваемый в Нью-Йорке, имеет в длину более 8, а в ширину 5 футов и покрывает пространство почти в сорок пять квадратных футов (т.е. почти целую квадратную сажень).

4

Джакомо Молини начал издавать во Флоренции ежемесячный сборник под заглавием "Giornale generale della bibliographia italiana"². Это так давно недостававшее Италии издание, без сомнения, окажет значительные услуги библиофилам и книгопродавцам всех стран.

5

Знаменитый лейпцигский издатель Бернгард Таухниц получил от Саксен-Кобургского герцога, в вознаграждение своих издательских трудов, титул барона, как для него, так и для нисходящего его потомства.

6

Недавно производились в типографии г.Лепеллетье, в Гавре, опыты над механическим прессом нового устройства, изобретенного американским инженером г.Дж.А.Вилькинсоном. Этот пресс может печатать в час до 20 000 листов большого формата; сверх того, он снабжен особым механизмом для счета экземпляров по мере их печатания, для их обреза и даже складывания. Произведенные опыты подают основательную надежду, что это изобретение принесет большую пользу, в особен-

¹ Британская энциклопедия (лат.).

² Главный журнал итальянской библиографии (ит.).

ности для периодических изданий, требующих крайнего сбережения времени.

7

Библиотека умершего короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV, вероятно, одна из самых больших частных библиотек настоящего времени. Она состоит из 40 000 томов и особенно богата по отделам истории, древностей и христианского искусства. Собрание это завещано настоящему королю, за исключением артистических сочинений, поступивших во владение вдовствующей королевы.

8

Неаполитанские журналы. В одной иностранной газете сообщаются следующие подробности о неаполитанской журналистике. Зде́шняя пресса не имеет обзоров, выражается одними лишь газетами, большею частью имеющими мало влияния. Наиболее распространен в публике *Pungolo*, небольшой вечерний листок, довольно независимый. Он дает телеграф-депешы и стоит всего $\frac{1}{2}$ копейки. "Nationale" — консервативный орган, получающий, как говорят, субсидии от правительства и горячо нападающий на оппозицию. "Popolo d'Italia" — орган радикалов. Это честная газета, имеющая по временам великолепные гневные порывы. Политические промахи этой газеты нередки. "Settimana" — газета легитимистов, самая ловкая и решительная из всех. Прикидываясь либеральной, она собирает горы анекдотов на счет теперешнего правительства и плачет над выдуманными ею же бедствиями, сообщая в то же время циркуляры Франциска II.

9

В 1862 году Вена празднует 400-летнюю годовщину основания первой типографии в этом городе. Первым великим типографом был Ульрих Ган, который завел свою книгопечатню в 1462 году. Один памфлет, выпущенный им и направленный против бургомистра, навлек на него кучу неприятностей. Чернь разбила даже типографские станки. Но император Фридрих IV принял Гана под свое покровительство. По приглашению Торквемады Ган предпринял путешествие в Рим, был милостиво принят Пием II и получил заказ на печатание рассуждений Торквемады, а потом, в 1470 году, и других сочинений. В 1472 году Ган принял в товарищество своего подмастерья Симона Николая из Луки. В 1468 году Фридрих IV, в бытность свою в Риме, дозволил типографам носить шпагу, поставив их таким образом наряду с дворянством и ученым сословием.

10

В Милане профессор Эллеро приступил к изданию ежемесячного обзора, имеющего целью уничтожение смертной казни.

Вышли семь ливрезонов дешевого издания книги Адольфа Штара G.E.Lessing, sein Leben und seine Werke (Berlin, Verlag V.I. Guttentag)¹. Все издание будет стоить 2 талера.

Автографы Шарлотты Корде необыкновенно редки. Недавно, по словам Cougrier de Lion², содержатель ткацкой мастерской Бернар, пересматривая старые семейные бумаги, нашел Воззвание к народу, написанное III.Корде накануне ее ареста.

Редакция одного прекратившегося венского журнала объявила, что для расплаты со своими подписчиками она будет доставлять им за 30 крейцеров хлеб, продающийся в булочной за 32 крейцера.

9 октября в 10½ часов утра в Испании, в Барселоне, на площади, где обыкновенно казнят преступников, было аутодафе. Жгли 300 экземпляров книг и брошюр, конфискованных у одного книгопродавца, по распоряжению барселонского епископа. Священник, в полном облачении, с крестом в руке и факелом в другой, распоряжался церемонией. Когда книги обратились в пепел, священнодействующие удалились под свистками народа, кричавшего: *долой инквизицию!*

Соединенные Штаты представляют наибольшее — сравнительно с величиною народонаселения — число периодических изданий. В 1725 году их было всего 34, в 1790 (на 3 929 897 душ) — 72; в 1800 уже 200, в 1830 — 1 000, в 1850 — 2 800, в 1860 (на 31 641 977 душ) — 5 253. Из этой цифры 324 издания посвящены религии, 61 — земледелию, 44 — медицине, 26 — торговле, 13 — воздержанию, 10 — железным дорогам, 10 — физическим и математическим наукам и искусствам, 9 — горному делу, 8 — музыке, 6 — правоведению, 5 — франкмасонству, 5 — умозрительным наукам, 4 — печатному делу. Политике принадлежат остальные 4728. Если считать по языкам, из общего числа на иностранных языках окажется: 253 — на немецком, 16 — на французском, 4 — на испанском, 3 — на итальянском, 2 — на шведском <...>.

¹ Г.Е.Лессинг, его жизнь и сочинения. Берлин. Изд-во В.И.Гуттентаг (нем.).
² Лионский вестник (фр.).

Эд. Лабуле и Г. Гифрей, адвокаты парижской Вагге, издали недавно весьма интересное сочинение *La propriété littéraire au XVIII siècle*. Paris; Nacheite¹. Оно изложено ими историческим образом и написано по поручению для защиты прав литературной и артистической собственности.

Недавно (1 сентября — 6 октября) в Праге была выставка чешских древностей, устроенная обществом чешских художников. Между разными богатствами древнего образования чехов были и книги X столетия. Миниатюрная живопись средневековых художников явилась в блистательном виде в отделе канционалов и молитвенников. По чистоте письма и по украшению книги эти переходили, как драгоценности, по завещаниям. Таковы, например, *Latinsky Kancional pod oboji, Litomericky*². Он состоит из 463 пергаментных листов и весит 110 чешских фунтов. В нем находится множество миниатюр, превосходно выполненных и отличающихся нежностью и чистотой красок. Самые лучшие и большие представляют события из жизни Я. Гуса. Этот канционал составлен в I половине XVI столетия Яаковом Боровским и принадлежит к чешской школе времен Владислава II — *Evangeliar* (Евангелие) на пергаменте X столетия. Перед началом каждого Евангелия находится изображение евангелиста. Доски книги (вероятно, XV столетия) украшены картинами и эмалевыми застежками. *Vyschehradska Kniha Perikop* (Вышеградская книга Перикоп) — 108 листов на пергаменте, с прекрасными картинами, указывающими на влияние византийской живописи на древнюю чешскую школу. Памятник относится к XI или к началу XII века и занимает важное место в истории чешской живописи. *Pontificat bispupa Alberta*³ — рукопись XIV века, на пергаменте, со многими картинами, изображающими жизнь времен Карла IV; особенно хороши портреты Карла и Альберта. На новом переплете, сделанном в 1581 году, еще заметны следы древней оковки книги. *Gradual Litomyslsky u Kniha Chval Bozshich* (Градуаль Литомысльский и Книга хвалений божиих) на чешском языке, важны не только для истории искусства, но и для знакомства с народной и общественной жизнью того времени. Обе книги принадлежат к XVI веку: в Книге хвалений особенно замечательна картина, изображающая сожжение Гуса. *Zivotové svatych otzw, kteri obyvali na rousti* (Житие святых отцов, живших в пустыне), на чешском языке, 366 пергаментных листов. Эта книга с превосходными рисунками принадлежит к началу XVI века. Чешский переводчик Григорий Грубый подарил ее высшему чешскому канцлеру Ладиславу Штернбергскому.

В течение минувшего октября главные парижские журналы выходи-

¹ Литературная собственность в XVIII в. Париж, Ашетт (фр.).

² Латинские песнопения при причастии (чеш.).

³ Понтификат епископа Альберта (чеш.).

ли в следующем количестве: Siécle в 53 000 экземпляров, Patrie — 25 000, Constitutionnel — 23 000, Presse — 22 600, Opinion Nationale — 19 000, Débats — 11 600, Monde — 9 000, Union — 8 300, Temps — 5 600, Gasette de France — 5 300, Pays — 5 000, Ami de la Religion — 4 000.

19

К числу наших библиографических редкостей принадлежит недавно изданная и составленная г.Маховым (состоящим при русском консульстве в Хакодате) Русская азбука для японцев. Над составлением, писанием печатных букв и переводом г.Махов трудился 5 месяцев, отдавая по листам японцу-резчику вырезать буквы каждого листа отдельно на особой доске. Составленная таким образом азбука, с надписанием выговора каждого русского слова японскими буквами и с подстрочным переводом того же слова на японский язык, вышла в печати отлично хороша. Отпечатано ее в красивой обертке 100 экземпляров и кроме того 4 экземпляра в отделке более роскошной: один экземпляр на разноцветной почтовой бумаге, остальные 3 на белой русской же почтовой бумаге. Эти 4 экземпляра поднесены г.Маховым японским властям. Остальные назначены для раздачи японским детям.

20

В текущем году, как известно, были отменены в Англии пошлины с бумаги. Последствия этой отмены обнаружились самым практическим образом: бумага всякого рода подешевела и основались разные новые журналы. Можно ожидать самых полезных последствий для распространения познаний в народе. Некоторые журналы, расхोдившиеся в числе 100 000 экземпляров в неделю, понизили цену с одного на половину пенни, а главное, Times с 1 октября уменьшил плату с 4 на 3 пенса.

21

Итальянская газета Les Nationalites извещает, что в Лукке найдены манускрипт Галилея и драма Метастазियो, которые и будут вскоре изданы во Флоренции известным директором архивов Бонами.

22

В Париже книгопродавец Плон выдает в свет том *неизданных* сочинений Вольтера, найденный в бумагах Дидеро.

23

”Дворянское гнездо” Тургенева явилось во французском переводе гр.Соллогуба и Альф. де Колоння, под заглавием: Une Nichée de gentilshommes, les moeurs de la vie de province en Russie¹. Французские журналы очень хвалят это сочинение.

¹ Дворянское гнездо, нравы и жизнь русской провинции (фр.).

Другой книгопродавец, Michel Lévy, издал также недавно: *Oeuvres et correspondances de J.J.Rousseau*¹. В этом томе заключается между прочим проект конституции для Корсики и *Mon portrait*², где Руссо то превозносит, то унижает себя.

Современные преследования со стороны австрийцев в Галиции простираются без всяких поводов не только на людей, но и на книги. Так, недавно, по извещению из Нового Сача, взят Людовик Строчинский за то, что открыл кабинет для чтения без платы. Это заведение закрыто: все журналы и книги захвачены полицией.

С 1 января 1826 года издается в Париже новая газета, для библиофилов, под заглавием *L'amateur d'autographes* (Любитель автографов). Она будет выходить два раза в месяц под редакцией г.Шараве (Charavay) и очень интересует всех тех, кто занимается изучением старых рукописей.

Чешский поэт и археолог К.Я.Эрбен издает книгу (в 20 печатных листов), озаглавленную им *Slovanska Citanka*³, которая будет заключать 100 народных сказок на всех языках (и некоторых поднарядах) славянских, в оригинальных текстах.

Библиографическая хроника 1861 года занесла на свои страницы конвенцию между Россией и Францией о литературной и художественной собственности. По силе этой конвенции право литературной или художественной собственности русских подданных во Франции и французов в России будет продолжаться для самих авторов в течение всей их жизни и переходит на 20 лет к их прямым наследникам и наследницам и на 10 лет по боковой линии; сроки эти считаются со дня смерти автора. Конвенция эта, что весьма важно, не стесняет права перевода с французского на русский и наоборот. Взамен и без того не существовавшей у нас перепечатки французских изданий мы приобрели право издавать во Франции русские сочинения через 20 и 10 лет, тогда как в России, по положению 1857 года, установлен на владение литературною собственностью срок в 50 лет. Нет сомнения, что предприимчивые издатели подарят по этой причине наших библиофилов и нашу читающую публику

¹ Неизданные сочинения и письма Ж.-Ж.Руссо (фр.).

² Мой портрет (фр.).

³ Славянская хрестоматия (чеш.).

не одним хорошим, изящным или дешевым изданием наших лучших писателей.

29

Недавно, как известно, исполнено было в Гельсингфорсе *шаривари*, которым часть жителей этого города выразила свое неудовольствие на цензурные строгости. Ныне Государю Императору благоугодно было снова поручить цензуру газет и периодических изданий, выходящих в Финляндии, Главному управлению цензуры, которое будет состоять из лиц, пользующихся его доверием и непосредственно подчиненных генерал-губернатору. Разрешение издавать новые газеты может дать только императорский Сенат. В то же время наряжена комиссия для *пересмотра цензурного устава* 14 октября 1829 года.

30

Национальная выставка Италии 1861 года между прочим показала, на какой степени стоят ее современное типографское искусство и книжная деятельность.

Вот что рассказывает гр. Clément de Ris, обративший особенное внимание на это отделение выставки. Знаменитые итальянские типографы Альды и Бодони и даже какой-нибудь из их факторов не поверил бы глазам своим, увидав современные издания Италии. До такой степени упало в ней типографское искусство. <...> Образцы книгопечатания бедны. Г. Джузеппе Фавале, типограф из Турина, выставил отпечатанную им книгу *Musee de Turin*¹. Шрифт похож на известный шрифт П. Дидота, но оттиск его не везде одинаково хорош. И между тем это лучшая книга на выставке. Один из томов, выставленный г. Франческо Лао, из Палермо, как образец хромолитографического искусства, доказывает явное превосходство типографов Южной Италии над Севернойю. Затем следуют жалкие для библиофилов компактные издания г. Гаспер Барбера из Флоренции (*Collectione diamante*)², сделанные стереотипными клише; а г. Феликс Лемоннье, наиболее деятельный издатели, Charpentier из Флоренции, выставил целую витрину изданных им итальянских классиков. Известное издание г. Лемоннье сочинений Вазари (лучшее и полнейшее по примечаниям и разным дополнениям) почти окончено: вышло уже 14 томов и остается один 15-й, заключающий содержание всего издания. В типографском отношении издание г. Лемоннье крайне плохо.

Наиболее замечательными произведениями являются книги, изданные Мехитаристами армянского монастыря, на острове св. Лазаря, в Венеции. Присланные ими полиглот Pater'a и перевод на армянский язык Потерянного рая Мильтона отличаются вполне изящным выполнением и знанием дела.

¹ Туринский музей (ит.).

² Алмазная коллекция (ит.).

Переплетное искусство стоит не выше. Вообще переплеты богаты разными украшениями (из слоновой кости, с деревянными инкрустациями и т.д.), но далеко не изящны. Один из переплетчиков, г. Бинда из Милана, составляет, впрочем, исключение. Выставленный им Петрарка (Альд, 1533) в красном левантском сафьяне изящно украшен точным изображением Альдинского якоря. Так же изящно переплетен им Diago de Bello Carolo (Venice, 1496)¹, в красном сафьяне с инкрустацией из черных арабесков, в роде Майоли и Гролье.

Затем заслуживает особенного внимания искусство г. Рафаэля Салляри, из Флоренции. Подражания его древним гравюрам, инкунабулам и реставрации манускриптов, сделанные отчасти рукой, отчасти с помощью литографского камня, превосходны. Образчиком может служить дополненный им лист в конфессионале Савонаролы. <...>

31

Недавно нашли в Риге рукопись трагедии Шиллера "Дон Карлос", с собственноручными пометками поэта. Рукопись, по указанию дерптского профессора Мерклина, найдена в библиотеке рижского театра. Она писана несколькими писцами и, судя по ошибкам, кажется, под диктовку. Надпись "Дон Карлос, инфант испанский" и перечень действующих лиц, помещенный в конце пьесы, написаны самим Шиллером.

Найденная трагедия, переделанная поэтом в прозу, была получена в Риге 9 ноября 1787 года. Замечательнейшим вариантом рижского экземпляра представляется то, что Доминго, действующий в стихотворной драме, заменен статс-секретарем Перецом.

32

В журнале "Gazeta Polska", издаваемом Крашевским, напечатано известие, что богатое собрание рукописей, книг и разных предметов древности умершего археолога и библиографа К.Свидзинского делается общим достоянием. По в<ысочайшему> указу (от 10 дек. н<ового> с<тиля> 1861 г.) все собрания Свидзинского присоединяются к майорату гр<афа> Вл.Красинского, с условием хранить их навсегда в целости в Варшаве и с правом общего для всех пользования. На издержки по сохранению и открытию для публики этого музея назначена ежегодная сумма в 1650 р. сер<ебром>.

Нельзя при этом не пожелать, чтобы такие собрания, как музей ольвийских древностей гр<афа> Кушелева-Безбородко, музей и библиотека гр<афа> Уварова, библиотеки кн<язя> Кочубея, Воронцова и Юсупова, сделались со временем также общедоступными для всех, интересующихся литературой, науками и искусствами.

33

Г. Фельт в Бостоне изобрел снаряд для размещения букв. Снаряд этот должен быть для типографских наборщиков тем же, что швейная

¹ Дневник прекрасного Кароло (ит.).

машина для швей. Машина будет находиться на всемирной лондонской выставке 1862 года. Говорят, что она может набирать по 15 000 букв в час и размещать в тысячах отделений всякого рода буквы и знаки.

В сентябрьской книге *Bulletin du bibliophile*¹ за 1861 год помещено любопытное известие, что в Лондоне основывается фотографическая книжная лавка, управляемая г. С. Silvy, под покровительством маркиза д'Азелио, сардинского посланника в Лондоне. Основатели ее имеют в виду приложение фотографии к воспроизведению древних манускриптов, приложение, дающее точное *fac-simile* рукописей и могущее даже, при искусном ведении дела, послужить к их реставрированию. Так уже и было сделано *fac-simile* манускрипта Sforza, с оригинала, принадлежащего маркизу д'Азелио, обогатившего это издание историческими и объяснительными заметками.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ "НЕМЕЦКОГО ИЗВЕСТИЯ О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ" (1768)

В 1851 году С.Д.Полторацкий перепечатал слово в слово найденную им весьма редкую брошюру: "Essai sur la littérature russe"² (Livorne, 1771), 8°, 15 страниц текста и 2 заглавия. В том же году в № 150 "Московских ведомостей" Н.С.Тихонравов поместил статью, посвященную этому любопытному "Опыту о русской литературе". Приводя между прочим указание Новикова (в его "Опыте исторического словаря о российских писателях") на то, что в 1766 году один русский путешественник сообщил в лейпцигский журнал известие о некоторых российских писателях, г. Тихонравов приходит к догадке: не есть ли изданный г. Полторацким "Опыт" одно и то же с известием, напечатанным на немецком языке в лейпцигском журнале.

Приводимый нами подлинный немецкий текст "Известия", сообщенный М.Л.Михайловым, вместе с русским переводом его решают эту догадку утвердительно. Разница французского и немецкого текстов указана в выносках: из нее оказывается, что немецкий текст полнее и "Опыт" не что иное, как перевод его. К сожалению, автор "Известия" до сих пор остается анонимом. Из приведенного нами примечания немецкой редакции видно только, что русский путешественник, автор этого "Известия", сам принадлежал к числу русских писателей, оказавших услуги русскому театру. <...>

КРИТИЧЕСКИЙ ЛЕКSIKОН АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Те, кто занимаются историей английской литературы и особенно следят за современным ее развитием, знают хорошо, до какой степени невозможно подробное знакомство с нею. Более чем 30 000 имен англий-

¹ Бюллетень библиофила (*фр.*).

² Опыт о русской литературе (*фр.*).

ских писателей и поэтов (включая сюда же и несколько сотен американцев) представляют такой лабиринт, в котором нет средств не запутаться. Отсюда вполне понятно, какое важное значение имеет труд, по возможности устраняющий это затруднение. Таким трудом является в настоящее время научно, критически и беспристрастно составленный лексикон английской литературы. Заглавие его: "Критический лексикон английской литературы, британских и американских писателей, живых и умерших, с древнейших времен до половины XIX столетия, заключающий 30 000 биографий и пр., составил Аустин Аллибон" (A critical Dictionary of english literature, and British and American, Authors Living and Deseased ets. London, Trubner and C^o)¹.

Для библиографов и занимающихся историею литературы лексикон этот весьма приятное явление; он превосходит полнотою, новыми сведениями, критическим взглядом и обработкою биографий все предшествовавшие труды подобного рода. Составленный в алфавитном порядке, он как нельзя более облегчает все нужные справки. При неизбежной краткости лексиконов, автор не затруднился дать о великих писателях сведения до того обстоятельные, что к имени каждого из них он присоединил еще и наиболее верные об нем суждения известных критических авторитетов. Суждения такого рода о писателях в этом лексиконе тем более драгоценны, что они соединены вместе, а не рассеяны в разных местах. Так, например, к имени известного оратора Эдмунда Бурке присоединены суждения о нем Фокса, Мэкинтоша, д-ра Джонсона, Вильберфорса, д-ра Парри, лордов Бругама, Джона Росселя, сира Роберта Пиля, Маколея и др. Не распространяясь об интересе такого рода сведенных вместе суждений об одном лице, они важны еще и потому, что часто дают новые сведения о таких писателях, как Аддисон, Бэкон, Байрон, Чаусер, Купер, Франклин, Гиббон, Ирвинг, Локк, Милтон, Мур, Ньютон, Попе, Шекспир, Соутей, Юнг и тысяча других, стоящих в первых рядах. Лексикон Аллибона заключает, кроме того, еще два преимущества, особенно интересные для библиофилов. Первое из них состоит в том, что в лексиконе поименованы все как общедоступные, так и наиболее редкие книги и манускрипты, существующие в немногом числе, и часто даже в одном экземпляре; к этому присоединены весьма любопытные сведения о всех по поводу их сделанных разысканиях. Второе преимущество заключается в особом указателе, с помощью которого сейчас же можно отыскать не только кто и что именно сочинил по какому бы то ни было предмету из области науки или искусства, но и даже кем и какие сделаны были разборы этих сочинений.

Значение и важность труда Аллибона становятся еще яснее при сравнении его лексикона с важнейшими из трудов, предшествовавших ему по этой части. Так, 32 тома "Биографического лексикона Чалмерса" (Calmer's Biographical Dictionary), стоящие более 70 р. сер<ебром>, включают только 9000 имен и ни одного писателя; сделавшегося известным после 1817 года. Четыре тома in 4° "Британской библиотеки

¹ Критический словарь английской литературы, британской и американской, авторов живущих и умерших. Лондон, Трюбнер и К^o (англ.).

Уатса" ("Watt's Bibliotheka Britannica", 1824) хотя и дают 2800 имен, но без всяких биографических сведений. В одно время с библиотекой Уатса появился в Лондоне труд Лоундеса (Lowndes's Bibliographer's Manual)¹, также в 4 томах in 8°, с весьма немногими биографическими заметками. Труд этот, в сущности, простой перечень заглавий, продавался впоследствии от 50 до 70 р. сер<ебром> и в настоящее время почти редкость. Новый биографический лексикон The New Bibliographical Dictionary Розе, изданный в 1848 году, в 12 томах исключает имена всех живых писателей и содержит только 3700 имен умерших. Энциклопедия английской литературы Чамберса (Chamber's Cyclopaedia of English Literature) замечательна разве характеристическими выдержками из приведенных в ней авторов, но число их ограничивается 832-мя. Обо всех этих лексиконах и тысяче других подобного рода трудов можно найти полную и верную оценку у того же Аллибона.

ИЗ ПИСЕМ

1. А. И. Герцену. Из Женевы в Лондон. 15 ноября 1862 г.

Тхоржевский писал мне, что вы было приостановились печатанием записок декабристов, потому что кто-то в Берлине затеял plagiat. Но ничего подобного нет на самом деле. Я постоянно au courant² русской немецкой прессы и положительно уверен, что недоразумение вышло из-за 2-го тома "Библиотеки русских авторов", изданного, как и 1-й, Гербелем же, где он напечатал собрание стихотворений декабристов. Жаль, что он многое пропустил. У одного меня наберется дополнений на 1/3 такого же тома.

Записок ваших святых жду с нетерпением. С кого вы начинаете? Да прилагайте, ради чего вы хотите, портреты Stahlistischen³ (вроде гербелевских) декабристов. У вас должна быть большая часть нужных для этого портретов. Выход же записок это не должно задержать. Ваши "Концы и начала" следовало бы оттиснуть отдельной брошюрой, разрешите это Б<акс>ту. Книжечка скоро окупится и доставит многим новое наслаждение.

2. С. Т. Тхоржевскому. Из Женевы в Лондон, 7 января 1863 г.

Освободившись от неприятных ожиданий и томления неизвестности, душевно благодарю вас за высланные вами étrennes⁴ к новому году. Я получил их все в исправности, хотя Георг и содрал с меня за доставку книг. Он ваши книги продает по дорогой цене, что мне не нравится. Я поссорился с ним за этот грабеж. Пропаганда должна быть возможно дешевле. Прошу вас выслать что нужно par la petite vitesse⁵. Речи Ф. Руат⁶ я вовсе не получил. Каталогов получил только два. Передайте Чернецкому мою живейшую признательность за отпечатанный им для меня экз<емпляр> Записок Якушкина. Но при этом прошу вас и

¹ Библиографический справочник Лоундеса (англ.).

² В курсе (фр.).

³ Гравированные на стали (нем.).

⁴ Подарки (фр.).

⁵ Малой скоростью (фр.).

⁶ Ф<еликс> Пна.

его отпечатать для меня по одному экз<емпляру> следующих записок не на желтой, а на синей, на зеленой и розовой бумаге, так чтобы все экземпляры были на разного цвета бумагах. Цвет<ной> бумаги везде, а особенно в Лондоне, легко найти. Я заплачу за все это с лихвой и благодарностью.

3. Е.И.Якушкину. Из Москвы в Ярославль. 11 января 1862 г.

Не забывайте, что в марте я всеми силами постараюсь устроить в Москве книжный аукцион. Если у вас найдется старье в дублетах, то соберите его на досуге и вышлите в магазин Щепкина и К°. Получили ли вы от Е<фремо>ва прекрасный портрет д<екабри>ста Анненкова? Мне бы очень хотелось издать альбом facsimile наших обществ<енных> деятелей. У вас же должно быть довольно хороших автографов, и я бы попросил вас, когда найдется время, отобрать наиболее удобные из них для снятия facsimile.

4. В.П.Гаевскому. Из Москвы в Петербург. 15 декабря 1860 г.

Пользуясь случаем переслать вам билет на Библиогр<афические> Записки, имею честь донести, Виктор Павлович, что портрет Р<адище>ва почти готов. Чтобы не ударить лицом в грязь, хватили в формат Новикова. Приложу его, разумеется, к первому же №, но без статьи о Р<адище>ве. Статья должна идти во 2-м и следующем. Если можно, поскорее вышлите оду Рад<ище>ва. Да нельзя ли раздобыться его автографом или подписью. Очень бы хорошо снять facsimile к портрету. Душевно вам благодарен за хлопоты о заявлении выхода Библ<иографических> Записок в разных журналах. По очень понятной причине вы упрекнете меня в алчности, если, не довольствуясь Р<адище>вым, я попрошу вас поискать для Записок еще что-нибудь в вашей богатой библиотеке и в вашем собрании автографов и разных редкостей.

Были ли вы в Публичной библиотеке по поводу продажи дублетов ее? Что хорошего? Уведомьте, если можно, и очень обязали бы, если бы выслали 1 экз<емпляр> каталога этого аукциона. Еще просьба, не можете ли вы выслать мне ваших экз<емпляров> прежних каталогов публ<ичной> продажи? Вы говорили, что у вас обозначены и цены, за которые пошли книги. А мне бы очень хотелось привести эти цены в Библиогр<афических> Записках. Если можно, то много обяжете; да тогда уж кстати поделитесь известием и о предстоящем аукционе. Каталоги ваши, разумеется, буду беречь как нельзя больше. Обещанные вам портреты уже давно готовы и ждут нового отъезжающего в Питер.

5. В.П.Гаевскому. Из Москвы в Петербург. 16 апреля 1861 г.

Виноват, многоуважаемый Виктор Павлович, что отвечаю на ваше письмо только сегодня. Все эти дни, желая выдать 7-й № до праздника, я был в гоньбе, то у цензора, то в типографии. Много вам благодарен за присланные материалы. Воспользоваться ими не замедлю. При случае потрудитесь передать прилагаемый билет на Б<иблиографические> З<аписки> г. Терещенко и попросите его поделиться с Б<иблиографическими> З<аписками> его почтенными изысканиями по нашей старине.

Слухи, дошедшие до вас обо мне, несправедливы. Мне сердиться на вас не за что и не приходится; а предполагал я, наоборот, что вы на меня осерчали. Предположение мое, основанное на словах П.А.Ефремова (в письме его к Афанасьеву), что вы и он, раздраженные статейкой

о Чаадаеве, не хотите высылать ничего в Библ<иографические> Зап<иски>, несмотря на то, что у вас даже было что-то уже приготовлено пушкинское, подтверждалось и вашим молчанием.

Я не писал к вам потому, что и дела много, да и оправдываться косвенным образом не хотел. Мне очень прискорбно, что мнение одной из заметок о Чаадаеве сделано и моим о нем мнением. Я не разделяю его *вполне*, хотя и разделяю *отчасти*. А отчасти разделяю потому, что в руках у меня на это документы, писанные *самим* Чаадаевым, людьми, бывшими с ним в близких отношениях, подкрепленные к тому же все вместе рассказами о нем Кетчера и знавших его до днесь живущих. Я напечатаю и его *Apologie d'un fou*¹, и извлечения из последних его писем философских; дело выйдет яснее; а потом, какое право имеем мы утаивать отзывы о ком бы то ни было современников?

Пятнышки на Пушкине не снимают у него ничего. Прибавить к этому мне остается, что вы не можете считать меня за отыскивающего *нарочно* в ком бы то ни было пятна, из желания, хватив грязью, отличиться удалством что ли. На такие штуки я не способен.

Я был очень благодарен Ефремову, как благодарен и вам, за сделанное мне замечание о неловкости моей в деле о Чаадаеве. Не считая себя непогрешительным, я прошу вас искренно указывать мне на могущие и впредь случаться промахи с моей стороны. Но при этом я не хочу думать, чтобы вы, исправляя меня, наказывали за мои вины Библ<иографические> Зап<иски> лишением их дорогих для всех материалов. Ведь это выходит бить невиноватых. Это показалось мне несправедливым и задело меня за живое, тем более что я издаю Библ<иографические> Зап<иски> не из выгод (хорошо, если бы пришлось отделаться 500 р. сер<ебром> убытка), а из *чистой* любви к делу.

Вот откуда и мое выражение, что у меня не подымается рука писать к Ефремову, писавшему к Афанасьеву о избранном для меня вами наказании. Уважая свободу мнений не на словах только, а искренно и на деле, я еще раз прошу сообщать мне ваши замечания, в какой бы жесткой форме они ни были.

На аукцион мне очень хотелось попасть, но вырваться отсюда не было возможности. Придирки ко мне Гилярова, корректуры, сиденья в типографии, желание пополнить пробелы от моего 3-х годичного нечитания русских книг — отнимают у меня пока бездну времени. В конце мая, издав 10-й №, я приеду в Питер недели на 3 поработать в библиотеке и тогда разовью, если позволите, мои планы и предположения по части библиографии, общества библиофилов, аукционов etc, etc.

Хотел я просить вас, Виктор Павлович, чтобы вы прислали мне цены, за которые пошли книги на последнем аукционе. Если это возможно, то перешлите их мне, пожалуйста, обозначив просто на листике № книги по каталогу да цену против него. <...>

Будьте здоровы, чего вам желает от всего сердца благодарный В.Касаткин.

6. П.П.Пекарскому. Из Москвы в Петербург. 28 января 1861 г.

Много виноват я перед вами, Петр Петрович, за то, что так давно

¹ Апология безумного (фр.).

не отвечал на письмо ваше и не успел до сих пор поблагодарить вас за ваши статьи. Оказалось на первое время столько хлопот по изданию Библиогр<афических> Записок, что просто из рук вон. Цензурный произвол у нас во всем разгуле: разъезды и объяснения по этому случаю отнимают пропасть времени. <...>

Проект мой о перепечатывании русских *sigiose*¹ основывался на том, что некоторые из здешних библиофилов изъявили на него согласие; я же считал не лишним воспользоваться им. Вам хорошо известно, как тути у нас вообще на какое-нибудь общественное дело. Перепечатать редкую брошюру кажется многим и не трудным и приятным подвигом, а издавать рукописи не найдется и трех охотников.

Я, со своей стороны, совершенно согласен с вами, что лучше бы прежде взяться за необходимое, а не за *luxus*², но если первое пока неосуществимо, то все-таки лучше что-нибудь, нежели ничего. Житие Ушакова вряд ли позволят издать; попытаться, впрочем, можно. Предложением вашим о приложении первого плана Петербурга к Библи<ографическим> Зап<искам> я постараюсь воспользоваться и много благодарен вам за указание. <...>

Я не думаю, чтобы Корф был недоволен обнаружением цен его аукциона. Ведь не секретно же они производились. Но сознавая хорошо, что ссориться с ним ни в каком случае не выгодно, прошу вас, если это можно, справиться хотя у Бычкова, можно ли поговорить об этом в Библи<ографических> Записках? Мы все были бы очень благодарны вам и за сообщение новейших цен, если же невозможно будет, сообщите старые. На днях, по выходе 2-го №, я начинаю хлопотать здесь о дозволении частных *книжных аукционов* и, надеюсь, первый опыт оным сочинить после масленицы. Это должно и может заставить проснуться наших библиофилов или просто *случайных* владельцев библиотек и собраний книг. О результате этих хлопот я вас уведомя и тогда же попрошу переслать к нам, для продажи, что-нибудь из ваших дублетов или от чего вы хотели бы издать вашу библиотеку.

7. А.Ф.Бычкову. Из Москвы в Петербург. 23 декабря 1861 г.

Милостивый государь Афанасий Федорович!

Принося вам мою душевную благодарность за сообщенные вами в высшей степени интересные материалы, покорнейше прошу принять прилагаемые при сем изданные в весьма небольшом количестве экземпляров Раскольническую библиографию П.Любопытного и пародию Семенова. Смее также просить вас: доставить при случае оба эти издания барону Модесту Андреевичу Корфу.

С истинным уважением и совершенной преданностью имею честь быть готовым к услугам вашим, В.Касаткин.

¹ Куръезов (лат.).

² Роскошь (лат.).

Портрет четвертый

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ЕФРЕМОВА

Кто из истинных книжников не знает о Петре Александровиче Ефремове; кто хоть раз не держал в руках том с овальной печатью или зеленоватым ярлыком с надписью "Из книг П.А.Ефремова"; кому из собирателей не приходилось хотя бы слышать о знаменитых ефремовских конволютах, вожделенных и таинственных, имеющих лишь у небольшого числа библиофилов? Имя Ефремова в свое время гремело; благодаря подготовленным им изданиям русской классики (да и второстепенных писателей тоже) его знала вся читающая Россия. Его библиотека по праву считалась национальной сокровищницей, а его собрание иконографического материала могло потягаться с коллекциями первейших богачей, собиравших подобные издания. И советская историческая наука отдавала дань уважения деятельности этого человека. Даже в самые трудные для библиофильства годы, когда оно само причислялось к области барских забав, а эпитет "библиофильский" был чуть ли не бранным (примеров этому в нашей литературе 40–50-х годов можно найти великое множество), имя одного лишь Ефремова не подвергалось хуле и не было предано остракизму.

Так почему же так "повезло" Петру Александровичу? А "выручили" его известные еще предреволюционной исторической науке факты его биографии. В его активе были такие деяния, как издание первого в России Полного собрания сочинений запретного Радищева (издание было уничтожено цензурой), как выпуск в свет также первого в подцензурной печати Собрания стихотворений казенного декабриста Рылеева, как переиздание сатирических журналов Новикова, как редактирование передовой "Книжного вестника" и активное многолетнее участие в еще более передовой "Искре". Уже М.К.Лемке знал от самого Ефремова о его участии в герценовских изданиях и идейной близости с основателем Вольной русской печати.

П.Н.Берков в книге "Русские книголюбы" высказал мысль о том, что Ефремов был "в определенной мере близок по своим общественным и литературным взглядам к Добролюбову"¹, но это представляется нам уже преувеличением. Ефремов был как раз одним из немногих книжников, кто отказывался даже от сотрудничества в "Современнике" из-за насмешек Добролюбова над библиографией и библиофилами. Что же касается литературных взглядов Петра Александровича, то и здесь особого единства с Добролюбовым не прослеживается.

Лишь много лет спустя, когда уже и "Современника" не было, Ефремов познакомился и сблизился с Некрасовым. Вместе с А.М.Унковским, известным общественным деятелем, Ефремов помог умирающему поэту исполнить последнее желание: обвенчаться со своей гражданской женой. С огромным трудом они устроили венчание на дому (что запрещалось православной церковью)².

Представление о характере Ефремова на основании мемуарных источников сложилось несколько однобокое (впрочем, никто ведь и не занимался всерьез изучением жизни и личности этого незаурядного человека).

Петр Александрович часто изображался современниками как человек тяжелый, обидчивый, мнительный, неговорчивый. Но это только следствие его нетерпимости к фальши, неприятия каких бы то ни было компромиссов как в личных отношениях, так и в делах общественных, повышенного чувства чести.

Есть и еще одна в высшей степени привлекательная черта его облика: верность дружбе. Автору этого очерка доводилось читать неопубликованную переписку его с другом молодости Е.И.Якушкиным, вместе с которым он дебютировал когда-то на страницах "Библиографических записок". Эта переписка длилась почти полвека: с конца 50-х годов до смерти одного из них уже в начале XX века³. Это — не только поразительный человеческий документ, но и богатейшая россыпь сведений о жизни прогрессивной русской интеллигенции второй половины XIX века. К сожалению, она остается под спудом; опубликованы из нее лишь незначительные фрагменты. Вот из этой-то переписки мы можем узнать настоящего Ефремова, узнать его таким, каким он был с друзьями и единомышленниками, любившими и высоко ценившими его.

Нам хочется рассказать читателям еще об одном свойстве непростого характера Ефремова: несмотря на всю свою "ершность", он был большой весельчак, остроумец, эпиграмматист, пародист (образцы его

юмора читатель найдет в этой книге). Он много выступал на страницах "Искры", соперничая с таким знаменитым юмористом и сатириком, как Курочкин. Он издал даже целую книгу (совместно с другим книжником, М.Д.Хмыровым), посвященную библиографическим пародиям; наконец, в его частных письмах к людям, которым он доверял (Якушкину, Гаевскому, Пыпину), рассыпаны блестящие юмором, порою довольно ядовитого и очень меткого. Репутация остроумца настолько была привычной для Ефремова, что он в одном из писем к Е.И.Якушкину, как необычный факт, сообщает, что настолько упал духом, что даже перестал шутить.

"Острою мало, — пишет он, — но до того гнусно, что каждый раз выводят в другую комнату, а однажды терпение слушателей истощилось и меня хотели было даже прибить". Ефремов был несдержанным на язык, но ведь часто злоязычные люди вовсе не злы. Сам он пишет о себе: "В письмах я себя сдерживаю и слога своего гнусными словами не уснащаю, как это порою случается в разговорах. Человек от двух я был в опасности быть прибитым. Вот мои горести и напасти. <...> Конечно, те люди, с которыми я расхожусь, принадлежат именно к "дворецким" или к лакеям перед властью"⁴.

Петр Александрович был, в сущности, добрым человеком. Вот характерный факт: он пошел служить в сберегательную кассу (человек он был небогатый и жил только жалованьем) и основательно реорганизовал это дело по всей империи — с одной заветной целью: приучить бедняка нести свою копейку не в кабак, а в сберегательную кассу⁵!

О том, какова была работоспособность Ефремова, и говорить не приходится: об этом свидетельствуют сотни его трудов. Утром он шел на службу; приходя домой в пять часов пополудни, ложился часика на два соннуть, затем вставал и работал до трех-четырех часов утра. Зато и "наработал" же он за свою долгую жизнь! Он был редактором, публикатором и комментатором сочинений многих русских писателей; он был руководителем журнала "Книжный вестник"; он был неизменным участником всех предприятий, затеваемых в пользу неимущих и голодающих; он был деятельным членом литературного фонда и Академии наук... Всего и не перечислишь!

Деятельность Петра Александровича была столь разнообразной (даже для его времени, когда многообразие занятий было достаточно обычным делом), что в различных справочных и энциклопедических изданиях, которые уделяют ему внимание, его называют по-разному: то библиографом, то издателем, то литературоведом. Вот, например, в не так давно вышедшей энциклопедии "Книговедение" мы читаем: "Русский библиограф, библиофил, чл.-кор. Петерб. академии наук"⁶. И это все. Ни слова не сказано о его поистине гигантской многолетней работе — редактировании и подготовке к изданию собраний сочинений русских писателей — от Радищева до Пушкина.

Но когда во всевозможных изданиях популярного характера он именуется издателем и историком литературы, это тоже не вполне верно. Сам Ефремов издательскими делами не занимался: его дело было редакторское, издавали же подготовленные им сочинения другие — издатели-профессионалы.

Очень плодотворной была работа Ефремова в известной старой русской фирме Глазуновых, которые в благодарность за его деятельность во славу фирмы дали ему возможность осуществить ряд чисто библиофильских изданий. Так, были переизданы ставшие библиографической редкостью журналы Н.И.Новикова, из-за которых была целая баталия с цензурой (и сто лет спустя Новиков казался нашим аргументам опасным!). Эти переиздания и ныне являются источником, ибо первых почти не осталось. Выпустил Ефремов и крошечную книжечку (сто экземпляров), в которой воспроизводилось стихотворение поэта осемнадцатого столетия Василия Петрова "Приключение Густава, короля шведского". Понятно, что эти издания выпускались исключительно для своего брата-библиофила, о чем, кстати, говорит и сам Ефремов в предисловии к "Приключению". Когда Ефремов покинул Глазуновых, прекратились и эти издания. Сам он издавать не имел возможности.

В.Г.Лидин в своей маленькой новелле "Из книг Ефремова" пишет, что Петр Александрович переиздавал эти старинные книги "за свой счет, несомненно, всегда в убыток: 10 или даже 100 экземпляров не могли, конечно, оправдать его расходов"⁷. Но было несколько иначе. Конечно, инициатором этих переизданий был Ефремов, но издавались они не на его счет: человек весьма среднего достатка, живший только на свои небольшие заработки, он из своего бюджета мог выделить средства только на покупку книг. Издания же эти ему как бы преподнесли в подарок Глазуновы за оказанную им большую услугу. Дело было так. В это время, в шестидесятые годы, молодой и агрессивный русский капитализм проник и на книжный рынок, создав там конкурентную борьбу между фирмами и выдвинув деятелей нового типа, таких, например, как соперник Глазуновых А.Ф.Базунов, в конце концов разорившийся.

В этих условиях особенно важными становились издавна издававшиеся в России каталоги книготорговых фирм. Напомним читателю, что в то время издатель и торговец были, как правило, одно лицо. Решил издать такой каталог и глава петербургских Глазуновых — Иван Ильич. Это был не просто торговец — это был человек культурный, великолепно знавший русскую книгу и потребности отечественного читателя. Он решил блеснуть таким каталогом, какого еще не бывало, и обратился к Ефремову, с которым уже давно сотрудничал как с редактором, с предложением составить такой каталог.

Петр Александрович не имел ни времени, ни желания проводить все свои свободные часы на складах фирмы, перебирая десятки тысяч книг. Но он предложил Глазунову дерзкий план, на который тот тут же согласился, поняв, как это поднимет престиж фирмы. Петр Александрович уже много лет составлял библиографию всей русской книжной продукции со времен падения николаевского режима. В таком указателе нуждался как он сам, так и собратья-литераторы. К 1866 году был уже собран материал за целое десятилетие, причем сами хронологические рамки оказались исторически оправданными: от конца николаевщины до принятия нового закона о цензуре (1865). Вот этот-то указатель, созданный с научно-библиографическими целями, Ефремов и предложил Глазунову издать в виде каталога его книжного магазина. Так и было сделано, и в 1867 году вышла в свет "Систематическая роспись книгам,

продающимся в книжном магазине Ивана Ильича Глазунова”⁸. Это был увесистый том в 498 страниц, причем одготипное издание было выпущено и в Москве, уже под эгидой Александра Ильича Глазунова. Естественно, что ни тот, ни другой не имели в своих, очень богатых, магазинах всех без исключения книг, сведения о которых были собраны Ефремовым, но кто тогда об этом знал? Лишь самые близкие из коллег-библиографов знали от Ефремова, что он отдал Глазунову эту работу, так как для ее издания у него не было средств⁹.

Для русской культуры появление этого каталога было просто праздником: изданный с рекламными целями, он объективно выполнил функции книжного репертуара, которого так недоставало в те годы. Заметим, кстати, что и ныне он не снят с полок справочных отделов крупных библиотек. Затем Ефремов составил для Глазуновых еще два ”Прибавления”, последнее из которых датируется 1874 годом, а далее его у Глазуновых сменил библиограф В.И.Межов, ранее подвизавшийся у Базунова.

Что там произошло, чем был задет нетерпимый и не терпящий обид Ефремов, мы не знаем, но только он от Глазуновых ушел, и тогда перестали выходить в свет и его библиофильские малотиражные издания. Ясно, что они не финансировались Ефремовым, а были чем-то вроде подарка от Глазунова. Для такой богатейшей фирмы это были сущие пустяки.

Среди переизданий выделяются новиковские журналы ”Живописец” (Спб., 1864) и ”Трутенъ” (Спб., 1865), а также ”Материалы для истории русской литературы” (Спб., 1867), в которых, наряду с другими документами, был переиздан новиковский же ”Опыт исторического словаря о российских писателях”. Эти издания, таким образом, преследовали две цели — библиофильские и идейные, что было одним из звеньев развернувшегося в 60-е годы похода ”за Новикова”. Переиздать новиковские журналы оказалось не так-то просто. Цензор Ф.Ф.Веселаго (с которым в эти же годы имел столкновение и Некрасов) так отозвался о ”Живописце”: ”...не удовлетворяет существующим ныне цензурным требованиям по следующим предметам: 1) отзывается грубо и резко о недостойных дворянах и строго осуждает жестокое обращение их с крестьянами, 2) содержит неприличные, иногда кощунственные отзывы о предметах религиозных и служителях церкви, 3) не совсем уместные выражения о придворной службе, 4) жесткие указания на недостатки военных мест”¹⁰.

В этом бюрократическом сочинении самое ”лучшее” место — запрет говорить о действиях ”недостойных дворян”. Очевидно, именно бросающаяся в глаза нелепость этого запрета помогла Ефремову через посредство более высоких цензурных инстанций добиться-таки разрешения на выпуск в свет ”Живописца”, а затем и ”Трутеня”. Оба эти переиздания теперь уже в свою очередь стали библиографической редкостью, хотя, конечно, не такой, как первоиздания. Даже у Ефремова не было одного из них, и он обратился с просьбой к Г.Н.Геннади одолжить его, что тот и исполнил¹¹.

На страницах ”Русской старины” Ефремов опубликовал еще две библиографические редкости. В третьем томе за 1871 год он перепе-

чал трагедию Княжнина "Вадим Новгородский", вырезанную цензурой из 39-го тома "Российского Феатра". Осталось лишь несколько (буквально считанное число) экземпляров полных, с текстом этой трагедии, показавшейся крамольной Екатерине II. Таким раритетом владел, кроме Ефремова, еще только Н.П.Дуров. Перепечатке предпослана заметка Ефремова о судьбе этого издания. В следующей, четвертой книжке "Русской старины" за тот же год Ефремов перепечатал радищевское "Письмо к другу, жителствующему в Тобольске" – редкое (но не столь редчайшее, как предыдущее) издание, являющееся первой "пробой пера" радищевской домашней типографии. Перепечатка также была осуществлена Ефремовым со своего экземпляра.

Диапазон деятельности Петра Александровича Ефремова как редактора и комментатора чрезвычайно широк. Вот только основные подготовленные им собрания сочинений: Радищева, Фонвизина, Кантемира, Лукина и Ельчанинова, Майкова (В.И.), Полежаева, Рылеева, Лермонтова, Пушкина (несколько изданий). Ефремов в еще большей степени, чем другие его коллеги, способствовал созданию нового типа издания – тщательно прокомментированного, снабженного массой примечаний библиофильского характера, обязательно сопровождавшегося прикнижной библиографией¹². Эти драгоценные свойства делают издания Ефремова желанным объектом специального коллекционирования.

Как правило, работа над собраниями сочинений различных авторов, как корифеев, так и второстепенных, предварялась целой серией журнальных публикаций. Так, готовясь стать редактором первого в России собрания стихотворений К.Ф.Рылеева, Ефремов выступил с рядом важнейших публикаций, имевших самостоятельную научную ценность: это были не только многие неизвестные ранее стихотворения казенного поэта, но и материалы для его биографии, в основном – его переписка. Почти все они имелись в виде автографов либо у самого Ефремова, либо у Якушкина, который охотно ими делился¹³. Весь свой рылеевский архив Петр Александрович завещал сыну своего друга – Вячеславу Евгеньевичу Якушкину, а тот впоследствии подарил это драгоценное собрание Библиотеке Академии наук¹⁴. Автору этого очерка хочется рассказать читателям малоизвестный эпизод из жизни Ефремова, наглядно показывающий, как дорог был ему Рылеев. В 1861 году на страницах "Русского слова" были опубликованы две элегии Рылеева, причем из цензурных соображений имя автора было сокращено (Кондр. Р-в). Какой-то из искровских юмористов, не разобравшись, о ком идет речь, опубликовал в своем журнале пародию на одно из этих стихотворений – "Исполнились мои желанья". Ефремов просто вышел из себя; оно и понятно: ведь он в одном из писем к Якушкину в запальчивости заявил, что не отдаст томик Рылеева за все шесть томов Пушкина. Каково же ему было увидеть в печати издевательскую пародию на обожаемого поэта! И хотя он сам сотрудничал в "Искре" (правда, несколько позднее) и был близко знаком с ее издателем, этого он обойти молчанием не мог. "Считаю нужным заметить для сведения "Искры", – писал он в "Отечественных записках", – что ее глумления бесполезны и что она только бесплодно потратила время на "сочинение пародии", ибо обе напечатанные в "Р<усском> слове" элегии написаны поэтом двадцатых годов, уже

давно умершим, которого в свое время брались исправлять другие люди и другими более энергическими средствами, чем пародия”¹⁵. Большого в подцензурном журнале сказать было нельзя, но и этого было вполне достаточно. Читатель того времени был приучен к ”эпоповскому языку”. Добавим к этому, что издание стихотворений Рыльева было сделано Ефремовым в пользу дочери казенного поэта Настасьи Кондратьевны — совершенно безвозмездно.

Громадное количество публикаций предшествовало и изданию Собрания сочинений Пушкина. Тут тоже много помог архив Е.И.Якушкина и других библиографов-пушкинистов того времени. Благородная традиция взаимопомощи была свойственна всем книжникам той поры. Под редакцией Ефремова вышли не только собрания сочинений великого поэта, но и отдельные издания, хорошо известные книголюбам: ”Евгений Онегин”, ”Бахчисарайский фонтан” и др. Ему принадлежит сыгравший немалую роль в отечественном пушкиноведении обзор ”Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях”, опубликованный уже на закате жизни, как итог многолетней работы над пушкинскими текстами (”Новое время”, 1903).

Каждому книголюбу известна трагическая история с изданием Радищева, сожженным по решению высших цензурных инстанций. Известно также, что Ефремову чудом удалось спасти 15 экземпляров, которые он почти полностью раздал друзьям, оставив себе лишь два или три. В последнее столетие этот уникальный двухтомник нет-нет да и появлялся на книжном рынке. Но, естественно, это большой раритет¹⁶.

Рассказ о редакторской деятельности Ефремова будет неполон, если не упомянуть о его работе на посту редактора ”Книжного вестника”. Это был журнал, высоко ценимый книжниками того времени — библиографами, библиофилами, издателями, книгопродавцами. На его страницах можно было найти как полную текущую библиографию, дающую панораму книжного дела в стране, так и рецензии на наиболее значительные произведения. Когда это издание попало в руки Ефремова, то, как выразился другой известный книжник В.П.Гаевский — журнал ”сильно похорошел”. Действительно, Ефремов, сумевший привлечь к участию в журнале почти всех бывших товарищей по ”Библиографическим запискам”, значительно улучшил его и придал, как считают советские исследователи, более прогрессивный характер¹⁷.

Можно ли назвать П.А.Ефремова литературоведом? П.Н.Берков пишет: ”П.А.Ефремов много печатался, но почти все его книги и статьи посвящены истории русской литературы, истории общественной мысли и истории книги, и среди них нет произведений, которые можно было бы отнести к разделу литературы специально библиофильской”¹⁸. Читатель этой книги может убедиться, что Ефремов был как раз весьма плодовитым библиофильским автором, а вот статей (и уж особенно книг) историко-литературной тематики мы, строго говоря, у Петра Александровича не найдем. Он всю жизнь избегал каких бы то ни было обобщений; даже предисловия к подготовленным и прокомментированным им изданиям писателей России он поручал писать другим лицам: Выпину, Пятковскому. Мы не знаем ни одного случая, когда Ефремов выступил

бы с предисловием (кроме введений книговедческого характера). "Титла сочинителя не искал и не ищу, — писал он Якушкину, — а, говоря словами Новикова, хотел *хоть изданием чужих сочинений принести хоть кому-нибудь пользу*"¹⁹.

С его колоссальной эрудицией, с бесподобным знанием отечественной книги он мог бы свободно строить любые концепции, а с его склонностью к острой полемике мог бы выступать и как литературный критик. Но он не делал ни того, ни другого. В чем же дело, откуда такое самоограничение? Дело в том, что Ефремов принадлежал к школе исследователей истории русской литературы, которая в те годы получила название фактической, или библиографической. Эта школа ставила во главу угла добывание новых фактов истории литературы, книги, культуры. Она создала тот фундамент, на котором выросло все последующее русское литературоведение. Главной заботой этой школы было создание полных и исправных собраний сочинений отечественных авторов, т.е. собирание всего, что вышло из-под пера данного писателя. Это вовсе не значит, что адепты этой школы были какими-то бездумными регистраторами, гробокопателями, собирателями мелочей. Пример того же Ефремова и его соратников по "Библиографическим запискам" полностью опровергает это.

Как и многие его собратья по библиофильству, Ефремов собирал запрещенные стихотворения и составлял из них сборники. Один такой сборник был куплен при распродаже библиотеки Ефремова И.А.Шляпкиным и сохранился в его архиве (ЦГАЛИ). Это — богатейшее собрание бесцензурной поэзии. Ему была посвящена даже специальная статья, к которой и отсылаем читателя²⁰.

Но прежде всего Ефремов прославился как создатель изумительной библиотеки. Созаемся сразу: мы не можем назвать число имевшихся у него книг. Этого не знает никто. Только в одном из поздних неопубликованных писем к А.Н.Пыпину (1902) он пишет, что библиотека его (без иконографических материалов) весит 953 пуда (т.е. более 15 тонн)²¹. Он сам об этом узнал, когда переезжал в последний раз из Москвы в Петербург. Сколько же это могло быть томов? Пусть подсчитает сам читатель. В Пушкинском доме, который мог по недостатку средств приобрести лишь часть этой библиотеки, имеется 24 тысячи книг из собрания Ефремова. И мы даже не знаем, какую часть его гигантской коллекции это составляет!

П.А.Ефремов родился в семье книголюба. Отец его, самоучка, "маюр и кавалер", происходивший из "солдатских детей", был большим книгоцелем и собрал неплохую библиотеку. Петр начал собирать книги с семилетнего возраста. Очевидно, это занятие поощрялось отцом. Мальчик учился в Первой московской гимназии, а затем — на физико-математическом отделении Московского университета, которое окончил блестяще. Семья жила, очевидно, безбедно: был свой дом с садом (на Остоженке, по Савеловскому переулку), были и средства на приобретение книг. У старшего Ефремова имелось около 10 тысяч книг. Но когда Петр Александрович уехал служить в Петербург, а старик отец умер, — книги были вынесены из дома, сложены в сарай и постепенно расхищены.

Еще живя в Москве, П.А.Ефремов познакомился и близко сошелся с кружком молодых библиофилов, группировавшихся вокруг сына декабриста Евгения Ивановича Якушкина. Это была прекрасная молодежь, общение с которой имело решающее значение для становления гражданской позиции Ефремова (он был несколько моложе всех их, за исключением Касаткина). Переезд в Петербург не оборвал этих связей: завязалась переписка, длившаяся до смерти его корреспондентов (Ефремов пережил всех); кроме того, Петр Александрович частенько наведывался в Москву.

Библиофильские интересы Ефремова сформировались тоже в этой среде, где прежде всего ценилась и собиралась отечественная книга. Вначале, живя в Петербурге, Ефремов продолжал чувствовать себя московским библиофилом. Но постепенно у него образовались связи с миром столичных книгособирателей. В 70-е годы он вошел в кружок петербургских библиофилов, носивший название "дуровских сред", в который входили такие выдающиеся знатоки книги и собиратели, как Г.Н.Геннади, Я.Ф.Березин-Ширяев, М.Н.Лонгинов, Н.П.Дуров, Д.А.Ровинский, М.И.Семевский и др. Члены этого кружка раз в неделю собирались у Дурова, в его большой казенной квартире, а иногда, по понедельникам, еще и у самого Ефремова. Здесь происходили сообщения о новых находках и открытиях, велись горячие споры, в общем, кипела библиофильская жизнь. Ефремов, впрочем, не прекращал регулярной переписки с другом молодых лет Евгением Якушкиным (больше никого в 70-е годы не осталось в живых), но что характерно: в его письмах к другу, также крупному библиофилу, почти нет сообщений о новых книжных приобретениях. Очевидно, общества петербургских библиофилов было вполне достаточно для этой цели. На дуровских средах большое место уделялось шутке, пародии, смеху, тут читались написанные самими библиофилами или присланные им веселые истории. Здесь Ефремов впервые прочел своего "Старца Пафнутия" — пародию на псевдо-исторические драмы — и имел большой успех. Эта вещь переиздана недавно в сборнике "Русская театральная пародия" (1976). Чтобы читатель оценил всю прелесть злого юмора Ефремова, приведем здесь подзаголовок этой пародии: "Трагедия в пяти действиях с ассамблеею и танцами, с пытками, казнями, военными эволюциями, большим сражением, конным ристанием, падением стен, пожаром и разрушением целой области". Такое в пору "самому" Козьме Пруткову!

У этих людей была незыблема традиция взаимовыручки, обмена, дарения книг и рукописей. Множество примеров тому можно найти в их переписке. Ефремов не составлял исключения. Он давал редчайшие издания в пользование Ровинскому, Неустроеву, Пылину, Геннади, Венгеру (это то, что попадалось нам в его переписке, а ведь это — случайные сведения, в самом деле этот список "абонентов" можно, конечно, продолжить). А уж какие царские подарки получали от Ефремова общественные библиотеки! Так, он подарил Публичной библиотеке главное свое сокровище — "Звездочку". Библиофилам, собирающим русскую книгу XIX столетия, хорошо известны альманахи Вестужева и Рыльева "Полярная звезда". Томик альманаха, стоявший первоначально 10 рублей, уже в 30-е годы XIX века нельзя было достать и за 100 руб-

лей. Последний же, четвертый выпуск, который его издателями был назван "Звездочкой", вообще достать было нельзя, ибо он и в свет не вышел, уничтоженный после восстания декабристов. Перемена названия альманаха была вызвана его сильно уменьшившимся объемом, — время для его издателей было тревожное и напряженное. Эта "Звездочка" должна была выйти в свет к новому, 1826 году... Альманах печатался в типографии Главного штаба, и к 14 декабря уже было отпечатано 5 листов (80 стр.). Затем эти листы были конфискованы, сложены в тюки и 36 лет пролежали в кладовых, после чего были сожжены. Уцелело только два экземпляра: один неполный, очевидно, взятый кем-то из знакомых Рылеева у него еще до восстания, и второй — более полный, который за два дня до сожжения альманаха сумел добыть П.А.Ефремов. Этот экземпляр "Звездочки" он и подарил Публичной библиотеке! С этого же экземпляра было сделано в 1981 году факсимильное переиздание, сопровождающееся статьей Я.Л.Левкович, к которой и отсылаем нашего читателя. Там же можно увидеть факсимильное воспроизведение дарственной надписи П.А.Ефремова.

Библиотека и иконографическое собрание П.А.Ефремова были им предоставлены в распоряжение устроителей замечательных выставок, сыгравших заметную роль в развитии отечественной культуры: двух пушкинских (1880 и 1889 гг.), в память Жуковского (в 1883 г.), в память Белинского (в 1898 г.), в память Гоголя и Жуковского (в 1902 г.)²².

Приведем мнение о библиотеке П.А.Ефремова такого авторитетного лица, как Н.М.Лисовский: "он никогда не был библиофилом в общепринятом значении, не собирал книг только ради их редкости. <...> Он был крайне разборчив. Книги интересовали его главным образом настолько, насколько они имели значение литературное или научное. Постепенно увеличивая свое книжное богатство в этом направлении, П.А.Ефремов сделался обладателем замечательной по составу библиотеки <...>, заключающей в себе, между прочим, как отдельные, так и все полные (сколько бы их ни выходило) собрания сочинений почти всех русских писателей, всю драматическую русскую литературу XVIII века, массу журналов прошедшего и нынешнего столетия (в том числе все сатирические журналы екатерининского времени), почти полное собрание русских альманахов и обширный материал для биографии русских писателей. Кроме того, сверх имеющихся у него полных коллекций журналов, П.А.Ефремов приобретал вторые их экземпляры и из этих двойников и из вырезок газетных статей составлял целые переплетенные томы биографических и критических статей о каждом из выдающихся русских деятелей, и особенно писателей"²³.

Это написано и опубликовано в 1901 году, т.е. еще при жизни нашего героя. Такую же мысль затем повторили все писавшие об Ефремове: он не ценил редкостей, смеялся над теми, кто их собирал, признавал только книги как инструмент для научной работы и, таким образом, "не был библиофилом в общепринятом значении этого слова".

Родилась также легенда, согласно которой было два типа собирателей: ефремовского и геннадиевского толка. Это совершенно не соответствует действительности. Достаточно прочитать письма Ефремова к Геннади (Пушкинский дом, коллекция Яковлева), чтобы увидеть,

как высоко ценил Ефремов своего собрата по библиофильству и его библиотеку. И сам Ефремов, как почти любой собиратель, отдал дань увлечению редкой и старинной книгой и, как мы уже говорили, даже переиздал некоторые из них на радость коллекционерам.

Вот предисловие Ефремова к изданному в количестве ста экземпляров (30 страниц маленького формата) сатирическому стихотворению забытого поэта XVIII столетия Василия Петрова "Приключения Густава III, короля шведского". Вот что пишет Ефремов: "Я намерен время от времени печатать те из произведений (в стихах и прозе) наших писателей XVIII столетия, которые или вовсе не были напечатаны или составляют особенную библиографическую редкость, но при этом *не имеют важного значения для исследователя* русской литературы, а более интересны для библиографа (т.е. библиофила. — Л.Р.) и составляют предмет его исканий"²⁴. Какая уж тут научная цель, — это типично узкобиблиофильское заявление и деяние. Так что повторяющиеся из работы в работу клятвенные заверения об особом, "небиблиофильском" отношении Ефремова к собирательству есть только дань традиции, сама же традиция родилась из стремления приподнять Ефремова, как человека прогрессивных взглядов, над библиофильством своей эпохи, которое долгое время не ценилось по достоинству.

Петр Александрович был истинный библиофил, в самом точном и высоком значении этого слова. Может быть, единственное, что выделяло его собрание, это были упоминавшиеся Лисовским конволюты. Причем Ефремов создавал их отнюдь не только из журнальных и газетных вырезок. Иногда основой конволюта мог быть том сочинений писателя, в который были вплетены (а порою и вписаны рукою Ефремова) дополнения, исправления, иконографический материал и т.п. Для своих конволютов он заказывал печатные обложки, так что часто вводил в заблуждение как современников, так и позднейших исследователей и собирателей, принимавших их за неизвестные издания. Автор биографического очерка об Ефремове В.Я. Адарюков пишет, что Ефремов "не придавал особенного значения сохранности экземпляра, и потому его собрание не блистало чистотой, цельностью его листов, хотя было чрезвычайно богато и разнообразно по содержанию"²⁵. Адарюков пишет, что только по Пушкину у Ефремова было 20 объемистых конволютов. Где они теперь?

Особенностью библиотеки Ефремова (так же, как собрания Лонгинова) было наличие справочного аппарата, присоединяемого к книгам и периодическим изданиям. Так, в библиотеке советского исследователя русской литературы В.А. Десницкого (собрание его ныне в Библиотеке Академии наук СССР) имеется экземпляр курочкинской "Искры" за все годы с многочисленными пометами Ефремова. Главная ценность их — раскрытие анонимов и псевдонимов, которое в ряде случаев без помощи Ефремова было бы просто невозможным²⁶.

Хорошо знавший Ефремова московский книжник С.П. Виноградов так описывает его библиотеку: "Еще в полутемной передней стены покрыты полками с книгами, а свободные промежутки увешаны гравюрами и лубочными картинками. Из передней дверь вела в обширную светлую комнату, две стены которой были также заняты деревянными открытыми книжными полками; справа от входа были собраны роскош-

ные издания большого формата, левая же сторона занята до половины книгами обыкновенного формата; слева же между окнами стоял небольшой красного дерева шкаф с стеклянными дверцами, наполненный книгами исключительной ценности и изъятymi из обращения. Середину комнаты занимал очень длинный из простого дерева стол, покрытый темным коленкором и весь заваленный большими папками с гравюрами и литографиями; на полу под столом также наложены папки меньшего размера. Свободные от книжных полок стены и простенки окон увешаны гравюрами и фотографиями, преимущественно портретами русских писателей. Тут немало было и других вещей, интересных в историческом и художественном отношении: гипсовая маска Пушкина, его же статуэтка работы Терebeneва, большой масляный портрет Н.И.Новикова, портрет Белинского <...>, Герцена и Грановского (литографии Горбунова) и много других <...>. В глубине комнаты, между окнами на улицу, стоял большой письменный стол, над которым также навешаны фотографические и другие портреты <...>. Стол весь завален книгами, и за ним, всегда с какой-нибудь книгой в руках, сидел хозяин дома, Петр Александрович Ефремов. <...> В отделе иллюстрированных изданий библиотека Ефремова заключала множество самых удивительных редкостей <...> Собрание гравированных и литографированных листов распалось на несколько отделов: портреты, виды, карикатуры, лубочные картины и сюжетные листы <...> Собрание литографий, принадлежавшее Ефремову, было так велико и богато редкостями, что не скоро можно составить ему подобное, и очень жаль, что оно рассеялось по частям при распродаже листового ефремовского собрания в 1904 году²⁷. При вторичном переезде из Москвы в Петербург, не имея возможности внести в квартиру свою библиотеку и собрание листов, Петр Александрович был вынужден продать последние антиквару Фельтену. С горя он хотел продать и всю библиотеку (неопубликованное письмо Ефремова к Пыпину с изложением этой истории читатель найдет в нашем сборнике). К счастью, книг своих Петр Александрович все-таки не продал. Но уж близок был конец жизни... Детей, которым можно было оставить библиотеку, у Ефремова не было. Его вдова предложила все это громадное, бесценное собрание Пушкинскому дому за весьма умеренную сумму. Но у Пушкинского дома не было денег; все хлопоты были безрезультатны. Не оказалось средств для приобретения коллекции, которая стала бы украшением любого научного учреждения! И тогда А.О.Ефремова предложила все уже знакомому ей Фельтену, который, конечно, ухватился за это предложение и нажил на этом немалые деньги. По некоторым источникам, проверить которые трудно, библиотека в момент покупки ее Фельтеном насчитывала 32 тысячи названий (а томов, естественно, гораздо больше). Он уплатил за все 26 тысяч рублей. Уже после этого Пушкинский дом получил какую-то сумму и выкупил у Фельтена часть библиотеки Ефремова, причем по цене гораздо более высокой, чем та, которую запросила вдова библиофила. Сколько же все-таки книг было у Ефремова?

В докладе известного петербургского библиографа и библиофила Рогожина "О сохрании от гибели наших частных библиотек" сказано, что "лишь незначительная часть библиотеки П.А.Ефремова была приоб-

ретена для Пушкинского дома, а большая часть была за очень дешевую цену распродана покупщиком разным букинистам и от них разбрелась по рукам частных лиц; таким образом, громадный труд покойного П.А.Ефремова, в продолжение пятидесяти лет неустанно собиравшего свою библиотеку с редким знанием и любовью, пропал совершенно даром²⁸.

Несколько иные сведения приводит весьма хорошо информированный Ф.Г.Шилов. Описывая библиотеку Д.П.Бурьлина, находившуюся в Иваново-Вознесенске и после революции перешедшую к городу, он пишет, что "к Бурьлину поступила большая часть в количественном отношении библиотеки П.А.Ефремова, которую он приобрел у антиквара Фельтена"²⁹. Таким образом, оба знатока сходятся на том, что Пушкинский дом приобрел лишь меньшую часть коллекции Ефремова, а приобрел он ни много, ни мало — 24 тысячи томов; какова же была вся библиотека!

Что же было им куплено? Во-первых, — рукописи (но не все). Затем коллекция альманахов XIX века, многие из которых были библиографической редкостью. Были куплены журналы первой половины XIX века, собрания сочинений русских писателей, сочинения по библиографии и истории русской литературы. Естественно, что были приобретены и прижизненные издания произведений русских писателей. Вот это и составило "часть" в 24 тысячи томов. Очень жаль, что Пушкинский дом вовсе не приобрел ефремовских конволютов. То ли уже денег не хватило, то ли не разобрались в необычайной ценности этих «изданий».

П.А.Ефремов. ИЗБРАННОЕ

ОБ ИЗДАНИЯХ "ЖИВОПИСЦА"

Живописец издавался в лучшую пору деятельности Новикова.

Выступив на литературное поприще в 1769 году с превосходным журналом "Трутенъ", Новиков целые пять лет не переставал трудиться на пользу общую, подтверждая делом слова свои, что к литературной деятельности его побуждало "не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу отечеству". В эти 5 лет явились лучшие его издания: *Трутенъ*, *Живописец* (три издания), *Кошелек*, *Древняя Российская Вивлиофика*, *Древняя Российская Идрография и История заточения боярина Матвеева*.

Последующий затем период литературной деятельности Новикова, начавшийся еще в Петербурге изданием "Утреннего света" (1777), отличается каким-то туманным религиозно-мистическим направлением, которое, все более и более развиваясь, проходит через все его московские журналы, наконец переходит в чистый мистицизм и завершается изданием целого ряда так называемых "масонских" книг.

Конечно, и в Москве Новиков сделал очень много хорошего, так что общественная его деятельность достойна великого уважения, но тем не менее московские его журналы сильно отстали от прежних петербургских: тут уж не было тех "блюдов", которые для "нежных вкусов" могли показаться "горьковатыми", как в прежнее время замечал сам

Новиков. Это подтверждается и тем, что московские его журналы беспрепятственно выходили в 3, 4 и даже в 9 частях довольно почтенного объема, тогда как *Трутень* и *Живописец* не могли просуществовать более года и уместились в четыре маленькие книжки. Кроме того, не надо упускать из вида, что вторая половина каждого из этих двух журналов нисколько не похожа на первую. Прямой, энергичский протест против злоупотреблений, открытое и смелое нападение на все пошлое, низкое и безнравственное, борьба с невежеством и предрассудками – вот характеристика первой половины *Трутня* и *Живописца*, не говоря уже о том, что здесь всюду светится благородное чувство честного патриотизма, едкая сатира и глубокая ирония. Во второй половине этих изданий все стирается, мельчает, переходит в плохие стишки и отвлеченные рассуждения, в легонькую насмешку исподтишка, с беспрестанными недомолвками, в крайнюю бесцельность и пустоту содержания и заканчивается прекращением журнала.

Трутень явился в начале мая 1769 года и вскоре занял первое место между множеством издававшихся тогда листков. Похвалы ему сыпались со всех сторон, но после нескольких статей о взяточничестве, вызвавших вовсе не литературную полемику, журнал сделался значительно слабее и на второе полугодие, т.е. в 1770 году, окончательно оплошал. Видя невозможность продолжать издание, Новиков в конце апреля прекратил его и занялся составлением *Опыта исторического словаря о Российских писателях*. В начале 1772 года он его напечатал, так что 30 марта уже было объявлено в № 26 С.-Петербургских Ведомостей о выходе этой книги. Вслед за тем Новиков приступил к изданию *Живописца* и 12 апреля приготовил 1-й лист, который и был выпущен 17 апреля (как можно судить по объявлению о выходе 2 листа 24 апреля) <...>

Перехожу к частному описанию издания.

1. *Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. В Санктпетербурге*. 2 части, в 8-ю д<олю> л<иста>, 419 стр. (из них 208 в первой части).

Журнал выходил еженедельно, по вторникам, начиная с 17 апреля 1772 года до конца июня или до начала июля 1773 года. Каждый номер назывался *листом* и состоял из печатного полулиста; 26 таких *листов* составили часть и имели отдельную нумерацию в каждой части, но счет страниц для обеих частей был общий. Лист продавался по 4 коп. асс<игнациями>, а каждая часть отдельно по 1 рублю.

Некоторые статьи в этом издании были напечатаны с пропусками и недомолвками. Пропуски эти находились преимущественно в 1 части.

2. *Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. Издание второе. В Санктпетербурге, 1773 года*. в 8-ю д<олю> л<иста>, 186 стр.

Успех *Живописца*, по-видимому, был очень велик, потому что еще не была окончена вторая часть, а первая уже печаталась вторым изданием. О выходе ее было опубликовано в № 54 С.-Петербургских Ведомостей 1773 года (5 июля). Некоторые статьи и заметки 1-го издания во второе не вошли. <...> Напротив, в этом издании пополнены все пропуски 1-го издания и сделаны более или менее значительные исправления в статьях <...> Находившиеся в начале каждого листа 1-го издания заголовки: "Живописец, лист такой-то" заменены заголовками: "лист такой-то", и печатанье каждого нового листа начинается тотчас по окон-

чании предыдущего, а не с новой страницы. Нумера над статьями сначала не выставлены и начинаются только с VI в 7 листе.

3. *Живописец, еженедельное сатирическое сочинение. 2 части. Издание третье, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. В Санкт-Петербурге, 1775 года. В 12-ю д<олку> л<иста>*, стр. в 1-й части XV, 218 и 3 нен<умерованные> (опеч<атки>); во 2-й части 230 и — нен<умерованные> (опеч<атки>), 4 (огл<авление>):

К этому изданию Новиков приложил следующее предисловие, перепечатанное потом в 4-м и 5-м изданиях без всяких изменений, кроме указаний на цифру издания в тех местах, где о ней говорится.

”К ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонное принятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить к третьему. Если бы я был самолюбив, то скорой сей расход Живописцу неотменно поставил бы на щет достоинства моего сочинения; но будучи о дарованиях своих весьма умеренного мнения, лучше соглашаюсь верить тому, что сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас только те книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся; люди же, разумь свои званием французского языка просветившие, полагая книги в число главных украшений, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми из Франции: как то пудрою, помадою, книгами и пр. В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: Троянская история, Синопсис, Юности честное зеркало, Совершенное воспитание детей, Азовская история и другие некоторые. Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попадавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных. Сожалеть должно о том, что в число сих последних многие весьма хорошие и полезные книги попались, которые весьма были бы достойны занимать место самой душистой пудры, из Франции привозимой.

Впрочем, должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменял, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений, под другими заглавиями. Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют, для лучшего расхода своих сочинений”.

От перемен, о которых сказано в этом предисловии, из журнала или сборника, в котором *сатирическое направление* было *преобладающим*, составилась *чисто сатирический* сборник. Исключению подверглись все статьи, вызванные различными современными событиями, все стихи и все переводы. Взамен этого добавлены сатирические статьи из *Трутня* 1769 года <...> Из *Трутня* 1769 года внесены в 1-ю часть: 1) Рассказ о пропавших у судьи часах; ”ты охотник до ведомостей”, 2) Письма к племяннику, 3) Лечебник, 4) Смеющийся Демокрит, 5) Две отписки крестьянские с копиею помещичьего указа; а во 2-й части добавлено три номера Сатирических ведомостей. Разделение на листы в этом издании уничтожено; статьи, которых продолжение печаталось в нескольких листах, соединены в одну; самый порядок размещения статей изменен; к

изданию приложено 5 стр. *опечаток*, из которых часть впоследствии исправлена в 4-м издании, но оговоренное в них ошибочное обозначение № 5-го и 6-го *Сатирических ведомостей*, вместо 3-го и 4-го перешло без исправления в 4-е и 5-е издания.

4. *Живописец, еженедельное сатирическое сочинение. 2 части. – Издание четвертое, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. В Москве, в Университетской типографии у Н.Новикова, 1781 года. В 8-ю д<олю> л<иста>. Стр. в 1-й части XII и 164, во 2-й части 174 и 4 нен<умерованные> (огл<авление>).*

Это издание перепечатано с предыдущего, с добавлением нескольких строк в статье "Приняв название Живописца". Остальные разночтения с 3-м изданием ограничиваются только переменной слов <..> Опечаток гораздо меньше. Вообще это самое полное и лучшее издание.

5. *Живописец, еженедельное сатирическое сочинение. 2 части. Издание пятое, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. – В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук, 1793 года. В 12-ю д<олю> л<иста>. Стр. в 1-й части 2 нен<умерованные> (оглавл<ение>), VI (припис<ка>), 4 нен<умерованные> (к читателю) и 182, во 2-й части 2 нен<умерованные> (огл<авление>) и 202.*

Издание это нисколько не исправлено против четвертого, с которого перепечатано, напротив того, испещрено опечатками, нередко даже искажающими смысл. Так, напр<имер>, в статье "Автор к самому себе" напечатано "не подвергну себя *порицаюсь* еще заслужить" вм<есто> "не подвергну себя порицанию, но надеюсь еще заслужить"; в статье "Приняв название" напечатано "то есть" вм<есто> "то ето"; в X статье "благоволил" вм<есто> "благословил"; в статье XII, ч. 2 "а учителей спросите" вм<есто> "а у читателей" и пр. Кроме того, в 5-м изд. находятся пропуски 1-го издания: во 2-й части, в статьях IV, VIII и XIX, а в *Сатирических ведомостях* пропущены бывшие в 3-м и 4-м изданиях заметки из Трутня; в № 1 – "Для наполнения порожних мест", "В некоторое судебное место", "Курс деньгам" и в № 3 – "Из Москвы", "Оттуда же", "Из Кронштата", "Миловидна намерена" и "Отставной канцелярист".

Сопиков сделал ошибочные указания о годах 1, 2 и 5-го изданий Живописца (1770, 1772 и 1792), но справедливо заметил, что 5-е издание хуже двух предыдущих, потому что в нем многое исключено. Напротив, г. Булич в своей книге о Сумарокове называет это издание совершенно сходным с 3-м и 4-м, а отзыв о нем Сопикова ошибочным. Кроме этого г. Булич делает еще исправления мнимых ошибок Сопикова и переделяет его правильные указания на неправильные, несправедливо удостоверяя, что 2-го издания вышло 2 части и что 4-е напечатано в 12-ю д<олю> л<иста>. Он ошибается также говоря и о 6-м издании, будто оно издано in 8°.

6. *Живописец, еженедельное вновь исправленное издание, на 1772 год. Москва, в вольной типографии Пономарева, 1829 года. В 12-ю д<олю> л<иста>, 166 стр.*

Это издание не что иное, как жалкая спекуляция. В нем нет и половины Живописца: все лучшее откинута, да и перепечатанное вышло с пропусками и искажениями, с произвольными урезками и добавками и с исправлением устаревшего слога; иные статьи снабжены затейливо

придуманными заглавиями, например, *Полезны ли науки* (т.е. "Приняв название" и пр.), некоторые имена заменены новыми, напр<имер> вместо Худовоспитанника является Рубакин (та же статья), вместо "пастушеских стихотворений" издатель ставит "идиллии" и т.п. "Приписание" переделано так: "Неизвестному г. сочинителю комедии *под названием* О время, усерднейшее посвящение". IV издание печатано с 1-го, но всего перепечатано сряду 14 листов 1-й части, потом напечатана "Песня" из 23-го листа 2-й части, потом из 22-го листа 1-й части ст<атьи> X и XI, наконец, VIII сатира Буало из 6-го и 7-го листов 2-й части. Разделение на листы уничтожено. Вариантов этого издания я не привожу, так как они не принадлежат Новикову <..>

Из статей и книг, в которых говорится о Живописце, достаточно указать следующие: 1) Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории литературы прошлого века. Соч. А.Афанасьева. М., 1859 <..> 2) Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности (1769—1775) — две статьи Д.Мордовцова в "Русском слове" 1860 г., № 2 и 3, 3) Сумароков и современная ему критика. Соч. Н.Булича. Спб., 1854 и 4) История русской словесности древней и новой. Соч. А.Галахова. Спб., 1863.

Седьмое издание Живописца напечатано с первого слово в слово, но только с добавкою тех пропусков, которые были связаны в первом издании и потом пополнены в следующих четырех. Эти добавки оговорены мною в примечаниях. Пропусков против прежних изданий в VII — нет ни одного, встречающиеся же в нем ряды точек обозначают места, пропущенные во всех без исключения изданиях Живописца. Большая часть листов 1-го издания напечатаны в VII на 6 страницах, иные на 8, а некоторые на 5, оттого что в 1-м издании шрифт неодинаков и многие листы напечатаны очень мелко, тогда как другие печатались шрифтом разгонистым и с большими пробелами между статьями.

Статьи, внесенные в 3-е издание Живописца из *Трутня*, я не перепечатал, потому что предполагаю в непродолжительном времени сделать новое издание "Трутня".

ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ,
ТРАГЕДИЯ В СТИХАХ, В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ
СОЧИНЕНИЕ Я.Б.КНЯЖНИНА

(Перепечатка редкого издания. Предисловие)

Трагедия "Вадим" имеет теперь исключительно библиографическое значение, но в свое время она наделала много шума и даже удостоилась преследования. Впрочем, причина преследования была чисто внешняя: трагедия явилась в печати в 1793 году, т.е. в самый разгар французской революции, когда в России говорилось и писалось, что "Мирабоа не единой, но многие висельницы достоин", когда в невинных вещах видели какие-то "выласки" и "французский яд" или "предложении уничтожающие законы и совершенно те, от которой Франция вверх дном поставлена", когда "было говорено о книге Путешествие от Петербурга до Москвы: тут рассеяние французской заразы: отвращение от начальства, автор

мартинист... он бунтовщик хуже Пугачева... хвалит Франклина"*. Все это было высказано года за три до появления "Вадима", поэтому понятно, что с подобной точки зрения и "Вадим" мог показаться *набатом*, как говорит митр<ополит> Евгений в своем словаре светских писателей. В настоящее время такие ужасные взгляды неприложимы к невинной трагедии Княжнина, ибо вообще "Вадим" не только не заключает ничего вредного, но даже восхваляет монархический принцип. Лица, запретившие пьесу, взглянули на нее крайне односторонне: они не хотели вникнуть в ее идею, а остановились на двух, трех стихах, показавшихся им резкими и "якобинскими", забывая, что не могут же все лица в пьесе говорить одно и то же и что мнимо резкие тирады ничего не значат при общем впечатлении пьесы, представляющей Рюрика благодушным властителем, снабженным всеми возможными добродетелями и спасителем Новгорода от необузданностей свободы, междоусобий и самоуправств. Будь "Вадим" напечатан раньше пятью, шестью годами, и он прошел бы, не возбуждая осуждения, как это было с трагедией Николаева "Сорена и Замир", в которой, между прочим, есть стихи гораздо более резкие, чем в "Вадиме", напр<имер>:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле!
Лъзя-ль ждать блаженства там, где гордость

на престоле?

Где властью одного все скованы сердца,
В монархе не всегда находим мы отца!***

Московский главнокомандующий гр<аф> Брюс запретил представление этой трагедии и донес о том императрице Екатерине, а она ответила ему, что этого делать не следовало, ибо "автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью". И велела кн<ягине> Дашковой напечатать трагедию Николаева в "Российском Феатре" (ч. V, стр. 235–323).

Но это было в 1786 году.

Впрочем, подобные примеры не редкость: еще на нашей памяти не печатался до 1857 года один отрывок из "Новгородской повести Вадим" А.С.Пушкина:

Вадим

Ты видел Новгород, ты слышал глас народа:
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода,
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонение судьбы?

Рогдай

Вадим! Надежда есть! Народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,

* Записки Храповицкого, в Чтениях Общества истории и древностей российских, 1862, кн. III, стр. 226–227.

*** Сорена и Замир, стр. 292. Перепечатаны в "Русском вестнике", 1860, № 4, стр. 639 и в "Петерб<ургском> листке", 1865, № 146. Во всем "Вадиме" только и есть одно место в 4 стиха, несколько подходящее к резкости выписанных стихов из "Сорены", но более мягкое и уж никак не превосходящее их, именно в 4-м явлении 2-го действия: "Самодержавие повсюду" и пр. Эти 4 стиха были перепечатаны в записках С.Н.Глинки "Мое цензорство" ("Современник", 1865, № 9, стр. 221).

Досадуя, влачит покорный свой ярем.
Как иноземный гость, неведомый никем,
Являлся я в домах, на стогнах и на вече;
К прищельцам ненависть я зрел на каждой встрече.
Уньние везде: торговли шум утих,
Умы встревожены – и пламя тлеет в них.
Младые граждане кипят и негодуют.
Вадим! Они тебя с надеждой именуют...

Вадим

Безумные! Давно ль они в глазах моих
Встречали с торжеством властителей чужих
И вольные главы под иго преклоняли?
Теперь зовут меня, а завтра, может, вновь...
Неверна их вражда, неверна их любовь!..

В этих стихах нет решительно ничего противуцензурного и теперь довольно дивнисься долговременному их запрещению.

Княжнин написал свою трагедию в 1789 году и вот что рассказывает о ней сын автора*, трагедия была отдана для представления на театр и уже были розданы роли: Плавильщикову – Вадима, Шушерину – Рюрика, Барановой – Рамиды, но вскоре началась революция во Франции и Княжнин сам увидел, что пьеса его приходится не ко времени. Он взял ее назад, и она пролежала у него в кабинете, на письменном столе, до самой смерти. 14 января 1791 года он умер. Имение, по молодости детей, поступило под опеку зятя Княжнина – псковского помещика П.Я. Чихачева. Отыскав между рукописями покойного трагедию "Вадим", комедии "Чудаки", "Траур", оперу "Мужья – женихи своих жен", поэму "Попугай" и пр., Чихачев все это продал книгопродавцу Глазунову за 200 р. Княгиня Дашкова, узнав об этой покупке, вытребовала рукописи от Глазунова и, рассмотрев их, возвратила для представления в цензуру, но "Вадима" удержала у себя и немедленно передала в академическую типографию. Отпечатанную трагедию** она пустила в продажу и в то же время поместила ее в 39-й части Российского Феатра***. В первые десять дней трагедия раскупалась медленно, но потом в два, три дня было продано несколько сот экземпляров****, ибо узнали, что граф Салтыков (конечно, не сам, но по чьему-то указанию) нашел в ней что-то предосудительное и представил императрице. Екатерина, встревоженная французской революцией, "обратила более внимания на выражения Вадима и его двух товарищей, чем на слова рассудительного и благотворного Рюрика". Она приказала конфисковать трагедию, отобрать раскупленные экземпляры у кого окажутся и все сжечь. Ал<ександр> Як<овлевич> и Б<орис> Як<овлевич>, два старшие сына Я.Б.Княжнина, служившие

* Еще о Княжнине и его трагедии "Вадим" В.Я.Стоюнина. "Русский вестник", 1860, № 10, стр. 103–108 (Современная летопись).

** Вадим Новгородский, трагедия в стихах в пяти действиях, сочинена Я.К.Княжниным. В Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1793 г. В 8-ю долю листа, 73 стр.

*** Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Часть XXXIX. В Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1793 г., 286 стр. (Вадим занимает стр. 123–195).

**** Этим можно объяснить, почему печатные экземпляры "Вадима", хотя и очень редко, но все-таки встречаются в продаже. Принадлежащий мне экземпляр издания 1793 г., с которого печатается нынешнее, куплен мною не более 5 лет тому назад, а в прошедшем году продавался еще один экземпляр.

сержантами в Измайловском полку, были вытребованы генерал-прокурором гр<афом> А.Н.Самойловым, который по приказанию Екатерины должен был узнать от них: действительно ли "Вадим" писан их отцом, а не кем-нибудь другим, только выдавшим трагедию под именем покойного? Удостоверившись, что трагедию написал Княжнин, Самойлов спросил: не читал ли он эту "богоотступную" пьесу кому-нибудь? Дети Княжнина указали на Н.Ф.Эмина и В.В.Ханыкова и были тотчас отпущены.

Эмин и Ханыков были допрошены, а потом был взят под стражу книгопродавец Глазунов и вытребован из деревни Чихачев, для объяснений. Они оказались совершенно неповинными и немедленно отпущены.

Княгиня Дашкова рассказывает историю напечатания Вадима несколько иначе, и нам кажется — вопреки установившемуся мнению, — что рассказ ее имеет менее вероятия. Она скорее оправдывается, нежели излагает дело. Недаром, видно, Б.Я.Княжнин заметил, что, печатая Вадима, "княгиня Дашкова была чем-то недовольна государыней, которая не всегда находила для себя удобным исполнять ее требования"* . Княгиня, видимо, увертывается, группирует факты по своему усмотрению, освещая одни и преднамеренно затемняя другие, как это встречается во многих местах мемуаров этого "семинариста в желтой шали и академика в чепце".

Вот что рассказывает княгиня:

"Вдова одного из наших знаменитых трагиков (Княжнина) просила меня напечатать в пользу ее детей последнюю трагедию мужа, еще не изданную в свет**. Эта просьба была представлена мне одним из советников академической канцелярии (Козодавлевым); я сказала ему, что с моей стороны не будет никакого препятствия, если он просмотрит пьесу и поручит мне, что в ней нет ничего противного нашим законам или религии, — и тем охотнее я поручила ему эту рецензию, что он был совершенный знаток отечественного языка и очень строгий судья в цензурном отношении.

Козодавлев доложил мне, что трагедия основана на историческом событии, происходившем в Новгороде, что в ней нет ничего предосудительного ни по мыслям, ни по языку и что развязкой пьесы служит торжество монарха над покоренным Новгородом и бунтом.

На основании этого доклада я приказала напечатать трагедию (Вадим), сколь возможно больше облегчив расходы бедной вдовы. Нельзя не изумляться, каким образом эта ничтожная вещь могла поднять такую нелепую суматоху при дворе.

Граф Иван Салтыков, целую жизнь не читавший ни одной книги, понаслышке от кого-нибудь утверждал, что трагедия, будто бы прочтенная им, очень опасного содержания для настоящего времени, и под влиянием этого побегал к фавориту, чтобы сообщить ему свое мнение.

* Русский вестник, 1860, № 10, стр. 105.

** Кн<ягиня> Дашкова ошибочно относит это событие к 1796 г., замечая, что оно случилось через полтора года после увольнения со службы ее брата в 1794 г. Вадим издан в 1793 г.

Не знаю, читала ли ее Екатерина или Зубов*, но вскоре после того явился ко мне полицеймейстер и очень вежливо попросил позволения войти в книжные магазины, принадлежащие академии, и, согласно с приказанием императрицы, отобрать все экземпляры трагедии, признанной, по мнению Екатерины, за очень опасное сочинение.

Я допустила его, заметив при этом, что едва ли он найдет хоть один оттиск, но так как эта пьеса помещена в последнем томе "Российского Феатра", издаваемого в пользу самой академии, то, если угодно, он может вырвать ее из книги**; затем я прибавила, что очень смешно считать опасным это несчастное произведение, которое на самом деле менее враждебно монархической власти, чем многие французские трагедии, представляемые в Эрмитаже.

После обеда Самойлов, генерал-прокурор Сената, пришел ко мне с выговором от императрицы за напечатание этого сочинения. Чего хотели — оскорбить или испугать меня этой цензурой, — я не знаю, но преследователи мои не успели ни в том, ни в другом. Я отвечала гр<афу> Самойлову очень холодно и твердо, выразив удивление, на каком основании императрица могла заподозрить меня в желании распространять что-нибудь враждебное ее интересам; и когда он сообщил мне намек Екатерины на произведение Радищева, с которым она сравнивала "опасную" трагедию Княжнина, я повторила, что лучше сравнили бы их, особенно последнюю пьесу, возбуждившую с их стороны столько мести, с ходячими французскими драмами, представляемыми как на общественных, так и на частных театрах. Относительно либерального ее направления я просила принять во внимание, что она предварительно была отдана на просмотр одному из академических советников, прежде чем Княжниной было позволено печатать ее в свою пользу; поэтому я надеюсь, что мне не будут больше говорить об этом.

В тот же вечер я не замедлила навестить Екатерину. Когда я вошла в комнату, на лице ее, видимо, выражалось неудовольствие. Я подошла к ней и спросила о здоровье. "Все хорошо, — отвечала она, — но скажите, пожалуйста, что я вам сделала, что вы распространяете против меня и моей власти такие опасные правила?"

— Неужели вы считаете меня способной на это? — воскликнула я.

— Знаете ли, что я думаю об этой трагедии: ее надобно сжечь рукой палача.

* От императрицы княгиня получила, между прочим, записку такого содержания: "Недавно появилась русская трагедия "Вадим Новгородский", которая, судя по заглавному листу, напечатана в академической типографии. Говорят, эта книга очень едко нападает на авторитет верховной власти. Вы хорошо сделаете, если остановите продажу, пока я ее просмотрю. Доброй ночи. А вы читали ее?" (Ст<атья> Иловайского в Отч<ественных> записках 1859 г., № 11, стр. 306).

** Полицейские так и сделали: они вырвали целиком 6 листов, не заметив, что при этом зацепили с пол-листа предыдущей и столько же следующей за Вадимом пьесы. Два экземпляра полной 39-й части находятся: у С. Д. Полторацкого и в Эрмитажной библиотеке, а жалкие остатки этой книги в продажу пущены только в 1857 г. Г. Иловайский говорит, что один иностранец в своих записках сообщает, будто произведены были обыски в частных домах и отобраны раскупленные экземпляры отдельных оттисков "Вадима" (От<ественные> за<писки>, стр. 306).

Это выражение было вовсе не в характере Екатерины, и потому я с удовольствием заметила, что она говорила языком другого лица, руководившего моим мнением ее.

— Государыня, возразила я, если она будет сожжена палачом, то мне придется краснеть за это. Ну, ради бога, прежде чем вы решитесь на поступок, столь несообразный с вашим характером, позвольте мне прочитать вам эту гонимую драму; вы увидите, что развязка ее именно в том духе, в каком вы и всякий приверженец вашей власти желали бы ее. В то же время прошу вас вспомнить, что, заступаясь за пьесу, я не автор и не заинтересованный издатель ее.

Дальше возражать было нечего, и потому разговор кончился. Затем императрица села за карточный стол и я последовала ее примеру. На другое утро я пришла с официальным рапортом к государыне и наперед решила доложить зауряд с другими и потом просить уволить меня от должности, если она не примет меня с обычным доверием, не допустит в свою туалетную "брильянтовую" комнату и не станет говорить со мной по-прежнему запросто.

В приемной встретил меня Самойлов, только что вышедший из кабинета государыни; он шепотом заметил мне вести себя хладнокровно, ибо императрица покажется скоро, "кажется, она нисколько не гневается на вас", прибавил он.

Я отвечала обыкновенным тоном голоса, так чтобы слышали все окружающие: "Милостивый государь, я не имею особенного повода беспокоиться, потому что мне не за что упрекать ни себя, ни других; что же касается государыни, мне остается жалеть, если она сердится или подозревает меня. Впрочем, я так привыкла к несправедливости, что как бы она ни была велика, меня трудно удивить".

Вскоре за тем вышла императрица и, дав поцеловать руку своим утренним посетителям, обратилась ко мне и с обычной лаской сказала: "Очень рада вас видеть, княгиня! Пожалуйста, идите за мной".

Надеюсь, что читатели этих записок поверят мне и не упрекнут меня в тщеславии, если я скажу, что это ласковое приглашение было приятно мне не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мне было бы больно в противном случае оставить академию и Петербург, что отнюдь не отнеслось бы к чести Екатерины.

Довольная тем, что цензурная безделица не разлучила меня с государыней, я едва вошла в следующую комнату, как, с жаром протянув руку, просила Екатерину дать мне поцеловать свою и забыть прошлое.

— Но согласитесь, княгиня...

— Да, да, государыня, — продолжала я, прервав ее речь и повторив русскую пословицу: "Серая кошка пробежала между нами; не зовите ее черной".

Императрица согласилась, что дело не стоило особенного внимания, и, засмеявшись, обратила разговор на другой предмет. Я осталась обедать при дворе и заметила, что на ее душе не осталось ни малейшего следа гнева. Обед шел очень весело; находясь в особенном припадке юмора, я, по-видимому, заразила им и Екатерину. Она от всего сердца хохотала при всякой ничтожной шутке, которые я расточала с редкой веселостью".

После приведенных рассказов сына Княжнина и Дашковой непонятно, каким образом могли составиться два предания: 1) будто княгиня за напечатание трагедии лишилась места президента академии наук, тогда как она удалилась из Петербурга через два года после этого события, и 2) будто Княжнин подвергся допросу Шешковского, вследствие чего впал в жестокую болезнь и умер*. О последнем обстоятельстве упоминает Бантыш-Каменский в своем "Словаре достопамятных людей русской земли", а знаменитый поэт наш А.С.Пушкин в своих исторических отрывках еще определительнее замечает, что "Княжнин умер под розгами". Откуда явилось такое сказание — решить трудно, ибо Княжнин, как сказано, умер 14 января 1791 года, а трагедия напечатана только в 1793 году и при жизни автора об ней разговоров не было.

Добавим еще, что трагедия Княжнина, собственно, *запрещена* не была и изъятие ее из продажи делалось весьма секретно. Генерал-прокурор гр<аф> Самойлов, сообщая московскому главнокомандующему кн<язю> Прозоровскому о допросе поехавшего тогда в Москву книгопродавца Глазунова и об отобрании у него непроданных экземпляров "Вадима", прибавлял: "Благоволите, ваше сиятельство, исполнить все оное с осторожностью и без огласки по данной вам власти, не вмешивая высочайшего повеления".

Так именно сделано было кн<язем> Прозоровским, который даже не отобрал сочинений Княжнина, о чем ему было тоже писано, "если в них окажутся подобно (Вадиму) нелепые изречения" или если и без таковых изречений покажутся сумнительны. "Гр<аф> Самойлов писал, что Глазунов повез в Москву 400 экземпляров "Вадима", но отобрано их было только 160 и только из книжных лавок, от публики же книга не отбиралась; ибо "продавалась по публикациям в газетах, и кто именно купил, неизвестно".

Самое дело об изъятии книги производилось до того медленно, что успела даже появиться рецензия на "Вадима", которая не была приостановлена, несмотря на преследование самой трагедии. Рецензия эта принадлежит А.Клушину и напечатана в журнале "С.-Петербургский Меркурий" 1793 года (ч. III, стр. 124—144, авг<уст>), издававшемся Клушиным вместе с И.А.Крыловым.

В последнее десятилетие в русской литературе упоминалось о "Вадиме" довольно часто. Наиболее замечательные статьи были помещены в "Отечественных" записках" и "Русском вестнике":

1) Екатерина Романовна Дашкова. Биографический очерк. 4 статьи Д.Иловайского. (От<ечественные> зап<иски>, 1859, № 9—12). О "Вадиме" подробно говорится в 3-й статье (№ 9, стр. 305—308).

2) Литературные труды кн<ягини> Е.Р.Дашковой. Статья А.Н.Афанасьева ("От<ечественные> зап<иски>", 1860, № 3).

3) Яков Борисович Княжнин и его трагедия "Вадим". Статья М.Н.Лонгинова ("Рус<ский> вест<ник>", 1860, № 4, стр. 631—650).

4) Еще о Княжнине и его трагедии "Вадим". Статья В.Я.Стоюнина ("Рус<ский> вест<ник>", 1860, № 10, стр. 103—108).

* Это известие о смерти Княжнина недавно повторено в безграмотном издании г. Шигина: "Радищев и его книга" (Спб., 1869).

5) О Княжнине, также и о его трагедии см. в Истории русской словесности древней и новой А.Д.Галахова (Спб., 1863, т. 1, стр. 445—455).

6) Из розыскного дела о трагедии Княжнина "Вадим" ("Русский архив", 1863, № 5—6, стр. 467—473).

7) Записки С.Н.Глинки. В "Современнике", 1865, № 9, стр. 221.

НОВООТКРЫТАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕДКОСТЬ

Все дело, как читатель увидит ниже, идет только об одном печатном листе, появившемся при большой книге 172 года тому назад, но так основательно затерявшемся, что до сих пор его не было известно ни одного экземпляра.

П.П.Пекарский в своем прекрасном труде: "Наука и литература в России при Петре Великом" (Спб., 1862) указывает между прочими изданиями петровского времени *Алкоран о Магомете* и говорит:

"Экземпляры Публичной библиотеки и Каратаева *не имеют особых заглавных листов*, в лист, 350 нум<ерованных> страниц; на первых двух страницах: "О вере турецкой", с 3-й текст с выписанным выше заглавием. В первый раз книга эта показана под 1716, в Спб. в "Росписи Академии наук" (составленной около 1742—1747 гг.) между книгами гражданской печати в десть № 4. Сопиков (11, № 1926), повторяя то же о годе и месте печатания книги, прибавил, что она переведена с французского князем *Дмитрием Кантемиром*. Последнее известие не подтверждено ни одною биографиею этого лица, а в московском Архиве министерства иностранных дел (№ 148) есть рукописный перевод Алкорана, и там на последнем листе находим указание: "Переводил сию книгу Петр Постников". Этот перевод Постникова, с некоторыми поправками и изменениями, и напечатан при Петре Великом" (Пек<арский>, т. II, стр. 370).

Затем А.Ф.Бычков в своем "Каталоге хранящимся в Императорской публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом" (Спб., 1867), основанном исключительно на труде Пекарского, повторяет его указания, только в несколько сокращенном виде:

"Алкоран о Магомете. В л<ист>, 350 стр. Заглавного листа нет; две первые страницы заняты статьею: О вере турецкой; с 3-й стр. идет Алкоран о Магомете" и т. д. (стр. 134).

Таким образом, оказывается, что в Публичной библиотеке, куда поступили богатейшие собрания наших собирателей книг, Алкоран без заглавного листа, и полного экземпляра с этим листом П.П.Пекарский не мог найти ни в одном из частных или общественных книгохранилищ наших, которые он обозревал для своего почтенного труда. В течение 26 лет после издания этой книги и 21 года, истекшего с появления "Каталога" г. Бычкова, мы не встретили ни одного печатного указания на существование заглавного листа при "Алкоране" и только слышали от известного нашего любителя и собирателя книг Я.Ф.Березина-Ширяева, обладающего обширной библиотекой, что он видел, лет семь тому назад, полный экземпляр Алкорана, но не мог приобрести этой редкости, потому что владелец оценивал ее в 300 р.

Недавно мне удалось приобрести такой экземпляр Алкорана, и притом по гораздо более дешевой цене. Оказалось, что на обороте заглавного листа помещено предисловие, также до сих пор никому не известное за ненахождением самого заглавного листа.

Ввиду крайней редкости попавшейся мне находки сообщаю подлинный текст всего листа.

На передней стороне его напечатано:

Алкоран
о Магомете
или закон турецкий.
переведенный с французского языка на российский.
напечатан повелением
Царского
Величества.

(В самом низу после большого пробела).

В Санктпетербургской Типографии, 1716 году, в месяце Декамврии.

На оборотной стороне, на самом верху поставлен крест между двумя типографскими украшениями, каких уже нет на прочих страницах книги, и непосредственно за этим напечатано:

”К читателю.

Сия книга разумеется от турков, Божии со Ангелами и с Магометом долгий совет, его же сей лживый пророк вымыслил весьма просто, ибо в разных местах сей книги производит, яко бы Бог с ним говорил и показывал ему свой закон. А по том яко бы Ангели и пророцы: чем чрезвычайне не правое учреждают речение. По том вопиет противу идолопоклонников, а особливо противу жителей Мекки, и Кореанев, которые были в те времена ему неприятели. И нарече сию книгу Алкоран то есть собрание закона, а инде именует Елкоран, то есть разделение добра от зла. И разделил ю на многие главы, которым положил имена, как ему на разум нашло. По тому тои многие главы нарекл, неприличные к материи, о неуже имел говорить. И те главы разделил на стихи, которые содержат порядок так фабульной, и простой, что без всякого охранения, и должного сложения. Сего ради благий читателю в сей книги обрящещи многие нескладности, и частое повторение о единых тех же вещах. Толкована была сия книга от многих учителей магометанских, и толкование их так смеху достойное, как и речение лживое. Ибо иные подлинствуют, яко бы оригинальной Алкоран написан на доске, которая сохраняется на небеси, и яко бы Ангел Гавриил с ней снесши список отдал Магомету, который не умел ни читать, ни писать. А нарицают его Пророком и Апостолом почтения ради. Обрящещи в сей книге некое, так безумное поучение, не вем, удивления ради, или паче слезного сожаления достойное, как в наилучшую часть света за прегрешения, такая мерзость произыде! и как такий мерзостный закон восприят бысть от слепоты человеческия!”

Этим оканчивается предисловие, а в самом низу страницы, вправо, крупно напечатано первое слово, которым начинается следующая страница, 1-я по счету нумерации, именно *”О вере”*, что и показывает, что между новооткрытым заглавным листом и между известным введением *”о вере турецкой”* никаких печатных страниц более не было.

УКАЗАТЕЛЬ РЕДКИХ КНИГ

Под этим общим заглавием мы намерены время от времени сообщать сведения о таких книгах, которые или крайне редко встречаются в продаже, или даже и вовсе не встречаются, или, наконец, не имеются ни в одном из общественных книгохранилищ и из частных, известных нам собраний.

На первый раз мы останавливаемся на таком издании, которое только через сорок лет после своего выхода поступило, да и то не в полном составе, в Публичную библиотеку.

1. "Живописная Россия".

В отчете императорской Публичной библиотеки за 1876 год (стр. 187) между прочим значится, что "по редкости, важности содержания или ценности примечательны, из числа приобретенных библиотекою, следующие книги", и затем на 4-м месте указано и подробно описано это издание: "Живописная Россия, или Историко-статистическая панорама Государства Российского, составляемая при содействии некоторых отечественных литераторов В.Филимоновым*". Издание книгопродавца А.И.Моргенрота. Спб., 1837—1838. Печатано (так значится на обороте заглавного листа) в типографии Х.Гинце. Периодическое издание очень редкое, потому что остановилось в самом начале. В первой тетради "Новгород. № 1", посвященной историческому очерку Новгорода и его земли, 2 нум<ерованные> листка и 14 нум<ерованных> страниц и 1 нум<ерованная>, содержащая изъяснение приложенного на особом листке плана Новгорода. Тетрадь 2-я, посвященная Казани, состоит, кроме заглавного листка из 2-х нум<ерованных> страниц, заключающих объяснение приложенного на особом большом листе плана этого города, и еще 2 нум<ерованные> страницы, из которых на первой находится объяснение издателя по поводу начавшихся уже тогда невзгод его издания, причем недостающий в настоящей тетради текст обещается выдать 1 декабря 1837 года, с выходом 3-й тетради, которая вышла, однако же, в 1838 году. Эта 3-я тетрадь состоит кроме заглавного листа из 8 нум<ерованных> страниц обещанного для 2-й тетради текста, карты Рязанской губернии, без всякого к ней объяснения, и из 1 нум<ерованного> листа.

По мнению Г.Н.Геннади, более трех тетрадей этого повременного издания не выходило ("Русские книжные редкости". Спб., 1872); *положительным основанием* (?) к этому предположению служит объяснение в конце 2-й тетради, в котором издатель, оправдываясь в невыходе текста этой тетради медленностью печатания и обещая принять против этого меры, говорит: "Виды, планы и прочие изображения будут помещаться по мере приготовления и доставления их. Впоследствии, будучи согласованы с историческим и статистическим очерком этой панорамы, они могут быть распределяемы сообразно с общим систематическим планом всего сочинения". Из этого же объяснения видно, что экземпляр "Живописной России", принадлежащий библиотеке и виденный г. Геннади у

* В числе этих сотрудников был нынешний непреходящий секретарь Академии наук почтенный К.С.Веселовский.

Д.В.Поленова, оба неполны, ибо в 1-й и 2-й тетрадах *должно было* находиться по пяти видов и по одному плану. О содержании же 3-й тетради и о приложениях к ней *можно заключить* по следующим на ее заглавном листе строкам: "Замок Венден. Остатки древней крепости в Якутске. Национальные костюмы крымских татар. Евпатория (Козлов). План губ<ернского> города Твери. Карта Рязанской губ<ернии> и очерки Казанской губ<ернии>. «Были ли действительно приложены к 3-й тетради все эти виды и прочее — *неизвестно*, но текст в экземпляре библиотеки, *видимо, неполный*, так как он прерывается на полустове „решитель...”» <...>

Во всех предположениях и Публичной библиотеки, и г. Геннади верны только выписки с обложек издания, а из всего приведенного рассказа оказывается только, что "Живописной России" известно *два* неполных экземпляра — в Публичной библиотеке и у г. Поленова. <...>

Нам попался *третий* экземпляр, более полный: 4 тетради с обложками, текстом и всеми рисунками и пятая только с рисунками без текста и печатной обертки, а так как в течение нашей многолетней "охоты за книгами" нам не встречалось ни одного лишнего рисунка и ни одной страницы текста, кроме имеющихся у нас, то и полагаем, что едва ли было издано что-нибудь сверх того, что мы теперь опишем (далее следует подробнейшее описание на 2 страницах).

А.Н.АФАНАСЬЕВ

Некролог

Больше полугодом прошло со дня рановойременной смерти Александра Николаевича Афанасьева, одного из наиболее почтенных тружеников русской науки, одного из честнейших и благороднейших людей, а между тем многочисленные "ученые" друзья покойного не дали до сих пор сколько-нибудь связного биографического его очерка. Несколько теплых, задушевных слов сказаны были не этими друзьями покойного, а человеком ему далеким, очень мало знакомым с ним, М.Ф.Де-Пуле (С.-Пет. ведомости, № 298, окт. 29). Даже простое известие о смерти Александра Николаевича появилось едва ли не через месяц после кончины его и было предварено заявлением иностранной печати, скорее, чем русская, обратившей внимание на эту тяжелую потерю для нашей науки и литературы. В английском журнале "The Academy", издании серьезном и очень скупом на некрологи, отводящем для них место только в случае смерти особенно видных деятелей науки, появился целый столбец, посвященный известию о кончине А.Н.Афанасьева. Вот что напечатал W.R.S.Ralston в этом журнале, от 1 ноября (20 октября) 1871 года, № 35, стб. 491:

"Несколько недель тому назад русская литература лишилась одного из наиболее достойных своих деятелей. Преждевременная смерть Александра Афанасьева оставляет в рядах славянских ученых пробел, не легко пополняемый. Есть имена более известные в русских литературных и ученых кружках, чем было или когда-нибудь было бы известно имя Афанасьева, но в специальной области его деятельности никто его не

превосходил. Как собиратель и комментатор русских народных сказок он не имел соперников и никто не сделал для общей пользы так много, как он, в деле исследования богатого собрания легенд и песен, превосходно сохранившихся у славян, которыми, однако, до недавнего времени так мало пользовались. Я получил из России еще только простое известие о его смерти, поэтому набрасываемый мною очерк его жизни и труда будет крайне неполон, но мне хочется сказать хоть несколько слов о таком почтенном и честном ученом.

Александр Николаевич Афанасьев родился 21 июля 1826 года, учился в Московском университете, а потом жил постоянно в Москве и занимал там должность секретаря городской думы. Несколько времени тому назад он, кажется, отказался от этого места, принявши на себя или готовясь принять обязанности мирового судьи, в новом учреждении. Но нас более интересует деятельность его как критика и компилятора, что и было настоящим его призванием. Мы считаем излишним приводить полный список его разнообразных сочинений и скажем только, что этот в высшей степени трудолюбивый писатель сообщал в русские журналы, газеты и сборники огромное количество критических статей, отличавшихся большими достоинствами, по истории, археологии и славянской литературе, в особенности же о России. Два наиболее важные из его сочинений, на которые мне хочется обратить особенное внимание, это его собрание "народных сказок" и полный, исчерпывающий свой предмет трактат "О поэтических воззрениях древних славян на природу". Первое из этих изданий, озаглавленное "Народные русские сказки", было окончено в 1863 году и появилось в 8 частях, которые в переплете составляют 4 больших тома. Они заключают в себе целый ряд рассказов, заимствованных из уст русского крестьянина, и изданы крайне добросовестно, так как везде, где представлялась возможность, указываются имена тех лиц, которые сообщали ему эти рассказы, а равно приводятся и названия местностей, в которых они были записаны. К каждой части издатель присоединил критические примечания, чрезвычайно важные и заключающие в себе те результаты, к которым он мог прийти, благодаря своей обширной начитанности на многих языках и специальному знакомству с славянским народным творчеством и мифологиею.

Выше всяких похвал другое его сочинение: "О поэтических воззрениях славян на природу". Это богатый рудник для всякого, кто желает изучить настоящий предмет, узнать множество легенд, рассказываемых в разных славянских землях о небе и земле, солнце и луне, о горах и реках, громе и ветре; кто желает составить некоторое понятие о той точке зрения, с которой древние славяне глядели на жизнь и смерть; кто хочет ознакомиться с понятиями славянских крестьян нашего времени об окружающей их физической природе и о том духовном мире, какой они себе представляют. Третий том этого, наиболее ценимого нами труда и учености Афанасьева был окончен только два года тому назад. Передо мной лежит экземпляр этого тома, подаренный им мне в прошлом году в Москве. Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всею ее

обстановкою была именно в том роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого — повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд. Да и самую личность своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее. В то время, как я его видел, он казался исполненным жизни и сил; в его наружности не было никаких признаков слабости или недуга, которые бы грозили ему смертью, а между тем он умер около сорока шести лет от роду”.

Передав читателям этот очерк, считаю нужным сделать незначительные оговорки. Афанасьев, по окончании курса в университете, служил с 1849 по 1862 год в московском Архиве иностранных дел. Это было лучшее время его литературной деятельности. Список его сочинений, статей и изданий, преимущественно за это время (напечатан в № 11-м “Русского архива” 1871 г.), представляет до 150 названий, а ни одна статья или даже заметка Александра Николаевича не была лишена научного значения и интереса. В 1862 году, благодаря назойливости г. Кельсиева, неожиданно-негаданно на несколько минут появившегося к Афанасьеву, он должен был оставить службу, и с этого года началась тяжкая для него эпоха, в которую было не до литературных трудов и занятий, а шло дело о куске хлеба для себя и семьи. Большая часть мнимых друзей его исчезла бесследно; литературный труд не оплачивался; каких-либо даже частных занятий он найти не мог, по не зависевшим от него причинам. Долго крепился он и все-таки не покидал своих любимых работ; драгоценная библиотека его была сложена где-то в сарае, ибо не умещалась в тесной квартире; наконец, он вынужден был и ее продать. У нас, где тысячи платятся любителями за негодных эльзевиров и турецкие рукописи, не нашлось покупателя для превосходно составленной библиотеки, наполненной редкостями, которых не найдешь ни за какие деньги. Эти-то редкости пошли прежде всего в продажу порознь, а потом таким же образом распродавались и другие более ценные книги и издания. После целых годов лишений и после долгих стараний удалось, наконец, Афанасьеву получить место секретаря в думе, с небольшим жалованьем. Отсюда он перешел, через год или два, секретарем в мировой съезд, и хотя здесь содержание было немного больше, но зато делом он был, как говорится, завален; в приезды мои летом в Москву я редко находил его дома, но утром, в середине дня и вечером постоянно мог найти его в помещении съезда. В последние два или полтора года чахотка быстро разрушила его организм. В это время он предполагал баллотироваться в мировые судьи и для “ценза” приобрел дом, о котором говорит Ральстон, дом дешевый и купленный наполовину в кредит. Впрочем, кажется, за несколько месяцев до смерти Афанасьев оставил свое намерение, получив частное место более спокойное и с хорошим содержанием. Но болезнь уже сделала свое дело, и честный труженик успокоился — в могиле. Посланный врачами на кумыс, он уехал из Москвы в конце мая или в начале июня, а возвратился в

последних числах августа совсем больной, и 23 сентября его уже не стало. Как человек Афанасьев отличался крайней прямою, честностью и добродушием; таких людей, как он, редко приходится встречать. Как ученый, он превосходил многих, которых имена пользуются большей против него известностью... Заметку нашу мы кончим знаменательными словами Де-Пуле: "Было горемычное положение для наших университетов — неоткуда было взять профессоров. Набрали кое-как и кое-кого, но обошли Афанасьева, который был бы украшением кафедр русских древностей, литературы, истории, даже славянских наречий. Известный ученый, сидящий в Думской канцелярии и продающий из крайней нужды свою библиотеку, — и одновременно выгодно и прибыточно шествующие по проложенной им тропе разбогатевшие и разжиревшие посредственности полужнания!"

М.Д.ХМЫРОВ

Некролог

В понедельник 27 ноября прошлого 1872 года, в половине девятого утра, умер в Петербурге Михаил Дмитриевич Хмыров, один из неутомимейших тружеников русской науки.

Он родился 1 сентября 1830 года в с. Локотки Глуховского уезда Черниговской губернии и воспитание получил в 1-м Московском кадетском корпусе, откуда был выпущен в июне 1848 года, в числе лучших воспитанников в Л<ейб>-гв<ардии> Измайловский полк. Еще в корпусе он начал писать стихи, и одно или два из его стихотворений были напечатаны в то же время. Служебные занятия отвлекли его от литературных, но, когда в 1851 и 1852 годах на него было возложено исполненные обязанностей репетитора математических наук при первом Московском кадетском корпусе, он получил более досуга для чтения и в то же время положил начало своей библиотеке. Задумав написать историю полка, в котором служил, Хмыров получил в 1858 или 1859 году доступ в полковой архив (впоследствии ему сделались доступными архивы артиллерийский, инженерный, Московский генерального штаба и наконец Горного департамента).

С того времени Хмыров всецело предался научным занятиям, восполняя при этом недостатки первоначального своего образования и накопляя массу знаний и фактов, которыми радушно делился со всеми, к нему обращавшимися, и которые сделали его самого живою энциклопедиею. Однако занятия в архивах были причиною того, что он в 1861 году вынужден был оставить службу и искать средств к существованию для себя и семьи в одном только литературном труде, который, к сожалению, оплачивается у нас плохо. [Далее следует перечисление научных трудов М.Д.Хмырова.] Много статей Хмырова находится также в VI томах Энциклопедического словаря 1861—1863 годов <...> Здесь же, кстати, скажу, что почти все биографии во 2-м томе "Портретной галереи" Мюнстера написаны Хмыровым и что ему же принадлежат биографические очерки шутов Д'Акосты, Педрилло, Кн<язя> А.М.Голицына (Кульковского) и многие примечания к изданной им вместе со мною

в 1869 году шутке: "Полное и обстоятельное собрание анекдотов четырех шутов", где мы с покойником, не пощадив и самих себя, хотели поострить над излишней любовью к "примечаниям" и "методам исследования" некоторых из современных деятелей нашей литературы. <...>

В заключение должно упомянуть о составленной им библиотеке, подобной которой не было, да, наверное, можно сказать, и не будет не только в России, но и за границей, ибо надо много знания и много любви к делу, чтобы решиться на такой *подвиг*, которым задался Хмыров при составлении своего собрания. С неутомимой энергией покойный в течение с лишком 20 лет употреблял скудные свои средства на покупку *всех* без исключения русских альманахов и периодических изданий, журналов и газет (включая губернские и епархиальные ведомости) от начала повременной прессы в России и собрал таким образом более 12 000 номеров одних только журналов*. Все покупаемое он тотчас заносил в алфавитные книжки, чтобы знать, что у него есть, и затем он разрезывал альманахи, журналы и газеты на отдельные статьи, отмечая на них номер и год издания в систематическом порядке по предметам, о которых говорится в статьях. В случае, если одна статья оканчивалась на обороте другой страницы, то недостающий конец списывался, а если статья заключала несколько сведений, относящихся к разным предметам, то на нее делались ссылки и подкладывались в соответственные папки. Подобного рода библиотеку, при недостатке у нас не только толковых, но и каких-либо "указателей" к периодическим изданиям, конечно, можно назвать драгоценною. Хмыров делился ею охотно со всеми, несмотря на то, что обращавшийся к нему иногда вовсе не был ему известен. В этой-то библиотеке каждый мог найти *все*, что было писано в русских повременных изданиях об интересовавшем его предмете; желающий, например, получал целую папку о саранче, другой о свекловице, третий о книгопечатании, о типографском или военном деле, об Испании или о Владимирской губернии, об Ивановской колокольне в Москве или о храме Св<ятого> Петра в Риме, о коннозаводстве или о снегире и т.п. Словом, всякий находил у него все, что ему надобилось. Такой библиотеки теперь и составить нельзя за исчезновением многих журналов и газет из продажи, особенно после пожара Петербургской толкучки. Материалы для биографического словаря русских людей в библиотеке Хмырова просто изумительны (они положены по алфавиту фамилий), а генеалогической книги, по нашему мнению, никакой невозможно и издать порядочно, не обратясь к собранию Хмырова. Мы не говорим уже о его *записных книжках*, без которых он *никогда* не читал *ни одного* архивного дела и ни одной книги, а читал он почти все, появлявшееся в печати, особенно не пропуская ничего по русской истории, по истории литературы, этнографии, статистике и пр. *Каждое* имя, встречаемое им в деле или в книге, каждый выдающийся факт он немедленно записывал в свои алфавитные книжки, с указанием на источник, так что, нередко обращаясь к нему с вопросом о ком-либо из русских писателей, мы получали от Хмырова, из папок, статьи об этом писателе

* Он собирал также французские и немецкие журналы, но это уже было для него делом второстепенным.

(биографические, библиографические и критические), и в дополнение он сообщал еще из записных книжек о том, в каких книгах и изданиях или в архивных делах (как, например, о В.И.Лукине) упоминается об этом писателе, и если такие упоминания были немногословны, то в "книжках" Хмырова они были выписаны целиком.

Неужели же такая библиотека не найдет покупателя и должна будет пропасть на толкучке и пойти вразброд? А пожалуй, это и случится, ибо заранее можно сказать, что напр<имер>, Публичная библиотека наша ее не купит*, ведь это не куфические кораны, не негодные зльзевиры, не хивинские или еврейские рукописи, которыми так не по разуму дорожит наше книгохранилище, скупая их за огромные деньги и жалея их на покушку редких собраний, какими были, напр<имер>, уже погибшие ныне собрания А.Н.Афанасьева, И.П.Сахарова и даже Н.Г.Устрялова. Жаль, если пропадет это собрание, как пропала без исполнения и заветная мечта собирателя: составить полную *энциклопедию отчизноведения*. Эту мечту он лелеял всю жизнь, к исполнению ее приспособил и самое собрание, но поддержки нигде и ни в ком не нашел, и все дело ограничилось составлением программы и плана этого издания, найденных по смерти покойного в его бумагах.

Закончив на этом с официальнойю, если можно так выразиться, стороною некролога, я должен сказать несколько слов о дорогом товарище как о человеке. Он был добр, прямодушен, готов на всякую услугу; в убеждениях своих был тверд, не менял их и не скрывал, так что каждый мог знать, с каким человеком имеет дело и смело на него положиться в случае нужды. Вместе с этим он был, однако, человеком крайне непрактичным во всем, что касалось его *личных* интересов, и часто терял там, где другой на его месте мог только выигрывать. Впрочем, такой недостаток может служить только в похвалу покойному, хотя, благодаря именно этому свойству, он всю жизнь провел бедняком и кончил ее в горькой нужде. Особенно тяжело для него было последнее лето, когда сделанная им работа осталась неоплаченной и ему грозило лишение его единственного сокровища, на которое он положил всю жизнь, — библиотеки. В безвыходном положении, не найдя *нигде* помощи, он обратился уже не ради себя, но ради спасения своего собрания к одному из старейших наших литераторов-издателей, с которым лично даже не был знаком, — и тот помог ему значительною суммою, по первому же заявлению и почти накануне грозившей беды. Надломленный, измученный организм не вынес, однако, потрясения, и через несколько дней после того Хмыров заболел и уже не вставал с постели. В это время была оказана ему помощь и со стороны общества литературного фонда, которая вся ушла на лечение, и Хмыров умер, оставив семье рубль денег из полученного вспомоществования да честное, доброе имя.

1 декабря тесный кружок знакомых и родных проводил покойного в его последний путь, но долго он будет жить в памяти близких ему

* Могут, пожалуй, заметить, что все, бывшее в собрании Хмырова, есть в Публичной библиотеке и притом в *целом, неразрезанном виде*. Но в том то и дело, что по этим *целым* изданиям потребуются, например, не менее пяти лет усидчивого труда, чтобы восстановить хотя бы одного Бантыш-Каменского с теми поправками, которые уже имеются у Хмырова.

людей, и долго еще они будут вспоминать его с любовью и уважением, которых он вполне заслуживал.

ЕФРЕМОВ В "ИСКРЕ"
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА ЮРКЕВИЧА

Примечание

Не могу не заметить, что, на мой взгляд, есть три рода книг: 1) такие, которых невозможно иметь в своей библиотеке, как излишний, загромождающий ее хлам, но которые тем не менее иногда могут понадобиться для справок; 2) такие, которые должны быть в каждой порядочной библиотеке, и 3) так называемые *редкие* книги, которых нигде нельзя достать, несмотря ни на какие старания, так что за ними по необходимости надо обращаться в Публичную библиотеку. Но именно выдачею этих-то книг она и стесняется, легко снабжая книгами двух первых отделов, которые без затруднения можно найти и в частных библиотеках для чтения, заплатив только гривенник за прочтение. Неужто библиотека и в наше время, в 1913 году, смотрит на всех своих читателей как на хищников и книговредителей? Едва ли найдется такой из тысячи один: 999 *невинных* страдают за одного *подозреваемого*! Кажется, достаточною гарантиею служит ей удержание у читателей головных покровов и верхней одежды, которые не возвращаются без предъявления ярлыка, доказывающего, что читаемые книги сданы в исправности. Если (чего боже сохрани) и окажется хищник и книговредитель — пусть на первый раз прогуляется по Петербургу без шляпы и без верхней одежды, что особенно чувствительно при санктпетербургском климате, где 10 месяцев осени и 2 месяца зимы составляют обычную смену 4 времен года. (Подпись: Псевдоним.)

ИЗ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

<...> В январе нынешнего года <...> скончался известный всей России Козьма Петрович Прутков. <...> Богатая и разнообразная библиотека покойного уже появилась на торжище. Я сам купил на Апраксинном дворе толстую рукопись in quarto, в 500 с лишком страниц, с пометою "Из книгохранилища Козьмы Пруткова. — Досталась после деда моего премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова". Внизу прибавлено: "Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное". Рукопись эта имеет заглавие: "Всию, или Собрание разных сочинений, выходящих и прежде вышедших и могущих выйти, а также находящихся в разных ежемесячных и других повременных изданиях, писанные собственною моею рукою. В Санктпетербурге". Целый отдел неоконченного (l'inachevé) дает повод предполагать, не написана ли эта рукопись самим дедушкою Козьмы Петровича, хотя этому противоречит то обстоятельство, что ни одна из помещенных в ней статей не напечатана Козьмою Петровичем Прутковым, чего бы он не упустил сделать, если бы статьи были написаны его родственником. По слогу судить нельзя, ибо слог премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова имеет боль-

шое сходство со слогом одного современного нам писателя, которого юбилей праздновался в недавнее время. (Подпись: ФИМ.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

№ 5. *Званию несоответственное непостоянство*

Михаила Дмитриевича Чулкова кухарь Тихон, нравов будучи грубых, но истинно преданный своему господину и в грамоте не безыскусный человек, а как имел он по кухарскому своему званию презавидливый и стяжательный характер, то, купив весом с десь исписанной бумаги для печения на оной пирогов, заприметил в ней написанными творения господина покойного статского советника Михайла Васильевича Ломоносова, почему и господину своему предлагал ту бумагу весьма дорогой ценою, приговаривая, что-де и академическая канцелярия без сих бумаг, как мне-де господин Феодор Козельский сказывал, сочинения господина Ломоносова печатать уже не может, ибо иные мне рукописно принадлежат. Удивился господин Чулков столь странному в кухаре своем непостоянству, званию его несоответственному, и сказывают все его за сие от занимаемого им тогда его места отставил.

№ 6. *От несмотрения прибыток*

Как проживающий в Москве при Архивах знатный по исторической науке господин профессор Федор Иванович Миллер, имея весьма великое и из редких книг и рукописных сочинений состоящее книгохранилище, намеряясь же оное за большие деньги продать, опись его племяннику Василия Кирилловича Третьяковского Силе Кротконосову поручивши, по счету оную сдал. То сей, многое и прередкое выкрав, соответственно исторической науке по напечатанной росписи Любья, Гария и Попова, историю о Полиционе, о Францыле Венециане и подобными ж историями подменивши и по счету сдав, сказывают, господин Миллер до конца жизни свое книгохранилище в целости почитая, сей же немалый прибыток себе получил. (Подпись: Иван Маслов.)

ОТ ИВАНА МАСЛОВА О КНИГЕ «АНЕКДОТЫ 4 ШУТОВ»

В предпрошедший четверток получил я по городской почте некоторое историческое сочинение под титулом: "Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов: Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковского. В 4 частях. Собрано и в порядок приведено четырьмя увеселительными сочинителями: Никитою Тихорьловым, Гурием Тупорьловым, Варсонофием Острорьловым и Георгием Книжником, на иждивение Сергея Шутинского, с замечаниями Михаила Смеевского, Михаила Хмурова, Владимира Ежова и других книжников и грамотеев". На задней же оная книги обложке изображено, что оная "продается в Семеновском полку, на самом уголку, в сотой роте, на повороте; спросить дворника Никиту Безрьлова и издателя Гуся Бескрылова". Но сие неверно, ибо из газетных объявлений вычитал я, что доподлинно продается оная на Казанском мосту у книгопродавца Василия Федорова, по рублю; что, немало меня в мыслях смутив, признаю оную книгу отнюдь не

исторической, но за кривую увертку. Хотя бы приложенное к полученной книге письмо, исторические труды мои выхваляя, и сам я в примечаниях к оной не без похвалы поставлен, сумлеваюсь в намерении печатавших ее троих господ Разнорыловых и одного Георгия Книжника с Сергием Шутинским, почитая оную за пародию на важные исторические труды знатных по исторической науке сочинителей наших.

ИЗ ПИСЕМ

1. *С.И.Пономареву. Из Петербурга в Полтаву, 18 января 1868 г.*

<...> Вообще редкие книги я собираю все, и много есть у меня известных в 2–3, а иногда и в 1 экземпляре и даже не выходявших из тип<ографии>, как пожертвованная мною в Пуб<личную> библиотеку "Полярная звезда", печатавшаяся на 1826 год (во время бунта 1825 г.), о чем и изображено в отчете Пуб<личной> б<иблиотеки> за 1866 год. Книг у меня много, так что они беременят уже и ежегодно отсылаю их в Москву, где после отца осталось до 10 т<ысяч> названий. Отошлешь, а глядишь – понадобятся – и нет.

2. *С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 6 февраля 1882 г.*

Перебирая свои книги, я вспомнил об вас, многоуважаемый Степан Иванович, как об их страстном любителе. Оказалось, что у меня есть дублеты, или случайно купленные в массе, или по забывчивости. Они не хитры – хорошие книги помнишь, – но и не такой вздор, чтобы бросать, напр<имер>: "История Л<ейб>-гвардейского кирасирского полка", где говорится о предках Лермонтова, "Истор<ия> юнкерского училища", где о самом Лермонтове, оттиски переводов библии Макария из "Православного обозрения", кое-какие оттиски и т.п. Если желаете и имеете место, я с большим бы удовольствием препровождал вам, по мере того, как будет попадаться в руки <...> Итак, если не брегаете, то сообщите – исполнять ли высылку дублетов, не отличая добра от зла, или по выбору только, и вообще надо ли вам это?

3. *С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 22 февраля 1888 г.*

<...> На ваш вопрос о малорусских уроженцах должен сказать, что у меня шкафа 4 снизу до потолка полны папками с вырезками из газет и журналов, но в алфавитном порядке, да комнаты 4 завалены книгами не только по стенам, но и на полу кучами. Где уж тут искать? Были бы вы здесь – все к вашим услугам <...> Через 1½ года выслужу пенсию и в Москву, на покой "библиографический" – к Сухаревой, Смоленскому, Никольской, Панкратьевскому пер., Ильинской площади etc., иде же есм аз духом.

4. *С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 13 марта 1888 г.*

<...> Венгеров мои папки берет по мере надобности – я в них и в собрании портретов никому не отказываю, и Ровинский дивился моим знакомым, что я без всякой опаски (чего же бояться?) давал ему на дом всю свою очень большую коллекцию портретов без срока и расписки (какая же тут расписка?).

5. *С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 17 апреля 1888 г.*

<...> В прежнее время я на Пасху всегда приезжал в Москву, но теперь не к кому. И в доме, вами упомянутом, живут чужие люди, и

заведует им чужой человек, по знакомству; только книги мои да картины свалены в сарай за замок да, может, уже и раскрадены наполовину, как это случилось с книгами отца, сваленными после его смерти (1856) в тот же сарай. Ну, да Христос с ними.

6. *А.Н.Пыпину (в Петербурге), 17 января 1902 г.*

<..> Книг и коллекции картин мне не позволили внести в квартиру, чтобы не провалить пол, и я вынужден был поместить их в особо нанятом сарае, и так как сырость и крысы прежде всего грозили картинам, то я и продал Фельтену нимаало не медля. Но книг было жаль, и думаю, что в ящиках (они не распакованы) пострадают верх, низ и бока, но хоть нутро сохранится. Несмотря на все старания и полученные обещания, никакой кладовой для них я еще не отыскал, так что, пожалуй, и книги придется продать прямо из сарая все ящики или вразбродь, по пяти, по десяти, какие попадутся наугад, не вскрывая. Не знаю, согласятся ли на такую лотерею, а тогда уж и не знаю, что делать; хлопотали за меня <В.Е.>Якушкин и <Н.М.>Лисовский у академиков – не найдется ли угла, да так ничего нет. Ни у Суворина, ни у Глазунова тоже нет места, а кладовых в рынках свободных тоже нет. Указывают Калашниковскую пристань, но ведь далеко и крыс по соседству хлебов, пожалуй, не оберешься. Внес только 2 шкапа украдкою, а 82 ящика в 953 пуда (по накладной) в сарае, и даже ключи мне не дадены, а оставлены у управляющего, в предотвращение контрабандного вноса. С книгами я без книг, по Пушкину надобны (?), только приходится покупать снова, да и того не купишь, что надобно и что погребено в сарайных ящиках.

Портрет пятый
СЫН ДЕКАБРИСТА

В 40-х годах XIX века на юридическом факультете прославленного Московского университета учился студент Евгений Якушкин, сын "государственного преступника, прикосновенного к 14 декабря 1825 года". Он был серьезным, добросовестным юношей, прекрасно учился, внимательно слушал университетских профессоров: П.Г.Редкина, Д.Л.Крюкова, популярнейшего Т.Н.Грановского, неизменно посещал и воскресные домашние лекции К.Д.Кавелина, на которых молодой обаятельный профессор "резко и беспощадно" громил крепостное право. Евгений Якушкин много читал, серьезно занимался. Но все время, остававшееся у него от ученья, он отдавал рано пробудившейся в нем страсти к книгособиранству.

Евгений Якушкин провел много часов у Сухаревой башни и на Смоленском рынке, роясь в горах книжного хлама, в которых порою можно было отыскать настоящие сокровища. Конечно, для этого нужно было обладать и знанием старой русской книги, и особым библиофильским чутьем. Все это было у молодого человека. Не было у него только одного — денег. Семья жила более чем скромно. После ареста декабриста

Ивана Дмитриевича Якушкина в Москве осталась его юная 19-летняя жена с матерью и двумя сыновьями. Младший, Евгений, родился уже тогда, когда отец был заключен в Петропавловскую крепость.

Анастасия Васильевна хотела ехать за мужем в Сибирь, но ей не разрешили взять с собой детей (это не разрешалось ни одной из жен "государственных преступников"), а муж не позволил ей оставить мальчиков. Вот и оказалась молодая красавица в положении едва ли не самом тяжелом из всех "декабристок" — тяжелом как морально, так и материально. К счастью, у нее была в высшей степени энергичная матушка, человек незаурядный и сильный духом, и любящий брат, оказывавший ей и детям материальную помощь, хоть сам он не был богачом, так что денег всегда не хватало. После декабриста осталось родовое село Жуково. Доходу оно давало менее тысячи рублей в год, из которых около половины посылалось отцу семейства, томившемуся в Сибири. Но если при тогдашней, просто сказочной сибирской дешевизне да при аскетических привычках Ивана Дмитриевича этого было достаточно, то остальной половины для проживания в Москве семьи из трех человек (даже если не считать бабушки, имевшей, вероятно, свою небольшую вдовью часть) хватить не могло.

Мальчики Якушкины выросли в Покровском — подмосковном имении дяди — Алексея Васильевича Шереметева; он же помог дать им воспитание и образование.

Для того чтобы дать мальчикам первоначальное образование, молодая мать поселилась в подворье Троице-Сергиевой лавры; там детям давали уроки наиболее образованные преподаватели духовной академии. От них дети получили прекрасное знание русского языка и словесности, истории и географии. Это было много дешевле и несравнимо лучше того, что могли дать французы-губернеры.

Мальчики оказались прекрасно подготовленными для поступления в университет. Им нанимали скромную квартиру; жили они действительно по-студенчески, не позволяя себе никаких барских затей.

Евгению в молодые годы, пока он сам не начал зарабатывать, лишь с громадным трудом удавалось урвать денюжат для покупки книг. Да и впоследствии это было для него нелегким делом. Он рано женился, у него родилось пятеро детей (старшая девочка рано умерла), ему приходилось служить в трех местах — и все равно денег не хватало. А без книг он уже не представлял себе жизни. И вот в таких трудных обстоятельствах — понемногу, книжка за книжкой — стала расти библиотека, которая к 60-м годам XIX века стала широко известной всей библиофильской обществуности России.

Вначале молодой библиофил покупал все те книги, которые считал стоящими покупки и приобрести которые ему позволяли средства, и лишь со временем его собирательская деятельность приобрела более целенаправленный характер. Надо полагать, что это — обычный путь начинающего книгособирателя. Однако вскоре, довольно рано, раньше, чем это случается у большинства, Евгений Якушкин увидел, что при его ограниченных средствах нужно собирать иначе. И он стал покупать в основном книги и периодические издания, так или иначе связанные с его профессиональными интересами (само собою разумеется, что собранное

ранее сохранялось). Объектом же его интересов было право, в том числе и в особенности обычное право народов, населяющих Россию. Верный последователь А.И.Герцена и его "русского социализма", молодой Якушкин, так же как его духовный отец, придавал особое значение изучению быта, нравов, обычаев народа. Все русские герценовцы, а впоследствии и народники ставили обычное народное право во главу угла в деле создания справедливого законодательства после победы крестьянской революции, в которую они свято верили.

Евгений Якушкин был одним из крупнейших знатоков литературы обычного права, и не просто знатоком, но и собирателем. Кроме того, его живо интересовала сопредельная с его излюбленной областью этнография и история России в целом. (Так понемногу собиралась его великолепная *Rossica*.)

Одновременно или несколько позднее он стал собирать старые периодические издания — журналы, альманахи и сборники, многие из которых уже тогда были библиографической редкостью. Эта часть его библиотеки со временем стала настолько богатой, что к нему обращались за советом такие знатоки, как Г.Н.Геннади, П.А.Ефремов, А.Н.Неустроев. Последний из них и сам всю жизнь собирал именно эти издания. Однажды произошла такая история: Александр Николаевич Неустроев, составив свой известный указатель "Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках XVIII столетия", не смог нигде найти какой-то забытый сборник той эпохи. Стал он его разыскивать, ведь девизом библиографов была полнота сведений, но не нашел ни у одного из видных библиофилов обеих столиц; не оказалось его и в императорской Публичной библиотеке. И в одном из писем огорченный библиограф сообщает, что этого журнала "нет и у Е.И.Якушкина в Ярославле". То была последняя инстанция. Если старого журнала или тем более альманаха не было у Евгения Ивановича, можно было прекращать поиски: это означало, что издание исчезло с лица земли.

В якушкинской библиотеке была хорошо представлена и периодика XIX века. Когда Г.Н.Геннади со страниц "Русской старины" обратился к отечественным библиофилам с вопросом: "У кого в России значительнейшее собрание русских журналов"¹, его коллега по библиофильству К.Н.Бестужев-Рюмин, который знал вся и всех, без колебания ответил (через тот же журнал): "У Е.И.Якушкина в Ярославле"². Было это в 1873 году, а ведь собрание Якушкина продолжало расти еще четверть века, если не больше. В очерке об Афанасьеве приводился отрывок из его письма к Якушкину, где он писал, что жена Евгения Ивановича Елена Густавовна должна быть довольна Ярославлем потому, что в нем нет Сухаревой башни. Но отсутствие в Ярославле торговли старыми книгами не спасло Елену Густавовну. Якушкин частенько наезжал в Москву, а когда его старший сын Вячеслав (будущий известный ученый и общественный деятель) поступил в Московский университет, отец писал Ефремову: "Теперь я намерен через него приобретать книги у Сухаревой башни и на Смоленском рынке"³. И действительно, библиотека Евгения Ивановича продолжала пополняться редкими и ценными изданиями. Из его переписки с Афанасьевым мы узнаем, например, что в 1861 году он приобрел "Пустомелю" — предмет исканий многих библиофилов⁴.

Страсть к книгам с годами перешла у Евгения Ивановича, как он сам полушутя признавался Ефремову, "в непохвальную жадность, с трудом сдерживаемую"⁵. И это продолжалось до конца жизни. За три года до смерти он пишет тому же корреспонденту: "Библиотека моя все растет и начинает меня сильно стеснять. Я должен нанимать для нее большую квартиру, хотя часть книг мне все же некуда ставить"⁶.

Сохранилось свидетельство очевидца о том, как Евгений Иванович работал с книгой. Видный ученый, археолог В.А.Городцов писал:

"В это время Евгений Иванович был уже в преклонном возрасте, но несколько не утратившим живой энергии и силы своего выдающегося разума. <...> Каждый раз, когда я заходил к нему, он всегда оказывался за работой. Обычно он сидел за письменным столом, имея перед собой одну или несколько книг и сложенные особым образом чистые листки свои наблюдения и выводы.

Эти листки меня очень интересовали, и мне захотелось узнать о способе ведения на них научных записей. Евгений Иванович охотно объяснил мне о манере ведения записей на листках и классификации их по разным категориям и отделам. Вместе с тем он показал такое громадное количество их, что я был глубоко изумлен. Листки, покрытые надписями, вкладывались в специальные папки. Наполненные листками папки имели вид переплетенных книг. Все они были одной формы. Число их доходило, вероятно, до 50"⁷.

Итак, библиотека все время росла, а ее владелец в ней непрестанно работал. Но он отнюдь не был книжником-анахоретом. "Живя в четырех стенах своей библиотеки, — пишет автор одного из некрологов, — Евгений Иванович горячо и внимательно следил за всеми явлениями русской жизни. Он был всегда широко осведомлен по всем ее вопросам. Беседа с ним являлась источником громадного наслаждения и пользы"⁸.

П.Шереметев после посещения Евгения Ивановича Якушкина в Ярославле, узнав о его смерти, писал: "В лице его ушел еще один из людей прошлого общества, того истинно просвещенного русского общества, пропитанного европейской культурой, представителей которого более почти не осталось. Старое воспитание, интересы науки, терпимость к чужим взглядам, юмор, богатство воспоминаний — все это влекло к Евгению Ивановичу людей, находивших в его живой беседе истинное наслаждение. На нем лежала печать соединения старого помещного быта с складом профессора и человека науки, и самое выражение лица его было таково: то блеснет взор XVIII века, то профессор 40-х годов"⁹.

А сколько сотен книг роздал в разное время этот книголюб! Государственные книгохранилища получили от него немало редких, даже редчайших изданий¹⁰. Евгений Иванович, коренной москвич, принес в дар крупнейшей библиотеке родного города (ныне — Библиотека СССР им. В.И.Ленина) множество ценнейших изданий и немало рукописей. Поистине царские подарки получали от него и другие общественные учреждения. Так, он подарил библиотеке Лицея рукопись "Записок о Пушкине" И.И.Пущина, написанную, как известно, по его настоятельной просьбе и хранившуюся в семье.

В Ярославле, который стал для него вторым родным городом, он основал несколько небольших, но хорошо подобранных общедоступных библиотек. Такие библиотеки были им основаны в Сиротском доме, в женской и мужской гимназиях, в статистическом комитете (очень ценная) и даже в казенной палате, над которой он начальствовал, очевидно для приобщения своих подчиненных вместо карт к книгам! Книги для этих библиотек он выделил также из своего собрания. Перед смертью он передал все местные издания и рукописи Ярославской ученой архивной комиссии, которой он же сам руководил десятки лет¹¹.

В собрании Якушкина были с необыкновенной полнотой представлены и материалы о современном ему состоянии России: провинциальные газеты (не говоря уже о столичных), земские издания, статистические отчеты — со всей империи. Собрать такой материал было очень трудно, почти невозможно, но для Якушкина невозможного не было, тем более что как раз частично на основе этого материала и был создан его капитальный библиографический труд "Обычное право" и примыкающее к нему "Обычное право русских инородцев" — 5 томов превосходнейшей библиографии, в которых описаны тысячи изданий. "Нестор обычного права" — так называли его современники. Эта библиография до сих пор "на ходу". Ею пользуются юристы, этнографы, историки, библиотекари...

Якушкин писал в предисловии, что этот труд создан исключительно по книгам его личной библиотеки, и жаловался на то, как трудно работать провинциальному библиографу, оторванному от крупнейших государственных собраний. Но какова же была его библиотека, если ученые, пользующиеся его указателями уже целое столетие (первый том вышел в 1875 г.), не нашли в нем почти никаких пропусков! Поистине, это было уникальное собрание, в особенности его специализированные отделы, такие, как этнография, обычное право, экономика России, положение ее "инородцев" — материал, добыть который, пожалуй, трудновато было бы и императорской библиотеке, несмотря на то, что она по закону получала по экземпляру всего вышедшего (этот закон никогда не соблюдался в полной мере). Имя Якушкина открывало ему двери любых частных собраний, даже закрытых для других; он мог получать самые неожиданные сведения, зачастую представлявшие собою весьма секретный материал. Так, в его библиотеке имелись официальные, совершенно секретные материалы о раскольниках (которыми Якушкин, как последователь Герцена, живо интересовался и быт которых отразил в "Обычном праве"). А подарил ему эти материалы верный друг Петр Александрович Ефремов, служивший одно время под началом страшного Муравьева ("вешателя") и сумевший из-под носа у шефа стащить эти бумаги для Евгения Ивановича. Эти бесценные материалы сохранились и покоятся ныне в громадном архиве семьи Якушкиных (Москва, ЦГАОР) — архиве, составлявшем ранее неотъемлемую часть библиотеки и о котором мы еще поговорим. Но вернемся к составу библиотеки.

В собрании Якушкина была прекрасно представлена русская и иностранная художественная литература. Не говоря уже об интересах самого Евгения Ивановича, — в семье росли дети: два мальчика, впоследствии

ученые, и две девочки. Вероятно, часть книг покупалась и в расчете на них. Как бы то ни было, отдел беллетристики был богат чрезвычайно, притом это были книги на многих языках.

Особой любовью Евгения Ивановича, а затем его детей и внуков пользовался Пушкин, издания которого были представлены с наибольшей полнотой. Некоторые прижизненные издания творений великого нашего поэта были в свое время куплены еще отцом Евгения Ивановича, остальные приобрел он сам. Пушкин был его кумиром. Уже в глубокой старости, подводя итоги, Евгений Иванович вспоминал: "Когда я не умел еще читать, то знал на память некоторые его (Пушкина. — Л.Р.) стихи из I главы "Евгения Онегина", так как эту главу при мне читали. Лет тринадцати я мог уже без ошибки прочесть на память большинство мелких стихотворений, а знал, конечно, все напечатанное и многое обращавшееся в рукописях. Мою страсть к Пушкину унаследовали и мои сыновья. У меня здесь есть внучка лет 9, которая много знает из Пушкина не хуже меня и даже меня поправляет, если я ошибусь. Надеюсь, что и правнуки мои будут иметь такую же страсть к Пушкину!"¹² Когда его и друга Петра Александровича одолевали невзгоды (а их и у того и у другого было в жизни предостаточно), Якушкин советовал брать пример с Пушкина: "С какою веселостью Пушкин пишет письма из деревенской ссылки, для него действительно тяжелой. Вот у кого надо учиться"¹³. Е.И.Якушкин был одним из видных знатоков потаенного Пушкина. В его архиве хранились два рукописных сборника, переписанных его рукой, с неопубликованными в то время стихотворениями великого поэта. Ныне эти сборники хранятся в Пушкинском доме и давно и прочно вошли в пушкиноведческий оборот. В одном из них записано 78 стихотворений, их которых Пушкину бесспорно принадлежит 35, остальные в то время приписывались ему ошибочно. Во второй тетради — 58 стихотворений, из которых 34 — безусловно пушкинские. Наличие столь большого количества "мнимого Пушкина" говорит не только о слабости тогдашнего пушкиноведения, которое только еще зарождалось, но и о сознательно выбранной методике: ведь приписываемое Пушкину в основном касалось политической лирики и свидетельствовало о репутации поэта среди современников как певца свободы.

История создания этих сборников такова, что стоит отдельного рассказа. Здесь мы можем лишь кратко передать основные факты.

А дело было так: осенью 1855 года, во время второй своей поездки в Сибирь (безалаберщина в российских порядках была такова, что сыну декабриста дважды давали командировки в места близ поселений героев 14 декабря), Евгений Иванович, после энергичных настояний, буквально вырвал у И.И.Пушкина обещание написать воспоминания о Пушкине. За это молодой исследователь обещал "первому другу" покойного поэта собрать "полного Пушкина", т.е. все, что не вошло в анненковское издание, и свое обещание выполнил. Старый же декабрист не только написал свои драгоценные "Записки о Пушкине", но и подарил Евгению Ивановичу бумаги из своего портфеля, хранившегося в России, пока он бедствовал в Сибири. Из этого портфеля Якушкин получил самое драгоценное — пушкинские материалы — неопубликованные или опубликованные неполностью стихотворения великого поэта, написанные им до 1825 года.

Часть скопившихся у него пушкинских материалов Якушкин, с необычайной ловкостью обойдя цензурные препоны, опубликовал в "Библиографических записках" под видом рецензии на анненковское издание (1858, №№ 10–12; 1859, №№ 5–6). Выдающийся советский пушкинист Т.Г.Цявловская считает, что эта работа Якушкина – "первая попытка печатной пропаганды политической лирики Пушкина в России после смерти Николая I"¹⁴. Остается лишь добавить, что сын Евгения Ивановича В.Е.Якушкин стал впоследствии видным пушкинистом; он первый дал научное описание рукописей поэта, не потерявшее цену и поныне. А во время пушкинских торжеств 1899 года он выступил с речью "Общественные взгляды Пушкина", которая вызвала такой резонанс, что докладчик был тут же выслан под надзор полиции в Ярославль.

Но вернемся к библиотеке. Как до обидного мало мы знаем о ней из литературных источников! Можно все-таки, вероятно, заключить, что она носила универсальный характер, но с преимущественным вниманием к трем видам и темам: право, периодика и Rossica. Это были как бы библиотеки в библиотеке.

Особенностью, выделявшей собрание Якушкина, было то, что оно, в отличие от других крупнейших книжных собраний второй половины XIX века, находилось не в Москве, не в Петербурге, не в родовом поместье, а в провинциальном городе. Так сложилась судьба ее владельца. Будучи на плохом счету у властей, как сын "государственного преступника" и сам личность подозрительная, член кружка Кетчера-Пикулина, отмеченного культом Герцена, Евгений Иванович не смог получить в Москве должность, которая дала бы возможность прокормить жену и детей, да еще при его страсти к книгособирательству. И вот когда ему предложили хорошо оплачиваемую должность в Ярославле (там он стал председателем палаты государственных имуществ), он вынужден был согласиться. Выхода не было. Там, в Ярославле, он и прожил всю остальную жизнь, почти полвека. Вначале он страшно томился в душной провинциальной атмосфере, вдали от друзей-книжников – Ефремова, закадычного друга студенческих лет Афанасьева, Касаткина и др. Только книги и выручали, да еще жена, Елена Густавовна, верный друг и единомышленница. "В первые минуты приезда, – пишет он в одном из писем, – я испытывал чувство человека, схороненного заживо. Не дай бог, как скверно. Мертвечиной кругом так и разит. Теперь пообнюхался, бежать некуда, стою как в заколдованном круге, одно средство – держать себя ото всех подальше"¹⁵. А потом он увидел, что кроме чиновников-взяточников в городе есть и интеллигенция (правда, крайне немногочисленная), и молодежь, рвущаяся к знаниям. Вот для этой категории людей он и распахнул двери своей библиотеки. Ведь библиотека Якушкина была одной из крайне немногочисленных научных библиотек русской провинции того времени. Якушкин открыл ее для всех желающих. Конечно, это было не такой уж неслыханной новостью. Уже в предшествовавшем поколении лучшие из библиофилов позволяли пользоваться своими собраниями, так, например, как Полторацкий, который возвел это даже в ранг закона. Но вспомним также и то, что пользовались то их библиотеками свой же брат-библиофил или ученый – люди того же круга. Это вовсе не значит, что при этом книги не пропадали, –

совсем наоборот, но все-таки круг "абонентов" личных библиотек был относительно узок.

Не то было у Якушкина. Библиотекой его пользовался буквально весь город. Сотни неимущих юношей (а Якушкин был основателем и председателем Общества для вспомоществования учащимся недостаточного состояния) приобщились здесь к культуре, к книге. Близкий знавший Якушкина ярославский ученый-краевед И.А.Тихомиров писал, что книги из библиотеки давались всем без всяких залогов. При этом ни одна книга не пропала! Уникальный случай. Нравственная чистота, красота душевная, высочайший авторитет Якушкина в губернии были таковы, что никому бы даже в голову не пришло присвоить книгу, принадлежавшую такому человеку.

Восстановить полностью состав этого крупнейшего книжного собрания уже, очевидно, никогда не удастся. Его уже нет, а каталога Евгений Иванович так и не составил. Посетивший его в начале XX века дальний родственник П.Шереметев писал, что Якушкин придавал большое значение каталогам личных библиотек. Но сам он был до того загружен работой над грандиозным "Обычным правом" (которое, к слову говоря, в сущности является каталогом одной из специализированных частей его библиотеки), что на другое не оставалось ни времени, ни сил. Тот же Тихомиров рассказывает, что, когда Евгений Иванович, уже старик, уезжал на лето к дочери в Костромскую губернию, он, как величайшую драгоценность, оставлял у него мешок с библиотечными карточками. Но то были, надо полагать, не заготовки к каталогу библиотеки, а материалы для "Обычного права", над которым он работал до конца своей долгой жизни (последние два выпуска вышли посмертно).

Мы уже знаем, что в библиотеке Якушкина были редчайшие книги о России. Были там, без сомнения, и другие редкости, хотя бы те же журналы и альманахи былых времен. Но были и раритеты современного происхождения. Так, из письма сына его, Вячеслава Евгеньевича, к Ефремову мы узнаем, что последний преподнес другу ценный подарок — уцелевший экземпляр сожженного цензурой известного ныне каждому библиофилу ефремовского Радищева.

Но все это — случайные, отрывочные сведения, которые надо собирать буквально по капле, ибо никто никогда не писал о библиотеке Евгения Ивановича Якушкина. А как же знаменитый указатель У.Г.Иваска "Частные библиотеки в России", — может спросить читатель. А так, что сведения обычно дотошного Иваска на этот раз вызывают некоторые сомнения, — очевидно, и он мало знал об этой библиотеке. Вот что он пишет: "Библиотека находилась в Ярославле и заключала в себе до 15 тысяч томов по русской истории, этнографии, обычному праву, собрание альманахов и пр. Часть книг досталась Якушкину от его отца, декабриста И.Д.Якушкина. По смерти владельца библиотека (кроме части, пожертвованной ранее московскому публичному и Румянцевскому музеям) перешла к его сыну, В.Е.Якушкину"¹⁶. Вот и все, что он сообщает, притом нас несколько смущает названная им цифра. Судя по всему, она сильно преумножена. Мы с вами уже слышали от самого Евгения Ивановича, что он принужден был нанимать для библиотеки большую квартиру, да и то она вся там не помещалась. А "большая квартира"

по представлениям людей того времени, это не менее десяти комнат. Какие уж тут 15 тысяч; да и сам Иваск считает эту цифру приблизительной. А вот что он пишет о библиотеке Вячеслава Евгеньевича: "Свою библиотеку и перешедшую к нему библиотеку своего отца, Е.И.Якушкина, всего до 10 тысяч названий книг по русской истории, обычному праву и литературе, он пожертвовал Московскому Народному университету имени Шанявского с тем, чтобы в случае прекращения деятельности университета библиотека была передана Московским высшим женским курсам"¹⁷. Это число — 10 тысяч — уж и вовсе не отражает истинного объема библиотеки. Если даже верить Иваску, и у Евгения Ивановича было 15 тысяч книг, да еще у сына его, вероятно, немало, а в результате оказалось всего 10 тысяч, то спрашивается, куда девались тысячи и тысячи книг из собраний, принадлежавших трем поколениям Якушкиных? Правда, в одном из некрологов, помещенных в ярославской газете "Северный край", промелькнуло сообщение, что незадолго до смерти Евгений Иванович часть своих книг — "целый вагон", как пишет автор, отправил в имение дочери, в Костромскую губернию (где и сам был затем похоронен), но никаких подтверждений этому нам найти не удалось.

Но допустим, что все так и было, и университет им. Шанявского получил десять тысяч якушкинских книг. Это все же немало! Так куда они девались? Ведь на первый взгляд — это более чем благополучная судьба для частной библиотеки. Она не расплылась полностью, не сгорела, не была распродана в розницу, а была передана (пусть даже не в первоначальном составе) крупному культурному учреждению, где ей, без сомнения, знали цену. Редкая и завидная судьба, не так ли? Увы! Вскоре и этому собранию суждено было разделить печальную участь многих других частных библиотек России.

Помещение университета им. Шанявского после Октябрьской революции было передано Институту красной профессуры вместе с библиотекой. Автору этого очерка хотелось бы узнать, кто были люди, получившие в свое распоряжение эту библиотеку и так варварски с ней поступившие. Впрочем, время было такое, и кто только не работал тогда в библиотеках... Какая-то часть фонда, которая приглянулась тогдашним политпросветчикам, была оставлена на месте, другая часть брошена в подвалы и постепенно расхищена. Затем в это помещение переехала Высшая партийная школа, и библиотека перешла к ней. В ее фондах и ныне можно встретить немало книг с прямоугольным штампом с закругленными внутрь краями, на которых написано "Библиотека Е.И.Якушкина". К сожалению, отдельного описания их не существует.

Таким образом, библиотека Е.И.Якушкина, всю жизнь любовно собиравшаяся ее владельцем, в сущности, погибла для русской культуры, хотя книги, ему принадлежавшие, продолжают служить людям — в других библиотеках, в частных собраниях (расхищенная из подвалов часть библиотеки Якушкиных попала на книжный рынок), и это несколько утешает.

Кроме книг, Евгений Иванович имел также многочисленное рукописное собрание, судьба которого, к счастью, не так плачевна. Оставаясь в семье (за исключением некоторых бумаг, подаренных еще Евгением Ивановичем различным государственным хранилищам), документы,

собранные Якушкиным, дошли до нас почти в полном составе; многие из них (но далеко не все) уже усвоены советской исторической наукой.

Самой ценной частью рукописного отдела библиотеки Якушкина были материалы, связанные с декабристами. Якушкин был близок со многими из них, познакомившись со старыми героями во время двух своих поездок в Сибирь (в 1853 и 1855 гг.). Евгений Иванович сделал необычайно много для собирания и сохранения декабристских материалов. Известно, что целый ряд в высшей степени ответственных и значительных мемуаров декабристов вообще не появился бы, если бы не энергия и настойчивость Евгения Ивановича. Ему мы обязаны появлением на свет воспоминаний и записок И.И.Пушкина, В.И.Штейнгеля, Н.В.Басаргина, Е.П.Оболенского, И.Д.Якушкина. Мало того! Каждая из этих рукописей посылалась Евгением Ивановичем на прочтение другим декабристам, те присылали свои замечания, которые зачастую имели самостоятельную ценность.

Так постепенно складывался фонд декабристских рукописей, значение которого трудно переоценить. Конечно, и сам Е.И.Якушкин, и его друзья пытались опубликовать некоторые из этих драгоценных рукописей — если не в России, то в Вольной печати Герцена. И действительно, несколько таких публикаций, имевших громадное общественное значение, было осуществлено Евгением Ивановичем и близкими ему людьми: Афанасьевым, Ефремовым, Касаткиным. Пределы настоящего очерка не позволяют остановиться на этой стороне деятельности Якушкина, и автор отсылает читателя к увлекательной книге Н.Я.Эйдельмана «Тайные корреспонденты "Полярной звезды"», изданной в 1966 году, где обо всем этом рассказано...

Откуда пошли, как появились библиофильские увлечения молодого Якушкина? Вопрос этот всегда волнует, когда речь идет о незаурядном собирателе. Ответить на него очень трудно, тут можно строить лишь более или менее обоснованные гипотезы. Иван Дмитриевич, отец Евгения Ивановича, человек европейски образованный и любознательный, библиофилом в собственном смысле слова, насколько нам известно, не был. Он покупал понравившиеся ему книги, и после него осталась небольшая библиотека, настолько характерная для людей его круга и образа мыслей, что Евгений Иванович даже хранил ее отдельно, как некий декабристский "экспонат". То были книги преимущественно на французском языке: произведения философов-энциклопедистов, сама Большая энциклопедия Дидро и Даламбера, несколько десятков романов самых популярных в те годы авторов, немного русских книг, среди которых — Пушкин и альманахи Бестужева и Рыльева. Все это было, что называется, "у всех".

Но кто действительно был библиофилом, так это друг и названный брат Ивана Дмитриевича Петр Яковлевич Чаадаев. После осуждения Якушкина Чаадаев продолжал бывать в его доме и привечал у себя мальчиков Якушкиных — Евгения и его старшего брата Вячеслава (рано умершего). Сохранилось письмо Чаадаева к Якушкину в Сибирь, в котором он сообщает отцу об очередном таком визите к нему мальчиков, которых он "обнял с чувством и счастья и грусти"¹⁸. Надо знать сдержанного, чопорного с чужими Чаадаева, чтобы оценить это выражение

любви. Евгений был мальчиком любознательным и восприимчивым, он, подрастая, все более жадно слушал разговоры людей чаадаевского окружения, а среди них был и известный книжник С.Д.Полторацкий. Очень любопытным представляется такой факт: когда Евгений после окончания университета уехал в Германию и Францию для совершенствования в науках, Чаадаев просил Полторацкого, жившего тогда за границей, найти молодого человека и позаботиться о нем¹⁹. Не из дома ли на Басманной вышли "библиофильские страсти", "непохвальная жадность" к книгам молодого Евгения? Это представляется нам вполне вероятным. Затем в университете у Евгения появляется закадычный друг — Александр Афанасьев, тоже сильно увлекавшийся старой русской книгой. Началось дружеское соперничество, каждый старался перещеголять другого находками у Сухаревой башни. Александр был еще беднее Евгения, он вообще учился, как тогда говорили, "на медные деньги" — и сумел стать также владельцем прекрасной библиотеки. Удивительные люди...

Мы рассказали лишь о библиотеке Евгения Ивановича Якушкина. Этим далеко не исчерпывается его деятельность. Он был видным пушкинистом, декабристоведом, исследователем быта народов России, общественным деятелем, редактором и публикатором ряда важнейших материалов, выдающимся русским библиографом. В чисто библиофильском жанре он в печати выступал редко, предпочитая практическую собирательскую деятельность. Но есть в его литературном наследии одна вещь в популярном в то время жанре "рассказов о старых книгах". Это — очерк о редком новиковском журнале "Повествователь древностей Российских", который мы и предлагаем нашему читателю.

Рассказ о собирательской деятельности Е.И.Якушкина был бы неполным, если не упомянуть о его иконографической коллекции. Он был владельцем, безусловно, самой крупной части декабристского иконографического фонда России того времени. В его коллекцию входили как акварельные и масляные портреты декабристов, так и фотографии и литографии, которые он изготовлял сам, изучив для этого фото- и литографское дело. Он же и распространял их среди желающих. Уже упоминавшийся нами П.Шереметев писал, что видел у Евгения Ивановича альбом с декабристскими рисунками²⁰.

Евгений Иванович прожил почти 80 лет, до последних дней оставаясь деятельным и молодым душой. Уже перед самой кончиной он узнал о начавшейся первой русской революции, и последними его словами, по свидетельству друзей, были: "Началось... дожил..."²¹

Так ушел из жизни Евгений Иванович Якушкин, ученый, стойкий борец за демократию, замечательный русский библиофил.

В Москве, на Пироговской улице, расположен Центральный государственный архив Октябрьской революции и высших органов Советской власти. Здесь собраны документы, касающиеся всех этапов освободительной борьбы в России. Среди них — множество декабристских материалов, а в их числе — архив семьи Якушкиных.

Евгению Ивановичу повезло: его личный архив, неотделимый от бумаг отца-декабриста, оказался под "покровительством" столь авторитетного учреждения и не был распылен, как это часто случается. За редкими

исключениями все бумаги Е.И.Якушкина хранятся здесь. Из них вошли в научный оборот лишь очень немногие, в основном все, связанное с декабристами, и письма к нему трех выдающихся писателей, его современников: Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Некрасова.

Между тем Евгения Ивановича знала и читала вся интеллектуальная Россия, и его переписка имеет первостепенный интерес. Она так велика и многообразна, что даже просто перечислить его корреспондентов мы не в состоянии. Назовем лишь некоторых из них: это (не считая декабристов и членов их семей) — А.Н.Афанасьев, П.В.Анненков, И.К.Бакст, Н.П.Барсуков, П.И.Бартенев, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.П.Гаевский, Н.В.Гербель, П.А.Ефремов, К.Д.Кавелин, В.И.Касаткин, Л.Н.Майков, А.Н.Пыпин, В.И. и М.И.Семевские, П.К.Симони и многие, многие другие. Читатель уж, верно, сосчитал, сколько в этом списке книговедов и библиофилов.

Письма их к Якушкину, если бы они были опубликованы, могли бы стать драгоценным пособием для изучения русского книжного дела во второй половине XIX — начале XX века. Но всего ценнее также остающиеся неопубликованными письма к Евгению Ивановичу сына его Вячеслава Евгеньевича — ученого, пушкиниста, общественного деятеля, "великого библиофила", как называл его сам отец. Они обнимают собою громадный период — от 70-х годов XIX века, когда юноша покинул родительский кров, до 1905 года. Будут ли они когда-нибудь опубликованы? Кто знает? Будем надеяться на это!

Е.И.ЯКУШКИН. ИЗБРАННОЕ

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ,
журнал, издававшийся Н.Новиковым в 1776 г.*

Книга эта составляет в наше время величайшую библиографическую редкость. По всей вероятности, все издания *Повествователя* было истреблено вскоре после выхода его в свет. Этим только и можно объяснить его чрезвычайную редкость, а также и то, что Новиков перепечатал во втором издании Вивлиофики все статьи, помещенные в этом журнале. Полное заглавие этого журнала следующее:

Повествователь древностей Российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе Истории и Географии Российской, издаваемое Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете. Часть 1-я. № 1. В Санктпетербурге (без обозначения типографии), 1776 год (в 8-ю д<олую> л<иста>, 74 нумер<ованные> и 3 нунум<ерованные> страницы, не считая заглавного листа).

* Сколько нам известно, журнал этот указан был только Сопиковым, Смирдиным и митрополитом Евгением, но никто из них не отнес Повествователя к периодическим изданиям. Кроме того, митрополит Евгений неправильно обозначил в своем словаре время и место издания этой редкой книги.

У Сопикова, т. 4, № 8349, значится, что эта библиографическая редкость стоила всего 35 коп. В Смирдинской Росписи, № 2611, она стоит уже 3 р.

На одной из ненумерованных страниц, в начале книги, напечатано посвящение императрице Екатерине II; на двух остальных, в конце книги, помещено следующее любопытное обращение к читателю:

Благосклонный Любитель
Российских Древностей,

Сие издание под заглавием: Повествователь Российских Древностей, или Собрание разных достопамятных записок, к пользе Истории и Географии Российской служащих, предпринял я издавать в угодность вашу. Вы находите довольно свободного времени для прочтения сих листков, ознаменяющих некоторые черты нравов, обычаев и обрядов знаменитых наших предков. Вы не имеете отвращения от сухого, грубого и странного для нас старинного слога; вас не мучит колика от частых повторений слов, почти во всех старинных сочинениях обретающихся; ваш слух не страдает при изречении мудреного, странного и нелепого слова: *Вивлиофика*; и не делается вам от того, благодаря вашему рассуждению, ни апоплексии, ниже частых и жестоких обмороков. Взявши книгу моего издания, вы не чувствуете худого запаха и гнили, и пыль, покрывающая сии древности, не задушает вас; а всего удивительнее, что сия пыль и гниль не портит ни французского душистого парфюм пудра, ни благоуханных разноцветных помад, ни тысячи цветочных ароматического запаха вод, и проч., и проч.; и что все случается с молодыми нашими господами, которые заражены французскими Натуральной Системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностью и всякими наружными украшениями и бесполезными увеселениями. Вы, благосклонный Любитель Российских Древностей, я думаю, так же, как и я, часто сему удивляетесь, что старинные книги вам вреда никакова не делают, как протчим; но если позволите мне, то я сообщу вам догадку о том одного знакомого мне человека: он говорит, что вся сия разность происходит от воспитания, здравого рассуждения и порядочного расположения обыкновенного нашего времени. Доказательства его на сию догадку я здесь не помешу, для того чтобы сделать из того новую загадку, которую оставляю решить отцам, матерям и всяким родственникам, воспитывающим молодых людей. А вам, благосклонный Любитель Древностей Российских, желаю пользоваться сим изданием”.

Мы считаем совершенно излишним перечислять статьи, вошедшие в состав *Повествователя*, так как они были перепечатаны в *Вивлиофике*; упомянем только, что две из них были сообщены Новикову, по высочайшему повелению, из *комнатной Императорского величества книгохранительницы*. Нам известен только один экземпляр *Повествователя*, он находится в С.-Петербургской императорской публичной библиотеке.

НЕИЗДАННЫЕ ЗАПИСКИ О ПУШКИНЕ

По поводу сочинений Пушкина не раз упоминалось в Библиографических записках имя его лицейского товарища, недавно скончавшегося Ивана Ивановича Пуцуина.

После покойного Пуцуина остались записки, большая часть которых посвящена воспоминаниям о лицее и о Пушкине. Симпатическая лич-

ность автора, его трагическая судьба, беспристрастность и теплота рассказа дают этим запискам особенное значение.

И.И.Пушкин родился в 1798 году. В 1811 году он поступил в только что открытый тогда Царскосельский лицей; здесь началась его дружба с Пушкиным и его влияние на поэта, не прекратившееся и по выходе обоих их из лицея. Для тех, которые лично знали И.И.Пушкина, даже и в последнее время, когда он был изнурен тяжкою, неизлечимою болезнью, весьма понятно, какое сильное влияние он должен был иметь на поэта своим энергическим характером, твердостью и благородством своих убеждений и той добротой, которая привязывала к нему всех с первой минуты знакомства.

По выходе из лицея Пушкин поступил в гвардейскую конную артиллерию, но неприятности по службе и еще более неудовлетворенная жажда деятельности заставили его перейти в гражданскую службу. Он определился судьей в уголовный департамент московского надворного суда. Этот резкий переход имел в то время значение. Служба в низших судебных местах считалась в глазах общественного мнения унизительною; но это не только не остановило Пушкина, но даже было, по-видимому, glavной причиной, почему он искал места судьи.

Он принадлежал к числу тех немногих, которые не только не чувствовали отсталому общественному мнению, но и старались противодействовать ему собственным примером. Сначала Пушкин хотел даже занять одно из низших полицейских мест, чтобы показать, что в службе государству нет обязанности, которую можно было считать унизительною. Только усиленные просьбы родных и знакомых могли отклонить его от этого намерения.

В Москве многие еще помнят, с какою твердостью и достоинством исполнял Пушкин трудные обязанности судьи. В стихотворении "19 октября" (1825) Пушкин, обращаясь к своему лицейскому товарищу, к своему "первому другу", говорит о значении, которое имела его служба:

Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мнения
Завоевал почтение граждан.

Записки И.И.Пушкина останавливаются на последнем свидании с Пушкиным в 1825 году, когда поэт обречен был на невольное житье в Михайловском. Разлука нисколько не изменила их отношений. Когда сношения Пушкина со всеми его знакомыми почти совершенно прервались, до него доходил, от времени до времени, утешительный дружеский голос поэта. В 1826 году Пушкин написал к нему послание, исполненное необыкновенной теплоты:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует тоже утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

Стихотворение это было получено Пушкиным в Чите, через два года после того, как оно было написано.

В последний раз Пушкин упоминает о своем любимом лицейском товарище в стихотворении "19 октября" (1827):

Бог помощь вам, друзья мои,
И в бурях и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли.

Самое горячее дружеское чувство сохранял поэт к Пушкину до самой кончины; в последние минуты жизни Пушкин вспоминал об нем и жалел, что он его не увидит.

И.И.Пушкин скончался 3 апреля 1859 года.

ПО ПОВОДУ ПОСЛЕДНЕГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А.С.ПУШКИНА

Предисловие

В конце прошедшего года вышел VII, и последний, том сочинений Пушкина, изд<ание> П.В.Анненкова (Спб., типогр. Праца, 8°, 222 стр.), заключающий в себе сочинения и отрывки, не вошедшие в первые шесть томов.

Издание г. Анненкова во многих отношениях может быть названо образцовым. На это название дают ему право: система, принятая издателем, многочисленные примечания и превосходно составленные материалы для биографии поэта, которые, при всей неполноте своей, могут по справедливости считаться лучшим биографическим трудом в русской литературе.

К сожалению, издание это, при всех своих неоспоримых достоинствах, все еще не вполне удовлетворяет. С этим соглашается и сам издатель; вот что он говорит в предисловии ко второму тому сочинений Пушкина: "При трудности собирания у нас библиографических сведений, при кропотливой работе, какая нужна была для осуществления предположенного плана, — недостатки почти неизбежны. Со всем тем издатель смеет питать надежду, что при системе, взятой для нового издания, всякая поправка сведущей и благонамеренной критики скорее может быть приложена к делу, чем прежде, и всякое новое сведение скорее найдет себе приличное место. Арена для библиографической, филологической и эстетической критики открыта. Общим действием людей опытных и добросовестных ускорится время издания народного писателя нашего вполне удовлетворительным образом".

Один из самых важных и ощутительных недостатков издания г. Анненкова есть неполнота текста. В недостатке этом, конечно, нельзя совершенно винить издателя. Многие из стихотворений и прозаических статей Пушкина не могут еще в настоящее время быть напечатаны вполне*, текст же других может быть совершенно восстановлен только общими усилиями русских библиографов, а не трудом отдельного лица.

* Напр., "Изыде сеятель сеяти слово свое", „Noel“, "Но помнишь ли ты, ваше благородье", "Ты и я", две надписи к картинкам "Онегина", многие эпиграммы и другие стихотворения.

В VII томе г. Анненков поместил много отрывков, не попавших первоначально в его издание, но, к сожалению, далеко не все. В первых шести томах было много мелких пропусков, так что надобно было или вновь перепечатать целые стихотворения, или поместить сухое указание пропущенных слов и мест, не для всякого любопытное. Вот почему, может быть, г. Анненков и не дал им места в VII томе.

Мы постараемся указать, насколько позволяют имеющиеся у нас в руках печатные и рукописные материалы, на те пропуски и варьянты, которые не указаны г. Анненковым. Нас не останавливает в этом случае неизбежная отрывочность сообщаемых нами сведений; мы уверены, что самые незначительные библиографические заметки и поправки получат значение и для всей массы русских читателей, когда они будут приняты в соображение при новом издании сочинений Пушкина.

При составлении нашей статьи мы пользовались несколькими рукописными сборниками сочинений Пушкина, принадлежащими разным лицам. В них находили мы много вариантов, отрывков и вовсе не напечатанных стихотворений, принадлежность которых Пушкину может быть подтверждена только литературными преданиями, показаниями некоторых еще живых друзей поэта и критикою. Известно, что большая часть стихотворных произведений Пушкина расходилась в бесчисленных списках по всей читающей Руси еще до появления их в печати. Поэт не раз жаловался на своего брата и друзей, которые всяким стихом, вышедшим из-под его пера, спешили делиться с публикою. В подобных списках, конечно, должно попадаться довольно ошибок и искажений; даже более, Пушкину могли быть приписаны пиесы, никогда ему не принадлежавшие; но зато в этих же списках сохранены нам многие прекрасные стихи, которые по условиям того времени и по некоторым личным отношениям не могли быть тогда напечатаны сполна или в первоначальной своей форме. Издатель Пушкина непременно должен воспользоваться рукописными сборниками; но здесь необходима строгая и осторожная эстетическая разборчивость, и ежели не всегда, то во многих случаях лучшим доказательством принадлежности стихов Пушкину может служить их высокое поэтическое достоинство.

ПРОЗА А.С.ПУШКИНА

(Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта)

<Фрагменты>

Прозаических сочинений Пушкина, не вошедших в VII том издания г. Анненкова, очень немного. В сборнике нашем напечатанных сочинений Пушкина есть несколько отрывков, важных для будущего биографа поэта; мы приведем их в нашей статье и укажем, по возможности, то место, которое они должны были бы занять в издании г. Анненкова. <..>

К сожалению, г. Анненков большую часть прозаических статей напечатал по редакции посмертного издания, часто весьма неправильной. Лица, распорядившиеся посмертным изданием, чрезвычайно странно

понимали обязанности, лежавшие на них, относительно поэта и публики. Они не только выпускали фразы и целые статьи, которые в цензурном отношении всегда могли быть напечатаны, но даже и переделывали, совершенно произвольно и без всякого основания, стихи и прозу Пушкина, с решимостью, непонятною ни для одного образованного человека. Во всех этих поправках и выпусках виден самый узкий взгляд на значение Пушкина, видны какие-то отжившие и отчасти произвольные требования относительно нравственности и языка литературных произведений. Ежели бы сочинения Пушкина были изданы таким образом по небрежности или по расчету, каким-нибудь спекулянтom, — это было бы еще понятно; но изданием заведовали лица, близкие поэту, литераторы*, и от них читатели были вправе требовать большего уважения к гениальному писателю и к русской публике.

Вот какое издание должен был принять за основание г. Анненков, начавший печатание сочинений Пушкина при условиях не совсем благоприятных. Он сделал все, он него зависевшее, чтобы дать читателям сочинения Пушкина в возможно правильном и полном виде. Некоторые места, выпущенные в посмертном издании, были приведены им или в тексте, или в примечаниях; на другие почти всегда сделаны указания. — Заметим здесь, относительно издания г. Анненкова, что отрывки из Записок Пушкина напечатаны полнее в Сыне Отечества 1840 года (№7) и что критические заметки о Полтаве имеют другую, местами более полную редакцию в альманахе Денница на 1831 год <...>

Заметим еще, что к Запискам Пушкина принадлежит и отрывок о сочинениях Баратынского, напечатанный первоначально в Сыне Отечества (1840, № 7, стр. 478) и неправильно отнесенный г. Анненковым к журнальным статьям.

Повести Пушкина не избежали также придирчивой цензуры со стороны лиц, распорядившихся посмертным изданием. В примечаниях, составленных к сочинениям Пушкина г. Анненковым, встречаются в этом отношении чрезвычайно любопытные указания. <...>

Особенно пострадала в печати статья, называющаяся "Мысли на дороге". Шесть глав из нее было напечатано в посмертном издании, с выпусками, уничтожившими всякую связь между ними. Точно в таком же виде "Мысли на дороге" перешли и в издание г. Анненкова.

Статья эта была написана Пушкиным в опровержение книги Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву"***.

Приводя ненапечатанные отрывки из "Мыслей на дороге", к сожалению, мы не можем представить читателям все места из книги Радищева,

* В объявлении об издании *полных* сочинений А.С.Пушкина в пользу его семейства напечатано: "Надзор за изданием приняли на себя В.А.Жуковский, кн. П.А.Вяземский и П.А.Плетнев". — См.: Современник, 1837, т. V, стр. 342.

** Путешествие из Петербурга в Москву (с эпиграфом: "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй"). Телемахида, том II, кн. XVIII, стр. 514). Спб., 1790, в 8-ю долю листа, стр. 457, из них 4 нумерованные (заглавный лист и посвящение) и 453 нумерованные. На последней странице внизу напечатано: "С дозволения управы благочиния". На заглавном листе не указано ни имени автора, ни типографии; известно, что книгу эту сочинил Александр Радищев и напечатал ее в собственной типографии. Пушкин не везде делал выписки из

против которых вооружается Пушкин и которые поясняют статью его. Поэтому мы считаем нелишним сказать несколько слов об авторе "Путешествия" и о взгляде на него Пушкина. Радищев представляется каким-то совершенно одиноким явлением в русской литературе XVIII столетия. Воспитанный за границею в то время, когда старый порядок вещей уже был осужден безвозвратно на гибель, автор "Путешествия" до такой степени проникся новыми началами, убежденным в необходимости преобразования и в их несомненную силу, что всякая уступка отживающему порядку вещей, всякая сделка с устаревшими понятиями стали для него невозможны. Ни один русский писатель XVIII века не представляет такого цельного характера. В то время, когда другие, увлеченные сначала тем же умственным движением, стали мало-помалу мириться с действительностью или вдалились в мистицизм — это прибежище для утомленных борьбою, — Радищев сохранил прежнюю твердость верований, удивляя других "молодостью своих седи́н", как говорит об нем Пушкин. В "Путешествии из Петербурга в Москву" он до такой степени верен своему веку, что, разбирая его книгу, критик имеет дело не с личным взглядом автора, с нравственными требованиями его времени*-. <...>

Вот все дополнения, которые мы могли представить в настоящее время. Мы знаем, что предмет далеко нами не исчерпан, но материалов так много, что они могут быть собраны и объяснены только при общих усилиях русских библиографов.

ИЗ ПИСЕМ

1. П.А.Ефремову. Из Ярославля в Петербург, 27 января 1860 г.

Мне предлагают издать Записки Пушкина отдельной книжкой. Как вы посоветуете. Если бы можно было их хоть сколько-нибудь дополнить, то, пожалуй, можно было бы издать и на свой счет <...> Типография есть своя, — она действует с 1 генваря довольно успешно <...> Экземпляр записок привезу вам в Петербург. Ей-богу, теперь некогда им заняться.

2. П.А.Ефремову. Из Ярославля в Петербург, 19 февраля 1875 г.

Два портрета Афанасьева, один для вас, другой для Пыпина, вышли на этой же неделе. <...> Почти не скучаю, благодаря книгам, страсть к которым перешла с годами в непохвальную жадность, с трудом сдерживаемую. Редкость книг, впрочем, меня не привлекает, и я собираю все библиографические редкости, не имеющие другого значения, передать в Румянцевский музей, в том числе 12 иностранных сочинений о России, не указанных в каталоге Публичной библиотеки.

3. П.А.Ефремову, из Ярославля в Петербург, 13 сентября 1875 г.

Посылаю вам, любезный Петр Александрович, только что вышедшую из типографии мою книгу. Она стоила мне много труда, и значитель-

книги; он указывал местами только слова, с которых должна начаться выписка и которыми должна кончиться. Представляемые нами выписки мы делали с печатного экземпляра, указывая и страницы, на которых они напечатаны.

* Далее следуют многочисленные выписки из запретного "Путешествия" — "Черная грязь", "Городня", "Клин", "Тверь", "Медное", "Вышний Волочек". — Л.Р.

ная часть ее недостатков зависела не от меня, а оттого, что я работал в Ярославле <...> В настоящее время я занят приведением в порядок бумаг Афанасьева и приготовлением к печати его записок, которые, к сожалению, придется печатать с большими пропусками. Экой был милый человек.

4. *П.А.Ефремову. Из Ярославля в Петербург, 7 октября 1875 г.*

Мой старший сын поступил в Московский университет, на филологический факультет; что из него выйдет, я не знаю, но во всяком случае выйдет великий библиофил. Такова уж наша порода. Теперь я намерен через него приобретать книги у Сухаревой башни и на Смоленском рынке.

5. *П.А.Ефремову. Из Ярославля в Петербург, 23 февраля 1903 г.*

Я все хвораю и понемногу теряю зрение, но, несмотря на это, занимаюсь очень много, готовлю большую работу о формах землевладения. Мне уже 77 лет, и я не знаю, успею ли я эту работу кончить, но я веду ее так, чтобы и неоконченная она имела значение и не пропала даром. Библиотека моя все растет и начинает сильно меня стеснять. Я должен нанять для нее большую квартиру, хотя часть книг мне все-таки некуда ставить.

6. *А.Н.Пыпину. Из Ярославля в Петербург, 7 февраля 1892 г.*

Эту часть (о формах землевладения. – Л.Р.), касающуюся вопросов, имеющих важное практическое значение, я принужден был выделить, так как она требует еще продолжительной работы. Мне придется еще просмотреть все земские статистические сборники и сделать из них подробное извлечение. Это я считаю совершенно необходимым, так как многие земские издания сделались библиографической редкостью, и вообще с каждым годом доставать земские издания становится все труднее и труднее. Библиография должна удовлетворять потребностям времени: малое распространение у нас книг, невозможность достать многие из них, даже для жителей университетских городов, ставит библиографа трудную задачу – указывать не только заглавие статей, но и подробно их содержание, делать из них извлечения и перепечатывать мелкие статьи. Указание одних заглавий и краткого содержания статей для провинциального читателя похоже на "ключ от брошенной в море скатулки".

Портрет шестой
"ЖАЛЬ МНЕ МОИХ КНИГ"

Рассказывая о жизни исторического лица, биограф часто опирается на материал документальный — письма, записки, воспоминания современников. Эти драгоценные свидетельства, однако, ставят исследователя в тупик: они порою противоречат друг другу. Характеризуя то или иное лицо, мемуарист отражает собственное восприятие этого человека, иногда далекое от объективности. Но встречаются люди, о которых мнение современников единодушно и совпадает даже в деталях. Такой редкой личностью был Михаил Ларионович Михайлов — поэт и переводчик, публицист и прозаик, революционер, погибший на каторге в Сибири. Кто бы ни писал о нем, — как при жизни Михайлова (в письмах), так и после его безвременной кончины (в мемуарах), — все сходятся в одном: Михайлов был поистине светлой личностью. Его бесконечная доброта, бескорыстие, светлый ум, лишенный узости и шор, его эрудиция, тонкий вкус, критический и поэтический дар отмечаются всеми, кто знал этого замечательного человека. Познакомившись с ним на студенческой скамье, Н.Г.Чернышевский писал родным в 1847 году: "Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце"¹. "С первого появле-

ния в кругу петербургской литературной молодежи, — вспоминал В.Р.Зотов, — Михаил Ларионович приобрел ее любовь и всеобщую симпатию. Добродушный, восторженный, увлекающийся, он всегда был готов жертвовать собою для других, для тех идей, которые он считал справедливыми и гуманными”².

Его некрасивое лицо ”светилось внутренней красотой, лучилось успокаивающей кротостью и мягкостью, чем-то таким симпатичным и женственно привлекающим, что Михайлова нельзя было не любить. И его все любили”³ — писал Н.В.Шелгунов. ”Он был вообще несказанно обаятелен, — вспоминал познакомившийся с ним в юности П.В.Быков, — бесконечно добр, мягок, общителен, способен к самому широкому самопожертвованию, вплоть до принятия на себя хотя бы и очень серьезной чужой вины. Мягкость, деликатность, благодарность даже за пустое одолжение, величайшая терпимость у Михаила Ларионовича не имела границ”⁴.

Между тем этот мягкий человек бывал тверд, как скала, когда того требовали долг и убеждения. Тот же Быков отмечает, что Михайлов ”...прямо и твердо шел по своему тернистому пути. Литератор-боец, человек редкой духовной красоты, он и погиб вследствие своей самоотверженности, не дожив и до сорока лет”⁵. ”Михайлов, — пишет Быков в другом сочинении, — по справедливости считался одним из самых передовых людей того времени”⁶.

Можно без преувеличения утверждать, что и в книговедении 40-х—60-х годов М.Л.Михайлов был среди самых передовых деятелей. Он вообще одним из первых среди книголюбов — своих сверстников — выступил в печати с трудами профессиональной тематики.

20-летним юношей он обратился к издателю ”Москвитянина” М.П.Погодину с примечательным письмом: ”В № 13-м ”Москвитянина” прочел я собранные гг. Быстровым и Полторацким материалы для истории нашей словесности; так как русская библиография принадлежит к любимым моим занятиям, то я желал бы знать, могут ли найти место в вашем журнале мои труды по этой части. Я мог бы доставить вам на первый раз чисто библиографическую статью о Пушкине, в которой приведены мною: 1) варианты его стихотворений, 2) источники, откуда заимствованы некоторые из них, 3) указание, где помещены они были в первый раз, и, наконец, 4) пьесы, не вошедшие в полное издание Сочинений Пушкина в одиннадцати томах”⁷.

Эта программа, которая нынче соответствовала бы историко-литературной и текстологической статье, тогда представлялась не только библиографической, но и библиофильской. Публикация автографов, доскональное знание источников, — всё это было прерогативой библиофила.

Казалось непривычным в тот период появление среди книголюбов столь юного человека: расцвет ”молодой” библиофильской литературы был еще впереди. Еще не выступали в печати сверстники Михайлова, — Ефремов, Якушкин, Касаткин, Полуденский, все те, кто позже сплотятся вокруг ”Библиографических записок”. Михаил Ларионович Михайлов был, без сомнения, одним из активнейших в поколении библиофилов, родившихся после 1825 года, пожелавших продолжить дела ”стариков” —

Полторацкого, Соболевского, Быстрова и некоторых других, тогда еще весьма малочисленных тружеников в этой области. Только один молодой книжник выступил в печати одновременно с Михайловым — Г.Н.Геннади. В те годы они не были знакомы и ничего не знали друг о друге. Позже они сблизятся на почве общих библиофильских интересов.

Заявление двадцатилетнего Михайлова — "русская библиография принадлежит к любимым моим занятиям" — перекликается с дневниковыми записями студента Григория Геннади, также мечтавшего в свои двадцать лет о звании русского библиографа. Высокое представление о любимом деле, которое сложилось в те годы у этих юношей, имело свои корни в чтении трудов западноевропейских (в особенности французских) авторов. Несколько позже в статье "Старые книги" Михайлов сочувственно процитирует слова Барбье: "Названия библиографа достоин только тот, кто, предпочитая хорошие произведения книгам замечательным по одной их редкости или странности, почерпнул истинные познания из лучших писателей древних и новых, и способен сообщать лицам, обращающимся к нему за советом, необходимейшие сведения, которые могли бы им служить руководством в избранной отрасли познаний"⁸.

Библиография в те годы шла рука об руку не только с историей литературы (и шире — культуры в целом) и текстологией, но и с библиофилией. Оба эти направления, как правило, привлекали одних и тех же лиц. Разыскания библиофилов-библиографов, публиковавшиеся на страницах лучших периодических изданий, начиная с 40-х годов XIX века все чаще и чаще связывались и с интересом к истории Отечества.

Хорошо знавший Михайлова в те годы А.Н.Пыпин, впоследствии видный ученый, писал в воспоминаниях: "Именно в это время разыскания в старой русской литературе занимали целую группу молодых людей (отчасти будущих ученых) в Петербурге и Москве. <...> Почти сплошь эти новые антиквары были тогда молодые люди с большой любознательностью к литературной истории, и их работы в этом новом направлении были вовсе не случайны и не произвольны. <...> Что это был органический и жизненный интерес, можно видеть уже из того, что в новом поколении он вырастал сам собою, без чьего-либо указания и руководства, в отдельных лицах, которые приступали к делу с различных сторон; только после эти люди сблизжались, не составив, однако, никогда какою-нибудь кружка. Нечто подобное я встретил уже у Михайлова"⁹.

Правда, Пыпин ошибается насчет того, что не было кружков библиофилов, но он совершенно прав, что "эти новые антиквары" возникли на почве повышенного интереса к истории русской культуры.

М.Л.Михайлов переехал на постоянное жительство в Петербург в 1852 году. К этому времени его библиофильские влечения уже вполне определились: восемнадцатый век. Громадный интерес к этому столетию, еще не слишком далекому в те годы, но уже таинственному и почти совершенно неисследованному, собирание и изучение книг и рукописей преимущественно XVIII века занимало многих молодых библиофилов.

В 1854 году М.Л.Михайлов выступил на страницах "Библиотеки для чтения" с циклом статей, имеющих общее название "Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке". Ему было в ту пору 25 лет, а он уже владел хорошей библиотекой, в которой были богато представлены

книги XVIII столетия. Притом следует заметить: Михайлов приобретал книги на свой более чем скромный заработок. Наследственной библиотеки у него не было. Близко знавший его Н.В.Шелгунов писал, что Михайлова в те годы обыкновенно называли "безденежным литератором", что его сильно задевало¹⁰.

И вот этот весьма небогатый молодой человек сумел составить интересное книжное собрание, о котором и поведал русской читающей публике. Выступление Михайлова было едва ли не первым библиофильским эссе в русской печати. Только через два года в "Современнике" начнут печататься "Библиографические записки" М.Н.Лонгинова, продолжившие и усовершенствовавшие тот жанр "рассказов о книгах", зачинателем которого выступил молодой Михаил Ларионович Михайлов. Правда, статья Михайлова, как всякий первый опыт, еще аморфна, излишне широка, многотемна.

Опубликованная в журнале, особенно популярном в русской провинции, статья Михайлова вводила в книжный мир неискушенного читателя, на первых порах нуждавшегося именно в такой пестрой смеси. Но наряду с рассказами о том, о сем, труд Михайлова содержит и весьма важное зерно — его рассуждения о библиографии и библиофильстве.

И та и другая область культурной работы, несмотря на довольноно осязательные практические достижения, не имела еще в России в те годы серьезного теоретического обоснования. Широкая публика считала библиографию (кроме той, что преподносили ей журналы, т. е. рецензий на книжные новинки) занятием скучным, а библиографов, так же как библиофилов, склонна была считать книжными червями или безобидными чудачками. Престиж библиофильства был еще весьма невысок; несмотря на то, что такие замечательные собрания, как библиотеки Полторацкого, Соболевского, Чаадаева, были настоящими сокровищницами культуры, печать и общественное мнение еще не обратили на них внимания. О существовании этих библиотек, об их истинном значении знали лишь очень немногие избранные. Общая атмосфера николаевского царствования не способствовала прославлению частных инициатив. Если и писалось о библиотеке, то об Императорской. Соглашаясь с М.Н.Куфаевым в том, что с пушкинской эпохи начинается превращение библиофильства в большое общественное явление, скажем все же, что это совершенно не ощущалось публикой. Поэтому то прославление личного собрания, то высокое представление о книгособирателе, которое провозглашала статья Михайлова, чрезвычайно поднимало престиж библиофильства.

В этой статье, пожалуй, впервые в русской печати (и уж во всяком случае впервые на страницах популярного журнала) была отчетливо проведена грань между понятиями "библиофил" и "библиоман". Правда, по традиции того времени Михайлов употребляет как синонимы слова "библиофил" и "библиограф" (такое же сближение мы встретим у Лонгинова, Ефремова, Афанасьева), но из контекста вполне ясно, кого именно имеет в виду автор. Библиоанию Михайлов трактует как "книжное помешательство", справедливо отказывая ей в уважении. К таким же явлениям скорее психопатологического характера он относит и стремление к "зарыванию" книг, повествуя о библиофагах. Правда,

все примеры заимствованы им из европейской литературы, ибо на русском языке в те времена еще не было подобных сочинений, но совершенно ясно, что Михайлов имел в виду и русских собирателей. Конечно, при относительной молодости отечественного библиофильства у нас тогда еще не вполне развились все эти типы книжников, но и русскому читателю было, конечно, интересно получить хотя бы некоторые представления о различных книгособирателях. Очень характерно для того времени рассуждение Михайлова о личных библиотеках ученых и литераторов. Он считает, что они чаще всего бывают специализированными. "Такие библиотеки, — пишет Михайлов, — заводятся обыкновенно сообразно с родом занятий их владельцев, и в них разве как роскошь допускаются книги, не имеющие прямого отношения к главному предмету."

Однако, справедливость требует сказать, что библиотека самого Михайлова вряд ли соответствовала такому ограничению: ведь кроме беллетристики и поэзии русской и иностранной, кроме трудов по истории литературы и других сочинений подобного рода, потребных ему для повседневной работы, у него было ценное собрание книг восемнадцатого столетия, в том числе и редких петровских изданий, которыми он как исследователь вовсе не занимался. Его собрание выходило за рамки подручной библиотеки ученого-литератора и более походило на коллекцию завятого библиофила, влюбленного в старую книгу. Жалуясь на то, что он уже не досчитывается многих книг, одолженных охотниками до чужого добра, Михайлов вместе с тем с радостью отмечает, что зато целы именно те книги, которыми он "особенно дорожит", ибо не находится желающих читать русские книги осмнадцатого столетия.

Статья Михайлова "Старые книги" и стала путешествием по этой части его библиотеки и является для нас источником сведений о тех книгах XVIII столетия, которые имелись у М.Л.Михайлова. Он перечисляет здесь некоторые из них: "Полидора Виргилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещей", "Пригожая повариха" Чулкова, "Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда" Эмина, "Несчастный Никанор, или Приключения жизни российского дворянина Н.", "Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества" Измайлова, "Арфаксад" Захарына, из которых две первые — библиографические редкости. Он говорит о том, что имеет "целый шкаф" книг петровского времени, представлявших уже в то время большую ценность. А с какой любовью, с каким пониманием значения книги для читателей прошлых веков подает Михайлов эти издания! Под его пером как будто воскресает и расцветивается новыми красками забытая и несколько смешная старая книга. Он выражает надежду на то, что, "идя далее по его библиотеке", читатель сумеет "найти любопытное, занимательное и даже изящное в русской книжной старине".

Третья статья цикла рассказывает о старинной книге "Похождения Ивана Гостиного сына". Этим редким изданием Михайлов также владел и очень им гордился.

Нет сомнения в том, что его привлекло в этой книге и побудило рассказать о ней читателю — популярность этого лубочного издания у широкой публики прошедшего столетия¹¹. Но нельзя забывать и о чисто библиофильском пристрастии Михайлова к раритетам, в особенности

отечественным. Собственно, он был зачинателем той кампании по "воскрешению" старых редких изданий, которая развернулась несколько позднее, уже после падения николаевского режима. Русские книжники открывали восемнадцатое столетие как некую неизвестную планету.

Несколько лет спустя Михайлов выступит с публикацией, имевшей большое значение для правильного понимания русского восемнадцатого века, его культуры, интереса к нему на Западе.

В 1772 году был издан знаменитый "Опыт исторического словаря о российских писателях" Николая Ивановича Новикова. Это был первый библиографический словарь и первая литературная энциклопедия в России, где с большой полнотой была представлена отечественная словесность. Замечательный просветитель желал "оказать услугу отечеству", тем более, что в то время возникает интерес культурного Запада к восточному соседу, могучему и загадочному, о котором Европа почти ничего не знала.

Новиков сообщает, что еще в 1766 году некий "российский путешественник" опубликовал в лейпцигском журнале "Известие о некоторых российских писателях", которое было принято в Европе "с великим удовольствием". Между тем, по мнению Новикова, это "Известие" было весьма кратко, а "инде не весьма справедливо". Свой словарь он считает в некотором роде ответом на это сочинение.

Ни автор, ни журнал, в котором было опубликовано "Известие", не были названы. И вот, когда в середине XIX века началось серьезное изучение жизни и деятельности нашего замечательного просветителя, когда впервые появилась возможность частичного опубликования документов, касающихся его трагедии и жизни в целом, — естественно, библиофилов и ученых стал занимать вопрос: где найти это таинственное "Известие". Поисками занялись С.Д.Полторацкий, Н.С.Тихонравов, А.Н.Афанасьев (да и вся редакция "Библиографических записок", объявившая поход "за Новикова"), Г.Н.Геннади и М.Л.Михайлов.

Вначале обнаружили краткий список русских писателей, изданный в Ливорно (Италия) во второй половине XVIII века, но имел ли он отношение к лейпцигскому известию, было не совсем ясно. Публикуя этот список, С.Д.Полторацкий не имел сведений ни об его авторе, ни о том, оригинальное ли это сочинение или перевод. "Полторацкий обедал у меня с М.Л.Михайловым, — сообщает Геннади Лонгинову, — толковали о ливурнском Essai и его авторе"¹². Тогда же, в 1851 году, Н.С.Тихонравов предположил, что эссе, возможно, сокращенный перевод того самого известия, побудившего Новикова составить свой словарь. Но эта гипотеза тогда не была подтверждена документально. И вот М.Л.Михайлов, которого современники называли "ходячей библиографией иностранной литературы", задался целью отыскать подлинник на страницах немецких журналов XVIII столетия, и это ему удалось.

Свою чрезвычайно ответственную работу (не забудем, что речь шла о Новикове!) Михаил Ларионович помещает на страницах "Библиографических записок" (1861, № 20). Здесь мы находим публикацию немецкого оригинала, перевод, мастерски осуществленный Михайловым, и сравнение с ливорнским списком. Редактор "Библиографических записок" В.И.Касаткин, сам крупнейший знаток XVIII века и Новикова в

частности, писал в предисловии к публикации: "Приводимый нами подлинный немецкий текст "Известия", сообщенный М.Л.Михайловым, вместе с русским переводом его решают эту загадку утвердительно"¹³. Уже после безвременной кончины Михайлова немецкий и французский тексты вместе с переводом на русский язык перепечатал в своих "Материалах для истории русской литературы" П.А.Ефремов. Этим изданием мы пользуемся до сих пор.

Публикация Михайлова в "Библиографических записках" представляется весьма примечательною. Здесь пересеклись как будто разнородные, но в самом деле взаимосвязанные явления тогдашнего книговедения: интерес к восемнадцатому веку, любовь к раритетам, пиетет пред высокой личностью Новикова, собирание и публикация материалов по истории отечественной культуры. Весьма знаменательно и то, что М.Л.Михайлов, будучи желанным автором для любого журнала, отдал эту важную работу именно в "Библиографические записки". Видимо, он был идейно близок с редакцией этого передового издания.

Перу М.Л.Михайлова принадлежит несколько хороших библиографических работ. В книге "Лицей князя Безбородко" (Спб., 1859) он опубликовал библиографический очерк, посвященный украинскому писателю Е.П.Гребенке; в "Отечественных записках" (1854, № 3) — библиографический обзор "О новых переводах с русского языка на немецкий", где, в частности, указаны переводы произведений Н.В.Гоголя, А.В.Кольцова, М.Ю.Лермонтова. Сам блестящий переводчик, Михайлов внимательно следил за переводческой деятельностью своих зарубежных коллег и знал литературу вопроса лучше кого бы то ни было в тогдашней России.

В 1859—1861 гг. М.Л.Михайлов постоянно печатал в "Современнике" обзорные статьи о произведениях зарубежных писателей. Н.А.Некрасов и Н.Г.Чернышевский ввели его в состав редакции журнала. Этим, как полагает В.Е.Евгеньев-Максимов, "Руководящий круг "Современника", без сомнения, надеялся поставить на должную высоту отдел иностранной литературы"¹⁴. И действительно, обзоры, статьи, рецензии Михайлова имели большой успех у читателя. Здесь он постоянно выступает как книжник, отмечая не только литературные достоинства, но и качество изданий рецензируемых книг.

Хочется отметить еще одну сторону книговедческой деятельности М.Л.Михайлова — он работал над составлением словаря псевдонимов русских писателей. Эта его работа была прервана арестом и нам достались лишь отдельные листы, сохраненные в архиве Я.К.Грота (Пушкинский дом). Раскрытием псевдонимов, в особенности отечественных авторов XVIII века, занимались в те годы многие библиофилы-библиографы (в частности, Г.Н.Геннади, С.Д.Полторацкий, П.П.Пекарский). Изучая старую русскую книгу, они постоянно сталкивались с тем, что сведения об ее истинном авторе отсутствуют, и, естественно, старались добыть эти данные. Михайлов и здесь следовал в русле книговедческих интересов книжников своего поколения.

Авторитет Михайлова как книжника и эрудита был очень высок — он был избран редактором отдела словесных наук "Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами", который

издавался под руководством П.Л.Лаврова в 1862—1863 гг. Едва приняв редакторство, Михайлов тотчас же позаботился привлечь к сотрудничеству коллег по библиофильству, в первую очередь Г.Н.Геннади и М.Н.Лонгинова. Первый считался знатоком книг XIX века, второй — XVIII. Сохранилась переписка Михайлова с Лонгиновым (с Геннади, живя в одном городе, Михайлов договорился при личной встрече, об этом он сообщает и Лонгинову). "Вы так богаты сведениями о русской литературе конца прошлого и начала нынешнего столетия, — пишет Михайлов, — что без содействия вашего словарь многого лишится"¹⁵; он просит своего корреспондента "помочь своим участием и советами". Из этой переписки мы узнаем, что Лонгинов написал для словаря статьи об Аксаковых, об Арзамасе и еще ряд заметок более мелких. Весьма возможно, что и Геннади принял участие в этом издании: как раз в эти годы он очень активно трудился и напечатал множество работ по истории русской литературы.

Важно и другое обстоятельство, выясняющееся из этой переписки: это — высокий авторитет библиофилов и их репутация знатоков отечественной книги и истории литературы. В сущности, все основные статьи по истории русской литературы этого энциклопедического издания были написаны нашими книжниками. Сам Михаил Ларионович также опубликовал в словаре несколько ответственных историко-литературных заметок и биографических очерков.

Но нас в данном случае интересует другая сторона его деятельности в качестве редактора и автора словаря, а именно ее книговедческий аспект.

Тут заслуга Михайлова еще более велика. Прежде всего, он составил словник, определивший эту часть издания. Кроме того, он сам сделал несколько в высшей степени интересных статей: "Александровская библиотека", очерк об английском книжнике Аскью и др.

Во второй половине 50-х годов авторитет Михайлова как литератора-переводчика, критика, публициста неизмеримо возрос. Он стал признанным лидером отечественной переводческой школы, поборником женского равноправия, известным всей читающей России. Растет и его библиотека; теперь для приобретения книг имеются средства¹⁶.

Что же представляла собою библиотека Михайлова? Сведения на этот счет весьма скудны. Нам она видится представленной тремя основными разделами: первый, самый многочисленный, составляли книги на иностранных языках — поэзия, история литературы, всеобщая история, философия, политика. Эта часть библиотеки состояла в основном из современных изданий и пополнялась новинками — как купленными в России, так и привозимыми из-за границы. Второй, менее обширный, но неизмеримо более ценный составляла старая русская книга, о которой он с такой любовью писал в своем "путешествии". Третья часть состояла из всевозможных книговедческих трудов, как русских, так и зарубежных. Об этом свидетельствует его широчайшая начитанность, постоянное цитирование трудов библиофилов и библиографов.

Автору настоящего очерка довелось видеть в Публичной библиотеке экземпляр "Литературы русской библиографии" Г.Н.Геннади с экслибрисом Михайлова. Причем хочется заметить вот что: этот экземпляр

не имеет дарственной надписи. Между тем нет ни малейших сомнений в том, что Геннади, нежно любивший Михайлова и восхищавшийся им, эту свою книгу ему подарил. Возможно, Михайлов приобретал вторые экземпляры сочинений, необходимых ему в повседневной работе для того, чтобы сохранить в чистоте книги с дарственными надписями. Типично библиофильская черта!

14 сентября 1861 года М.Л.Михайлов был арестован по доносу провокатора Костомарова. Аресту предшествовал тщательный обыск, однако власти не нашли того, что искали — прокламаций. Проверяли и библиотеку Михайлова, но и там, кроме нескольких лондонских изданий, которые в то время были буквально у всех, ничего крамольного не обнаружили. В заключении Михаил Ларионович сильно беспокоился за судьбу своего книжного собрания, ведь библиотека была его главным достоянием, да и жизни без книг он себе уже не представлял. В этот трагический момент, находясь в Петропавловской крепости, он писал своим друзьям Шелгуновым: "Жаль мне моих книг. Да неужто их отнимут? <...> Если опишут и станут продавать мои книги, нельзя ли их купить? Ведь, верно, оценят в грош. <...> Нельзя ли вам большую часть книг взять к себе, как свою собственность?"¹⁷ Власти, к счастью, не позарились на библиотеку и, кроме нескольких конфискованных изданий, вся она осталась в распоряжении Шелгуновых (Михайлов и Шелгунов жили в одной квартире). Но тут же это книжное собрание как единое целое стало распадаться. Л.П.Шелгунова рассказывает в своих воспоминаниях, что для снаряжения Михайлова в тяжкий и далекий путь в Сибирь они "пустили в лотерею часть его очень большой библиотеки, а другую часть отправили к нему в Сибирь"¹⁸.

К сожалению, мемуаристка не разъясняет, по какому принципу и какая часть была продана, сколько книг отправлено в Сибирь, так что в нашем распоряжении лишь самые общие и поверхностные сведения. Библиотека продолжает таять и дальше. Во время предсмертной болезни Михаила Ларионовича его брат Петр, горный инженер, служивший в Сибири, снова продал какую-то часть ее, чтобы добыть денег для лечения узника.

После смерти Михайлова его брат писал Л.П.Шелгуновой: "Вся русская и французская библиотека осталась при мне"¹⁹. Следовательно, продавались преимущественно книги на других европейских языках: немецком, итальянском. Все свое имущество, в том числе и библиотеку (остатки ее), Михайлов завещал своему сыну Михаилу (Шелгунову). Поэт и переводчик, даровитый человек, сын рано умер. Мы не знаем, досталась ли ему библиотека отца (ведь ее надо было вывезти из Сибири), и если да, то куда она девалась. Не так давно известный книголюб Е.Д.Петряев нашел след нескольких книг из библиотеки Михайлова в фондах Читинской областной библиотеки, в которую они поступили из библиотеки Нерчинского горного правления. Это как раз и были книги на иностранных языках, проданные братом Михайлова незадолго до кончины поэта. Просматривая старые книги этой библиотеки, Петряев обнаружил, что под экслибрисом Нерчинской заводской казенной библиотеки находится другой, а именно "Библиотека М.Л.Михайлова". На этом экслибрисе, кстати, стоял и порядковый номер — 5034. Видимо, действи-

тельно, библиотека была немалой. Похожих по переписке книг, как сообщает Петряев, оказалось более трехсот, но экслибрис Михайлова пока удалось обнаружить только на пяти из них²⁰. Во всяком случае, за годы, прошедшие после сообщения Петряева, никаких сведений о библиотеке Михайлова в печати не появлялось. Так и сгинула, растаяла эта великолепная библиотека, любовно собиравшаяся замечательным хозяином, и только как память о ней остался очерк "Старые книги", который мы и предлагаем читателю.

М.Л.Михайлов. ИЗБРАННОЕ

СТАРЫЕ КНИГИ. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТАРОЙ РУССКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Après le plaisir de posséder des livres, il n'y en a guère de plus doux que celui d'en parler, et de communiquer au public ces innocentes richesses de la pensée qu'on acquiert dans la culture des lettres. Charles Nodier.

Статья первая

Охотники до чужих книг. — Книжные враги. — Зачитыванье книг. — Библиограф, описанный Ла-Брюйером. — Библиоманы: граф д'Этре и Булар. — О назначении библиотек. — Частные и общественные библиотеки. — Старая русская библиотека. — Романы старые и романы новые. — Анекдот о Суворове. — О значении библиографии. — Кто истинный библиограф? — Библиомания. — Коллекторы и библиоманы. — Переплеты. — Собиратель драматических пьес. — О происхождении библиомании. — Первые строки о книжном деле на русском языке. — VIII книга о изобретателях вещей. — Старая орфография. — Опечатки и история их. — Старый шрифт и мнение о нем Тредиаковского. — Кто такой был Полидор Виргилий? — Содержание его сочинения. — Новый перевод, изданный Новиковым.

Если у вас есть какая-нибудь, хоть маленькая, библиотека или если даже вы обладаете таким незначительным количеством томов, что их и библиотекой назвать нельзя, то вы, конечно, очень хорошо знаете, сколько на белом свете охотников до чужих книг. Сердце не камень — и вы ссужаете приятелю просимую книгу. Уже не в том виде, в каком вышла от вас, возвращается она домой: переплет и цел, но на нем пятно; листы и все, да у некоторых распустились нитки, связывающие их; а сколько загнутых углов, сколько отметок ногтем на полях! Дайте эту книгу другому, третьему приятелю — то ли еще будет? Каждый прочтет ее — и вместе с тем попортит, хотя, может быть, и невольно. Кроме того, очень может случиться, что и у этих господ есть приятели, постоянно пользующиеся чужими книгами; опять-таки сердце не камень — и книга ваша попала в четвертые, в пятые руки. Понятно, какова будет она, когда явится под сень вашего книжного шкафа. Переплет уже отстал; листы плохо держатся, а некоторых, смотришь, и вовсе нет; большая часть уголков, столько раз загибавшихся, отвалилась; поля были прежде исчерчены только ногтями, теперь они украшены заметками карандашом

и даже (о ужас!) пером; один листок прожжен сигарой, на другом следы кофе. Книга никуда не годится. Недаром известный французский библиограф Пеньо к числу книжных врагов, вместе с крысами, червями и пылью, относит и людей, продовольствующих себя чужими книгами.

И хорошо еще, если ссуженная вами книга дойдет снова до вас, хоть и в сильно растрепанном виде, а то ведь очень легко может стать, что ее совсем *зачитают*. Гривенник, который у вас заняли, постараются вам при первом случае отдать; книгу же... ведь книга не деньги, хоть и стоит их. "Не платит мне долга" нехорошо, "зачитал у меня книгу" — ничего. Впрочем, надо и то сказать: часто у зачитанной книги и концы в воде. Вы отдали ее А., А. отдал Б., тот В., потом попала она к Г. или даже к Д. — уж и сам В. хорошенько не помнит... ищите тут ее! И кто зачитал — неизвестно; просто зачитали. Ни на одном языке нет слова, которое выражало бы так грациозно понятие, заключающееся в слове *зачитать*; это свидетельствует как нельзя лучше о гибкости русского языка.

На все это могут мне возразить: "Так вы хотите, чтобы книги стояли у вас неприкосновенно на полке, чтобы никто ими не пользовался? Чем же вы лучше Плюшкина, которому, верно, не станете писать панегирика?" Нет, я очень хорошо помню басню о собаке, лежащей на сене, которого она сама не ест и не дает есть подходящей к нему корове; я терпеть не могу Плюшкиных, на которых метит эта басня; я не библиограф, не погребатель книг... Если моими книгами не пользуется *всякий*, из этого, смею думать, вовсе нельзя заключить, чтобы ими не пользовался *никто*.

"Вот господин (говорит Ла-Брюйер в своих знаменитых "Характерах"), который осуждает людей, пускающихся от скуки или из любопытства в дальние страны, не ведущих ни дневника, ни записок, не имеющих при себе и записной книжки: они едут посмотреть свет и ничего не видят или забывают, что видели; они хотят узнать только, какие где новые башни, новые колокольни, да переправиться через реки, которые называются не Сеной, не Лоарой; они оставляют отечество ради удовольствия возвратиться домой, желают быть в отсутствии, чтобы в один прекрасный день о них говорили как о приезжих издалека". Сатирик этот рассуждает справедливо, и его охотно слушаешь.

Но когда он присовокупляет, что книги, научают лучше всяких путешествий, и словами дает мне понять, что у него есть библиотека, то мне хочется взглянуть на эту библиотеку. Я отправляюсь к нему в дом; он встречает меня на лестнице, и я тут еще начинаю чувствовать упадок сил от запаха черного сафьяна, которым облечены все его книги; тщетно трубит он мне в уши, желая оживить меня, что книги его все с золотым обрезом, все вытиснены золотом и издания все хорошие; тщетно именует он лучшие одну за другой, тщетно говорит, что галерея его полна, кроме двух, трех мест, расписанных, впрочем, с таким искусством, что зрение обманывается и принимает эту живопись за настоящие книги, расставленные на полках; тщетно прибавляет он, что сам никогда не читает, что даже нога его не бывает в этой галерее, что он пойдет туда в угождение мне: я благодарю его за любезность и, так же, как и он сам, вовсе не имею желания посещать его кожаную, которую он называет библиотекой.

Если бы все частные библиотеки составлялись так и имели бы такое назначение, то, конечно, зачитывание можно было бы вменить в обязанность всем читателям; но, говоря о библиотеках как источниках знания, можно не брать в расчет невежд или мономанов?

А нельзя между тем не сознаться, что книжное сумасшествие, или библиомания*, со времен описанного Ла-Брюйером чудака сделало большии успехи.

Граф д'Этре, о котором рассказывает Сен-Симон в своих "Записках", не единственный экземпляр библиомана, не только никогда не развертывающего покупаемых им книг, но даже оставляющего их в связках так, как они привозились или приносились от книгопродавцев: граф сваливал тюки приобретаемых им книг в помещение, отведенное для этого сестроу его в отели Лувоа, — и как вы думаете, сколько томов было таким образом брошено без всякого употребления, без всякой пользы?... Шутка сказать — пятьдесят две тысячи томов!

Хорош был также некто Булар (Boulard), который загромоздил целый дом — целый дом, от чердака до погреба — несколькими сотнями тысяч томов... И у этого милого человека многое множество книг оставалось в тюках. Когда он наконец расстался со своими книгами, в которых не имел ни малейшей нужды, т.е. когда умер, каталог библиотеки его составил пять томов в осьмушку, и в нем 25 000 номеров, а какое еще множество дублетов не вошло в этот каталог. Одного полного собрания сочинений Расина было в библиотеке Булара до двадцати изданий.

Говоря о неприятности ссужать книги, я имел в виду не Буларов и не графов д'Этре, а небольшие библиотеки частных лиц — преимущественно ученых и литераторов. Такие библиотеки заводятся обыкновенно сообразно с родом занятий их владельцев, и в них разве как роскошь допускаются книги, не имеющие прямого отношения к главному предмету. В библиотеке историка вы, конечно, не найдете сочинений Дюма и Сю, хотя он, может быть, и читал их; филолог не станет покупать трактатов об астрономии, хоть и не чужда ему "звездная книга"; Бальзакова "Человеческая комедия" или многотомный Диккенс, открытые вами на полке математика, рядом с диссертациею о теории вероятностей или об исчезании тригонометрических строк, может быть, несколько удивили бы вас, хотя математик, не знающий о Бальзаке и Диккенсе, тоже удивителен; отсутствие же этих двух писателей в ряду книг романиста было бы так же странно, как присутствие в числе их таблиц логарифмов. Не всякий, разумеется, имеет средства приобретать все книги по предмету своих знаний; но всякий более или менее старается иметь хотя главные пособия, а без некоторых справочных книг нет никакой возможности обходиться.

Как, например, человеку, посвятившему себя изучению русской истории, не иметь постоянно на столе своем Карамзина или русскому библиографу — Сопкиова? И вдруг у вас зачитали шестой том "Истории государства Российского", зачитали третью часть "Опыта российской библио-

* Библиомания — слово довольно новое; оно составлено из греческих слов *βιβλος* — книга и *μανια* — помешательство.

графий". Положим даже, что и не зачитали; но этих книг у вас нет именно в ту минуту, когда они нужны вам (а нужны они во время занятия чуть ли не каждую минуту): вы должны бросить работу и ждать, как у моря погоды, возвращения книг.

Мне опять могут возразить, что для людей, которым нужна "История государства Российского" или "Опыт" Сопикова и которые не в состоянии приобрести эти книги, существует Императорская публичная библиотека, так гостеприимно открывающая свои залы всем желающим; существует библиотека Академии наук, тоже ежедневно открытая и всем доступная.

Впрочем, большая часть класса любителей чтения чужих книг мало интересуется учеными сочинениями и накидывается преимущественно на произведения изящной словесности и беллетристики. Но ведь и для жаждущих такого чтения тоже есть прямые источники: это частные библиотеки для чтения. Плата за чтение в этих библиотеках так незначительна, что, вероятно, ни одному записному читальщику не может показаться обременительною; а кому тяжело заплатить десять рублей в год, у того, верно, никогда не выдается свободного времени для чтения. И если б еще только те, кому карман не позволяет покупать книги или абонироваться в библиотеке для чтения, пользовались вашей библиотекою! Нет, часто именно те люди, которым ничего не значит бросить пятьдесят рублей за ложу на представление Рашель, сто рублей на обед для приятелей у какого-нибудь Донона или Дюссо, увидев на столе вашем книгу, попросят ее прочесть. Не думайте, что для таких господ чтение не составляет потребности, что они читают только потому, что ведь все же почти читают, или для скорейшего усыпления; правда, в чтении они не разборчивы и не держатся никакой системы, но оно доставляет им удовольствие, и книга необходима для них каждый день. Таким образом, книг они прочтут немало, но из всех прочитанных ими томов едва ли один куплен ими. "Beatus ille" — счастлив тот, кто сумел оградить свои книги от нашествия знакомых и приятелей, кто, кротко отказывая их просьбам, благоразумно внушал им настоящие понятия о назначении библиотек вообще и библиотек частных лиц в особенности; мир кабинета его невозмутим, досада не прерывает его любимого труда, и благоговяет он судьбу.

Если б я был Горацием, то именно такую долю восхвалил бы в оде на неразрозненную библиотеку, которая, то есть ода, начиналась бы, подобно горациевой оде на сельскую жизнь, словами "Beatus ille". ...Зачем я не Гораций?

Впрочем, если бы я был даже и Горацием и сочинил такую оду — уву! не себя воспел бы я в ней...

В русской библиотеке, которая находится в моем распоряжении, уже очень многие места опустели от несчастной слабости характера библиотекаря. В награду за доброту ему остается только то утешение, что места эти восполнимы и большую часть исчезнувших с полок книг еще можно без больших затруднений найти в продаже.

Странное дело! Те именно книги, которыми я наиболее дорожу, все целы, хотя по вышеупомянутой слабости характера я не смог бы отказаться желающему и в них.

Дело в том, что желающих все-то не находится: суровый вид старинных кожаных переплетов всех пугает. А между тем в этих опальных книгах, право, чрезвычайно много интересного. Если б я не боялся обвинения в пристрастии, я сказал бы даже, что в этой библиотеке пренебреженных русских книг прошлого столетия больше любопытного, чем во многих книгах новейших, которыми не пренебрегают. За такую дерзкую мысль на меня, пожалуй, восстала бы вся новая литература и не дала бы мне в себе даже крошечного местечка. Итак, в сторону эту мысль!

Довольно и того, если мне поверят, что, действительно, в русской библиотеке прошедшего века найдется очень много любопытного и занимательного, — поверят и станут читать мое путешествие по ее полкам.

К сожалению, для многих старая русская литература представляется чем-то вроде безотрадной пустыни, и в нее боится заглянуть. Так, например, напрасно употреблял я все свое красноречие, чтобы заставить одного охотника до произведений отечественной беллетристики прочитать хоть один из русских романов прошлого столетия, которые не раз доставляли мне большое удовольствие. Он, прочитавший Юрия Милославского по крайней мере по разу в каждом издании (а всех изданий было *девять!*); он, дважды одолевший непроходимую дубь "Семейства Холмских", не хотел и в руки взять, уж не говорю — читать, "Непостоянную фортуна, или Похождения Мирамонда", описанные Федором Эминым; "Несчастливого Никанора, или Приключения жизни российского дворянина Н."; повесть русскую "Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества", сочиненную Александром Измайловым, и повесть халдейскую "Арфаксад", сочиненную Петром Захарьичем. Тщетно рекомендовал я ему игривое произведение Михаила Чулкова "Пригожая повариха"; тщетно рассказывал ему, как однажды граф Федор Васильевич Ростопчин, желая узнать мнение Суворова о знаменитых воинах и о военных книгах, перечислял ему по именам всех известных полководцев и писателей, как при всяком названии Суворов делал отрицательный знак и как, наконец, сказал на ухо будущему автору знаменитых "Юлий Кесарь, Ганнибал и Бонапарт": "Домашний лечебник" и "Пригожая повариха". И авторитет рымникского героя не подействовал на моего упрямого приятеля. Скольких наслаждений лишил себя этот человек? Я осмеливаюсь думать, что он нашел хладную замену им в "Таинственном монахе" г. Рафаила Зотова.

"После удовольствия иметь библиотеку нет ничего приятнее, как говорить о ней и делиться с другими невинными богатствами мысли, приобретаемыми в занятиях словесностью". Эти слова беллетриста и библиографа Шарля Нодье, служащие эпиграфом к предлагаемому труду, как нельзя лучше объясняют мое желание познакомить читателя с библиотекою старинных русских книг, которая у меня под руками.

Я мог бы сейчас же отпереть этот небольшой шкаф, в котором заключаются все книги, напечатанные русскими гражданскими буквами по повелению Великого Петра, и начать с этого шкафа мое библиографическое странствие; но считаю вовсе не лишним подождать немного и сказать сперва несколько слов о библиографии как науке, значение

которой еще очень неясно понимается большинством и которая нередко смешивается с библиоманией, имеющей с нею очень мало общего.

Если б сущность библиографии состояла единственно из того, что выражается ее названием*, то она представляла бы мало общего интереса и справедливо могла бы считаться наукою книгопродавцев; поэтому-то все знакомые с библиографиею только по имени считают ее предметом в высшей степени сухим и незанимательным. Вначале она точно была такою; но изобретение книгопечатания, рассеявшее по земле бесчисленное множество книг, должно было расширить границы библиографии: в этих горах книг и печатных листов библиография обязана указать нам, какое произведение заслуживает нашего внимания, какое не стоит его. Кроме того, и хорошее произведение может быть издано дурно и небрежно; библиография же укажет вам на издание лучшее, объяснив, почему именно оно лучше других. Некоторые сочинения или издания становятся вследствие различных причин редкими; библиография не только отметит их существование, но и познакомит с содержанием их, если оно не лишено для нас интереса. Наконец, многочисленность книг, загромождающих нынче общественные библиотеки, вызвала необходимость уметь из числа десяти полезных книг выбрать книгу полезнейшую — и наука, руководствующая в этом выборе, есть та же библиография.

Итак, библиография не есть искусство составления каталогов, как думают некоторые, а наука, занимающая почетное место в ряду человеческих знаний.

”Названия библиографа (говорит Барбье) достоин только тот, кто, предпочитая хорошие произведения книгам замечательным по одной их редкости или странности, почерпнул истинные познания из лучших писателей древних и новых и способен сообщать лицам, обращающимся к нему за советом, необходимейшие сведения, которые могли бы служить им руководством в избранной отрасли познаний. Разнородные изыскания, которыми постоянно занимается библиограф, дают ему, кроме того, возможность без труда указывать каждому сочинению приличное ему место или отыскивать это сочинение в собрании книг, как бы ни было собрание многочисленно, если только книги расположены в систематическом порядке. Эта способность редко оценивается по достоинству, хотя она бывает плодом только огромной начитанности и глубоких размышлений. Книги в наше время не так же ли почти многочисленны, как и произведения природы? Если же мы припомним, что ум человеческий, не могущий выходить из известных границ, не может в разработке избираемых им предметов проявлять той последовательности и стройности, которым мы удивляемся в различных явлениях природы, то нам придется согласиться, что библиографу, при классификации произведений ума человеческого, предстоит трудностей несравненно больше, нежели натуралисту, классифицирующему явления природы”.

Совсем другое дело библиомания; это болезнь, первые проявления которой мы находим в Голландии в конце шестнадцатого столетия,

* Библиография — описание книг, от греческих слов: *βιβλῶξ* — книга и *γραφή* — пишу, описываю.

главное местопребывание которой теперь — Англия, хотя и во Франции и Италии много библиоманов*.

Библиоман не соображается со своими потребностями и собирает книги в большом количестве, нежели сколько нужно ему их для собственного употребления. В этом случае он совершенно сходен с собирателями медалей, раковин, насекомых и даже картин; предметы, которыми он наполняет свою коллекцию, дороги ему не потому, что он ими пользуется, а потому, что они — его собственность, хотя и бесполезная.

Так же как другие коллекторы, старающиеся приобрести редкие вещи для возвышения ценности своих коллекций, и библиоман отыскивает преимущественно библиографические редкости, красивые переплеты, мало распространенные издания, типографические странности. Он так постоянно занят приобретением драгоценных для него книг, что читает очень мало, а иногда и вовсе не читает, как например граф д'Этре, о котором я говорил выше. Эта сторона тоже общая у библиомана с другими собирателями, обыкновенно не имеющими никакого понятия о науке, которая занимается исследованием собираемых им предметов.

Красивые переплеты (у некоторых любителей роскошь в них доходит до смешного) много возвышают цену книг. Знаменитый английский библиоман Аскью (Askew) дошел в своей мании к перешлетам до того, что велел переплести себе одну книгу в человеческую кожу, чтобы только иметь в своей библиотеке переплет, какого не найдется нигде.

Библиомания вообще все более и более клонится к материальной стороне книг: на аукционах покупаются за непомерные суммы роскошные издания, украшенные гравюрами *avant la lettre*¹, оттиски на веленовой бумаге и на цветной — розовой или голубой, зеленой или желтой, на бумаге большого формата или с золотыми литерами, с рамками. Книги, принадлежавшие знаменитым лицам, в особенности те, на которых есть автографические заметки этих лиц, имеют огромную ценность в глазах некоторых любителей.

В pendant² к двум чудакам, помешанным на книгах, о которых сказано в начале этой статьи, стоит припомнить еще одного — некоего Соле-на (Soleinnes). Этому библиоману вздумалось иметь у себя в библиотеке собрание всех театральных пьес, какие когда-либо были изданы на поверхности земного шара! Он, конечно, никогда не мог достаточно приблизиться к своей цели, его постоянно мучила мысль, что на земле беспрестанно играют пьесы, о которых он даже не знает. Многие из собранных им пьес были написаны на языках, о которых он не имел понятия, но что за дело! он знал, что пьесы эти есть у него в коллекции — и этого было ему довольно.

Вот несколько мыслей о библиомании одного умного французского писателя:

”Библиомания часто сходна со скупостью; библиоман не пользуется своими книгами, но не ссужает их и другим, а часто даже и не показывает. Он страшится воров, того разряда библиоманов, обыкновенно мало

* В Германии библиоманы редки; там книги ценятся более по содержанию.

¹ Перед текстом (*фр.*).

² Под стать (*фр.*).

разборчивых в способах увеличивать свои собрания; не зная часто сам, что у него есть, он подвергается неприятности быть обокраденным, не имея потом возможности сказать, что именно у него украли. Даламберт рассказывает в "Энциклопедии" о человеке, который был одержим страстью к собиранию астрономических книг, хотя не знал ни иоты из этой науки; он покупал их по бешеным ценам, бережливо запирали в ящик, даже не развертывая их, и ни за что в мире не ссудил бы он книг своих лучшим астрономам того времени. Библиоман боится, чтобы его книги не попортили; часто (нам самим случалось видеть это) он не прилагается к ним и сам, чтобы не память переплет, не запачкать золотой обрез, бумагу. Таким образом, он совершенно похож на скупца, который не пользуется своим богатством и находит единственное наслаждение в обладании — и только.

Библиомания есть странность, заблуждение; но заблуждение это тем не менее естественно: это аномалия, развивающаяся, как все физиологические аномалии, по естественным законам, хотя она и противоречит общему порядку. Галль назначил в своей френологической системе особую шишку мании к коллекциям. Указание немецкого врача так же сомнительно, как и вся его система; но мы видим здесь желание отыскать в человеческом инстинкте причины этой странной мании. Наклонность эта развивается инстинктивно, то есть без помощи размышлений и рассудка. Многие с детства начинают чувствовать страсть к собиранию чего-нибудь; она в них кажется врожденною и наводит на мысль, что причин ее следует искать в самой организации.

Это чувствуемое человеком желание копить, иметь что-либо в своем владении, хотя бы и без всякого употребления; это довольство, рождающееся у многих от одной мысли, что у них есть собственность — пусть она не приносит никакой пользы, — все это ясно доказывает, что чувство собственности выходит из самых глубоких инстинктов нашей организации".

Теперь мы можем, пожалуй, отворить маленький шкаф с самыми старыми из русских книг, напечатанных гражданскими буквами, и начать путешествие.

А не любопытно ли было бы вам, читатель, после нашего рассуждения о библиографии узнать, какая первая русская книга сообщает некоторые сведения о библиографии вообще, или, лучше сказать, о книжном деле?

Вот эта книга.

Полное ее заглавие гласит тако: "Полидора Виргилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещи Преведены с латинского на славенороссийским язык в москве и напечатаны, повелением Великаго Государя Царя, и Великаго Князя. Петра Перваго Всероссийскаго императора. в лето господне 1720, маиа в 5 день"*.

Да не смущается душа читателя, не нюхавшего никогда пыли старых книг, орфографиею этого заглавия. Тот читатель, для которого печаталась эта книга сто тридцать лет тому назад, вероятно, и не заметил, что

* В лист, страниц: 4 без озн. (заглавие и предисловие), 6 (оглавление) 412 и 2 (опечатки).

где следовало бы поставить точку, там точки нет, а где ее никто не просит, там-то она и села черненьким пятнышком; что где бы надо быть прописной букве, там буква строчная и прочее. И вся ведь книга так же напечатана: ни грамматика, ни корректорское дело еще не процветали в России, и можно еще было печатать на одной и той же странице египтян, например, с большою буквою в начале, а *французов* с маленькой, хотя, кажется, чем бы француз хуже египтянина... Впрочем, виноват — того и гляди, что на той же или на следующей странице увидишь *французов* предпочтенными (посредством прописной буквы) *египтянам*. Подчас (бедровое, право, дело эти прописные буквы!) *Орудие*, например, окажется именем собственным, а *орфей* — именем нарицательным; да и как тут разобрать — сами посудите: ведь и то слово и это — оба начинаются с одинаковой буквы, именно с буквы *о*? Что касается полугласной *й*, ее в книге вовсе нет — и ничего: никто еще к ней и не привыкал.

Можно даже быть вполне убежденным, что редкий из той публики, для которой были изданы "Осмы книг о изобретателех вещей", находил нужным приложенный к ним "Реестр погрешностям типографским", который все-таки доказывает, что о корректуре книги старались и не желали вовсе, чтобы вместо слова *пишет* было напечатано *пиет* и вместо *зримо* — *еримо*.

Кстати о погрешностях. История их (у всякого есть история и даже историки) не лишена интереса. Кажется, что за важное дело одна какая-нибудь буква, перескочившая со своего места на чужое или совсем выпавшая из набора; а между тем... Но я думаю, что, путешествуя по книжным полкам моей библиотеки без всякого заранее составленного маршрута, мы можем на несколько минут отложить в сторону *Виргилия Урбинского* и поговорить о погрешностях и печатках*.

До изобретения книгопечатания списков погрешностей не существовало. Оно и понятно. Описался — можно ошибки исправить, не назначая для исчисления их особого листа. Так и делалось обыкновенно. Если копист замечал, что сделал ошибку — пока чернила еще не высохли, он вооружался губкой, и ошибка исчезала; если же стереть чернила было уже невозможно, он зачеркивал лишнюю букву или лишнее слово или же просто ставил точки под буквами, которые следовало уничтожить. Кроме того, рукописи по окончании их пересматривались и исправлялись особым лицом, как нынче корректурные листы в типографиях.

Так как замеченную ошибку можно было немедленно исправить, то рукописи могли с течением времени достигать высокой степени исправности. Вот, например, что рассказывает *Авл Геллий* в своих "Антических ночах": "Сидя однажды в книжной лавке с *Юлием Павлом*, мы видели продававшийся там экземпляр "Летописи" *Фабия Пиктора*, драгоценный по древности и по чистоте текста. Книгопродавец уверял, что невозможно найти в рукописи ни одной ошибки. Один известный грамматик, пришедший с покупщиком взглянуть на книги, сказал, что нашел в ней одну ошибку. Книгопродавец, со своей стороны, готов был все прозакладывать, что в его экземпляре нет даже буквы неправильной". И он оказался правым.

* Техническое название списка типографских погрешностей — *errata*.

При первых напечатанных книгах не было указаний опечаток: во всех экземплярах ошибки поправлялись пером. Скоро, однако ж, пришлось отказаться от этого способа, потому что в небрежных изданиях подобные исправления стоили чрезвычайно дорого, не говоря уже о том, что экземпляры оказывались совершенно испорченными. Желание исправить книгу, не портя листов ее, было поводом к составлению списков погрешностей, которые и прилагались в конце томов. Самый древний список опечаток (говорит Шевилье) приложен к "Сатирам" Ювенала с примечаниями Мерулы, напечатанным в Венеции в четверку в 1478 году. Он помещен на двух страницах, и типографщик извиняется в нем следующими словами: "Lector, ne te offendant errata quae operariorum indiligentia fecit, neque enim omnibus horis diligentes esse possumus. Recognito volumine la corrigere placuit". То есть: "Читатель, да не оскорбят тебя опечатки, сделанные неосмотрительными наборщиками; нельзя же быть внимательными во всякое время. Только перечитавши этот том, можно было их исправить".

Михаил Фернус, издавший в Риме в 1495 году рукопись Антония Кампануса, епископа терамоского, увидев множество опечаток, обезобразивших, несмотря на все старания его, это издание, сделал следующее заглавие к списку погрешностей, занимающему четыре страницы: "Vis ex stulto demens, idemque ex demente insanus fieri? Libros Romae primus imprime. Corruptorum recognito". То есть: "Хочешь ли из дурака сделаться сумасшедшим, или, что то же, из сумасшедшего дураком? Примись первый печатать книги в Риме. Список опечаток".

Первое издание сочинений Пико дела Мирандолы, вышедшее в Страсбурге в 1507 году в лист, имеет при себе список опечаток в пятнадцать страниц. "Мне не случилось (говорит Шевилье) видеть столь большого списка опечаток сравнительно с объемом книги".

Кардинал Беллармино, видя, что его "Прения" печатаются в разных местах и самым небрежным образом, велел снять с них рукописную копию и отдал ее одному венецианскому типографщику, чтобы сделать наконец издание исправное; но эти предосторожности оказались бесполезными, и автор был вынужден издать книгу под заглавием: "Recognitio librorum omnium Roberti Bellarmini"¹. (Ингольштадт, 1608), в которой исправил все ошибки, вкравшиеся в его собственное издание. Один перечень опечаток занимает восемьдесят восемь страниц. Автор жалуется в предисловии, что типографщик заставил его более нежели в сорока местах говорить *da* вместо *net* и *net* вместо *da*.

Доминиканец Ф. Гарция заставил напечатать в 1578 году в четверку список ошибок, вкравшихся в его сочинение: список этот занял сто одиннадцать страниц.

Трактат Лэ (Leigh) "О религии и ее науке", напечатанный в 1565 году, сопровождается перечнем опечаток на двух страницах в лист.

Альд Мануций в прошении своем, поданном к папе Леону X, говорит, что он так скорбит, когда находит ошибки в своих изданиях, что готов бы выкупать каждую ценою червонца.

¹ Обзор сочинений Роберто Беллармино (лат.).

В списке погрешностей к "Комментариям" Стефана Долета указано только восемь ошибок, хотя сочинение это в двух томах in folio*.

Если верить "Скалигеряне", в трактате Кардана "De substilitate"^{**}, изданном Васкосаном в 1557 году в четвертую долю листа, нет ни одной опечатки; а в списке погрешностей при трактате Будея "De asse"^{***}, напечатанном в той же типографии, их только три.

"У испанцев (говорит Шевилье) давно существует учреждение для исправления книг; этим правительством хотело обязать типографщиков иметь более тщания о исправности их изданий. До выпуска в продажу книга посылается к чиновнику, который сравнивает напечатанное с рукописью и отмечает все опечатки; при первом листе припечатывают сделанный им список, и он подписывает под ним, что книга, за исключением замеченных ошибок, напечатана верно".

Засвидетельствования подобного рода есть и при некоторых французских изданиях; в других поименованы корректоры.

В течение первой половины семнадцатого столетия сочинения, издававшиеся в Париже, печатались так неисправно, что устав книгопродавцев, изданный в 1649 году, заключает в себе много жалоб по этому предмету. "В Париже печатается так мало хороших книг (говорится в этом уставе), и то, что печатается, является в свет в таком небрежном виде, на такой дурной бумаге и с такими неисправностями в тексте, что мы вынуждены поставить на вид, какой стыд и какое великое зло для нашего государства производят подобные издания. И преимущественно те из наших подданных, кои принадлежат к литературному сословию, терпят от того немало, ибо им приходится отыскивать старинные издания, употребляя на то значительные издержки".

Если справедливо предание, то французский лирик Малерб обязан опечатке одним из лучших стихов своих. В своем известном послании к дю Перрье, дочь которого звали Розеттой, он написал сначала: "Et Rosette a vécu ce que vivent les roses"¹. Но в типографии плохо разобрали рукопись и поставили Rosselle вместо Rosette. Малерб, читая вслух корректуру, был поражен этой переменою и изменил таким образом к лучшему свой стих: "Et roselle a vécu ce que vivent les roses"².

Точно так же стих Пушкина в его "Песне о вещем Олеге":

И *внемлют* ответу: на холме крутом и пр.

был сначала написан так:

И *внемлет* ответу: на холме крутом и пр.

В альманахе, где была впервые напечатана эта баллада, стих, напечатанный так, как печатается он до сих пор во всех изданиях сочинений Пушкина, был исправлен в списке опечаток; но Пушкин, найдя, что с опечаткою он и сильнее и выразительнее, оставил его без поправки, или, лучше сказать, с поправкою наборщика.

* В лист (лат.).

** "О тонкости" (лат.).

*** Латинское название труда Г. Будея, изданного в 1514 г., дающего точное описание всех римских монет.

¹ И Розетта прожила столько, сколько живут розы (фр.).

² Будучи розой, она прожила столько, сколько живут розы (фр.).

Можно было бы занять несколько страниц исчислением опечаток, заставлявших конфисковать и уничтожать некоторые издания библии на европейских языках. Множество изданий, на которые имел право каждый, были этому виною: в течение восьмидесяти лет, с 1715 по 1795 год в одной Германии вышло из-под типографских станков 1 670 333 экземпляра полной библии и 863 890 экземпляров Нового завета отдельно.

Людовик Лаланн, у которого заимствована большая часть этих фактов, заключает такими словами свою историю опечаток: "Упреки Шевилье некоторым типографщикам его времени могут относиться ко многим типографщикам и нашего века. Некоторые современные печатники (говорит он) нашли легкий способ достигать своей цели без излишних церемоний. Они или совсем не печатают списков погрешностей, или печатают такие, в которых указана только половина ошибок. Эту уловкою они скрывают искажение печатаемых ими сочинений, которое могло бы покрыть их стыдом в глазах публики; кроме того, тут есть и расчет коммерческий: полный список погрешностей вышел бы так объемист, что издержки по изданию увеличились бы значительно, а жалкого издания никто бы не купил. Васкосан в одном из своих изданий почел нужным спросить извинения у читателей, что не приложил к нему списка опечаток; он говорит, что у него не хватило на это бумаги. Неисправно напечатанная книга (говорит Шевилье) полна темноты: это ночь, в которой страшно сделать шаг вперед; тщательная корректура — это светильник, который придает уверенность шагу. Самые страшные враги книгопечатания — ошибки; но тем более опасны они, что возрождаются из своего собственного пепла. Часто их вырастает более, нежели сколько было уничтожено. Типографщик — Геркулес, которому беспрестанно приходится сражаться с чудовищами".

Но не пора ли нам перейти к Полидору Виргилию, серые листы которого навели нас на беседу об опечатках?

Мы можем легко простить московской типографии, в которой напечатано сочинение "О изобретателях вещей", все вкравшиеся в книгу погрешности, если только вспомним, что шрифту, которым она напечатана, было в 1720 году всего шестнадцать лет и что, вероятно, наборщики не успели еще как следует примениться к нему. Буквы нашей гражданской печати были изобретены Петром Великим в 1704 году и в следующем же году по рисунку его отлиты в Амстердаме. Для своего времени шрифт недурен, хотя, конечно, сравнивая его с теперешними красивыми шрифтами, мы не можем уже повторять слов Тредиаковского: "Прекрасная была сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста. Словом, совершенно уподоблена такой, какова во французских и голландских типографиях употребляется". Впрочем, и Тредиаковский восхищался не безусловно; к похвале своей он прибавляет, что "уподобление сие было несколько и чрезмерно". Вот что говорит автор "Тилемахиды" далее о новоизобретенном шрифте: "Всяк любопытный увидит здесь из приложенного, как число букв первого того алфавита, так и форму, а по ней и оное уподобление. а.б.в.г.д.е.ж.з.и.к.л.м.н.о.п.р.с.т.у.ф.х.ц.ч.ш.щ.ъ.ы.ь.э.ю.я.V.Q. Ясно, что буквы Д.П.Т. точно сделаны латинские q,d,t. Сие очам российским сперва было дико и делало некоторое

затруднение в чтении, особенно ж таким, которые и старую московскую с превеликою запинкою читают. Новый сей друк употребляем был, без всякия перемены, до 1716 года, а с 1716 года введена в него буква (и) также (i), с двумя точечками наверху, и напечатаны сими буквами Ерасмовы разговоры в Санктпетербурге. Однако пропорция в буквах оная ж голландская сохранена. В 1718 году Федор Поликарпов издал, в Москве в Варениеву генеральную географию, которую он перевел с латинского; а чтоб отечество написать в предисловии нашими буквами, то есть чтоб сходно с греческою орфографиею, ввел в сию печать i (v). Однако также оная голландская пропорция в буквах от него не повреждена. Пребывала сия печать в сем состоянии до 1733 года". Нельзя не согласиться, что шрифт, которым напечатан "Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи" Василия Тредиаковского, несколько красивее шрифта, употребленного в дело при печатании книги "О изобретателех вещей", но нельзя в то же время не сказать, что, невзирая на отсутствие всякой орфографии в этой книге, она вовсе не читается с такою "превеликою запинкою", как пресловутый "Разговор", испещренный нововведениями, не имевшими и тени успеха.

Сочинения Полидора Вергилия переведены и изданы по повелению Петра Великого; это ясно показывает, что он видел в нем пользу для русских читателей. И точно, книга Полидора была для своего времени книга полезная. Она имела большой успех за границей и составила славу своего автора.

Полидор Вергилий (а не Вергилий, как неправильно называют его некоторые) был ученый теолог первой половины XVI столетия. Он родился в Урбино; потом, окончив учение свое в Болонье, где, занимаясь словесностью, посвящал часть своего времени также изучению истории, древности и физики, был он в Риме папским камерарием. Будучи послан папою в Англию, Полидор снискал особую милость короля Генриха VIII, который определил его архидиаконом в Вельс. На старости отправился он снова в Урбино, где и умер в 1555 году. Первое издание его истории изобретений, которое в подлиннике называется "De rebus inventoribus libri VIII", вышло в Риме в 1499 году. Позднее он прибавил к сочинению своему еще три книги "О чудесах" ("De prodigiis"), которые не переведены на русский как не составляющие существенной части сочинения. Это прибавление явилось впервые при лейденском издании 1644 года. Книга Вергилия была напечатана много раз, и не одно столетие прибегало к ней как авторитету при некоторых неразрешенных или сомнительных вопросах. Менее успеха имела его "История Англии" ("Historia Angli-sapa") в двадцати шести книгах. По незнанию автором английского языка в нее вкрались многие неверности, и, кроме того, она написана пристрастно. Ове сочинил по этому поводу следующую эпиграмму:

"Virgilii duo sunt; alter Maro, tu Polydore

Alter. Tu mendax, ille Poeta fuit"

То есть: "Вергилиев два: Марон и ты, Полидор; ты лжец, а тот был поэт".

Собственно говоря, историю изобретений в сочинении Полидора могут называться только первые три книги ее, как и сам он говорит в предисловии; остальные же пять имеют характер исключительно теологичес-

кий: в них излагаются, по словам Полидора в русском переводе, "вся наша (то есть католическая) веры чины, и сих начала". Посвящая книгу брату своему, Полидор говорит, что эти пять книг прибавлены им впоследствии "к трем оным, о изобретателех вещей, книжицам отसेле за осьмнадцать лет, от меня и летами и учением младаго сочиненным". Несмотря на гораздо меньший объем этой первой части сочинения, мы думаем, что именно она-то и обратила на книгу внимание великого просветителя России. Тут находятся почти все необходимые энциклопедические сведения из области каждой науки, как читатель увидит из следующего перечня ее содержания.

Книга первая трактует: о начале вещей; о первобытии человек; о начале разных языков; о первом разделении народов; о начале сопряжения (брака) и разном у язык употреблении; о распустном начале (разводе), и каковы в женитве древних обычаи; о начале веры, и которые почитаемых поганских (языческих) богов первые изобретатели быша, и богу истинному жертвы приносили; кто первый письмена обрете, и о числе оных приумноженном, о разности, силе и гласе; о начале грамматики; о начале учения пиитического; о начале меры стихов; многия ли суть роды меры; о началах трагедии и комедии; о начале сатирския и новыя комедии; кто первее историю сложи, кто витийскую орацию изобрете; о регуле к сочинению истории; о начале риторики, и которыми вещьми ея существо содержится; кто первый мусикию (музыку) изобрете; которые в первых (музыкальные) орудия всякого рода изобрели; что есть орган; о древнем употреблении труб и цевниц на бранех; о начале философии; кто первый изобрете ифику (сиречь науку о добрых нравех) и диалектику, и диалоги, сиеть разговоры введе; которые первые астрологию изобретоша, и некоторых звезд и планет течения, и сферу, и ветров вину, и колицы они суть, и примечание или знаки звезд, к плаванию морскому надлежащи; кто первый геометрию и арифметику изобрете; кто первый обрете весы и меру и числа; о различном у народов числительных лет образе; кто первый медицину, сиеть лекарственное лечение, обрете, на колико частей разделена; о снискателех зелейнаго, аптекарского и сладкаго лекарскаго учения; которым людие от зверей лекарством научишася; кто первый волшебную хитрость сниска, и от которых почитаема бе; кто образ изгнания демонов, или заклинания издаде, ими же немощи утоляются; о начале некроманции, пироманции, аероманции, гидроманции, сиеть о волшебствах всяких различных; о двоих прорицания родех; о начале ятроволшебническаго учения; о жребиях просвещающих, и кто гаданиям снов учаще.

В книге второй находятся сведения: о начале суда и уставов, и которые первые в народе закон устави, какия ради вины от начала устави закон; которые царственный град от начала создаша, и диадиму и власть над подданными обретоша, и кто из ареопагитов магистрат постави о тройком управительстве римскаго гражданства; о начале гербов царских; кто первый кинсон или оброк и исчисление людем уставил; о сенаторском и о всадническом кинсовании или оброце; кто темницу созда; что есть люструм; о наложении дани; которые первые устави год и яко разный; кто часовые времена уставил, и кто часы разного рода

изобрете, како от начала иннии инако дни рассуждали и ноши разделяли; которые первии книги издаша; о первой библиотеке; от кого употребление литер или писмен обретется; о первом употреблении писания у древних; когда во первых изобретена есть... кожа к писанию <...> о первом оружии и медных пушек употреблении; кто первый хитрости на конях ездити научил, и коней усмирят, и тех копыта железными подковами ковати, и украшения их обрете; кто двойки и четверню впряже, и колесницу с четырьмя колесами обрете; кто с коня битися в первых повеле; кто первый уставы у Греков олимпийский подвиг, и инния сим подобныя игры, и пирическое ристание, и школу бомб; от коих обретена игра мяча, шахмат, тавлеи и прочих; о начале некоторых игр у Латин; кто первый обрете индукции, сиесть договор временный в брани и миротворение; и о разном тех творения обычаи, и колико есть их родов; от кого обычай торжествования взялся; кто первый у Римлян торжествоваше или радость восклицаше, или которым торжествовати или радость чрез письма восклицати вольно бе; обычаи, где полагаги трофеум, сиесть знамение торжества; кто первее венцы изобрел, и о разных тех родех; от кого граждан венчати обыкновение произошло; о употреблении на пирах и на всяком месте, о древнем употреблении мастей; о злате, серебре, железе, свинце, меди, орудиях художнических, и огонь первее, потом из кремня или из древес, и мехи, и фанаря употребление; от которых первее пенязь золотой изобретен; кто серебро и медь печатал, и зеркало серебряное сделал; о начале перстней; о первом жемчуге употреблении; о начале стекла и янтаря; кто первый изобрете киноварь; о хрустале; о начале образов и кто первый оныя сделал; о вжигании фимиама и свещ восковых пред образы; кто первый нача продавати фимиам; о начале живописания; кто первый краски обрете; кто кистию нача писати; о первых скудегнаго изображения обретателех, кто первый гончарское искусство обрете.

Книга третья рассказывает любознательному (или, пожалуй, благо-разумному, как называет его русский переводчик Полидора) читателю: от которых первее обретется земледелие и коликами оное изобилует благами; кто первый людем молотбу и гноение земли, и печи хлебы показа; и волов в рало впряже, и различная делания селская, и решота разная изобрете; кто первее виноградная дресева насади и сих сеянью научи и употребление вина изобрете; которые первые винопродавцы; кто оливное древо, и употребление оливы и мед изобрете; кто ячменное пиво сотвори и млеко сгустил; кто первый животным и иным вещем дади имена; о первом уставлении закалания животных; о ястии мяса и употреблении брашна сладкаго; о употреблении звероловства и рыболовства, и изобретении соли; кто первый изобрел лен, сети, прядения и ткания образец, искусство белильное и мыло; кто волну изобрел и начал прядение волны; о одежд разных и кож употреблении; о запалах стальных, сапожничестве, шелке, и когда его множество в Европе нача быти; о шелковом одеянии и порфире; о начале архитектуры; которые первые из брения или кирпича дома соорозиша и черепицу и каменосечество изобретоша; о первом столпов начале; кто первее создал град, стены, башни, обиталища, капище, и кто прежде богу вседержителю храм содела; кто кладязи ископа; о первых лабиринтов и пирамид, сиесть

островерхих столпов, изобретателех; о устройении мавзолиева гроба; о различном древе о языцех погребания употреблении; откуда обыкоша Римляне сожигати трупы и посвящати кесарей по смерти; о начале погребальная орация; кто первый обелиски, сиречь столпы, сотвори; какова бяху египетская писмена; кто первый азил или капище милосердия устави; о начале феатра и на нем действующих комедий и трагедий; кто первее в Риме феатр, амфифеатр и циркуль (цирк) постави; о частом умовении, древними употребляемом; о начале теплиц; кто первый изобрел древоделания хитрость, и в ней пилу, осорд, правило, бурав или свердло, клейстер, долото, гвоздь, циркель, секиру, бочки и сосуды деревянные и от ветвей плетения; кто первый обладал морем и первее нача морем плавати; кто первее изобрел науку мореплавания, суды различного рода, весло, парусы, якорь, правление (руль) и брань корабельную на мори (морское сражение); которые первые купечество изобрели, и о первых купцах; кто первый устави бакханалия; кто изобрете помазание власов и употребление стрижения. Эта книга заключается главою, которая надписана так: "Многая тако древняя, яко и новая изобретена суть, их же изобретатели неизвестны". Здесь автор извиняет себя перед читателем в том, что сочинение его может оказаться в некоторых отношениях неполным; неполноту эту старается он оправдать следующими словами: "Аще к древним неким обретенным или новым менше коснулся, сие истинно виною бысть, занеже хотел бы меншими словесы совершенная предади, неже многими несовершенная достигати".

Из этого подробного исчисления предметов первых трех книг, переданного словами старого перевода, видно, что сочинение Полидора могло служить домашнею энциклопедией или справочною книгою для русских читателей старого времени; оно, вероятно, имело бы несравненно больший успех, если бы описанные в нем предметы были расположены в алфавитном порядке, для большей легкости справок. Но и в настоящем виде своем книга Полидора долго находила на Руси усердных читателей, и Новиков нашел бесполезным напечатать новый перевод ее через шестьдесят лет после появления первого перевода*. Любопытно сравнить эти два перевода; в шестьдесят лет, разделяющие их, язык сделал огромные успехи. Новиковского Полидора можно еще без особых усилий читать и теперь, тогда как первый перевод уже почти вовсе неудобочитаем.

Пятая, шестая, седьмая и осьмая книги Полидора посвящены, как сказано выше, теологическим предметам; тут находим мы историю христианства и христианской церкви, описание происхождения и исполнения священных таинств, церковных обрядов и богослужения. Подробности, с какими говорится здесь о католицизме, вызвали следующее примечание русского переводчика к предисловию автора:

"Отсюда (т.е. из слов Полидора) явно есть благоразумному читателю познати, яко сеи муж живяше убо во англии: писаше же к брату своему во италию, изслеудя римские церкви чины, купно же и церемонии

* "Полидорова Виргилия Урбинского, о первых изобретателех всех вещей". Иждивением Н.Новикова и компании. В Москве, в университетской типографии, у Н.Новикова. 1782 г. В 8-ю долю листа.

или обряды их, откуда что произыде, и хотяше доказати, яко многая римския церкви действа чины и церемонии произрастоша и от древних еллинских языческих обрядов и обычаев. Того ради любезныи восточныи церкви читателю, читая сию книгу, аще где-либо обрящещи что твоей мысли и содержанию аки бы несогласное, и подзорное, да не смущается твое сердце, яко издадеся сие аки бы противно твоему благочестию. Вемы бо, яко от сиона изыде закон, и слово господне из иерусалима. Но на высококом здраваго твоего рассуждения амфитеатре став, рассмотрим силу предприятаго дела, и причину сего автора трудоположения, чего ради сие, и кому, и о ком писал, и коея церкве началов изыскивал. Ибо читаем книги различны не токмо сих именем христианским красящихся, но и древних еллинов, и египтян, и персов, и прочих истории, но да веруем им, но да ведаем творимая у них: и да явимся искусни во обхождении их. Убо буде подобен тредолюбивей пчеле, не токмо благоуханные цветы и дресва, но и мертвая телеса облетающей, и от всех дивныи пчелник, и сладкии мед сочиняющей. И тако здрав и прав будещи и умудришися”.

Строки, заставившие нас взяться за сочинение Полидора, находятся на страницах 88–90, в седьмой главе второй книги, которая именуется: ”Которые первии книги издаша и о первой библиотеке и от кого употребление литер к печати обретеса”. Мы не считаем лишним привести здесь эти строки как первые, в которых находим на русском языке общие библиографические сведения.

”Понеже от дне до дне более, человеческия умы единым токмо книг множеством живут, и ко восприятию учения волных хитрости удобнее всех народов процвтают, согрешил бы воистину, аще сицево обретение молчанием оставил бы, котораго мы такожде яко в малыи понесет разум, умножения ради, сию то есть работу восприяхом, наипаче егда сицеваго образа списателей книги разумов изображенные знамения суть. От всех убо первейшии анаксагор (сведетелствующу ляерцию в книзе 2) книгу к нему написанную издаде, геллии же в книзе 6 пишет, что пизистрат тиран от всех первейшии книги народне читати предаде. Но воистину кто не видит, яко насильно грецы (иже своя похвалы человецы суть зело желателны) сию себе похвалу причитают. Иже (якоже иосиф, противу апиона явственно показует), юни суть. Откуда без сумнения далече прежде греков, древнейшии от евреев, иже божественную историю написаша, и египетские жрецы или халдеи книги издаша, и такое равне есть верити, что Анаксагор и пизистрат у греков токмо первые в мире предати книги имеща попечение, потом же (яко тои же гелии свидетелствует), самые афиняне число книг искуснее и прилежние умножиша, но все оное последи книг умножение ксеркс Афины подбвиши отнесе, и занесе в персы. И сия книги все по многих летех селев македонский царь, которыи никанор нарицашеса, принести в афины потщася, безмерное последи число книг во египте от Птолommeев цареи сотворися, едва ли не до седми сот тысящей, но сия вся в первую брань александрийскую сожжены, прочее страбо в книзе 13 географии пишет, яко аристотель от всех первую библиотеку устави, повествует бо, яко в сцепсии быша философы сократовы, эраст и корикс, и нерей кориксов сын, которыи аристотеля и феофраста подслуша, и наследник книгохрани-

тельницы феофрастовой, в которой аристотелская баша, ибо аристотель и книгохранительницу и школу остави феофрасту, и первьи всех, которых ведаем, книги собора, и египетских царей книгохранительница чину научи. феофраст же тую предаде, сия он: бе и пергамова книгохранительница преславная. творец плиннии в книзе 35, при начале свидетелствует, или первии начаша александрии, и пергама царие, которые книгохранительницу великим иждивением сочинили.

Римскую книгохранительницу асинии и поллии первии сотвориша, свидетелствуют тои же в преждеобъявленной книзе глаголющ: Не подобает оставити и изобретения новаго, понеже не токмо из золота, или сребра, или меди, в книгохранительницах возыменуются онии, которых безсмертныя души в тех же местах глаголют, тамо еще и яже не суть, умышляются, и раждает желание непреданнаго лица, якоже в гомере случилось, чем вящше (якоже мно) ниедино такое есть щастия знамение, яко всегда все желание имети знания, каков бы кто был, асинии и поллиона сие в риме снискание, которые первии, книгохранительницу приписующ от разумов человеческих аки некую речь посполитую сотвори: Суть же многия ныне в италии книгохранительницы, но оная в начале всех судом зело преизбранная, которую Федерик Фелтрии, вождь урбинский состави, которую после гвидо князь, его сын, всего учения красота, и премудрых людей оборона, яко же златом и сребром, тако и множеством книг умножи и украси". <...>

Если вам наскучило читать эти строки, написанные языком, каким уже никто больше не пишет, то я могу обещать вам, что, идя далее по моей библиотеке, и по страницам книг, вмещаемых ее полками, вы скоро не будете уже спотыкаться на старом русском слогe и сумеете найти любопытное, занимательное и даже изящное в русской книжной старине.

ИЗ ПИСЕМ

1. *Г.Н.Геннади. В Петербурге, 6 февраля 1853 г.*

Извините меня, Григорий Николаевич, что я не могу на этот раз сдержать моего слова — быть у вас нынче вечером. Я болен, и мне не велено выходить из дому. Возвращаю вам с глубочайшей благодарностью листок об Аблесимове. Das Nordische Archiv¹, верно, можно будет здесь отыскать. Он значится в Обозрении лит<ерату>ры Шторха и Аделунга, где говорится, что издателем его был рижский актер Каффка. Весь ваш Мих. Михайлов.

2. *Г.Н.Геннади. В Петербурге, 10 марта 1855 г.*

Тысячу раз виноват перед вами, любезнейший Григорий Николаевич, что никак не мог, по непредвиденному и непреодолимому препятствию, быть у вас вчера. Надеюсь вскоре загладить эту вину.

Повторяю мою убедительнейшую просьбу о латинском издании Герберштейна. Он мне нужен всего дня на два и возвратится к вам в надлежащей целости. Весь ваш Мих. Михайлов.

¹ Северный архив (нем.).

3. Г.Н.Геннади. В Петербурге, 3 февраля 1860 г.

Любезнейший Григорий Николаевич! Я вчера через силу должен был ехать на совещание по делам Энциклопедического словаря, и очень жалею, что вы не застали меня дома. А между тем мне предстоит крайняя надобность видетсья и переговорить с вами. Я приехал бы, если б и вчерашний выезд мой из дому не был неосторожностью. Не улучите ли вы минутки сегодня, завтра или послезавтра вечером? Не заедете ли ко мне? Повторяю, надобность крайняя. Весь ваш Мих. Михайлов. У вашего батюшки есть несколько №№ Revue philosophique¹, взятых у меня. Нужны ли они ему?

4. М.Н.Лонгинову. Из Петербурга в Москву, 25 марта 1860 г.

Дополнив алфавит Энциклопедического лексикона по букве А, препровождаю к вам список слов по истории русской литературы. Г.Н.Геннади, уезжая отсюда, говорил мне, что согласится с вами насчет выбора статей; но я от него до сих пор еще не получал ответа. Будьте так добры, многоуважаемый Михаил Николаевич, известите меня, что из прилагаемого списка найдете вы возможным обработать и как согласитесь вы с Геннади.

¹ Философское обозрение (фр.).

Портрет седьмой.

”ИСПЫТЫВАЮ СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ”

В годы царствования ”веселой царицы” Елисавет Петровны в Россию, страну, куда двинулось множество чужестранцев ”на ловлю счастья и чинов”, прибыл и молодой южанин Александр Геннади. Происхождение его весьма туманно: по одним документам он был ”из молдавских уроженцев”, по другим — ”грек с острова Корфу”. Во всяком случае сын и внук его считали себя по крови греками (этот род пресекся в третьем поколении).

Ловкий молодой грек-молдаванин как-то необычайно быстро разбогател, причем источники его богатства также определить трудно. Кажется, он уже при Екатерине II заведовал привозившимися в Кабинет императрицы мехами. Получив по выслуге лет чин, дающий право на российское дворянство, он его и приобрел в 1810 году.

Сын его, Николай Александрович, которому он дал хорошее образование, унаследовал от новоиспеченного дворянина большое состояние: помимо всякого другого недвижимого и движимого имущества — 20 тысяч десятин земли и поместье — село Юшино Сычевского уезда Смоленской губернии, в котором молодой наследник вскоре завел и стал

пополнять свою библиотеку. Николай Геннади женился неудачно: его жена, немка ("саксонка", как именуют ее документы; возможно, он и привез ее из Саксонии), Мари фон Плетц (по другим источникам — Плеске), не смогла ужиться с мужем, и вскоре супруги разошлись. "Саксонка" уехала, оставив мужу маленького сына Григория, будущего известного библиографа и библиофила. В отцовском имении и прошло детство мальчика. Образование он получил великолепное, не только домашнее, он еще посещал и Сычевское уездное училище, — очевидно, отец имел склонность к демократизму. Впоследствии Григорий Николаевич подарил этому училищу прекрасную библиотеку да к тому же был его почетным смотрителем и много помогал деньгами. От отца сын унаследовал и две страсти — к книгам и к женщинам.

Сын столь далеких по крови родителей, Григорий Николаевич и внешне был весьма своеобразен: будучи типичным южанином, он вместе с тем был светловолос. Вот как описывает его Я.Ф.Березин-Ширяев: "Он среднего роста, с удлиненноватым, несколько худощавым лицом, с светло-русыми на голове волосами, с небольшою бородкою и бакенами. В манерах его видна облагороженность, свойственная человеку высшего круга. Он говорит правильно и отчетливо, но несколько гнусавым тоном, вероятно, по привычке к французскому разговору"¹. Это описание относится к зрелому человеку, каков же был Григорий в юности, мы не знаем — портретов не сохранилось.

Мальчик получил образование в известном московском пансионе Леопольда Чермака, в котором несколько ранее учились братья Достоевские. Д.В.Григорович, также учившийся в этом пансионе, писал, что "лица, вышедшие из пансиона Чермака <...> отличались замечательною литературною подготовкою и начитанностью"². Не отставал от них и молодой Геннади. Затем он поступил на юридический факультет Московского университета, а через год перевелся в Петербургский, который успел окончить в 1847 году, до наступления "мрачного семилетия".

В первых дошедших до нас дневниковых записях Геннади — совсем еще юный мальчик, восторженный и сентиментальный. Вот его стихи:

Дай же мне войти в твое святилище,
Ты, Наука, будь спаситель мой,
Ты мой храм, ты чистое хранилище
Истины всевечной и святой³.

"Постоянно хожу в университет, записываю все лекции, обедаю обыкновенно дома, один, по вечерам у Демидовых, или в театре, или в café читаю газеты. Ни одной минуты не ленюсь, много читаю, пишу часто письма отцу в Париж, в Москву и пр. А между тем как-то пусто. Может быть, оттого, что не влюблен. Что же делать, насильно нельзя"⁴. В сущности, он брошенный сын, растет без семьи, лишен родительской ласки и так уже привык к этому с детских лет, что и не замечает.

Еще в студенческие годы он становится страстным библиофилом. Каждую купленную книгу он прочитывает или по крайней мере внимательно просматривает. Сохранилась только одна из его тетрадей с записями о прочитанном; в ней — 1365 номеров. Что же привлекает юного студента? Прежде всего, это, естественно, беллетристика, поэзия и все важнейшие русские журналы (иностранные выписывал отец); это —

труды исторического характера: Гизо, Соловьев, многочисленные мемуары, биографии великих людей. Это — уже на столь раннем этапе — масса специфических библиографических трудов: каталоги Сопикова и Смирдина, росписи других книготорговых фирм, как отечественных, так и зарубежных, книговедческая литература самого различного профиля. Начинается комплектование справочно-библиографического отдела его библиотеки, впоследствии ставшего одним из выдающихся разделов этого книжного собрания.

По мере накопления книжных знаний и сведений издания обрастали всевозможными заметками, исправлениями, дополнениями, имевшими самостоятельное значение. Поэтому при распродаже библиотеки Геннади настоящие книжники старались приобрести именно эти издания. П.П.Шибанов пишет в своих воспоминаниях: "Геннади я не застал, но частицу его вкусил. Библиотеку Геннади, так же как и замечательное собрание его гравюр, приобрел А.Фельтен, тамошний торговец эстампами. И вот у этого Фельтена она распродавалась. <...> Купил я книги, главным образом по библиографии, которыми в то время очень интересовался. Эти книги снабжены в большинстве случаев пометками Геннади. Таким образом, я имел экземпляр Сопикова, весь с пометками Геннади, и другие вещи. У Фельтена на прилавке продавался оригинал 3-го тома его Биографического словаря. Я его тогда не купил. Впоследствии он попал к А.А.Титову"⁵.

Титов его и опубликовал в 1906 году в "Чтениях в Обществе истории и древностей Российских".

Девятнадцатилетний студент Григорий Геннади записывает в своем дневнике: "Что можно сделать для русской литературы?" Далее следуют 44 пункта, — распланирована вся дальнейшая жизнь! Вот лишь некоторые из них: "1) Издать для детей описание путешествий; 2) Историю Петра I для детей или, по крайней мере, юности его до самодержавного воцарения; 3) Издать сказочный сборник русских и иностранных сказок; 4) Биографии государственных мужей России; 5) Книжку для чтения в народных училищах; 6) Издать *дельно* сочинения русских классиков; 17) Биографии Пушкина, Ломоносова; 25) Биография и заслуги Новикова (его издания)" и мн. др. Замечательно, с каким знанием нужд русского книжного рынка составлен этот план. А ведь автор его — начинающий собиратель. Одним из последних пунктов является следующий: "Составить библиографическую систему для размещения и распределения библиотеки. Разобрать при этом более известные библиографические системы и исчислить главные библиографические руководства на иностранных языках"⁶.

Из этих же записей мы узнаем, что юноша читает и перечитывает "Опыт Российской библиографии" В.С.Сопикова, — несколько необычное чтение для богатого, красивого светского молодого человека. Из дневниковых записей студенческих лет видно, что работы Керара, Эберта, Петцольда являются его повседневным чтением.

А библиотека все растет. По выходе из университета молодой книжник завязывает ряд знакомств среди людей старшего поколения, ревностным учеником которых он затем станет. Это, прежде всего, С.Д.Полторацкий, С.А.Соболевский и директор императорской Публичной библио-

теки М.А.Корф. Отношения с последним носили, впрочем, более деловой, чем личный характер.

Молодой библиофил с громадным интересом знакомится с сокровищами Публичной библиотеки; его допускают и в такие отделы, куда простым смертным входа нет. За это он тоже немало делает для национального книгохранилища: составляет первую библиографию изданий библиотеки и, главное, принимает самое активное участие в ее аукционах. Весьма слабо финансируемая правительством, библиотека вынуждена была время от времени устраивать распродажу дублетов, зачастую весьма ценных. Устраивать такие книжные аукционы было не просто, и вот Геннади явился одним из пропагандистов в печати и активных участников этих распродаж. Не раз случалось так, что он приобретал какое-нибудь ценное издание, а затем дарил его Публичной библиотеке. Его статьи и заметки информационного характера об этих аукционах помещали на своих страницах многие периодические издания, особенно широко обращавшиеся в публике "Санктпетербургские ведомости".

В благодарность за эту поддержку Корф и ввел молодого человека в круг "стариков" – сорокалетних, таких как С.Д.Полторацкий. Между старшими библиофилами и начинающим сотоварищем сразу начался оживленный обмен редкими изданиями, сведениями историко-книжного характера, просьбами с одной стороны и советами с другой. Впрочем, надо отметить, что Геннади очень быстро стал "на равных" с прославленными "мэтрами" отечественного библиофильства. Те не могли не оценить рвения неопита. "Я не играю в карты, – пишет 27-летний Геннади Полторацкому, – а при продаже книг испытываю сильные ощущения, как картежник"⁷. К тридцати годам Григорий Николаевич Геннади становится уже известным библиографом и библиофилом.

Необычайно разрастается отдел библиотеки, посвященный библиографии на всех языках (Геннади, кроме трех "обязательных" европейских языков, свободно владел еще и итальянским). В своих "Заметках на память" он все время записывает названия приобретенных каталогов: "В последнее время отдел библиографии в моей библиотеке обогатился, и я не могу не выразить здесь моего удовольствия"⁸. После этого следует перечисление купленных изданий. Тут и зарубежные – труды Пенью, Нодье; тут и отечественные – каталоги Демидова, Разумовского и много других. Постепенно Геннади становится крупнейшим знатоком библиографических указателей, особенно отечественных, и решается на издание полного их списка.

И вот в 1858 году выходит труд 32-летнего библиографа и библиофила, переживший и его самого и его эпоху, – "Литература русской библиографии. Описание библиографических книг и статей, изданных в России. Составил Григорий Геннади". Эта работа почти полностью была составлена по фондам его личного собрания, с проверкой по библиотекам Полторацкого и Публичной. Небольшое дополнение к этому труду сделал С.А.Соболевский. Оно помещено в конце издания. Книга Геннади сразу стала настольной для библиографов и библиофилов и ныне еще не снята с полок справочных отделов больших библиотек. В настоящем очерке нет возможности остановиться подробно на достоинствах этого труда, и автор отсылает читателя к своей книге о Геннади⁹. Отметим

лишь одну особенность этой работы: здесь впервые опубликована библиография библиофильства в России. Раздел, именуемый "Библиотеки частных лиц", дает первые в русской печати систематизированные сведения по этому вопросу. Есть в книге также разделы "Библиофилия и библиомания" и "Описания редких и старинных книг" — все то, чем живо интересовался как сам автор, так и его читатели-книжники. Богатые сведения о библиотеках частных лиц содержит и другая работа Геннади, изданная немного позже, — "Указатель библиотек в России" (ЖМНП, 1864, имеется отдельный оттиск), — также не утерявшая до сих пор справочного значения. Эта работа тут же была перепечатана в Германии, на страницах весьма популярного среди европейских книжников журнала Юлиуса Петцольда "Neuer Anzeiger für Bibliographie von Petzold"* (Dresden, 1864, № 8), и вызвала большой интерес у зарубежных библиофилов.

Геннади, таким образом, явился зачинателем библиографии библиофильства, и это одно дает ему почетное место в истории отечественного книгособирательства. Для составления указателей нужен был громадный предварительный труд, выразившийся прежде всего в просмотре сотен номеров газет (в том числе провинциальных) и журналов. В архиве Геннади (ГПБ) хранятся многочисленные папки с подготовительными материалами к этим трудам.

В этом вопросе, как и в многих других, Геннади двигался в русле общих для русских деятелей книги интересов. Например, в архиве С.Д.Полторацкого именно в эти годы копился материал по истории библиотек в России и их современному состоянию, также в основном из вырезок журнально-газетного происхождения. Но Полторацкий лишь копил, а молодой его собрат собрал, систематизировал и издал нужный справочник. Очень возможно, что он использовал и материалы, собранные Полторацким. Здесь же, в одной из папок архива Полторацкого, хранится экземпляр "Указателя библиотек в России" с дарственной надписью Г.Н.Геннади.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в библиотеке Геннади был весьма богатый раздел, посвященный вопросам библиографии и библиофилии. С.А.Соболевский и рецензенты, откликнувшиеся на выход в свет "Литературы русской библиографии", смогли добавить к ней весьма немного. Отдел библиографии в собрании Геннади содержал и уникальные издания. Так, из писем к нему П.А.Ефремова мы узнаем, что Геннади имел у себя редчайший "Опыт исторического словаря о российских писателях" Н.И.Новикова, которого не было и у Ефремова. На все просьбы последнего об обмене этого издания на любое, самое редкое, Геннади отвечал отказом, но он одолжил эту книгу Ефремову, когда тот задумал переиздать этот первый в России библиографический словарь¹⁰. Вошел он в состав ефремовских "Материалов для истории русской литературы" (1867). Ныне мы пользуемся именно этим переизданием, — первоизданий почти не осталось, да и геннадиевский экземпляр сгнил вместе со всей его библиотекой.

* Новый указатель по библиографии Петцольда. Дрезден, 1864, № 8.

Есть еще один раздел собрания Геннади, который можно также умозрительно реконструировать. Это — коллекция альманахов и литературно-научных сборников. Среди современных ему библиофилов была сильно распространена "мода" на соби́рание именно этих изданий. Великолепной коллекцией альманахов располагал Е.И.Якушкин. Старинные сборники собирал А.Н.Неустроев. Прекрасно представлены эти издания в библиотеке М.Н.Лонгинова. Не отставал от них и Геннади. Обстоятельства сложились так, что мы можем совершенно точно восстановить этот раздел его книжного собрания.

В Рукописном отделе Публичной библиотеки хранится неопубликованная работа Геннади, которая носит название: "Библиография русских альманахов и литературных сборников. Составил Григорий Геннади (по экземплярам своей библиотеки). 1870-е гг.". Это — большая работа, писанная рукой Геннади. В ней — 212 листов, на которых подробно описаны 122 альманаха и сборника литературного характера, вышедших в 1796—1867 годах. Автор приводит не просто заглавия — он дает полную роспись содержания каждого альманаха и сборника. Все описания сопровождаются аннотациями, как правило, отражающими историю создания того или иного альманаха.

Особенно подробно проаннотированы издания XIX века, причем в ряде случаев приводятся сведения, которые нельзя было почерпнуть из печатных источников (о цензурных вымарках издания, об отдельных вырезанных цензурой листах, иллюстрациях и т.п.). К этому в высшей степени ценному библиографически-библиофильскому исследованию примыкают хранящиеся также в архиве Геннади неоконченные работы: "Альманахи детские" (аннотированный список 10 книжек) и "Сборники ученых статей. Библиография. 1860—1870-е гг.". Это — также аннотированный список 24 сборников различного содержания, вышедших в свет в 1845—1860 годы. Весьма показательно для интересов Геннади, что в этом списке указан "Исторический сборник Вольной русской типографии", изданный Герценом в 1859 году (также с подробной росписью статей). К предыдущему списку примыкает еще один: "Сборники учено-литературные. Библиография. 1860—1870-е гг.". Это — аннотированный указатель 21 сборника смешанного содержания, изданного в разные годы ¹¹.

Таким образом, Геннади собрал, изучил и подробно описал 274 издания типа "альманах" и "сборник". Сам он, очевидно, не считал эту работу завершенной и поэтому ее не издал, что весьма жаль, ибо она сильно облегчила бы (а отчасти и заменила) последующие труды в этой области.

Из писем Геннади мы узнаем множество конкретных сведений о покупках как старых, так и новейших книг. Они дают общее представление об его вкусах и пристрастиях. В области старой книги он — как все его современники — рад покупкам редкостей, но никогда не ставит их во главу угла собирательства и не делает самоцелью. Современную же литературу он покупает почти всю, ибо в средствах не ограничен, да и читает свободно на четырех языках. Есть у него, конечно, и просто редкие книги, не имеющие внутренних достоинств, но у какого собирателя их не было? Так, например, он сообщает Полторацкому, что у него есть

”разряд потешных книжиц”, но это – просто библиофильские игрушки. Он решительно осуждает тех, кто собирает все старое без разбора. Описывая Полторацкому библиотеку такого собирателя – некоего Шишкина – Геннади пишет: ”...он решительно библиофаф”¹². С добродушной усмешкой он повествует: ”У нас гостит живописец Майков с сыном (не поэтом, а студентом), который тоже библиографствует. – Нынче все б<иблиограф>ствуют, и мы с вами решительно современные люди, а Лонгинов просто лев, chicard”¹³. Просим читателя вспомнить, что слова ”библиограф” и ”библиофил” в те годы зачастую употреблялись как синонимы.

В одном из писем 1856 года Геннади сообщает Полторацкому, что занят составлением каталога своей библиотеки¹⁴. Как жаль, что он не дошел до нас. Да и был ли он окончен? Каталогов своих собраний не имели многие выдающиеся библиофилы того времени: Ефремов, Якушкин и др.

Перед нами отчетливо вырисовывается фигура библиофила того времени, очень похожего по своим интересам и устремлениям на других виднейших книгособирателей второй половины XIX века. Геннади отличался от них разве только тем, что не был стеснен в средствах. Во всем же остальном – это такой же культурный и разборчивый собиратель, как Полторацкий, Ефремов, Полуденский и подобные им деятели на ниве российского просвещения. Как и они, он не просто собирал, но, и усердно изучал русскую книжную старину. К нему обращались с вопросами, касающимися отечественной литературы, даже такие знатоки, как П.А.Ефремов¹⁵. Он был, как читатель уже знает, и зачинателем библиографии библиофильства, собирателем и публикатором сведений о частных библиотеках в России.

Но этим не исчерпываются заслуги Г.Н.Геннади перед русским библиофильством. Он сделал еще одно очень важное дело: выступил как теоретик библиофилии. Его очерк ”О редких книгах, в особенности русских”, напечатанный сначала отдельно, а затем, в значительно переработанном виде, предпосланный его знаменитой книге ”Русские книжные редкости”¹⁶, был, строго говоря, первой в России серьезной работой, посвященной проблемам книгособирательства. Мы не будем пересказывать ее подробно: читатель найдет ее в этой книге. Здесь же отметим главное: стремление Геннади дать классификацию не только редких книг, но, что еще важнее, самих собирателей.

В те годы библиографическая и библиофильская терминология находилась еще в совершенно младенческом состоянии. Еще не ощущалось принципиальной разницы между понятиями ”библиофил” и ”библиоман”. Как пример последнего, укажем на то, что даже просвещеннейшие библиофилы, составившие редакцию ”Библиографических записок”, в объявлении об издании вместо слова ”библиофил” написали ”библиоман”, считая его синонимом первого. Хорошо, что нашелся цензор (Бекетов), уже чувствовавший разницу между этими понятиями и исправивший слово (об этом с удовольствием сообщает Полторацкому тот же Геннади)¹⁷. Эта зыбкость терминологии вносила известную путаницу и в сами понятия. С нею надо было как-то разобраться и навести порядок. За это и взялся Геннади. В его исследовании четко проводится

грань между "просвещенным библиофилом", чудачком библиоманом с его странностями и прихотями и "книжным кощею" — библиотафом. Он писал и о том, что создание крупных личных библиотек зачастую имеет в виду "интересы науки", что "искатели и собиратели редких книг руководятся часто прекрасною целью и передают другим пользу и удовольствие, которые извлекают сами из своих библиотек", что ими бываем обязаны "сохранением исчезающих из обращения произведений печати". Все это, на фоне тех насмешек, которыми подвергалось библиофильство со стороны немалого числа журналистов, выразивших обывательское мнение, было очень важно.

В очерке Геннади дана и классификация самих редких книг. Это также интересно, хотя и не бесспорно. Но еще важнее то, что Геннади отказывает в уважении и звании настоящего библиофила тем, кто гонится только за сверхредкостями, иногда и поддельными, ибо библиоманы редко бывают сведущими людьми. "Приятно библиофилу иметь хорошее тиснение станков эльзевировых", — пишет Геннади, — но страна и мелочна ревность людей, питающих особенное уважение к каждой пустой и даже дурно напечатанной книжонке, лишь бы на заглавном листе ее был выставлен знак, иногда поддельный, типографии одного из Эльзевиров"¹⁸. Вся эта работа Геннади, несмотря на то, что нас отделяет от нее более столетия, и теперь читается с интересом; в свое же время и она, и особенно следующая за ней библиография редких книг стали сразу настольными для нескольких поколений отечественных книгособирателей.

Здесь приспело время рассказать об одной околонуточной легенде, связанной с репутацией Геннади и — отчасти — с его книгой, о которой только что шла речь. Существовало (и до сих пор продолжает бытовать) мнение, что во второй половине XIX века в России было два типа книгособирателей: "геннадиевского" и "ефремовского" толка. Кто был творцом этой легенды, когда и по какому поводу она была впервые сформулирована, — теперь уже не установить. Суть ее была в том, что библиофилы "геннадиевского" толка были всеядными приобретателями редкостей, не имевшими представления о внутренней ценности книг; последователи же Ефремова вообще отвергали увлечение раритетами и собирали книги только согласно их содержанию. Один из видных советских книгособирателей — Н.П.Смирнов-Сокольский подметил связь этой легенды с работой Геннади "Русские книжные редкости", в которой действительно были описаны редкие книги весьма различного внутреннего достоинства. Он писал: "Собственно, если проанализировать его работу серьезно, вина Геннади может быть и не столь велика, но он, что называется, "попал в анекдот", и с тех пор людей, занимающихся бессмысленным накоплением каких попало "редких" книг, стали звать "геннадиевцами" или "собирателями редкостей", намекая этим на безграмотность таких библиоманов. В противовес "геннадиевцам" существовали собиратели "ефремовского" толка, по имени другого библиофила и книголюбца — П.А.Ефремова <...>. Разумеется, точные "границы предмета" наметить трудно во всем, и нередко "ефремовцы" (да и сам Ефремов) тряслись над какой-нибудь чепухой, а "геннадиевцы" ловили чудесные книги, на которые "ефремовцы" не обращали внимания"¹⁹.

Все правильно, но этого, как говорится, недостаточно. Ведь дело не в том, кто что "ловил", — тут вопрос удачи, а дело в принципиальных установках. И Ефремов, и Геннади отдали дань увлечению старой русской книгой. Нельзя назвать ни одного видного библиофила (кроме разве Е.И.Якушкина), который не отдал бы дань этому увлечению. Но это не имеет ничего общего с безграмотным приобретательством одних "редкостей". Читатель уже видел в главе о Ефремове, что тот не только имел множество редких книг, но и переиздавал на радость библиофилам некоторые из них, притом зеведомо не имевшие никаких внутренних достоинств (как "Приключение Густава"), о чем сам Ефремов заявлял печатно. Геннади тоже имел полку "потешных книжиц", которые он оценивал по достоинству, т.е. как "бирюльки". Его библиотека отличалась высокими достоинствами — недаром такой прожженный делец, как Фельтен, купил ее у вдовы, не глядя, не глядя. Знал, что покупает. Это знала и вся библиофильская Россия.

Но не успел Геннади умереть, как родилась эта легенда, оскорбляющая его память. В чем же дело? А "вина" его, как верно подметил Смирнов-Сокольский, в издании работы "Русские книжные редкости". Почему же так подвела Геннади эта книга, ставшая сразу настольной для множества библиофилов, увлекавшихся именно отечественной книгой, и вместе с тем сгубившая репутацию Геннади? Откроем ее, читатель. Вначале, как уже говорилось, идет очерк "О редких книгах, в особенности русских" (до него имеется краткое предисловие, но на нем мы останавливаться пока не будем). За ним идет собственно список русских редких книг числом 248, причем каждая запись сопровождается более или менее подробной аннотацией. Действительно, здесь книги весьма различного достоинства — от "Похождения Ивана Гостиного сына" до "Путешествия из Петербурга в Москву". Но, включенные в один ряд по признаку редкости, они охарактеризованы в аннотациях как раз по их внутреннему достоинству. Так, о первой из этих книг Геннади пишет: "Книга очень редка, я долго искал ее. Напечатана дурно, в неизвестной типографии, писана безграмотно, несладким грубым слогом, смесью искусственных переводных выражений с простонародными оборотами, но, вероятно, по разнообразному содержанию и сказочному интересу имела много читателей, а потому стала так редка"²⁰. Да ведь это целое (хоть и маленькое) библиофильское исследование! А вот как охарактеризована знаменитая "Мешенина", предмет исканий книгособирателей:

"Издатель этой безграмотной галиматши говорит о себе, что он иностранец <...> без сомнения по недостатку подписчиков вышло только два номера <...> поэтому журналец чрезвычайно редок" (с. 50). А вот отзывы о книгах совсем иного рода: "Труть" — "это один из лучших сатирических листков того времени" (с. 43). Рассказано обо всех переизданиях "Путешествия из Петербурга в Москву" (лондонском и ефремовском), о цензурных мытарствах "Вадима Новгородского" Я.Б.Княжни-на, причем в обоих случаях указано, в каких частных библиотеках имеются эти редкости. О запрещенном цензурою "Европейце" Киреевского сказано: "Это замечательный журнал, которого название служило ему знаменем и который вышел представителем европеизма в Москве, стоял тогда особняком в нашей литературе и при серьезности направления

мог бы достойно заменить упавший уже тогда Московский телеграф Полевого” (с. 102–103).

Вся книга — целый цикл, каскад библиофильских сведений, раздумий, изучений. Так в чем же дело? А в том, что как раз в это время (1870-е гг.) на библиофильскую арену победоносно вышел российский купец — богатый, не очень грамотный и, как полагается выскочке, весьма амбициозный. Такая книга была для него просто неocenимой: надо было собрать все, что в ней указано, — в этом был своего рода библиофильский шик. И вот началась погоня за всем указанным в этой книге, независимо от достоинства издания.

А ведь Геннади преследовал совсем иную цель. Вот что писал он в предисловии: “Полагая угодить русским библиофилам и библиотекарям указаниями о русских редких книгах, я составил предлагаемый список. Вместе с тем этим списком вносятся в русскую библиографию сведения о многих книгах малоизвестных, частью вовсе не указанных в наших каталогах”. То есть книга предназначалась для справок, а вовсе не в качестве рекомендательного пособия для начинающих библиофилов. Заметим, к слову говоря, что подобные издания имеются на многих европейских языках и авторов их никто не обвиняет в пристрастии к собирательству “редкостей”. Это — нужные справочники, и только. Так что в возникновении “геннадиевцев” (которые, впрочем, совершенно не характерны для русского собирательства и являются в нем скорее фигурами анекдотическими) Григорий Николаевич Геннади отнюдь не повинен. Сам он “геннадиевцем”, конечно, не был. В этой истории есть еще один оттенок: желание во что бы то ни стало “приподнять” П.А.Ефремова (человека более прогрессивных убеждений) еще и как библиофила. Это весьма характерно и не ново. Но Геннади при этом пострадал безвинно. И пора (давно пора!) не станем историческую справедливость.

Как раз во время выхода этой замечательной (и — злосчастной одновременно) книги Геннади был в апогее известности. Он возглавлял “дуровские среды” — регулярные собрания библиофилов, на которых происходил оживленный обмен мнениями и находками, делались всевозможные доклады и сообщения, — где была ключом русская библиофильская жизнь. Нет сомнения, что в этой среде такая книга была встречена с одобрением, как необходимый справочник для всех, интересующихся старой отечественной книгой; была эта книга и в личной библиотеке Н.А.Некрасова, который не приобретал ненужных книг²¹.

В альбоме М.И.Семевского, хорошо известном историкам России, есть три автобиографические записи, сделанные рукою Геннади в разные годы. Последняя из них, сделанная незадолго до ранней смерти библиофила, такова: “Геннади, Григорий Николаевич, бывший библиофил, ныне библиограф и собиратель портретов <...> Печатал разные библиографические статьишки и указатели, известные более или менее Мих<аилу> Иван<овичу> Семевскому, и мечтает окончить допечатанный до половины словарь (справочный) о русских писателях и ученых”²². Запись датирована ноябрем 1879 года. Григорию Николаевичу оставалось жить четыре месяца.

Г.Н.Геннади чрезвычайно серьезно относился к званию библиофила, что ясно видно уже из этой записи, пусть и несколько шутливой.

Поскольку, всецело занятый своим фундаментальным словарем, он на некоторое время снизил библиофильскую активность и не выступал в печати со статьями и заметками о старой книге, он уже не именовал себя библиофилом.

Г.Н.Геннади был очень плодовитым библиофильским писателем. В этом отношении его можно сравнить разве только с М.П.Полуденским и М.Н.Лонгиновым. Перу Геннади принадлежат десятки заметок, посвященных редким книгам, книжным аукционам, личным собраниям библиофилов, жизнеописаниям книжников. Громадный массив биографических сведений о русских собирателях и литературы о них содержит его "Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях". Следуя новиковской традиции, он включил в этот справочник сведения обо всех видных отечественных собирателях (разумеется, если о них существовали печатные сведения), независимо от того, выступали ли они сами в печати. Библиофил приравнивался к деятелю культуры, а таковым было отведено почетное место в словаре.

Некоторые, наиболее интересные образцы библиофильских сочинений Геннади читатель найдет в этой книге. Полный список его сочинений помещен в книге У.Г.Иваска "Григорий Николаевич Геннади (Обзор жизни и трудов)" (М., 1913).

Судьба библиотеки Геннади плачевна. Он умер внезапно, приехав в Петербург на короткое время из Дрездена, где жил в последние годы. Стоял сырой петербургский февраль, а франтоватый Геннади был в легком заграничном пальто. Он простудился, заболел воспалением легких и умер на 54-м году жизни, умер в гостиничном номере отеля "Виктория" на Большой Конюшенной, не имея около себя ни одного близкого человека.

Остатки вдова, жившая в Германии. Эта женщина настолько не подходила красивому, жизнерадостному, пылкому Григорию Николаевичу, что женитьба его вызвала град насмешек и эпиграммы Соболевского, не воспроизводимые по своей нецензурности. А польстился бедняга Геннади на княжеский титул засидевшейся девицы Куракиной. Будучи сам дворянином лишь в третьем поколении, он, очевидно, желал своим детям оставить аристократическую родню. Но детей не было, семейная жизнь сложилась неудачно. Как только Геннади похоронили на Новодевичьем кладбище Петербурга, так вдова начала распродавать его имущество. Сам библиофил собирался подарить Москве свое собрание портретов, это было широко известно, он не раз говорил об этом, собрание даже хранилось одно время в Чертковской библиотеке в Москве и было доступно обозрению, но завещания Геннади не оставил и все перешло к вдове. Картины она продала вместе с книгами. Все это взял, не раздумывая и не глядя, петербургский антиквар Фельтен. Книг было более 15 тысяч (из них более 7 тысяч — русские). Все было продано в розницу, причем книгопродавец гарантировал вдове чистых 8 тысяч. Сколько на этом заработал он сам — неизвестно. Ведь в библиотеке были книги поистине драгоценные.

Собрание гравированных портретов состояло из 6 тысяч листов. Купил его тот же Фельтен, не глядя, ибо симпатичная вдова ему этого не позволила. "Не думая долго, — писал Фельтен Иваску, — я купил собрание,

не рассматривая его дома (т.е. в Дрездене у вдовы). Одно имя Геннади и уважение к его трудам было для меня достаточно"²³. Это еще одно доказательство, как высоко ценили Геннади-собирателя его современники, и не только собратья по библиофильству, но и люди, причастные к книжной торговле и вовсе лишенные сентиментальности. И хотя библиотека Геннади не сохранилась, он оставил нам труды, значительная часть которых была составлена по его личному собранию. Таковы и "Литература русской библиографии", и "Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях", и библиографический справочник "Les écrivains franco-russes"¹, отразивший труды отечественных авторов, писавших по-французски, и неопубликованная работа о русских альманахах, о которой мы рассказали читателю. Таким образом, можно считать, что собирательская деятельность Геннади не пропала даром: его библиографическими работами еще и сегодня пользуются слависты всего мира.

Г.Н.Геннади. ИЗБРАННОЕ

О РЕДКИХ КНИГАХ, В ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ

Собственно редкою книгою можно назвать всякую книгу, которую трудно добыть, но это определение, очевидно, слишком обширно. Надо ближе определить значение редкости книг и войти в некоторые подробности. Иначе пришлось бы считать редкими большую часть книг, особенно русских, потому что, вследствие недостаточного развития нашей книжной торговли, трудно иногда найти книгу очень не редкую, которая, может быть, лежит где-нибудь в значительном количестве экземпляров. Случается, что не достанешь в Москве и Петербурге книгу, напечатанную в провинции и на месте не имеющую сбыта. Наконец, у нас иногда не знаешь, к кому обратиться за книгою, которая не очень известна, потому что у нас не значатся на самих книгах имена издателей их, как это водится в других странах Европы.

Чрезвычайно разнообразны стремления, желания, мнения и вкусы людей, ищущих и собирающих книги, занимающихся этим делом ревностно, с любовью, с терпением и иногда посвящающих этому всю свою жизнь, всю свою деятельность. Разобрать пружины, действия, виды страсти к книгам — задача для моралиста. Страсть эта в проявлениях своих чрезвычайно разнообразна и доводит человека скорее, чем другие страсти, до крайностей странных и смешных. Это, кажется, происходит оттого, что эта страсть тихая, так сказать, глеющая в душе человека. Она может иметь источником самые благородные, высокие стремления и, с другой стороны, самые мелочные, даже низкие побуждения. Существуют, например, библиофафы (буквально: зарыватели книг), люди, которые собирают книги только для того, чтобы укрывать их, как в кошель прячут деньги. Они забывают цель книги и пользу ее и видят в ней лишь вещь, с трудом добытую и ценную, которую надо тщательно оберегать от чужого глаза и всякого посягательства на нее. Но независимо

¹ Русско-французские писатели.

от духовных стремлений, оживляющих разборчивого и сведущего библиофила, от причудливых, иногда странных желаний и прихотей, увлекающих библиомана, и низких побуждений книжного кощея, вероятно, в душе человека есть более глубокое основание книголюбия. Это основание должно искать как в потребности духовной пищи и умственных нуждах, так и в общем всем людям стремлении к приобретению и обладанию, в наслаждении чувством собственности, прирожденном человеку. От этого библиофил желает не только пользоваться книгою, но и приобрести ее. От этого же проистекает страсть к редким книгам: собирателю таких книг приятна мысль, что книжная редкость принадлежит именно ему и очень мало и даже совсем нет таких же избранников, как он. И он благословляет случай, доставивший ему драгоценную книгу, он уважает и любит ее, украшает переплетом и только скрепя сердце расстается с нею. На книжных аукционах можно заметить, что книги, неважные по содержанию, неизвестных авторов, незначимые в летописях литературы или примечательные по каким-либо внешним особенностям, привлекают многих и присуждаются за большие суммы. Книга пустая может иногда быть редка и потому делается ценною. В таких случаях уже забывается значение, смысл и цель книги: это просто редкая или изящная вещь, которой любители, а иногда мода, придали особую ценность.

Эта жажда приобретения книг и гонка за экземплярами, которые трудно добыть, имеет иногда побуждением не одну только исключительную библиоманию, а интересы науки. Есть собиратели, образующие библиотеки по каким-либо отраслям знания, или ученые-специалисты, которым дорого иметь известный разряд сочинений, и если какой-либо книги, иногда и неважной, недостает в их собрании, они способны отыскивать ее с ревностью рылного библиомана, чтобы пополнить свое собрание. Эти специалисты своими исканиями также увеличивают ценность некоторых сочинений. Требования на известные сочинения или целые разряды каких-либо книг могут возникнуть вдруг и придать значение забытым книгам. Так, например, при составлении отделения иноязычных книг о России (Rossica) в Императорской Публичной библиотеке, по мысли графа М.А.Корфа, в Германии стали отыскивать требуемые книги и они вследствие того вздорожали и явились особые антикварные каталоги, в которых отмечались изъятые из торговли и трудно находимые сочинения о России.

Самая редкость книги должна бы, казалось, ручаться за ее достоинство, потому что, если книга разошлась и не находится более в книжной торговле, это значит, что она полезна или нравится и, во всяком случае, читается, поэтому она, казалось бы, достойна внимания и заслуживает место в библиотеке. Но общеизвестность сочинения, точно так же как его редкость, не указывает еще на его внутреннее достоинство. Есть, разумеется, много редких и даже очень дорогих книг, но вместе с тем ничтожных или по крайней мере малозначущих и нелюбопытных, потому что, собственно говоря, нет совершенно ничтожных книг. Надо согласиться с Плинием Старшим, сказавшим, что нет такой дрянной книги, в которой не было бы чего-нибудь годного. С мнением Плиния согласны все буквинисты: они не брезгают никаким книжным хламом, будучи уверены, что всякая книжка найдет своего покупателя. Это мне случа-

лось не раз слышать от них, когда, бывало, удивляешься множеству из рук вон плохих, разрозненных и изуродованных книг, валяющихся на лотках их.

Положим, что очень часто трудно добываемые и усердно искомые книги не важны и приобретаются только редкости ради, а хорошие сочинения часто перепечатываются и, стало быть, не редки. Но из этого нельзя еще вывести, что исключительно редкие книги не стоят внимания, что пристрастие к ним мелочно и бесплодно и что библиотеки заслуживают одной только насмешки и даже осуждения. Смотря по причине, обуславливающей редкость книги, и иногда по степени этой редкости, можно делать отчасти заключение о значении и достоинстве книги. Наконец, искатели и собиратели редких книг руководятся часто прекрасною целью и передают другим пользу и удовольствие, которые извлекают сами из своих библиотек. Им также часто мы обязаны сохранением исчезающих из обращения произведений печати, которые, с течением времени и развитием литературы, получают цену. Только таким любителям, как, например, Хлебников, обязаны мы сохранением русских ведомостей времен Петра I и разных листков, истребляемых как ненужные и только теперь, при возбуждении исторической любознательности, получивших значение материала истории.

Но какие же книги редки и почему они делаются редкими? Об этом писали многие библиографы, особенно составители каталогов редких и любопытных книг, например у французов Клеман, Пеньо, Барбье, Брюне, у англичан Дейбдин, у немцев Эберт, Грессе и другие.

Обыкновенно разделяют книги на редкие, очень редкие и чрезвычайно редкие. Но это определение слишком неопределительно и произвольно.

Гораздо лучше делить редкие книги на безусловно-редкие и условно-редкие. При известных признаках и сведениях можно почти всегда отнести книгу к тому или другому разделу и тем самым уже определить степень ее редкости.

К безусловно-редким книгам принадлежат, во-первых, печатанные в малом числе оттисков. Сюда относится большая часть инкунабулов, т.е. первопечатных, или, в буквальном значении, колыбельных книг, вышедших из-под станков первых книгопечатников 15 столетия. В начале введения книгопечатания книги продавались за рукописи и выходили в небольшом числе экземпляров. Инкунабулами называются книги, печатанные в 15 столетии, и они вообще редки, а особенно редки изданные до 1470 года, потому что после этого, по распространении книгопечатания, книги издавались в большем количестве оттисков. Первые издания, вышедшие из майнцских заведений Гутенберга, Фауста и Шефера, сохранившиеся доселе, известны все наперечет. У нас первопечатными книгами можно считать или печатанные в славянских землях, в Кракове, Львове, Вильне в 15 столетии, или в Москве в 16 столетии. Старопечатными у нас вообще называют книги, печатанные до 1700 года церковным шрифтом, и обыкновенно присоединяют к ним книги времен Петра Великого, печатанные частью церковными, частью гражданскими буквами. Они вообще редки, однако в различной степени. Благодаря трудам Сопикова, Строева, Кеппена, Снегирева, Сахарова, Ундольского, Кастери-

на, Каратаева, Бычкова, Пекарского и других библиография этих изданий довольно разработана, хотя еще нет общего, окончательного труда по этой части. После старопечатных и петровских изданий довольно редки вообще вышедшие в ц<арствование> Екатерины I и Анны Иоанновны и особенно в ц<арствовании> Иоанна Антоновича.

Не только инкунабулы, но и позднейшие первенцы разных типографий, вскоре после открытия книгопечатания, можно считать редкими, потому что они, как первые опыты, немногочисленны и как предметы любопытства ревностно собираются. Англичане дорогою ценою добывают издания первого английского типографа Какстона. У нас ценятся первые книги, печатанные в некоторых славянских городах, в Москве и в так называемых "кочевых типографиях". Примечательна первая книга, напечатанная гражданским шрифтом: это "Геометрия славенски землемерие и—здается новотипографским тиснением" (М., 1708, с чертежами)* или первая книга, изданная в Новороссийском крае: "Канон вопиющая во грехах души" (Кременчуг, 1791, в 12 д<олю> л<иста>)**.

Трудно найти теперь книги, печатанные на русском языке в Амстердаме, по приказанию Петра Великого.

Как старопечатные, так есть и новые книги, печатанные в малом числе экземпляров. Причины этому разные, и часто одна прихоть какого-нибудь автора, который нарочно желает придать редкость своему произведению. Есть общества библиофилов, печатающие свои издания соответственно числу членов общества, всегда почти небольшого. Часто печатающие что-либо для своих частных целей ограничивают число оттисков. Один из известнейших библиофилов, Дейбдин***, издавал свои сочинения в малом числе. Так как эти сочинения весьма любопытны, важны для библиографии и изданы великолепно, то цена их постепенно возвышалась и теперь они очень дороги.

Иногда печатают книгу только для раздачи нескольким лицам, в определенном, нумерованном числе экземпляров. Наконец, есть книги, печатанные в одном экземпляре, и таким образом они могут быть большою редкостью, чем иная рукопись, существующая иногда во многих списках. Покойный А.В.Висковатов, известный военный писатель, говорил мне, что некоторые его сочинения по военной истории печатались в самом ограниченном числе экземпляров, по назначению императора Николая Павловича и даже не находились в библиотеке Висковатова. Для правительственных лиц печатаются иногда в весьма ограниченном числе некоторые официальные записки, дела и проч. Так напечатаны были в небольшом числе исследования Надеждина и доклад В.Даля о скопцах, постановления по расколу, письма Самарина о Риге, несколько книг о цензуре и т.п., частью указанных в прилагаемом списке. В 1868 году

* Прежде полагали, что первая книга, напечатанная при Петре Великом новым гражданским шрифтом, был письмовник под заглавием: Приклады како пишутся комплементы, пер. с нем. М., 1708. Но по указанию г. Бычкова в Отчете Имп. Публ<ичной> Библиотеки, 1854, стр. 18, Геометрия вышла месяцем раньше Прикладов.

** См. в Записках Одесского общества ист<ории> и др<евностей> статью Мурзакевича "Начало книгопечатания в Новороссийском крае".

*** Он издал: "The bibliomania". London, 1809, 8° — (Библиомания. Лондон. — англ.).

напечатана в небольшом количестве брошюра: Для немногих. Пять месяцев на Воляни. Острожская летопись 1867. Спб., 8°, где пожелавший остаться неизвестным автор рассказывает действия благотворительного братства. К юбилею бывшего г. директора Императорской Публичной библиотеки графа М.А.Корфа от библиотеки была ему поднесена книга, с поздравлениями на разных языках, отпечатанная в двух экземплярах. Граф А.Ростопчин напечатал в Брюсселе мало кому известное издание сочинений и переписку своего отца, известного писателя графа Ростопчина, в количестве, кажется, 10 или 25 экземпляров и также в весьма малом количестве издал, или, вернее роздал, каталог своей библиотеки под заглавием *Gensiskhana* (Bruxelles, 1862). К этим указаниям на книги, печатанные русскими на иностранных языках, в небольшом числе экземпляров и не для продажи, можно бы прибавить еще многие; но, предполагая составить им особый список, оставляем это покуда. Некоторые из таких книг вовсе неизвестны европейским библиографам и нигде не указаны.

Книги, не поступавшие в книжную торговлю и печатанные авторами для раздачи друзьям, знакомым, в известные библиотеки и т.п., могут приобретаться только случаем или на аукционах. Не приводя многочисленных примеров из иностранных литератур, мы назовем здесь только графа И.Потоцкого, Сестренцевича-Богуша, бывшего митрополита римско-католических церквей в России, графа С.С.Уварова, графа Де-Бре, Оленина и из новейших русских литераторов князя М.А.Оболенского, А.Д.Черткова, графа А.Ростопчина и К.М.Бороздина, издавшего родословия некоторых русских дворянских родов. Все они не обращали своих сочинений в продажу, и некоторые из них печатались в весьма ограниченном числе экземпляров. Жуковский издал в 1818 году свои стихотворения: "Для немногих" (*Für wenige*), и эти книжки не внесены даже в каталоги.

Мне случилось видеть еще замечательный экземпляр сочинений Жуковского, принадлежавший покойному С.П.Полуденскому, заведовавшему библиотекой Московского университета. Это 4-й том собрания сочинений Жуковского, печатанного в 1848 году в Карлсруэ. Он тиснут в 8 д<олку> л<иста>, с широкими полями и больше и красивее последнего издания, прекрасным шрифтом, на тонкой, светлосиней бумаге. Заглавного листа и конца нет и только по пометкам на страницах видно, что это 4-й том. В нем помещено несколько баллад, мелких стихотворений, "Удлина", "Камознс", "Сельское кладбище", "Бородинская годовщина", "Молитвой нашей" и поэма "Наль и Дамаянти", прерванная на 408 стр. Г. Полуденский получил эту библиографическую редкость от самого поэта, в июле 1848 года, в Эмсе, еще в листах, только что полученных из типографии, где весь завод этого прекрасного издания сгорел по напечатании. У Жуковского были тогда еще два такие же экземпляра и тоже на цветной бумаге. Стало быть, это издание тоже у немногих.

Наряду с этими книгами стоят те, которые с течением времени сделались редкими, вследствие большого требования на них, при невозможности их воспроизведения. Таковы первоначальные издания (*editio princeps*) классиков греческих и латинских, преимущественно вышедшие в 16 столетии и со старинных рукописей. Знаменитые типографы

16 и 17 столетия были большею частью ученые люди и так верно и отчетливо передавали текст древних писателей, что издания их могут часто заменять древние рукописи при чтении, для филологической критики, для сличения и для новых изданий классиков. Иногда, впрочем, первые издания древних писателей не так хороши, как последующие, но они всегда ценны в глазах пристрастного библиофила и потому вообще редки.

Далее редки книги, существующие в ограниченном количестве потому, что все или большая часть издания была истреблена, сожжена* и т.п. Так, например, книга "Musei Imperialis Petropolitani. Vol I et II. Petrop., 1742, 8°"¹, каталог предметов академического собрания, очень редка, потому что все почти издание сгорело в пожар, случившийся в здании Академии в 1747 году. Один первый том этой книги был продан на одном из аукционов Публичной библиотеки за 7 р. сер<ебром>. Такой же участи подверглась любопытная книга о Петербурге (St. Petersburg am Ende seines Jahrhunderts, von Reimers. 2 th. St. Petersburg. 1805, 8°)² и Бекетовское издание "Душеньки" Богдановича. Все издания кратковременного царствования и<мператора> Иоанна Антоновича, книги и указы очень редки, потому что были уничтожаемы в последующее царствование и<мператрицы> Елисаветы Петровны. До 16 актов и брошюр этой эпохи поступили в 1863 году в Имп<ераторскую> Публичную библиотеку в Петербурге (см. отчет за 1863 г., стр. 35 и след.). Потому же редка ода Ломоносова, посвященная Иоанну Антоновичу, и ему же посвященный перевод Волчкова: Балтазара Грациана, Придворный человек, 1740 года.

К числу исчезнувших книг следует также отнести книги, уничтоженные по цензурным или административным распоряжениям, отобранные из книжных лавок или истребленные. Таковы некоторые мистические книги, осужденные как неправославные во время суда над Новиковым**, и таковые же, печатанные в 20-х годах, во время министерства князя А.Н.Голицына, и изъятые из обращения при вступлении в министерство народного просвещения Шишкова. В Исторических сведениях о цензуре (Спб., 1862) упомянуто несколько сочинений, которые были конфискованы. Некоторые из них, вероятно, не находимы нигде, и только названия их остались в делах цензурных архивов. Некоторые запрещенные или истребленные книги не упомянуты даже в "Алфавитном каталоге книгам на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России" (Спб., 1870, 8°, 20 стр.) Большую часть этого списка составляют книги, печатанные за границу, но есть некоторые печатанные в России книги. Так как неизвестно, в каком количестве экземпляров они напечатаны, долго ли были в обращении, наконец, которые из них были истреблены, которые только отобраны, то трудно сказать, должно ли их

* См.: Peignot "Dictionnaire des ouvrages qui ont été brulés, supprimés ets. 2V. Paris, 1806, 8°. (Пенью. Словарь изданий, которые были сожжены, уничтожены и т.п. 2 тома. Париж, 1806, 8°. — фр.)

¹ Петербургский императорский музей. Т. I и II. Петербург, 1742, 8°. (лат.)

² Санктпетербург в конце своего первого столетия, Раймерса, 2 тома. Спб., 1805, 8°. (нем.)

** Они указаны в книге М.Н.Лонгинова о Новикове, а потому в моем списке не помещены.

непрерывно считать редкими потому только, что они запрещены? Однако предполагая, что некоторые из них запрещены вскоре по выходе их и могли быть даже уничтожены и частью не указаны в известных каталогах, а потому редки, я прилагаю здесь заглавия их из упомянутого Алфавитного каталога, не внося их в мой список (См. Приложение).

Иногда авторы, по случаю плохого сбыта своих произведений, сами истребляли их, и сохранившиеся экземпляры стали редкими. Это случилось, например, с книжкой: Ганц Кюхельгартен, идилия в картинах, В.Алова (Н.Гоголя), 1827, 8°, которую автор сжег прежде распродажи ее, после невыгодного отзыва об этом стихотворении в "Московском Телеграфе" (См. Отечественные Записки, 1852, № 4, в статье: "Несколько черт для биографии Н.В.Гоголя").

Наконец, могут быть редкими только некоторые экземпляры распространенной книги или экземпляры и без того уже редких книг, но отличающиеся какими-либо особенностями, что возвышает, разумеется в глазах любителя, ценность книги. Сюда относятся экземпляры, печатанные с особенною роскошью, на пергаменте, шелку, цветной бумаге, особенным шрифтом, с гравюрами первых оттисков, с особенными приложениями. Уважаются издания с широкими полями, на большой бумаге (*sur grand papier*). У нас, например, некоторые экземпляры сочинений Озерова (2 ч., 5-е изд., Спб., 1828, в тип<ографии> М.Глазунова и его иждивением) печатаны на веленовой бумаге, с широкими полями и продавались по 50 р., тогда как простое издание стоило 15 р. ас<игнациями>.

Сюда же принадлежат целые и хорошо сохранившиеся экземпляры книг, которые были изменены, или уменьшены несколькими страницами, или вышли под другим заглавием. В пример приведем известный "Опыт Российской библиографии" Соликова, где в 4 части страница 250-я обыкновенно пустая. Но есть экземпляры без этого пробела, и они редки. Есть "Апостол", печатанный при Лжедмитрии в 1606 году: выходные листы этого издания в царствование Михаила Федоровича были истребляемы, и полные экземпляры очень редки.

До сих пор мы говорили о книгах действительно и безусловно редких; их можно считать такими всегда и везде, хотя в одном месте они легче добываются, чем в другом. Но часто редкость книги бывает относительная и происходит от разных причин, совершенно случайных и временных. Иногда при недостаточных данных даже трудно бывает определить, действительно ли редка книга или только слывет редкою? Это особенно относится к русским библиографам, которым нужно руководствоваться и собственным опытом и познаниями, по скудости наших каталогов и неопределенности сведений, доставляемых книгопродавцами. Поэтому нам кажутся слишком дробными определения, сделанные П.Строевым в его "Каталоге старопечатных книг графа Толстого", где он различает книги редкие, очень редкие, весьма редкие. На каком основании определять книги по этим степеням?

Надобно сказать, что есть сочинения, которых редкость мнимая, прославляемая только по произволу какого-нибудь составителя каталога или по пристрастию слишком ревностного любителя и, наконец, по расчетам книгопродавца. Наконец, бывают подделки книг, и очень искусные,

но, к счастью библиофилов, они редки, потому что трудны. Особенно у нас некому и незачем еще копировать и подделывать библиографические редкости.

Редки относительно сочинения многотомные, большие и ценные. Такие сочинения обыкновенно распределяются по большим библиотекам, и затем их остается немного в обращении. Особенно трудно добывать сборники и обширные издания, вышедшие отдельными частями, печатанными в разных местах и в разное время. Мало частных библиотек, где найдутся *Acta Sanctorum*¹, вышедшие с 1643 года в Антверпене и составляющие 52 большие тома, с многими дополнениями разных авторов, называемых обыкновенно болландистами (от иезуита Болланди, предпринявшего это издание), или *Vry et Merian, Collectiones peregrinationum in Indian*², 60 томов в 24 книгах, в лист, изданные во Франкфурте, в 1590—1634 годах*, или знаменитое описание Египта, составленное при Наполеоне, и т.п. Мы ценим сборники в роде *Sammlung Russische Geschichte*³ Миллера, Бишинга Магазин, Рос<сийскую> Вивлиофику, Туманского: Записки о Петре Великом и некоторые другие. Сорок три тома Российского Феатра можно купить в Академии, но без 39-го тома, — где трагедия Вадим, — который был истреблен и который редко и увидеть удастся. Дороги и иногда с трудом добываются значительные архитектурные сочинения, описания музеев и галерей, роскошные издания с картинами по части естественных наук, палеографии, археологии, путешествий, словари и энциклопедии. Если такие издания остаются любопытными и важными в литературном или научном отношении и не заменяются новыми, более полными и удовлетворительными, то со временем они все становятся ценнее и реже. К такого рода книгам принадлежат, например, Древности Российского Государства, которые со временем, когда все печатные экземпляры разойдутся по рукам, вероятно, возвысятся в цене. Ценность таких дорогих изданий обуславливается еще и тем обстоятельством, что они почти никогда не перепечатываются.

Иногда, однако ж, вследствие особенных обстоятельств, большие и дорогие издания упадают в цене, независимо даже от редкости их. Например, пресловутая энциклопедия Дидерота, наделавшая столько шума, прежде ценилась дорого и составляла необходимую принадлежность каждой сколько-нибудь значительной библиотеки. Теперь же можно иметь ее за границей рублей за 20 сер<ебром> и даже дешевле. Успехи в науках и искусствах умаляют значение некоторых сочинений, прежде весьма уважаемых и заслуживавших великолепного издания. Так, у нас Деяния Петра Великого, собранные Голиковым и которые К.Полевой нашел полезными печатать, теперь находят менее читателей, чем прежде, вследствие развития исторической критики и появления трудов об этой эпохе Устрялова, Соловьева и других исследователей.

¹ Священные акты (*лат.*).

² Бри и Мериан. Коллекция путешествий в Индию (*лат.*).

* Отлично-полный экземпляр этого собрания в московской библиотеке покойного С.А.Соболевского, который ревностно собирал описания путешествий. Библиографические сведения об этом сборнике он сообщил Брюнету, который поместил его в приложении к 1-му тому последнего издания своего.

³ Сборник русских сказок (*нем.*).

Из-под типографских станков выходит множество произведений временных и скоропреходящих, при самом рождении своем обреченных на забвение и истребление. Таковы разные каталоги, списки, случайные стихотворения, объявления, афиши, газеты, мелкие брошюры и т.п. Случается, что они, пощаженные временем, сохраняются долго и тогда попадают в число редкостей и тщательно собираются любителями. Есть множество брошюр, теперь редких, обязанных своим существованием известному случаю, или историческому событию, или лицу, но быстро исчезнувших из области книжной торговли. Вот почему иные охотники до старины, особенно общества библиофилов, которых несколько в Европе, перепечатывают иные из таких книг, особенно если они важны для истории. Но истые библиоманы негодуют на такие перепечатки и из уважения к старине предпочитают старые издания. Скоропреходящие, быстро расходящиеся книги нередко скоро превращаются в библиографические редкости и напрашиваются на вторичные и иногда многократные перепечатки. Такие книги, как Приключения милорда Георга, разные сказки, песенники, календари, хотя печатаются иногда в значительном количестве экземпляров, но быстро расходятся по рукам и исчезают, так сказать, зачитываются, — и иногда остаются только в летописях книговедения по заглавиям, упомянутым в каком-нибудь каталоге или объявлении. Немало, конечно, такого рода книг, нигде не значащихся и совершенно "пропавших без вести" К легко истребляемым произведениям печати принадлежат и некоторые периодические издания, особенно выходившие листками и тетрадями*, и мелкие произведения, которые иногда любопытно бы отыскать, — но где? Так, например, где найти указанные у Сопкива между ежемесячными изданиями: Журнал гитарный на 1810 год, В.Алферова (№ 3790), Журнал для фортепиано на 1811 год, изд. Ф.Нерлиха (№ 3897), Журнал отечественной музыки Д.Кашина, М., 1806 (№ 3800), Журнал карикатур на 1808 год. Спб., 4° (№ 3893). — Московские и Петербургские Ведомости времен Петра Великого до сих пор еще неизвестны в полном составе их издания. Есть также книжные произведения совершенно местные, любопытные и нужные только там, где они изданы и где и расходятся, и поэтому они нелегко добываются в других местах, где, стало быть, редки. Книга, изданная в Рио-де-Жанейро, в Пекине, в Калькутте, даже ближе, в Константинополе, или в Мадриде, может выйти в значительном числе оттисков, но быть редкостью в Петербурге. Даже смело можно причислить сюда из русских

* Так, например, в моей библиотеке находится первая тетрадь неоконченного издания: Живописная Россия, или Историко-статистическая Панорама Государства Российского, составленная при содействии некоторых отечественных литераторов В.Филимоновым. Тетрадь I. Новгород, №1. Спб., Издание книгопродавца А.И.Моргенрота, 1837, 4°, в тип. Гинца, 14 стр. текст, грав. обертки и план. Но нигде не мог я увидеть продолжения этого сборника, вероятно неудавшегося, а потому и редкого; однако вышло несколько тетрадей, кажется три. Программа этого издания в Сыне Отечества, том 158 (1837), с. 78—82. Также я не мог до сих пор отыскать полный экземпляр выходившего тетрадями в лист "Театрального альбома", изд. А.Ч. (Черноглазовым), Спб., 1842, с литогр. портретами артистов петербургских театров и нотами. Экземпляры Имп. Публичной библиотеки и Московского Университета не полны, а в продаже они мне не попадались.

книг сочинения, изданные в Иркутске, Калуге, Вологде и т.п., особенно за несколько лет тому назад, когда деятельность нашей книжной торговли была еще слабее, чем теперь.

К числу условно-редких книг библиографы относят также издания ученых обществ и академий, особенно если они выходят в ограниченном числе, и только раздаются членам, и рассылаются другим обществам; далее каталоги частных библиотек, описания частных музеев, галерей, домов, наконец, книги, печатанные в типографиях частных людей*.

Прежде собиратели библиотек добивались, чтобы собрания их имели по возможности энциклопедический характер и старались иметь все лучшее по всем частям литературы, наук и искусств. Они радовались, когда каталог их представлял лучшие образцы в каждом отделе библиографической системы, по которой каталог расположен. По такому плану были, например, составлены библиотеки графа Бутурлина и графа Разумовского, сгоревшие в Москве в 1812 году**.

Нынешние библиофилы сознают трудность такой задачи, обыкновенно несоизмеримой с средствами частного человека и не соответствующей познаниям и вкусам отдельного лица. Поэтому они больше специалисты и при составлении библиотеки руководятся разными частными и личными целями. Зато теперь размножились библиоманы, ревностно собирающие книги известного рода. Для них иногда главная цель — полнота собрания; эта цель достигается редко, да и то хлопотно и дорого. Удовлетворяя своей охоте, неутомимо преследуя свою цель, любители таким образом придали теперь редкость некоторым книгам, которые прежде нисколько не ценились и были обыкновенны. Во Франции, например, давно господствует страсть к изданиям семейства Эльзевиров, известных голландских типографов 16 и 17 столетий. Они печатали большую частью классические сочинения в маленьком формате, очень четко и красиво. В Англии Эльзевиры не в таком почете, а еще менее уважают их в Германии, где вообще библиомания не так сильно развита. В последнее время стали ужасно гоняться за средневековыми сказаниями и романами, старинными памятниками народного творчества и сатирическими произведениями. Наконец, никогда еще не проявлялось такое пристрастие к хорошим переплетам известных мастеров, как на последних аукционах, особенно парижских.

Приятно библиофилу иметь хорошее тиснение станков эльзевировских, но странна и мелочна ревность людей, питающих особенное уважение к каждой пустой и даже дурно напечатанной книжонке, лишь бы на заглавном листе ее был выставлен знак, иногда поддельный, типографии

* Так, у нас пензенский помещик Струйский завел типографию в своем имени Рузаевке (Инсарского уезда) и отпечатал там по тому времени великолепным образом свои вирши. Залежавшиеся издания их употреблялись впоследствии на обклейку стен его усадьбы, что, конечно, увеличало их редкость. Существуют также книги раскольничьи, печатанные в селе Клинцах, в Почаеве и в других местах.

** *Catalogue des livres de la bibl. de S.E.M. le Comte de Boutourlin, revu par Barbier et Ch. Pougens. Paris, 1805. Catalogue des livres de la bibl. de son Ex.M.le Comte de Rasoumoffsky. 2V. M. 1814.* (Каталог книг библиотеки г-на графа Бутурлина, составленный Барбье и Ш.Пужан. Париж, 1805 и Каталог книг библиотеки его превосходительства графа Разумовского. 2 тома. М., 1814, 8° — *фр.*).

одного из Эльзевиров. Это пристрастие привело к тому, что прежде собрание маленьких эльзевировских книжек составляло около 80 томов, теперь их насчитывают, с разными подобными изданиями, до полутора тысяч. Ценность их иногда зависит от того, в каком виде сохранилась книга, не слишком ли обрезана или зачитана. Брюнет приводит для примера Горация 1676 года, которого обыкновенная цена около 40 франков и менее и который был продан в отличном виде на аукционе Дидота — за 200 франков*.

Иногда возникает мода на какой-нибудь род книг, и тогда они вдруг делаются реже и продаются дороже. Иные ищут странных и забавных книг, большею частью редких, которые французы называют *facéties*¹ и которые так любил страстный библиофил и известный писатель Нодье. Иные питают особенное пристрастие к книгам со странными заглавиями, к книгам, которые переплетены знаменитыми переплетчиками или принадлежали знаменитым лицам.

Между многими изданиями книги, сходными по составу, иногда предпочитают те, которые более красивы, четки, с широкими полями, а иногда те, которые отличаются какими-нибудь особенностями, несколько не существенными. Есть издания, отмеченные в летописях библиографии по случаю какой-нибудь опечатки! В самом деле, опечатка может быть забавна, странна, и если книга по причине этой опечатки была уничтожена или отобрана, то, разумеется, она делается редкостью, и тогда найдется не один охотник купить ее. Опечатка может иногда служить признаком редкости и указывать на достоинство издания. Это обстоятельство подало повод к следующей эпиграмме:

C'est elle... Dieux! que je suis aise!
Oui... c'est... la bonne édition;
Voilà bien, page neuf et seize,
Les deux fautes d'impression,
Qui ne sont pas dans la mauvaise.
Pons de Verdum².

Есть собрания весьма богатые по некоторым отделам библиографии. Так, Мак-Карти во Франции собрал до 500 изданий на пергаменте, и это чрезвычайно много для частного человека. На пергаменте хорошо печатать довольно трудно, самый материал очень дорог, и таких книг выходит очень немного. В Императорской Публичной библиотеке есть, между прочим, целая коллекция французских классиков, напечатанных на пергаменте, в маленьком формате, славным Дидотом "à l'usage du Dauphin"³. Солейнн, во Франции же, собрал драматические пьесы, начиная с самых старинных, до самых новых, и появившиеся в разных странах**.

* Существует несколько описей эльзевировских изданий; подробнейшие издали Pieters (1858), Minzloff (1862), по описи, составленной графом Ростопчинным и Walther (St. Petersburg, 1864), по собранию Имп. Публичной библиотеки.

¹ Шутки (*фр.*).

² "Это она! Боже!.. Как я рад! / Да... это... хорошее издание; / Вот страницы девять и шестнадцать, / Две типографские опечатки, / Которых нет в плохом".

Понс де Вердена (*фр.*).

³ Предназначенный для дофина (*фр.*).

** См.: Bibliothèque dramatique de Soleinne. Catalogue redigé par P.L. (Lacroix). Jacob, Bibliophile. Paris, 1845 (Драматическая библиотека Солейнна. Каталог, составленный П.Лакруа. Жакоб, библиофил. Париж, 1845. — *фр.*).

В России есть несколько замечательных специальных библиотек, каковы библиотеки некоторых ученых и учебных заведений, например Пулковской обсерватории, Ботанического сада, Генерального штаба. Особенного внимания заслуживает богатое и единственное по полноте и по тщанию, с которым оно было составлено, собрание иноязычных (нерусских) сочинений о России в Императорской Публичной библиотеке, в котором до 30 000 томов, между коими множество редчайших книг. Оно составлено по мысли и старанием бывшего директора графа М.А.Корфа, в память о коем зала, где это собрание помещается, названо залом графа Корфа. Чертковская библиотека в Москве, ныне открытая для публики, также составлялась покойным владельцем ее А.Д.Чертковым с целью собрать всевозможные источники для изучения нашего отечества*.

Есть библиотеки, почти исключительно состоящие из редких книг. В Москве существовало собрание А.С.Власова, распроданное с публичного торга**, где было много редких книг, значительных по цене, красоте и объему, и особенно богат был отдел изданий роскошных, относящихся к искусствам. Такова же замечательная библиотека, богатая ценными и редчайшими изданиями, собранная князем Михаилом Александровичем Голицыным (ум. в 1860 г.) и составляющая часть открытого в 1865 году Голицынского музея в Москве***. Из собирателей старинных и редких русских книг, которых охота и искания сохранили нам наши книжные сокровища, назовем Каратаева, Кастерина, Лонгинова, Лукашевича, Норова, Погодина, Полторацкого, которому досталась библиотека П.К.Хлебникова, им увеличенная, Сахарова, графа Толстого, Трехлетова, графа А.С.Уварова, Ундольского, Царского, Черткова, Ширяева. Большая часть из этих собраний сделалась достоянием наших публичных библиотек.

У нас и теперь немало библиофилов, у которых на полках найдутся книги малоизвестные, или неизвестные по нашим росписям и о которых следовало бы сообщить сведения. Но они вообще как-то скупы и не сообщительны или не придают никакого значения русским книгам. Как на исключение в этом отношении можно указать на М.Н.Лонгинова, напечатавшего немало известных о замечательных русских книгах из своего любопытного собрания, и на г. Березина-Ширяева, описавшего частную библиотеку. Правда и то, что у нас нет органа для таких сообщений и

* Каталоги этих библиотек указывают нам очень много малоизвестных и редких книг, доставляя вместе с тем богатый источник справок и сведений. Императорская Публичная библиотека уже издала в виде опыта литографически описав залы барона Корфа и издаст его в более полном виде. Каталог Чертковской библиотеки также был издан, и новое, значительно пополненное его издание начато печатанием и выходит при "Русском архиве". Эти каталоги будут ценными подарками для занимающихся русской историей.

** Catalogue des livres rares et précieux de la bibliothèque de Pr. M. de Wlassoff, 2-me éd. M., 1821, также Catalogue des tableaux, estampes, livres etc faisant partie du cabinet de feu de Chambellan de Wlassoff... 1826. (Каталог редких и ценных книг из библиотеки г-на Власова. 2-е изд. М., 1821 и также Каталог гравюр, эстампов, книг и т.п. из кабинета покойного камергера Власова, 1826. — фр.).

*** См.: Catalogue des livres de la bibliothèque du Pr. M. Galitzin... par Ch. Gunzbourg. M., 1866 (Каталог книг из библиотеки кн. М.Голицына. Сост. Ш.Гунцбург. М., 1866. — фр.).

известий. Опыт московских "Библиографических записок", издававшихся три года, остался одиноким, и мы даже не имеем летописи текущей литературы после прекращения "Книжного вестника". Очень жаль, что редакция "Правительственного вестника", печатая известия о выходящих новых книгах, не издает этих списков отдельными книжками. Во всех европейских странах ведется летопись книжной производительности, только мы, русские, не находим в том нужды.

Немало любопытных указаний на русские книги, в разных отношениях замечательные, находим в Отчетах Императорской Публичной библиотеки. Мы ими воспользовались для нашего списка.

Цена редких книг чрезвычайно неопределенна, хотя для некоторых есть постоянные и известные цены, а некоторые можно оценить приблизительно. За границу цены старых книг устанавливаются на аукционах; кроме того, множество выходящих антикварных каталогов книгопродавцев, занимающихся торговлею старыми книгами, дают сведения о ценах книг, вышедших из книжной торговли. Но у нас мало торговцев, опытных в книжном деле и посвятивших свою деятельность старым книгам, а книжные аукционы редки; если же и бывают, то цены не объявляются, и так как каталоги Сопикова и Смирдина в этом отношении недостаточны и устарели, то у нас цены на редкие книги более, нежели где-либо, произвольны. Для европейских литератур есть особые каталоги, каковы, например, труды Эберта, Грессе и Брюнета, где подробно обозначены редкие издания и приведены цены, за какие они проданы на некоторых знаменитых аукционах. <..>

При аукционной продаже дублетов Императорской Публичной библиотеки за некоторые книги заплачено было очень дорого. На этих аукционах можно было видеть, как иногда странное заглавие, какаинибудь внешняя особенность могут возбудить сочувствие охотников до редких книг. Не говорим уже о посторонних причинах, условливающих вообще ценность вещей, продаваемых с молотка. Так, *Bray, Essai critique sur l'histoire de la Livonie, Doprat, 1817*¹, книга, не бывшая в книжной торговле, была присуждена за 22 р. Историческая латинская брошюрка, неважная по содержанию, но любопытная по заглавию, напечатанному русскими буквами, и редкая: "Стецько Разин Донски козак именик, id est Stephanus Razin Donicus cosacus perduellis, Wittinbergae"², 1674, 4°, была продана за 12 р. сер<ебром>. За Маржеретово: *Etat présent de la Russie*³, перепечатанное в Париже кн. Гагариным в числе 100 экземпляров со второго издания 1869 года, весьма редкого, заплачено 15 р. Первое издание этой любопытной книги теперь не находимо. <..>

РУССКИЕ БИБЛИОФИЛЫ*

БИБЛИОТЕКИ ГРАФА Д.П.БУТУРЛИНА И ИХ КАТАЛОГИ

Не имея никаких печатных биографических сведений о графе Димитрии Петровиче Бутурлине, сообщаем только то, что известно о его

¹ Брей. Опыт критической истории Ливонии. Допра, 1817 (фр.).

² Стефанус Разин, донской казак, Виттенберга (лат.).

³ Современное состояние России (фр.).

* Следующая статья будет посвящена А.С.Власову и его библиотеке.

книжных собраниях и нескольких описях этих книг. Привести в известность эти каталоги дело не лишнее для русской библиографии, потому что они довольно неизвестны у нас и редки.

Мы знаем, что дом графа в Москве, с оранжереями, библиотекою, музеем и садом, был на Яузе, в Немецкой слободе, рядом с дворцовым садом*. Об этом доме рассказывает один из английских путешественников по России, Кларк**, и собственно о библиотеке говорит вот что: "Библиотека, ботанический сад и музей графа Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе. Этот вельможа собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например Вергилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку. Книги его помещаются в нескольких комнатах. Они перешлепываются в его доме, и этим занимаются несколько мастеров, постоянно живущих у него. У него есть все *Editiones principes*. Его собрание колебательных изданий и печатанных в 15 столетии доходит до 6000 томов. По Орландиеву списку авторов***, изданных между 1457 и 1500 годами число их доходило до 1303. Вероятно, они почти все есть у Бутурлина. Каталог этой части библиотеки занимает две листовые книги. Он достал из Парижа славное сочинение де Бри (*Bry*), собрание путешествий, с прекрасными рисунками. Ему очень трудно было добыть полное собрание церковных летописей, которое состоит из 40 томов в лист. Эта огромная библиотека разделена на 6 отдельных частей".

Далее Кларк говорит о ботаническом саде и физическом кабинете. Оранжерею он нашел единственною в Европе по ее устройству и богатству. На одном конце ее находилась особая ботаническая библиотека. Кларк удивлялся свежести и огромности тропических растений и узнал, что граф сам за ними ходит и в особенности изучил тайну поливки растений.

Первый известный каталог графа есть напечатанный в Петербурге в 1794 году под заглавием: "Catalogue de la bibliothèque de M.le C—te D.Boutourline. Première partie contenant des livres imprimés en langue française, quelque manuscrits etc. A.St.Petersb., 1794, 149 стр., 4°. Этот каталог расположен в азбучном порядке. В конце (со стр. 137) помещены "Notices particulières des quelques collections"¹, заключающие в себе описания нескольких сборников.

Через шесть лет после того, в 1805 году, вышел в Париже другой каталог: "Catalogue des livres de la bibliothèque de S.E.M. le Comte de Boutourline; revu par M.M. Ant. Alex. Barbier, bibliothécaire du conseil

* См. в статье М.Макарова: "Дома московских бояр века Екатерины II" в Моск. Губ. Ведомостях, 1841, № 38.

** *Clarke Travers into various countries of Europa, Asia and Africa. Part the first. Russia etc. London, 1810, 4°, стр. 138 и след.* (Кларк. Путешествия по некоторым странам Европы, Азии и Африки. Часть первая. Россия и т.д. Лондон (англ.). В немецком переводе этой книги Вейланда (Веймар, 1817, стр. 131).

*** *Origine et progressi della Stampa etc. Autore Orlandi. Bonowiae, 1722.*

¹ Каталог библиотеки г. графа Д.Бутурлина. Первая часть, содержащая книги, напечатанные на французском языке, некоторые рукописи и т.п. Спб., 1794, 4, 149 стр. Частные описания некоторых сборников. (*фр.*)

de l'Etat, et Charles Pougens, l'Institut de France etc., suivi d'un table des auteurs. Paris, imp. de Ch. Pougens, an XIII (1805), in. 8, VI, 758 p.¹

Имена Barbier и Pougens — известные между французскими книговедами, и каталог составлен отчетливо и считается в числе примерных. В нем показано 4003 книги и 24 рукописи. Затем следуют описание расположения каталога и азбучные списки писателей и безыменных сочинений. Главные по числу книг отделы — словесность и история.

Вот что говорит владелец библиотеки в предисловии своем к каталогу: "Издавая в свет роспись моим книгам, я намерен был дать самому себе отчет в собственном наслаждении. Вышедши из детского возраста, я находил удовольствие в науках, и учение всегда для меня было не только отдохновением, но истинною необходимостью. Это одно из важнейших побуждений, за которые благодарю Провидение. В возрасте страстей и заблуждений я постоянно находил спокойствие и истину в беседе с моими книгами. Они тогда заменяли мне верных друзей, наставников и руководителей. Теперь, в возрасте зрелом от лет и опытности, они также служат мне наставлением и отдохновением; освещая предо мною прошедшее, лучше знакомят меня с настоящим и указывают на некоторые вероятности будущего. От них также ожидаю советов, подпоры и утешения в летах, в которых живет человек одними воспоминаниями. Эти причины, думаю, довольно оправдывают мою нежную, сердечную и всегдашнюю любовь к ним. Вероятно, кроме пользы и признательности, внушивших мне страсть к моим книгам, есть еще другое побуждение, которого действие я чувствую, не углубляясь никогда в основание, или корень, его. Это собрание мною составлено от первой и до последней книги; а свое дело всякому приятно. Сверх того, напечатание моего каталога будет мне еще полезно, когда я, разлучась с моими книгами и отдаляясь от моего отечества, стану вспоминать счастливые, проведенные с ними дни. Он послужит мне для будущих приобретений, потому что я не думаю отказаться от этого наслаждения и только надеюсь быть еще внимательнее в выборе изданий и самых оттисков; при всяком благоприятном случае, как спокойный хозяин, постараюсь увеличивать и украшать свое добро. Великолепные произведения Дидота, Бодония, Ренуара и пр. никогда не найдут меня равнодушным к их красотам, равно как и превосходные оттиски самых старинных изданий, которыми я могу обогатить мое собрание, всегда доставят мне удовольствие. Okоло 20 лет занимаясь библиографией, я собрал много замечаний по этой части. Сколько раз я удостоверился, при проверке издания, что иной библиограф объявлял о нем в пышных выражениях, не видав его, а только понаслышке, и столько раз видел и опасност такой доверчивости к чужим рассказам. Касательно точности в этом деле немцы превосходят других. Шельнгорн, Мурр, Денис, Панцер, не довольно, кажется, известные во Франции, заслуживают особенного уважения любителей этой науки. Вообще со времени издания каталогов Габр<изля> Мартена

¹ Каталог книг библиотеки его превосходительства графа Бутурлина, составленный гг. Ант. Алекс. Барбье, библиотекарем государственного Совета и Шарлем Пужаном, членом Французского Института и т.д., сопровождаемый указателем авторов. Париж, издательство Ш.Пужана, год XIII (1805), в 8°, VI и 758 стр. (фр.).

и книг Дебюра библиография мало произвела замечательных сочинений. Абб<ат> Рив, кажется, весьма далек от исполнения своего обещания. Труды покойного Мерсье де Сен Леже (Mercier de St. Leger) еще не изданы; а между тем желательно было бы видеть их изданными, судя по той пользе, которую они принесли А.Ренуару в его хорошем сочинении об Альдовых изданиях, сделавшем, по моему мнению, эпоху в библиографии. Желательно, чтобы этот почтенный писатель продолжал обогащать нас плодами труда своего. В моем каталоге найдутся некоторые издания 15 века. Они записаны на своих местах и там остались, но я гораздо богаче по этой части: у меня находится более 300 статей, из коих некоторые весьма ценны, например *Speculum humanae salvationis*, *Biblia pauperum*¹ и пр. Я им сделал особую роспись, с замечаниями, и надеюсь ее издать. Я также имею некоторые рукописи на пергамене. Со временем все это выйдет в свет. Но ничего не домогаясь, не беру на себя никакой ответственности. Смутам на юге—севере обязан стяжением многих редкостей по всем отраслям наук; без того эти сокровища остались бы на месте, не достигли бы до нас. Несколько их погибло в дальнем пути, многие же, почитаемые погибшими, может быть, снова появятся далеко от своего отечества. Все в природе подвержено таким переменам, и книга имеет свою судьбу: „Nabent sua fata libelli”».

Библиотека Бутурлина была составлена во вкусе библиофилов прошлого века, с целью иметь собрание разнообразно энциклопедическое и лучшие книги по всем отраслям знаний, в хороших изданиях. Многосторонность и полнота в выборе сочинений и изданий выказывает нам в графе и знатока и щедрого собирателя. Любопытно было бы знать, сколько лет составлялась эта библиотека и чего она стоила? Разумеется, революция во Франции немало способствовала графу в собирании его сокровищ.

Хотя на исторические книги и сочинения классические было обращено особенно внимание графа, но из подробных делений каталога и по большому числу разделов его видно, что ни одна наука не забыта, что граф знал вполне ученую литературу и следовал строгой системе при покупке книг. Часто замечаем роскошь богатой библиотеки: некоторые сочинения, особенно классические, находились в нескольких изданиях, были и дублиеты. Часто описатели делают замечания о редких книгах, неизвестных библиографам, или ссылаются на каталог редких книг Дебюра. С самого начала списка, в первом отделе богословия, показано 38 библий, потом несколько изданий Нового завета и изображений к Священному писанию. В отделе искусств много роскошных изданий, которые, вероятно, приобретены дорогою ценою. В отделе словесности найдутся все писатели сколько-нибудь известные. Русских книг не показано, и в истории России только 33 нумера. Но зато это отборные источники на иностранных языках. Кроме этих сведений, мы имеем следующее небольшое известие немецкого путешественника Рейнбека, обратившего внимание на эту библиотеку в 1805 году, как на достопримечательность Москвы.

¹ Библия бедных (лат.).

”Драгоценна значительная библиотека графа Бутурлина, вельможи сорока пяти лет, образовавшего себя путешествиями. Библиотека эта состоит из 25 000 томов, в прекрасном помещении, близ Летнего сада, и, несмотря на огромность зал, зимою постоянно отоплена. Довольно легко получить дозволение пользоваться ею. Здесь книги собраны не только для тщеславия; хозяин сам пользуется ими и предоставляет их другим. Заведывает библиотекою г. Ронка и получает за это значительное жалование. Здесь очень много книг 15 и 16 столетий, великолепные издания Дидота, Баскервиля и Бодони и, кроме того, редчайшее и дорогое собрание библий — собрание, которое я не умею оценить. Так как в этой библиотеке множество дублетов, то хозяин, который много издерживает и не умеет отказывать себе в приобретении редких и ценных сочинений, определил пустить их в продажу, однако до сих пор еще не приступал к этому”*

И эта богатая библиотека сгорела в 1812 году!

В дополнение к сказанному сообщим известие еще об одном каталоге книг графа Бутурлина, чрезвычайно редком и оставшемся неизвестным библиографам** до описания его Петцольтом (Julius Petzholt) в библиографическом сборнике Науманна ”Serapeum” за 1841 год, в статье ”Die frühere Bibliothek des Grafen D. Buturlin in Moscau”¹. Здесь говорится, что в общественной библиотеке в Дрездене есть печатный каталог под заглавием: ”Catalogue des éditions du XV siècle faisant partie de la Bibliothèque de M.le Comte Boutourline”², 467 страниц в 4-ку. Он без заглавного листа, без окончания времени и места печати и без предисловия. В каталоге показано 379 названий книг старопечатных. В конце этого, может быть, единственного экземпляра находится приписка на французском языке следующего содержания: ”Этот каталог, напечатанный в Лейпциге у... в 1805 или 1806 году, содержит в себе опись изданий 15 века библиотеки графа Бутурлина, действительного статского советника и камергера. Ученый свет, разумеется, с сожалением узнает, что эта библиотека, состоявшая из 30 000 томов отборных книг и оправдывавшая известность графа Бутурлина как любителя словесности, наук и искусств и в особенности как сведущего библиографа, погибла вся, в московский пожар, во время вторжения французов в Россию. С нею погибли источники, собранные для исправления настоящего каталога и издания более отчетливого описания книг, украшавших эту библиотеку. Этот каталог без заглавия, без обозначения имени владельца библиотеки и исполнен ошибок, которые странно видеть при очевидной начитанности, выказываемой редактором его во многих местах. Эту странность я сейчас объясню. Он составлен одним писателем; уроженцем

* См.: *Fluchtige Bemercungen auf einer Reise von St. Petersburg über Mockwa, Grodno, Warchau, Breslau, nach Deutschland im 1805.* In Briefen von G. Reinbeck. 14. Leipzig, 1806, стр. 247. (Беглые заметки о путешествии в Петербург через Москву, Гродно, Варшаву, Бреславль в Германию. 1805. В письмах г. Рейбека. 1 ч. Лейпциг, 1806, стр. 247. — нем.)

** Этот каталог упомянут, как редкость, в Ebert's All. Bibliographisches Lexicon (во Всеобщем библиографическом словаре Эберта. — нем.).

¹ Бывшая библиотека графа Бутурлина в Москве (нем.).

² Каталог изданий XV века, составляющий часть библиотеки графа Бутурлина (фр.).

Люцерна (в Швейцарии), г. Louis de Rouen¹, который в продолжение нескольких лет заведывал библиотекою графа. Он изготовил для составления описи материалы, которые, будучи напечатаны на листах, могли затеряться, и потому он переплел их. Граф Бутурлин, расставшись с ним и желая сделать свою библиотеку доступною для публики и дать ей указатель своих книг, решился напечатать труд г. Руана. Не пересмотрев рукопись, которую считал верною копиюю, он поручил напечатать ее одному лейпцигскому типографу, который исполнил это поручение в такой точности, что даже напечатал все описки, все ненужные повторения и не выставил заглавия, потому что не нашел его в черновых листах, ему врученных. Граф решился не издавать этот неудачный каталог, и все экземпляры, ему доставленные, остались и погибли у него, так что если сохранилось несколько их в библиотеках и частных руках, то они розданы были из типографии без ведома графа».

Под этою припискою находится подпись: "Dresde, 1 Décembre 1813 — Gillet, Capit. au service de S.M. Emp. de Russie"².

После потери своего московского собрания граф Бутурлин, как ревностный собиратель, не переставал приобретать книги, так что по смерти его осталась значительная библиотека, замечательная не столько числом, сколько редкостью избранных и дорого купленных изданий. Библиотека эта была продана с публичного торга во Флоренции в 1831 году, и по этому случаю появился еще следующий каталог: Catalogue de la Bibliothèque de son Excellence M.de Comte Boutourline, Florence, 1831 (8°)³.

На заглавном листе гравированный герб. В предисловии, подписанном буквами С.Л.І.С.А. (Audin)⁴, сказано, что это список книг, собранных после сожжения библиотеки графа в Москве в 1812 году, и что он напечатан по распоряжению сыновей графа.

Об этом каталоге есть библиографическое известие во флорентийском журнале "Antologia", 1831, № 2, стр. 149. Здесь между прочим сказано, что этой книги отпечатано только 200 экземпляров, что она не поступала в продажу и составлена Оденем отчасти по запискам, оставленным самим владельцем библиотеки, графом Бутурлиным.

В том же журнале "Antologia" за сентябрь 1831 года, на стр. 133 помещена статья под заглавием "Vendita della Biblioteca Boutourlin"⁵, с подписью "Т.Тонелли". Здесь выражено сожаление, что распродается и расходуется по рукам такое богатое собрание, где было так много первопечатных книг и особенно альдинских изданий. Говоря о внешнем виде книг и красоте экземпляров, автор статьи замечает, что граф чрезвычайно любил свои книги, холил их и что его часто заставляли в кабинете, занятым чисткою и отделкою какого-нибудь старого экземпляра библиографической диковинки. Наконец, из статьи Вейгеля в библиогра-

¹ Луиде Руан (фр.).

² Дрезден, 1 декабря 1813. Жилле, капитан на службе е<го> в<еличества> имп<ератора> России (фр.).

³ Каталог библиотеки его превосходительства графа Бутурлина. Флоренция, 1831 (8°) (фр.).

⁴ Оден (фр.).

⁵ Продажа библиотеки Бутурлина. Т.Тонелли (ит.).

фическом журнале Наумана "Serapeum" (1840) мы узнаем, что в Париже в 1839 году (с 25 ноября по 30 декабря) было продано с публичного торга богатейшее собрание рукописей и книг графа Бутурлина и тогда же напечатан каталог, разделенный на три части. Этот каталог я до сих пор не мог достать, Вейгель говорит, что вторая и третья части должны были выйти после, и, стало быть, в 1840 году еще не были напечатаны, и далее, что 2-я часть должна была содержать в себе известный каталог Одена (Audin). Были ли издания эти две части — не знаем, кажется, что нет еще. Из кратких выписок Вейгеля видно, что этот аукцион был одним из замечательнейших в Европе. Вейгель приводит несколько рукописей, единственных в своем роде, и оценка им была от 1265 франков до 2000.

Был между прочим список Дантовой Комедии — пергаментная рукопись 14 века, с гербом Макелла Маллестини, из чего можно заключить, что это та самая рукопись, которую Дант передал маркизу М. Маллестини. Было также несколько первоначальных изданий классиков, как-то: *Homeri Opera*, 2 vol. Florent, 1488, *Lactantii Firmiani divini institutionibus adversus gentes libri septem*, Subiaco, 1465 fol.¹ (первопечатная в Италии книга) и много других примечательностей. Вейгель говорит, что граф Бутурлин лет пятнадцать жил в Тоскане.

После изданный каталог книг графа, собранных во время пребывания его в Италии и проданных в Париже, следующий: *Catalogue de la Bibliothèque de feu M. le Comte D. Boutourline, dont la vente se fera le lundi, 25 Novembre 1839, et jours suivants, à 6 heures de relevé, rue de Bons-Enfants N 30, maison Silvestre, salle le premier. Les adjudications seront faites par M. Commandeur, Commissaire—priseur etc. Paris, chez Silvestre, librairie, 1839 (8°). Titre et avertissement sur 4p, texte sur 306 et Table de 8p. Deuzième partie, dont la vente sera le lundi 16 Nov. 1840 et jours suivants ibid. Там же, 1840, (8°), 254 и 8 нenum. стр. Troisième et dernière partie (vente du 4 Octobre 1841, ibid.). Там же, 1841 (8°), 141 и 4 нenum. стр.²*

Каталог этот включает в себе книги, собранные графом во время пребывания его во Флоренции. Первая часть состоит из списка рукописей и первопечатных изданий, а остальные составлены по каталогу, изданному Оденом в 1831 году. Особенно богат отдел книг итальянских и об Италии. В приложении ко второй части находятся списки изданий Альдов и Бодони. Заметим для библиофилов, что 30 экземпляров этого каталога были напечатаны на веленовой бумаге и перенумерованы.

Экземпляр этого последнего каталога есть в Императорской Публичной библиотеке.

¹ Сочинения Гомера, 2 тома. Флоренция, 1488.

² Каталог библиотеки покойного графа Д. Бутурлина, продажа которой состоится в понедельник 25 ноября 1839 г. и в последующие дни в 6 часов полудни, улица Бон-анфан, № 30, дом Сильвестра, первый зал. Продажа будет проводиться г. распорядителем, комиссаром-оценщиком и т.п. Париж, у Сильвестра, 1839, в (8°) Заглавие и введение на 4 стр., текст на 306 и оглавление на 8 стр. Вторая часть (продажа которой состоится в понедельник 16 ноября 1840 г. и в последующие дни. Там же, 1840 (8°), 254 и 8 нenum. стр. Третья и последняя часть (продажа 14 октября 1841 г.). Там же, 1841, (8°), 141 и 4 нenum. стр. (фр.).

(Из сочинений Максима Грека)

Итальянец Альд Мануций (Aldus Manucius, род. 1447, ум. 1515) — венецианский типограф, знаменит в летописях книгопечатания. Он основал типографию в Венеции в 1488 году и, зная хорошо языки греческий и латинский, издавал классические сочинения верно и отчетливо, по древним рукописям. Особенно славятся его издания Цицерона и Феокрита. Сын его Павел (ум. 1574) продолжал дело отца, печатал в Риме и передал свое заведение сыну, Альду Мануцию Младшему (р. 1574, ум. 1597), поселившемуся снова в Венеции. Книги, вышедшие из типографии Альдов, ценятся знатоками и любителями иногда наравне с рукописями. На их изданиях встречается особый знак: дельфин, обвившийся вокруг якоря.

Известный наш писатель-богослов XVI века Максим, по прозвищу Грек (с Афона, ум. 1556) в бытность свою в Венеции знал славного родоначальника Альдов и упоминает о нем в одном из своих сочинений. Когда именно он его видел — определить трудно; знаем только, по его биографии, что он вызван был в Москву в 1506 году, уже после своего путешествия в Париж и в Италию, где мог застать в Венеции Альда Мануция, умершего в 1515 году.

Сказание Максима находится в рукописном сборнике его сочинений, хранящемся в Румянцевском музее. В описании рукописей музея, А.Х.Востокова, он показан под №CCCLXIV, и на странице 369 напечатано начало отрывка, содержащего в себе изъяснение знака альдинских изданий. Мы передаем этот отрывок вполне.

”Веле еси мне князь государь мой Василие Михайлович сказати тебе, что есть тьлк знамению, его же виде еси в книзе печатней. Слыши ж внятнo. В Венеции был некий философ, добре хытр; имя ему — Алдус, а прозвище Мануциоус, родом фрязин, отчством римлянин, ветхого Рима отрасль; грамоте и по римскы и по греческы добре горазд. Я его знал и видел в Венеции и к нему часто хаживал книжным делом; а я тогда еще молод, в мирьскых платьях. Тот Алдус Мануциоус, римлянин, по своей мудрости замыслил себе таково премудрое замышление, вспоминая притчею сею всякому и властелю и невеже, како мочно им будет получити вечный живот, аще истинною желают ему. И якорем убо являют утвржение и крепость веры; рыбу же — душу человецью. И учит нас притчею сею и говорит: как якорь железен крепит и утвржает корабль в море и избавляет его от всякой ябеды морских влнений и обуреваний, тако де и страх божии нелицемерен, твердо водружен в душах человеческых и всякой правде, истине заповедей божиих, избавляет их от всякыя напасти и козней видимых и невидимых враг. И как корабль без якоря не умеет избыти морских обуреваний, но разбит погружается в бездну и пропадает, тем же делом и душа человеческая, отринувши страха божия, еже есть делание всякыя правды, удобь обладаема бывает невидими враги и погыбает отлучена быша божия помощи. Толико постиже мысль моя худая; толико и сказал. Могый же и более того, да просветит нас. А я тебе государю моему много челом бью”.

Жизнеописания известных воров и разбойников всегда во всех литературах принадлежали к числу многочитаемых и народных книг. Картуш и Мандрен (Mandrin), французские мошенники, известны народу по многим биографиям, написанным грубым слогом и изданным с безобразными картинками. Неудивительно, что Каин, еще живший в памяти народной и имя которого является в поговорках и песнях, нашел биографов, которые нашли себе издателей и читателей. Издания жизнеописаний Ваньки Каина известны мне в трех видах.

Во-первых, существует рассказ о его подвигах, краткий, безграмотно писанный и изданный через 20 лет после того, как Каин попался и над ним наряжена была судебная комиссия, что было в 1755 году. Вот заглавие этого издания, чрезвычайно редкого:

1) *О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть. Печатана 1775, 8°, 30 стр., одна страница поправок и гравированный портрет (в Росписи Смирдина № 2915)*

Я знаю две позднейшие перепечатки этой книжки, не очень редкие, под заглавием:

2) *История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою. Спб., в императорской типографии, 1815, 8°, 32 стр.*

3) *Снова под тем же заглавием, в Петербурге в типографии деп<артамента> нар<одного> про<свещения>, 1830, 12°, 33 стр.*

Потом появляется более подробный рассказ о проделках Каина, переданный частью со слов его самого, частью по рукописной записке о нем, неким Матвеем Комаровым, "жителем города Москвы", как он называл себя в подписи под предисловием*.

Книга его о Каине имела тоже несколько изданий. Так как они довольно редко попадают в книжной торговле и ценятся охотниками до старинных книг, то не лишним считаю обстоятельно сообщить заглавия виденных мною экземпляров.

1) *Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его песнями и портретом его; второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей. Печатано в Санктпетербурге, 1779 года, 8°, 8 неп. и 232 стр.*

* Этот Комаров издал несколько книг. По Росписи Смирдина известны следующие его произведения: 1) Описание тринадцати старинных свадеб великих российских князей и государей, какие во время оных по тогдашнему обыкновению происходили обряды, в том же числе находится свадьба казанского пленного царя Симеона и самозванца Гришки Расстриги. М., 1785, 8°, 2) Старинные письма китайского императора к российскому государю, писанные от нынешнего времени слишком за 150 лет, найдены между оставшимися письмами покойного графа Н.М.Зотова. М., 1787, 8°, 3) Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого виазиря Марцимириса и сардинской королевны Терезини. 3 ч. Издание 4-е (Роспись Смирдина, № 8431). М., 1791, 12°. Повесть эта имела множество изданий, в которых исчезло имя первоначального издателя.

2) Второе издание под тем же заглавием. М., в компании типографической, 1788,8° (у Сопикова, Опыт библиографии, № 4699, заглавие передано неточно; у Смирдина — № 2971). Экземпляр мною виденный — неполный.

3) Третье издание указано Сопиковым (№ 4701): Спб., 1794, в 8°, но это неверно, потому что у меня есть четвертое издание, напечатанное годом ранее, т.е. в 1793 году*, под следующим заглавием:

4) *Обстоятельная и верная история российского мошенника, славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавными его песнями и его сотоварищей. Четвертым тиснением. В граде Святого Петра. 1793 года, 12°, 240 стр., с портретом.*

Предуведомление, подписанное "Матвеем Комаров, житель города Москвы", такое же, как в издании 1779 года. В этом предисловии Комаров сначала объясняет, что издает написанное им жизнеописание для доказательства, что не один только французский мошенник Картуш достоин удивления, и что напрасно иные думают, "будто у нас в России как подобных ему мошенников, так и других приключений, достойных любопытного примечания, не бывало", и что "нельзя стать, чтобы в такой пространной империи не было таких же приключений, какие в других государствах, малейших против ее частицах...". Далее он говорит: "...я еще в 1773 году принял было намерение сделать описание дел известного мошенника Каина, о котором я сам от него слышал, будучи в 1775 году для некоторого дела в сыском приказе, в котором он во время бывшей об нем комиссии содержался и рассказал все свое похождение бывшему тогда в том же приказе дворянину Федору Фомичу Левшину. Но как бы ни остра была человеческая память, то через осьмнадцать лет всего порядочно никак упомянуть не можно; и для того хотел я сие предприятие оставить. Но в 1774 году нечаянно попался мне маленький список** о делах сего мошенника, который хотя писан таким слогом, как обыкновенно подлые люди рассказывают сказки или какие ни есть свои похождения, притом же от переписчиков учинены великие ошибки, потому что одна материя с другою так смешана, что едва разобрать можно; однако по содержанию оного надобно думать, что оригинал того списка писан или самим Каином, или другим кем по его объявлению. Сверх же того по некоторым обстоятельствам имел я случай говорить с такими людьми, которые его довольно знали, а некоторые имели с ним знакомство и о многих его делах довольно имели сведения". В выноске он прибавляет: "Если бы можно было видеть все производимые о делах Каиновых в московской полиции, в тайной канцелярии и в сыском приказе следствия, то бы сия история могла быть еще порядочнее и обстоятельнее; однако ж и теперь несравненно больше в ней вероятности, нежели в пустом задековом предсказании".

В приложении к этому 4-му изданию помещены 54 "Каиновы песни".

5) Пятое (вероятно) издание вышло под тем же заглавием, как издание 1779 года, в Москве, в тип<ографии> А.Решетникова, 1794, 8°,

* След<овательно>, третье издание покуда неизвестно.

** Может быть, этот список издан в 1785 г. (см. ниже).

VIII и 398 стр., с портретом и двумя рисунками. Здесь собрание Каиновых песен (стр. 180–254) состоит из 64-х. Издание это указано в каталоге библиотеки А.Д.Черткова (М., 1838, в 1-й части под № 51).

Третий род жизнеописаний вышел в виде автобиографии, в рассказе от самого Каина или с его слов. Вероятно, это и есть тот "список", о котором говорит Комаров в своем предисловии и который, по его словам, "писан таким слогом, как обыкновенно подлые люди рассказывают сказки". Склад и изложение этого рассказа, независимо от довольно любопытного содержания, показали мне достаточно своеобразны для того, чтобы издать эту книжку вновь, с перестановкою только знаков препинания и некоторых слов в местах совершенно безграмотных*.

Она предпочтительнее других потому, что первая редакция, выше указанная, слишком кратка и еще безграмотнее, а история Комарова, не прибавляя никаких происшествий, увеличивает только рассказ ненужными рассуждениями и утомительна по своему книжному тону. Эта автобиография Каина известна мне в трех изданиях, сходных по изложению и различествующих только незначительными разночтениями в собственных именах да числом песен. Вот их заглавия:

1) Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика, за раскаяние в злодействе получившего от казни свободу, но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим, при Балтийском порте, в 1764 году. В Санктпетербурге, 1785 года, 12°, 77 стр.

2) История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. 1788, 8°, 96 и 60 стр. (без обозначения места печати). Здесь 50 песен.

3) Под тем же заглавием. М., 1792, 8°, 159 стр. Здесь также 50 песен. Текст отличается тем, что окончание изменено и рассказ заключается не словами Каина, а от третьего лица, хотя не прибавлено ничего, только многословнее говорится об его покушении увезти Будаеву и об его ссылке.

4) Та же книга у меня есть в том же виде, с теми же 50 песнями, но другой печати, в 12-ю долю листа, в 168 стр., неизвестно, какого года и где печатана, потому что нет заглавного листа. Вероятно, первое и второе из этих изданий указаны у Смирдина в росписи под № 2914 и 2915.

В 1858 году издан в Москве сокращенный и переделанный рассказ о Каине под таким заглавием: История известного пройдохи Ваньки Каина и постигшего его наказания. В 2 ч. М., в тип. Смирнова, 1858, 12°, 121 стр.

В издании 1785 года, с которого мы перепечатали жизнь Каина, нет песней, приписываемых ему или по преданию петьх им и его шайкой. В перепечатке 1792 года и в другой, неизвестного года, упомянутой у меня под № 4, приложено 50 песен, а в изданиях книги Комарова их

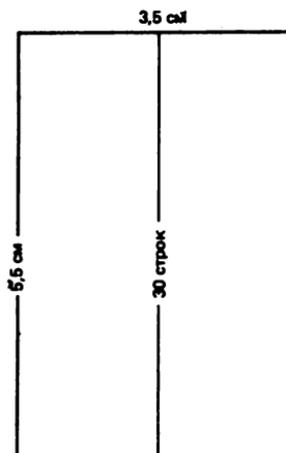
* Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная. Новое издание Григория Книжника. Спб., в типографии В.Безобразова и комп., в 16-ю долю листа, 92 стр. (цена 30 к. серебром).

больше, именно: в издании 1793 года — 54, а в издании 1794 года — 64; следовательно, прибавления эти произвольны. Притом в обоих изданиях различные песни: одни находятся в первом и не имеются в другом, и наоборот. Большая часть их помещена в "Сказаниях" г. Сахарова.

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗДАНИЯ ДАНТА И КРЫЛОВА

На Всемирной парижской выставке между примечательными произведениями типографского искусства было особенно замечено крошечное издание "Божественной комедии" Данта, микроскопической печати, изданное в Милане (фирма Negiso Noerpli). Это миниатюрная книжечка в 499 стр., с портретом Данта.

Вот ее размер и расположение стихов на странице:

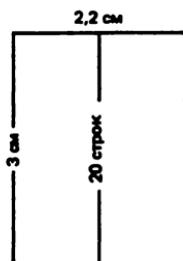
Все удивлялись утонченности типов, при отчетливости их, и подвигу — напечатать полное творение Данта такими типами и в таком малом виде — и все газеты возвестили об этом последнем слове мелкой печати. Буквы были изготовлены еще в 1834 году некоим Antonio Farina¹, но не находилось наборщиков для такой утомительной для глаз работы до 1873 года. Однако исполнивший ее, Juiseppe Seche², заболел от нее глазами. Шрифт после оттиска 1000 экземпляров был уничтожен, поэтому эту книжечку теперь уже трудно достать. До сих пор самое маленькое издание Данта было лондонское 1822—1823 годов в 8 сантиметров вышины и 4 сантиметра ширины, с 52 стихами на странице. Были и другие миниатюрные книги, но ничего подобного новому Dantino не выходило. Обзор таких изданий, любопытных как образчики типографского искусства и труда, находим в брошюре "Des impressions microscopiques par L.Mohr". Paris, 1879 (Extrait des Miscellanées bibliographiques)³.

¹ Антонио Фарина (фр.).

² Джузеппе Сеше (фр.).

³ Микроскопические издания Л.Мора. Париж, 1879 (Оттиск из библиографического издания) (фр.).

Однако немногие знают, что самая малая книга, превосходящая по мелкости набора указанного Данта, вышла в России. Именно это издание 23 басен Крылова, помещенных на 84 страницах миниатюрного формата с портретом Крылова. Вот его размер:

В известиях Археологического общества, т. III (1861), на стр. 461 в биографии покойного Рейхеля, известного нумизмата, бывшего до того директором экспедиции заготовления государственных бумаг, читаем следующее: "Чтобы выказать степень совершенства, до какой доведено у него книгопечатное искусство, Рейхель в 1855 году велел отпечатать, для любителей библиографических редкостей, несколько книг басен Крылова в 256-ю долю листа, величиною меньше полудюйма, набранных микроскопическим шрифтом, называемым диамантом; только крепкие глаза могут читать это издание, а между тем, рассматривая печать в увеличительное стекло, видишь совершенную четкость и правильность набора этого *pes plus ultra*¹ наборного и печатного искусства.

Вероятно, оба эти издания можно видеть в Императорской Публичной библиотеке. При сравнении их оказывается, что на пространстве страницы издания Крылова, не считая пагинации, помещается 20 строк, тогда как на таком же пространстве в Данте только 17 строк, поэтому набор Крылова мельче.

ЗАМЕТКИ О СТАРИННЫХ РУССКИХ ПЕРЕПЛЕТАХ И ОКЛАДАХ КНИГ

Проследить постепенно, с начала письменности, развитие переплетного искусства в России едва ли возможно. Судя по тем образцам, какие сохранились в собрании древних рукописей, видно, что это искусство усовершенствовалось медленно и что мастера наши придерживались однажды принятых форм. Вероятно также, что книги, завезенные к нам из Греции и с Запада, доставлялись в царские и монастырские книгохранилища переплетенными. Эти переплеты, досчатые и кожаные, могли служить у нас образцами. Есть переплеты на наших старинных рукописях одновременные с происхождением самих рукописей и на них тиснения и украшения совершенно русские по рисунку, так что можно предположить, что доски, служившие для тиснения, сделаны русскими мастерами.

¹ Совершенство, крайняя степень (*лат.*).

По введении книгопечатания в России, без сомнения, вместе с мастерами книгопечатного дела у нас явились переплетчики. При множестве исторических и археологических источников, которые теперь отыскиваются и издаются, можно надеяться, что откроются в каких-нибудь старинных описях или счетах некоторые имена переплетчиков, особенно придворных, и известия о жаловании, им даваемом, о цене переплетов и т.п.

Покуда сообщаем несколько сведений из печатных материалов. Что касается до отношения образцов переплетного дела, находящихся в наших библиотеках, и приурочения их к известному времени, то это можно сделать только после тщательных розысков в значительнейших собраниях старинных рукописей и книг и по сравнении их, — это предоставляем сведущим библиографам, имеющим к тому возможность и преимущественно занимающимся исследованием о старопечатных книгах.

Из описи книг патриарха Филарета Никитича (1630)* видно, что значительная часть его книг была в переплетах, досчатых и в коже, обыкновенно красной, иногда белой. Есть книга "в сафьяне лазоревом, выбивана золотом". Были также обтянутые рытыми тканями, бархатом, "оболочень" (или "поволочень"), камкою вишневою или "учатком золотым по таусинной земле"; один требник значится обогнутым в хараты**. Иногда просто сказано, что книга переплетена, и тогда, вероятно, разумеется обыкновенный досчатый переплет с кожей.

Вообще из этой описи видно, что и тогда уже были переплеты разнообразные и роскошные; при этом не должно забывать также значения и богатства патриаршего книгохранилища в России. Самые ценные переплеты, как видно из этой описи, употреблены для Евангелий и Апостолов. Так, между прочим упомянуто Евангелие тетра, древнее письмо, в полдесть, "обложено бархатом червчатым, плащи наверху и исподи серебрянные белые, а застежки серебрянные же позолочены, в ней прокладочки, кисти золото с шелком, лагалище сукно вишнево, подложено тафтою желтою". В другом месте значится "книга Евангелие печатное в десть, по обрезу золото, в досках, не покрыто ничем. И 140 года Сентября в 26 день по указу великого государя, светейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, тое Евангелие поволочено червчатым бархатом, взят бархат с казенного двора, а Евангелисты взяты из домовья казны; и за те Евангелисты государь пожаловал из кельи в домовую казну 12 рублей 30 алтын денег, и тое Евангелие пожаловал в Знаменский монастырь в церковь Афанасия Афонского". Обрезы на книгах иногда красные, иногда басмяны с золотом. Из другой описи библиотеки того же патриарха***, более обстоятельной, видно, что часто книги были с застежками медными и серебряными, с жучками металлическими же, которые резаны с финифтью или пробивные. Жучки, это род ножек или подставок по углам, на исподней стороне переплета. Застежки были обыкновенно две, но иногда означено, что книга об одной застежке.

* Напечатана в описи Государственного архива старых дел, Н.Иванова. М., 1850.

** В пергамент переплетали книги в Европе преимущественно в XVI столетии, и введение этих переплетов приписывают иезуитам.

*** См. Временник Им<ператорского> М<осковского> общ<ества> истории и др<евностей>, книга 12.

Искусство наших старинных переплетчиков особенно высказывалось в обделке Евангелий и важнейших богослужебных книг, и тогда их работу оканчивали и украшали мастера чеканного и золотого дела. Книги эти переплетались и заключались в доски с матерчатыми оболочками и металлическими покрывками: это были оклады с резьбой и чеканью, с работою басменною и сканною. Книги такие служили обыкновенно предметами благочестивых вкладов в монастыри и церкви и были часто весьма драгоценны по золоту, серебру, камням и финифти и по тонкой работе. В московских соборах, в Троицко-Сергиевой лавре, в некоторых старинных монастырях сохраняются некоторые древние оклады, замечательные по богатству их и старинной работе. Украшения, и рисунки, и финифтовые изображения помещались на наугольниках и посередине в круглых, овальных или узорчатых середниках. Изображаемы были на них лики Евангелистов, а в середине распятие Христово или же Иисус. Закрывались эти переплеты застежками на петлях или просто защепками.

УКАЗАТЕЛЬ БИБЛИОТЕК В РОССИИ*

Этот список представляет опыт собрания воедино и указания главнейших сведений о наших библиотеках, извлеченных из разных печатных источников. Известия о библиотеках в России чрезвычайно разнообразны, рассеяны во множестве изданий и большую часть очень скудны. Только постоянно следя за журналистикою, даже провинциальною, и отмечая постепенно сюда относящееся, можно было составить этот перечень, конечно, еще не полный и не точный. Особенно недостаточны данные современные и новые, цифры о настоящем положении библиотек, о их деятельности и употреблении и о числе читателей. Эти данные были бы важны для истории нашего общества и просвещения и могли бы повести к выводам. Даже о числе книг в наших библиотеках мы не могли передать свежих и последних известий, тем менее о их деятельности. Печатные каталоги общественных и казенных библиотек весьма немногочисленны и частью устарели. Истории библиотек почти нет, кроме нескольких более значительных и университетских. О частных библиотеках, иногда весьма замечательных по богатству, или составу их, нет почти печатных сведений**. О публичных библиотеках, открываемых в разных городах, особенно в последние годы, довольно часто публикуется в газетах, но обыкновенно статьи о них состоят из объявления об открытии и пожертвованиях, из нескольких рассуждений и т.п. О ходе же дела,

* Печатая этот указатель, обращаемся с покорнейшею просьбою ко всем лицам, заведующим общественными и частными библиотеками в России, сообщать нам дополнения к нему и поправки. (Ред.)

** Заметим, что прежние библиофилы были рачительнее и внимательнее к своим сокровищам и печатали статьи о них и описи. Так, мы имеем каталоги библиотек, перешедших теперь в другие руки, гр. Бутурлина, Власова, кн. М.А.Голицына, гр. Головкина, П.Г.Демидова, Кастерина, гр. Разумовского, Свиньина, гр. Ф.Толстого, И.Н.Царского, А.Д.Черткова, А.Ширяева. В нынешнее время, разумеется, частные библиотеки теряют прежнее значение и собираются более со специальною, или ученою, целью, нежели из библиофильства, и сливаются с общественными собраниями.

об успехе или неуспехе учреждения, о пользовании и употреблении редко что-либо сообщается, и существенная сторона дела и отчетность ускользают от нашего внимания. Бывают исключения, — но они редки, — когда библиотеки, как некоторые университетские, например Одесская публичная, а в более широких размерах — петербургская Публичная, ежегодно обнаруживают отчеты о своих приращениях, средствах, о всем своем составе, а также и об употреблении библиотеки. Даже Петербургская академическая библиотека, для которой органом ее отчетности мог бы служить календарь и отчеты Академии, незнакома публике, хотя и открыта для нее. То же можно сказать почти о всех казенных библиотеках. Частные библиотеки для чтения тоже обыкновенно ограничиваются объявлениями в газетах об условиях подписки и печатанием кратких каталогов — и только; о ходе же подписки, денежном обороте, вообще об употреблении их ничего не узнаем.

Прекрасный пример — но которому никто не подражал — подал недавно г. Чернин, учредитель библиотеки для чтения в Твери, а потом в Москве, оглашением годичной деятельности своего заведения в Моск<овских> Ведомостях. Библиотеки Рязани и Твери тоже опубликовали свою деятельность. Отчетность библиотек должна быть полная, по возможности всесторонняя, и отчеты петерб<ургской> Публичной библиотеки могут в этом случае служить образцами и программой. При этом не должно бояться упрека за мелочность в передаче подробности и цифр, любопытных для немногих. Общественные учреждения должны подвергаться общественному надзору и суду и для этого должны оглашать свою деятельность вполне. От такой гласности, конечно, далеко до той совершенной безгласности, какая встречается у нас и при которой самое существование иных библиотек делается сомнительным. Если же останавливаться перед суждениями о том, что может быть интересно или неинтересно для большинства читателей, то, конечно, придется ограничиваться в публикации нужных сведений, потому что многим читателям не нужны вовсе самые библиотеки, не только отчеты о них. Но если мы видим равнодушие к знакомству с более практическими учреждениями, каковы, например, акционерные общества, и безучастие к ним самих акционеров, а не только к учреждениям на пользу образования и просвещения, которые считаются часто за лишнюю роскошь, то мы, конечно, никак не должны, в угождение этому безучастию, предаваться бездействию и молчанию. Рассуждениями о пользе библиотек, выхвалениями их учредителей и излишними радостными чувствами при их открытии, иногда в стихах, мы еще не много сделаем. Для истории, для статистики, наконец, для пользы самого дела нужны факты. Разве смотреть на эти объявления как на поощрительные средства к пожертвованиям и к возбуждению тщеславия учредителей и вкладчиков — но не следует же ими ограничиваться. Число читателей в русских библиотеках, опиши их и история, число подписчиков на журналы и газеты, обороты книжной торговли, таблицы о количестве печатаемых в России книг, списки типографий, с цифрами о их производительности и средствах, одним словом, все обстоятельства и подробности книжного дела у нас — вот данные, которые нужны для статистики просвещения, для заключений о степени нашего образования и умственных потребностей, и вот

чего еще нам недостает и чего, вероятно, не скоро еще дождемся от бедной нашей гласности.

Петербургский Книжный Вестник или Журнал Министерства народного просвещения могли бы служить органом для собирания и опубликования современных сведений о наших библиотеках и типографиях. Сведения же могут сообщаться как прямо и непосредственно от участников дела, так и косвенно, передачею всего, что печатается об этом в других журналах и газетах. Опыт такого обзора относительно публичных библиотек появлялся в некоторых книжках Журнала Министерства народного просвещения 1861 года: Московские Ведомости также довольно часто передают новости по этому предмету. Пусть наш указатель поможет собиранию таких сведений ссылками на прежние статьи и книги*, поведет, может быть, к соображениям и выводам и подстрекнет других к пополнению и распространению указанных в нем данных. <...> АВЧУРИНО (село, близ Калуги)

Здесь находится одно из значительных частных собраний русских книг, принадлежащее С.Д.Полторацкому. Начало этому собранию положил еще в прошлом веке Петр Кириллович Хлебников (ум. в 1777 г.), страстный собиратель, передавший охоту сыну своему. Она особенно богата старыми периодическими изданиями и многими материалами для истории русской литературы. Краткое сведение о ней сообщено было самим владельцем ее, С.Д.Полторацким, в Иллюстрации, т. II (1846, № 9). <...>

ВЛАДИМИР

Во Владимире основана была публичная библиотека еще в 1834 году и помещена была в дворянском собрании. Краткое известие об этом, А.Герцена, находим во Влад<имирских> Губ<ернских> ведомостях 1838 г., № 8. <...>

ВЯТКА

Публичная библиотека здесь открыта была еще в 1837 году, декабря 6 дня, и по этому случаю сказана была А.Герценом речь. Тогда же напечатанная (4°, 6 стр.) и перепечатанная в Сев<ерной> пчеле 1862 года, № 143. <...>

МОСКВА

Публичная библиотека при Музее открыта 6 мая 1862 года. В нее вошла библиотека Румянцевского музея, богатая рукописями, описанными Востоковым, и книгами о России, значительное собрание книг из Эрмитажа и Публичной петербургской библиотеки, исторические книги покойного К.М.Бороздина и др. Она помещена в известном доме, бывшем г. Пашкова. Положение и штат ее утвержден 19 июня 1862 года (Московские Ведомости, №176). Об нем см. подробный отчет в апрельской книжке 1864 года Журнала Министерства народного просвещения. <...>

Из частных собраний рукописей и старых книг замечательны В.Ундольского, И.Забелина, Ф.Буслаева, Н.Погодина, Н.Тихонравова, В.Касаткина, Рахманова, Солдатенкова, Хлудова; собрания русских журналов

* Указание книг и статей о библиотеках в России см. также в моей «Литературе русской библиографии» Спб., 1858.

и вообще русских книг у гг. В.Кокорева, А.Афанасьева, М.Лонгинова; по русской истории у профессора Бодянского. <...>

Библиотека книг иностранных у С.Соболевского (до 20 000 т.) и покойного кн. С.М.Голицына, назначенная к открытию вместе с его картинною галереею. Первая замечательна по части путешествий и библиографий, вторая инкунабулами и роскошными и редкими изданиями.

ПЕТЕРБУРГ

Императорская Публичная библиотека. Не считая нужным передавать здесь кратко историю и описание нашего славного книгохранилища, о котором столько писано, укажем только на путеводитель ее и на обстоятельную о ней брошюру: Императорская Публичная библиотека в эпоху ее перехода в ведомство Министерства народного просвещения. Спб., 1863 год (из октябрьской книжки Журнала Министерства народного просвещения). После того, в ноябре 1863 года, открыта комната для чтения журналов.

Напечатанные книги и статьи о Публичной библиотеке указаны в книге: Литература русской библиографии, Геннади, Спб., 1858, а издания ее описаны в *Catalogue des publications de la bibliothéque. J.P.de St.Pet. 1861*¹.

Библиотека Академии наук. Основанием ее послужили книги, собранные Петром Великим, Арескиным, Брюсом, Шафировым. В 1728 году она была помещена в здании кунсткамеры. В 1741 году напечатано описание ее (с рисунками) на трех языках (см. Ученые записки Академии по I и III отд., т. 1, стр. 321 и 531) и в следующем каталоге (см. мою Литературу русской библиографии, стр. 85 и 178). При императрице Елисавете, в 1747 году, назначено на содержание библиотеки и кунсткамеры 2000 р. в год и в том же году она пострадала от пожара. К пятидесятилетию юбилею в 1776 году в ней, однако, было уже более 36 000 <книг>; библиотека состоит из двух отделов: русского и иностранного, состоящих под ведением двух академиков. Она открыта для публики ежедневно, по утрам. <...>

Из частных библиотек в Петербурге укажем некоторые нам известные:

- 1) Д.В.Поленова – собрание книг по русской истории и разные издания сочинений русских писателей.
- 2) И.И.Срезневского – хорошее собрание книг о славянских землях, и особенно по истории и языкознанию.
- 3) Проф. Куторги – избранная библиотека по древней истории.
- 4) Бывшего лектора университета Джустиниани – большое собрание, разнообразного содержания, на разных языках. Особенно много изданий классиков и книг о России.
- 5) Графа Н.П.Панина – отборное собрание книг иностранных писателей о России.
- 6) Графа В.П.Орлова-Давыдова. Здесь между прочим греческие рукописи, кушанные им во время путешествия на Восток (см. Библиотеку для чтения, 1837, № 2, смесь, стр. 60).

¹ Каталог публикаций императорской библиотеки в Санкт-Петербурге. 1861 (фр.).

7) Академика А.Куника, значительная библиотека книг о России и библиографических редкостей.

8) М.И.Семевского, книги о России, рукописи преимущественно по новейшей русской истории и литературе.

9) Графа С.Г.Строганова, книги, относящиеся до России, и замечательные рукописи. <...>

ПОРЕЧЬЕ (село Можайского уезда)

Здесь находится богатая, особенно классиками, историческими сочинениями и редкими изданиями библиотека, собранная бывшим министром просвещения гр<афом> С.С.Уваровым. К ней присоединились собранные его сыном графом Алексеем Сергеевичем русские книги и рукописи. К нему поступили рукописи, принадлежавшие И.Н.Царскому, И.П.Сахарову, С.Д.Полторацкому. Граф начал печатание некоторых своих памятников изданием сочинений Кирилла Туровского.

РЯЗАНЬ

Публичная библиотека, которую пытались устроить еще в 1830 году, открыта собственно 1 декабря 1857 года и состояла тогда из 1000 названий книг, и об открытии ее тогда же возведено было в Моск<овских> Ведомостях (№ 16 и 58), а отчеты библиотеки за 1858 и 1859 годы и напечатаны там же, в № 58 1860 года. С самого основания библиотека получила значительные взносы деньгами и книгами (от гг. Рюмина, Полуденского и др.). В ней более 3000 томов книг и 4000 номеров периодических изданий. О деятельности ее сообщено в Рус<ском> Дневнике 1859 года, № 23. Отчет за 1860 год в Ряз<анских> г<убернских> вед<омостях> 1861 года, 1 —, а за 1861 год в вед<омостях> 1862 года, № 6 и в Сев<ерной> Почте, 1862, № 17. Печатный каталог издан в 1859 году. <...>

СИМБИРСК

Начало Карамзинской публичной библиотеки положено в 1846 году пожертвованием книг (до 4000 томов) покойного Н.Языкова — от его братьев — бумагами Карамзина и другими взносами. Она помещена была в доме дворянского собрания, обеспечена ежегодным взносом от дворян, открыта 18 апреля 1848 года для посетителей и подписчиков, под названием Карамзинской, в память историографа, уроженца Симбирской губернии. В 1859 году в ней было на русском языке более 4500 томов, на французском — 1251 и пр., всего до 6500 томов; к 1863 году — 7700 томов. Каталог русских книг напечатан (Московские ведомости 1860 г., № 80 и официальный отчет за 1862 г.). Об открытии ее см. Московские ведомости 1857 года, № 32 и Северная Пчела, № 92 и также Моск<овские> ведомости 1859 года, № 24 и Северная Почта 1862 года, № 242. <...>

ЯРОСЛАВЛЬ

<...> Библиотека Е.И.Якушкина. Собрание журналов, полное собрание альманахов, книг по истории России, этнографии и пр.

ЖЕНЩИНЫ И КНИГИ

Ж<енщины> и к<ниги>! Что тут общего? Что значит это сближение? Что это — насмешка, странность, новость? Если это исследование сперва

о женщинах, потом о книгах; или о женщинах, которые говорят, как книги, и о книгах, в которых говорится о женщинах? Кажется, женщины не похожи на книги и можно говорить последовательно, но не вместе об этих двух предметах. Извините мне слово *предмет*, когда говорю о ж<енском> прекрасном поле. Когда дело идет о рассуждении и сравнении, то все может быть *предметом* – и чувство, и мысль, и цветы, и музыка, и женщины.

Да, ж<енщины> и к<ниги> – две ве... извините, два предмета совершенно разные в самом деле.

Книга, во-первых, вещь, и вещь четырехугольная, сухая, жесткая, составленная из мертвых букв и безжизненной бумаги, подающая слабые, бессмысленные звуки, и то только тогда, когда ее перевертываешь, и не рассуждающая сама по себе, а служащая только переводчиком чужих мыслей.

Ж<енщина> – существо с круглыми, изящными формами, с телом, с жизнью, с движением, говорящее и поющее, иногда рассуждающее и даже здравомыслящее.

Но хотя не бывает круглых книг и четырехугольных женщин и хотя книги вещи мертвые, но часто бессмертные, женщины существа живые, но скоропреходящие, однако между ними много сходного, близкого и общего.

Книги бывают легкие, милые, красивые, ручные, отрадные уму и сердцу, и ж<енщины> тоже.

Книги бывают тяжелые, неуклюжие, некрасивые, неловкие, не трогющие ни ума, ни сердца, и ж<енщины> тоже.

Книги, некоторые впрочем, доставляют множество наслаждений, занимают ум, оживляют воображение, приятно волнуют сердце, пробуждают воспоминания, создают мечты, наконец, улаживают зрение, и ж<енщины> тоже.

Книги, некоторые, а порою и все, надоедают и бесят и, ж<енщины> тоже. Но тут есть разница: книгу можно поставить на полку, подарить или в порыве негодования бросить под стол и сжечь; с ж<енщиной> этого сделать нельзя. Хотя один из моих приятелей, негодующий на супружескую жизнь, и говаривал:

По-моему, чтоб зло пресечь,
Так взять бы ж<енщин> всех и сжечь.

И в ответ на мое неотразимое возражение о невозможности такого великолепного женосожжения переделал эти стихи так:

По-моему, чтоб зло пресечь,
Так всех бы женщин пересечь.

Я ответил, что это совершенно невозможно и бесполезно, и тем дело кончилось.

Сколько сходного в впечатлении, которое производят книги и ж<енщины> в знакомстве и обхождении с ними. Вам попадаетесь миленькое новенькое французское издание, с картинками и украшениями, с красивою печатью, на гладкой бумаге, в изящном переплете. Вы с любопытством рассматриваете его, любуетесь, просматриваете оглавление и имена известных авторов, и интересные заглавия заманивают вас. Вы развертываете книгу, принимаетесь читать одну статью – скучно, вяло,

другую — пусто, третью — глупо, и только из уважения к переплету не бросаете вы книгу, но осуждаете ее на забвение и презрение.

Вы встречаете женщину; она довольно миловидна, свеженькая, тонкокожая, румяная, разряженная и разукрашенная; вы знакомитесь с нею, танцуете, начинаете разговор, но говорите об одном — и получаете в ответ пустую фразу, о другом — пошлость, о третьем — глупость, и вы оставляете новую знакомку, изрекая над нею непреременный суд, и черты ее улетают из вашей памяти.

Но есть любители, знатоки, библиофилы; они Бог знает где, в пыли, в старом хламе открывают сокровища. Глядишь — книжка небольшая, невидная, растрепанная и старая, в плохом переплете или неуклюжий фолиант — а за него даны большие деньги, он приобретен с трудом и хлопотами и обладатель этой книги ценит и часто перевертывает ее желтые листы и ни за что не расстанется с нею. Иногда за какую-нибудь страницу или картинку и особенность книга привлекает внимание и нравится. По ничтожному признаку узнают достоинство книги. Опечатка в глазах библиофила может быть хорошим признаком, и, найдя ее, он восклицает:

C'est elle... Dieux! que je suis aise!
Oui... c'est... la bonne édition;
Voilà bien, page neuf et seize,
Les deux fautes d'impression
Qui ne sont pas dans la mauvaise¹.

А с женщинами разве не то же? Смотришь на иную из них: она и не так уж молода, и черты лица далеко не безукоризненные, и волосы не роскошные, и зубы не жемчугообразные, кажется, и ума и сердца в ней немного. А глядишь — она нравится и влечет к себе, завоевывает хорошего человека и он любит, и холит ее, и души в ней не знает. А иногда, по-видимому, недостаток в наружности женщины в глазах иных людей служит порукою скрытых качеств и милых свойств. Иные, например, не любят слишком маленький рот, рыжие волосы, ямки на щеках, сросшиеся брови, бородавки и т.п., а для некоторых это составляет особенную прелесть и совершенное удовольствие.

Спб., 1852, апрель.

Быль эту можно бы и больше пояснить,
Да чтоб гусей не раздражить.

ИЗ ПИСЕМ

1. *С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 1 марта 1852 г.*
Обзор русской журналистики опять заставил меня мечтать о списке журналов. Дождусь ли я его? Увижу ли хоть материалы ваши? Передайте их хоть Тихонравову, с тем, чтобы он сообщил кое-кому, особенно собирателям русских журналов, для дополнений.

2. *С.Д.Полторацкому. Из Москвы в Авчурино, 18 октября 1853 г.*
Как досадно, что вас нет. Но, пользуясь вашим позволением, я таки пороюсь в ваших шкафах, где на досуге мог бы извлечь очень многое для своих картонов, списков, материалов и проч<его>.

¹ См. примеч. к статье "О редких книгах, в особенности русских".

3. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 29 декабря 1857 г.

Я перебираю нек<оторые> старые журналы в Пуб<личной> б<иб-
лиотеке>. На первых порах не оказалось след<ующих> изданий: 1) По-
дешница 1768 года, 2) Аврора, 3) Сев<ерная> пчела 1807 года, 4) Мои
досуи, 2 ч. 1801 года, 5) Муза Мартынова с 1796 года, 6) Парнасский
мотылек 1808 года. Увы! Где искать их? Хоть бы увидеть! Разве поехать
в Авчурино?

4. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 25 февраля 1856 г.

Получил, с неожиданным удовольствием, два тома дю Рура. Есть
вещи очень любопытные. Когда я показал книгу Джустиниани, у него
слюнки потекли и он предложил мне 5 рублей за них, а я ему шыш.

5. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 25 февраля 1856 г.

Ну теперь поцалуемся. Есть ли у вас Руссова библ<иографический>
каталог рос<сийским> писательницам? Злодей, вы увезли мои брошпор-
ки о Потемкине и Иване и не дали их и понохать.

6. С.Д.Полторацкому. Из Юшино в Москву, 10 августа 1856 г.

У меня в библиотеке образуется особый род потешных или забавных
книг... библ<иофильские> игрушки или балаболки. Покуда еще одна
полка. Тут, например, Петерб<ургские> сумерки Страхова, напечатан-
ные голубыми чернилами, Похождения Пошехонцев, книги без ъ-ов, со-
чинения Анаевского, Совест-драл, Смеющийся Демокрит и tutti quanti.
Не знаю, сделать ли в моем каталоге (который теперь пишется на лист-
ках) особого отдела?

7. С.Д.Полторацкому. Из Юшино в Москву, 24 июня 1857 г.

Сегодня утром было жарко, я в полдень лежал под липами в сетке
(hamas) и читал прелестную статью Забелина о рус<ских> женщинах
в старину (в Р<усском> вестнике). Сегодня же, после полудня,
просматривал свои журналы; за какой ни возьмусь, либо книги, либо
листа нет. Приходится затынуть песню о горе-злосчастии <...> Мне хорошо
в деревне, с хорошими соседями, с французом поваром, с новыми жур-
налами и старыми книгами, напоминающими своим запахом толкучий
рынок и Сухареву башню.

8. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 29 декабря 1857 г.

На днях на толкучем продана Пустомеля за 10 р. сер<ебром>, но не
мне. Я перестаю быть библиоманом и узнаю цену денег и книг.

9. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 2 марта 1853 г.

У меня на днях были Анненковы, издатели Пушкина. Кое-что им
сообщил, между прочим сведения о 12 разных печатных портретах Пуш-
кина. Вообразите, что они не читали статьи его отца в приложении к
Отеч<ественным> Запискам, не видели Одесского альманаха, где рису-
нок его дома!

10. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 2 марта 1853 г.

В Публичную библиотеку поступила брошпорка: Dianologic etc, печатанная в Лондоне!!! Что дадите, если достану? Эдакие подвиги бескоры-
стно нельзя совершать.

Портрет восьмой
В ДАР ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Александр Васильевич Никитенко, автор известного трехтомного дневника, записал 20 ноября 1871 года: "Лонгинова не иначе называют в публике, как Мишкою Лонгиновым. Он никогда не пользовался ни малейшим уважением в обществе. Репутация его всегда была репутацией непристойного весельчака, крикуна, не способного ни к какому серьезному делу. В литературе он известен как собиратель разных исторических и литературных мелочей. Особенно же он прославился стихотворениями самого скандального содержания. Есть его непечатная поэма "Отец", в которой кощунство и безнравственность доведены до *plus ultra*. Сам Барков покраснел бы от стыда, читая эту поэму. Но стихи в ней замечательно хороши"¹.

Эта запись сделана в связи с распространившимися слухами о назначении Лонгинова на пост начальника Главного управления по делам печати. Через два дня Никитенко снова пишет: "У Литке разговор также о назначении Лонгинова на место Шидловского. Всеобщее удивление и смех"². Конечно, академикам, собравшимся на вечер к своему президенту, можно было и посмеяться: издания Академии наук не подлежали

общей цензуре. А русской прессе вскоре стало не до смеха. "Весельчак Мишка" показал острые коготки и зубки. Четырехлетнее правление Лонгинова было ознаменовано такими "подвигами", которые даже для Главного управления по делам печати — учреждения, которое отнюдь нельзя было заподозрить в симпатиях к родной литературе, — были чем-то из ряда вон выходящим...

Но не всегда, нет, не всегда был таким Михаил Николаевич Лонгинов, и Никитенко очень ошибается, говоря, что тот никогда не пользовался уважением в обществе. Это было далеко не так: среди своих самых душевных друзей Лонгинов некогда числил Тургенева и Некрасова, письма которых к нему полны выражений самой искренней симпатии. Не прав был Никитенко и в оценке научно-литературной деятельности Лонгинова. Его труды, посвященные, как правило, второстепенным и забытым русским писателям, вовсе не были "разными мелочами", они основаны на глубоком изучении отечественной книги, в особенности XVIII и начала XIX века, — область, в которой Лонгинов в те годы не знал себе равных. Даже по самым неполным подсчетам список его трудов составляет три сотни названий. Среди них такие значительные, как "Новиков и московские мартинисты", "Воспоминание о П.Я.Чаадаеве", "Драматические сочинения Екатерины Второй". А многочисленные заметки о Пушкине, Грибоедове, Карамзине, Радищеве, Крылове, Жуковском, о десятках писателей XVIII и XIX столетий!

"Вы — отец и командир всей пишущей <...> братии нашей. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по русской части биографической и библиографической, вы все прочуяли, переведали, пересмотрели, до всего добрались и продолжаете добираться. <...> Всеведение и память ваша изумительны!"³ — так писал Лонгинову Петр Андреевич Вяземский.

Многие из работ Лонгинова и теперь не устарели, не перекрылись позднейшими исследованиями. В вышедшем не так давно (1976) указателе, созданном библиографами Публичной библиотеки, — "Русская художественная литература и литературоведение", дающем сведения только о трудах, не потерявших научно-справочного значения, указано 16 работ Лонгинова⁴, а это для такой хорошо изученной в последние десятилетия области, как русская литература, — очень много.

Мы уже не говорим о том, что Лонгинов был и выдающимся библиофилом, — об этом речь впереди. Заслуги его перед русской культурой, безусловно, имеют право на внимание потомства... И все же, кто бы ни писал о Лонгинове в последние 50—60 лет, все обращают внимание в основном лишь на последние четыре года его жизни, на его приснопамятную деятельность гонителя родимой печати. Уничжительные отзывы, бранные эпитеты — вот все, что мы прочтем о Лонгинове. Без сомнения, он это заслужил. В России, где судьба литературы всегда зависела от произвола цензурно-полицейских инстанций, титул гонителя печати — самое позорное. Так ему, Лонгинову, и надо, — скажет читатель.

Однако не приспело ли время рассказать и о другом, молодом Лонгинове, друге Тургенева, Некрасова, Панаева (и его красавицы жены), сотруднике "Современника", неутомимом библиографе и библиофиле? Ведь это необходимо не только во имя исторической справедливости, но и для обогащения нас самих: целый ряд лучших работ Лонгинова

(не только библиографических, перечисленных в указателе Публичной библиотеки, но и историко-книжных и библиофильских), безусловно, нуждается в переиздании: интерес к ним современного книголюбца был бы очень велик, а опубликованы они в малодоступных старых изданиях. Так попробуем рассказать, каков он был в свои лучшие годы, этот "весельчак и крикун".

Михаил Николаевич Лонгинов родился в 1823 году в семье человека состоятельного и сановного — сенатора, действительного тайного советника, статс-секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны, члена Государственного совета Николая Михайловича Лонгинова. Несмотря на все эти пышные титулы, он был, что называется, парвеню, выскочкой, сыном сельского священника, так что и дворянство его было благоприобретенным. Когда-то, в ранней молодости, он был замечен русским посланником в Лондоне графом С.Р.Воронцовым (молодой человек служил в православной церкви посольства), который помог ему сделать первый шаг — и полетел смысленный и ловкий попovich вверх по служебной лестнице. Но справедливость требует сказать, что был он человеком честным, деятельным, любителем книг, чрезвычайно начитанным. В его доме собирался весь литературный бомонд.

Сын его Миша получил блистательное воспитание: мальчику давали уроки Гоголь и Жуковский. Любовь к литературе, к книге зародилась в нем с детских лет. Мальчик поступил в Царскосельский лицей, а по окончании его — на камеральное отделение юридического факультета Петербургского университета. Далее началась его служебная деятельность: сначала в Петербурге, затем в Москве; в 1867 году он был назначен губернатором в Орел, а через четыре года, как мы уже знаем, стал начальником над многострадальной российской печатью. На этом посту он и умер в январе 1875 года, не дожив и до 52 лет.

Замечательную, очень характерную историю поведала в своих воспоминаниях Авдотья Яковлевна Панаева. Событие произошло в 1848 году, в мрачное время, после ареста петрашевцев, когда страх объял всех мыслящих людей, всчасно ожидавших ареста. "Раз, в два часа ночи, — рассказывает она, — мы сидели и слушали рассказ Панаева, только что вернувшегося домой с новостями о деле Петрашевского и его соучастников. В эту самую минуту раздался сильный звонок у парадной двери. У всех мелькнула одна и та же мысль: какой мог быть посетитель в такую пору? <В.П.>Боткин так испугался, что начал умолять не отворять двери и дать ему время убежать с черного хода. Ему доказывали, что его задержат и там и он этим может хуже повредить себе. При втором звонке он скрылся из комнаты. Тревога оказалась напрасной. Это был Лонгинов, вздумавший заехать к нам... Никто не мог ожидать, — добавляет она, — что из тогдашнего добряка, лентяя, вечно острящего над цензорами, сделается через несколько лет самый ужасный преследователь печати"⁵.

Действительно, ожидать такого не приходилось. В 1848 году Лонгинов был в полном смысле слова своим человеком в редакции некрасовского "Современника". И не только как приятель редакторов, но и как деятельный сотрудник.

За 10 лет работы в журнале он поместил на его страницах сорок публикаций — статей, библиофильских разысканий и даже одну повесть. Специально для него в журнале был организован отдел под названием "Библиографические записки", в котором он рассказывал о находках в мире книг и рукописей. В сущности, Лонгинов (вместе с М. Михайловым) был родоначальником того жанра, который ныне называется "рассказы о книгах". Об этом забыли потомки, но современники Лонгинова очень хорошо это знали и высоко ценили.

С.А. Соболевский писал Лонгинову: "Сухое исчисление листов, номеров, содержания и прочего ты мог бы приправить занимательными библиографическими рассказами, на это ты великий мастер"^{5а}.

"Библиографические записки" Лонгинова, очевидно, очень нравились читателям, ибо такой опытейший редактор, как Некрасов, постоянно добивался от Лонгинова этих материалов. Известны 20 писем Панаева к Лонгинову с приписками Некрасова, содержащие настоятельные просьбы о присылке новых "рассказов о книгах". Они относятся в основном к 1857—1858 годам, когда Лонгинов уже жил в Москве. "Да что ты замолк литературно? Что твои заметки?"⁶ — спрашивает И.И. Панаев. "Если бы ты по старой памяти дал нам какую-нибудь пикантную хоть небольшую вещь, ты крайне обязал бы меня и Некрасова"⁷, «Да в память старого напиши что-нибудь поинтереснее и поделнее для „Современника“⁸» — вот как просили тогда Лонгинова. Когда Некрасов лечился за границей и получил там вышедший без него том "Современника" с очередными "Библиографическими записками" Лонгинова, в которых, среди прочих материалов, был впервые опубликован пушкинский "Арион", он писал: «Милый, душевно любимый и уважаемый мною Лонгинов! <..> Твои "Библиографические записки" мы с Тургеньевым почитываем с удовольствием. Труды твои по этой части приняли очень цельный характер. Мы спасибо тебе сказали в Париже между прочим за то, что ты напечатал „Нас было двое на челне“⁹» (у Некрасова описка: "нас было много". — Л.Р.). Действительно, опубликование "Ариона" имело громадное значение для выяснения общественной позиции великого поэта после декабря 1825 года.

В составе "Библиографических записок" впервые увидели свет и другие стихотворения Пушкина, а также Лермонтова, который приходился, к слову сказать, родственником Лонгинову (мать последнего была из рода Арсеньевых), и юный поэт бывал у них дома¹⁰. Там же впервые опубликованы некоторые стихотворения Дельвига, Батюшкова, заметки о Чаадаеве, материалы о Новикове и Радищеве. Все это в основном было сделано по рукописному собранию самого Лонгинова. Были там и рассказы о находках в мире старых книг; некоторые из них читатель найдет в сборнике. Все они составляли значительный массив новых сведений по истории русской книги, литературы, культуры.

В те годы Лонгинов был (или слыл) отчаянным вольнодумцем, и это не могло не сказаться на его публикациях. Он стал первым в русской печати автором статей о Новикове и Радищеве. Правда, писаниям его об этих замечательных людях недоставало политической остроты (даже в пределах подцензурных возможностей), но сам выбор имен уже говорил за себя...

Лев Николаевич Толстой рассказывал много лет спустя Петру Андреевичу Сергеевскому: "Когда я жил в Петербурге, там был некто Лонгинов. Он имел какое-то отношение к литературе, водил знакомство с сотрудниками "Современника" и считал себя большим либералом. Однажды у Некрасова был вечер, на котором и я присутствовал; от Лонгинова было получено письмо, прочитав которое, Некрасов почему-то нашел нужным показать мне. В письме к Некрасову Лонгинов спрашивал, правда ли, что граф Толстой, т.е. я, с дрянной душонкой, т.е. не разделяю каких-то либеральных воззрений. Я был страшно возмущен и, вернувшись домой, написал Лонгинову грубое, резкое письмо с вызовом на дуэль. И на другой день после вызова, будучи в одном собрании, где присутствовал и Лонгинов, я нарочно несколько раз проходил мимо него с вызывающим видом. Но история эта внезапно осложнилась с другой стороны: Некрасов, узнав о моем вызове на дуэль, заявил мне: "Ежели вы будете стреляться с Лонгиновым, то должны будете стреляться и со мною, потому что истинный виновник этого недоразумения — я, сделав неосторожность и показав вам письмо Лонгинова"... Я не сдавался. Но так как никакого ответа со стороны Лонгинова на мой вызов не последовало, то в конце концов эта нелепая история и закончилась, к счастью, ничем"¹¹.

С проездом в Москву происходит постепенное охлаждение Лонгинова к "либеральным воззрениям" (хотя до поворота к реакции было еще далеко). Началось все с вынужденного разрыва с Некрасовым во время известного конфликта между "Современником" и Тургеневым. Лонгинов, обожавший Тургенева, встал в споре на его сторону, тем более, что "Современник" все более становился журналом Чернышевского. Несмотря на продолжавшиеся еще некоторое время призывы Панаева, Лонгинов в конце 1850-х годов перестал сотрудничать в этом журнале, перейдя полностью в "Русский вестник" Каткова.

Надо сказать, что в те годы журнал еще не был реакционным, да и имя Каткова еще не стало одиозным. Вспомним хотя бы, что в "Русском вестнике" печатались "Отцы и дети" (пройдут годы, и на пушкинских торжествах Тургенев не подаст руки Каткову). В этом солидном журнале в течение многих лет появлялись разыскания Лонгинова о старой русской книге; там же публиковались такие крупные его работы, как "Новиков и Шварц", "Воспоминание о П.Я.Чаадаеве" и др.

Затем он все-таки покидает Каткова и переходит в "Русскую старину", на страницах которой было опубликовано несколько десятков его заметок и статей на самые различные темы, касающиеся русской литературы и культуры. Назовем темы только некоторых из них. Это — Фонвизин, Д.Давыдов (его эпиграммы), Ф.Туманский, С.Г.Домашнев, И.П.Елагин, Ф.И.Дмитриев-Мамонов, братья Нарышкины, А.В.Олещев, супруги Ржевские, Ф.Эмин, Е.С.Урусова... Всего и не перечислишь. Как правило, это заметки о забытых авторах, притом даже не столько о них самих, сколько об изданиях их произведений. Потому заметки интересны именно книговедам: библиографам, историкам книги и, конечно, библиофилам. Печатался Лонгинов и в "Русском архиве", где также помещено несколько десятков его произведений. По нашим подсчетам, его публикации в этом издании приближаются к 70. Вот некоторые из них: Ганни-

балы, Екатерина II и ее сподвижники (7 статей), Радищев, кн. Репнин, княжна Тараканова, Мельгунов, Чаадаев, Баратынский, Глинка (М.И.), Грибоедов, Карамзин, Крылов, Лажечников, Жуковский, Сумароков... Исчерпывающей библиографии трудов Лонгинова не существует¹², и сколько еще, быть может, забытых его вещей покоится в недрах старых журналов!

Автор известного всем книжникам труда "Моя библиотека" Д.В.Ульянинский, собиравший отгиски статей Лонгинова, имел их около трехсот. Вот каких вершин трудолюбия достиг "лентяй" Лонгинов.

А знаток старой книги он был первостатейный. В Рукописном отделе Пушкинского дома в его архиве хранятся письма П.А.Ефремова (их 12, за разные годы), в которых последний, сам крупнейший специалист, редактор сочинений многих писателей XVIII века, обращается к Лонгинову за советами, как к высшему авторитету в этой области. "Вашим вниманием я особенно дорожу и ценю его очень высоко. Я давно хотел и должен был сказать вам это"¹³, — пишет Ефремов Лонгинову в 1868 году (впоследствии, когда Лонгинов стал начальником над печатью, их отношения испортились: Ефремов считал, что это Лонгинов не разрешил выхода в свет сочинений Радищева)¹⁴. С подобными же просьбами обращались к Лонгинову Геннади, Михайлов, Гербель, Хмыров, Полуденский. Высоко ставили его как знатока книги Соболевский и Полторацкий. Интереснейшая переписка между всеми этими лицами остается неопубликованной, за исключением нескольких фрагментов в работах, посвященных некоторым из корреспондентов Лонгинова (в основном, Соболевскому, Полторацкому и Геннади)¹⁵. Среди довольно пестрой творческой биографии Лонгинова выделяются три темы, три имени, которыми он занимался до конца жизни. Это — Новиков, Чаадаев и Пушкин.

Правда о трагедии Новикова долгое время была одной из тайн самодержавия. Белинский выражал сожаление о том, что еще так мало известно об этом замечательном человеке. Только в начале 1850-х годов началось разыскание новиковских документов, а с падением николаевского режима появилась и возможность частичного их опубликования. "Библиографические записки" начали в буквальном смысле слова войну с цензурой за право этих публикаций.

Когда Лонгинов свою работу "Новиков и Шварц" отдал в "Русский вестник", Некрасов и Панаев были очень обижены, но Лонгинов, тогда еще сохранявший с ними приятельские отношения, объяснил им, что эта работа, в политическом отношении довольно острая, на страницы "Современника" просто не была бы пропущена цензурой, в то время как влиятельный Катков в Москве мог добиться пропуска такого материала. Петербургские друзья Лонгинова вынуждены были согласиться с его доводами.

Автору сего очерка хочется обратить особое внимание книгособрателей на эту работу: к отдельному ее изданию (1858) приложен список книг, выпущенных в свет замечательным нашим просветителем: "Роспись книгам, печатанным в университетской типографии у поручика Новикова".

Статья полна пиетета перед "благородной, гуманной личностью" Новикова и уважения к его деятельности. Далее последовал целый каскад

новиковских статей Лонгинова: "Новые подробности для биографии Новикова и Шварца", "Посещение села Авдотьино-Тихвинского, принадлежавшего Н.И.Новикову", заметки различного характера и, наконец, как венец всего, — капитальное исследование "Новиков и московские мартинисты" (М., 1867). В книге собрано все, что к тому времени было известно в России о Новикове, и к книге был приложен каталог масонских изданий Новикова, ставших библиографической редкостью. Этот список полезен всем лицам, собирающим редкую русскую книгу.

В 1867 году декабрист Н.И.Тургенев писал из Парижа П.И.Бартеневу: "Книга г. Лонгинова, которую он мне прислал и которую я теперь читаю, есть весьма замечательное явление в нашей словесности. <...> Меня уже сильно поражает рассказ его. Он представляет нам людей самых честных, добрых, религиозных, которые как-то неожиданно воспрянули посреди общества, погруженного в глубокий мрак в нравственном и особенно в гражданском отношении. <...> Любовь к людям вообще и к своей земле в особенности привели их к добру практическому, к добру образованности и просвещения, в коих Россия наиболее нуждалась. <...> И посреди этой благородной святой деятельности они вдруг очутились лицом к лицу пред глупыми и злыми невеждами, которые обвиняли их в таких преступлениях, о каких допрашиваемые не помышляли и не могли помышлять! Защита для них была невозможна. Это явствует из всего рассказа автора"¹⁶.

С пространной рецензией на эту книгу выступил видный ученый А.Н.Пыпин. И до сих пор книга Лонгинова о Новикове используется исследователями как самый полный в XIX веке свод фактических и библиографических материалов. Биографические сведения о Новикове Лонгинов собирал до конца жизни, посетивший его незадолго до смерти Я.Ф.Березин-Ширяев видел на его столе портрет Н.И.Новикова¹⁷.

В 1854 году Лонгинова перевели по службе в Москву и тогда же, очевидно, он познакомился с П.Я.Чаадаевым. Можно предположить, что ввел его в этот дом С.Д.Полторацкий, который тогда был особенно близок с "басманным отшельником". Лонгинов начал постоянно посещать чаадаевские понедельники. Высокая интеллектуальная и нравственная атмосфера, окружавшая философа, произвела на Михаила Николаевича громадное впечатление. Он стал пылким поклонником Чаадаева, а после кончины философа — его биографом.

Не успела земля принять прах друга Пушкина, как началась борьба за спасение от забвения его имени. Ведь оно было под запретом двадцать лет. Даже некролог, написанный для "Московских ведомостей" цензура не пропустила, и осталось лишь формальное извещение о похоронах.

Тогда за дело принимается Лонгинов. Прежде всего надо было позаботиться о публикации некролога. Лонгинов его написал и после больших хлопот сумел-таки напечатать, и не где-нибудь, а в "Современнике", который читала вся грамотная Россия. Все перипетии этого непростого дела отражены в его неопубликованных письмах к С.Д.Полторацкому, находившемуся в это время в Петербурге (письма эти хранятся в отделе рукописей ГБЛ и частично опубликованы в нашем сборнике)¹⁸. Как бы прикрывая, маскируя это первое после 20 лет молчания известие об опальном философе, рядом с некрологом была помещена очарователь-

ная история о комедии отца Чаадаева "Дон Педро Прокодуранте", величайшей библиографической редкости. Ее читатель найдет в этой книге. Затем состоялось выступление Лонгинова в Обществе любителей российской словесности с воспоминаниями о Чаадаеве, опубликованными затем на страницах "Русского вестника"¹⁹. Это была первая крупная вещь, посвященная философу. Далее последовал цикл статей и заметок, перечислять которые мы здесь не станем — их очень много. В архиве Лонгинова (в Пушкинском доме) хранится начало последней, неоконченной статьи Лонгинова, в которой он пишет, что вот уже десять лет беседует с публикой о покойном Петре Яковлевиче Чаадаеве.

Отметим еще вот какую деталь: когда в 1862 году в Париже были изданы сочинения Чаадаева (осуществил это князь Гагарин, ставший членом ордена иезуитов)²⁰, то книга была сразу же запрещена к обращению в России. И что же делает Лонгинов? С самым невинным видом он сообщает на страницах "Русского архива" (1863 год) о выходе в свет этой книги и выражает радость по поводу ее появления.

Огромное впечатление производят письма Полторацкого и Лонгинова, являющиеся откликами на смерть Чаадаева (первые хранятся в Пушкинском доме, вторые — в Библиотеке им. Ленина). Опубликование их могло бы пролить дополнительный свет на жизнь философа в его последние годы и на его ближайшее библиофильское окружение. А мы очень мало об этом знаем²¹. Но письма книговедов имеют роковую особенность оставаться навсегда в хранилищах, разве какой-нибудь фрагмент вынырнет в какой-либо книге или статье.

"Я восхищен твоею статьею "Воспоминание о Чаадаеве", — пишет Полторацкий. — Прелесть, да и только. Как бы ему было приятно прочесть это!! <...> Неужели тебе позволили *все* прочесть, *без пропусков*, в заседании 24 апреля?"²² Речь здесь идет, как видит читатель, о речи Лонгинова в Обществе любителей российской словесности, в которой содержались, очевидно, довольно острые в политическом отношении места (Лонгинов в те годы любил метать громы и молнии в адрес реакции). Найти этот текст пока не удалось, нам известен лишь приглаженный вариант, опубликованный в "Русском вестнике", но и того, что известно, вполне достаточно, чтобы считать Лонгинова активным исследователем жизни и личности Чаадаева.

Назовем третье имя, вызывавшее благоговейное уважение и любовь библиофила: Пушкин. Не забудем, что Лонгинов учился в Царскосельском лицее в 30-е годы, когда там складывался культ великого поэта. У себя дома он также много слышал о Пушкине. Ведь он был воспитанником Гоголя и Жуковского. Затем с увлечением читал статьи Белинского о Пушкине, которые в те годы ставил необычайно высоко. Так в его жизнь вошел Пушкин, вошел прочно, навсегда.

В Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина в архиве С.Д.Полторацкого хранится копия составленного Лонгиновым двухтомного собрания произведений Пушкина, не вошедших в издания его сочинений, с обширным, тщательно составленным историко-литературным и библиографическим комментарием — 530 страниц текста, содержащих 120 стихотворений и 12 прозаических отрывков, либо неизвестных пушкинистам той поры, либо не пропущенных цензурой. Этот сборник был состав-

лен Лонгиновым в 1855–1856 годах (примерно тогда же, когда составлял своего "Полного Пушкина" Е.И.Якушкин).

Биограф Лонгинова П.К.Симони (редактор единственного вышедшего в свет тома его сочинений) считает, что одним из последних (по времени) толчков для создания выдающегося пушкинского альбома было "знакомство с близкими друзьями Пушкина, особенно С.А.Соболевским, П.Я.Чаадаевым, В.А.Жуковским, кн. П.А.Вяземским, Н.В.Гоголем, братом поэта Львом Сергеевичем и со многими другими"²³. Что ж, это не лишено правдоподобия, хотя, повторю, увлечение Пушкиным началось у Лонгинова очень рано, да и знакомство с названными лицами относится к очень уж разным эпохам: Жуковский и Гоголь – наставники детских лет, Соболевский и Чаадаев – знакомцы зрелого Лонгинова. Тот же П.К.Симони сообщает, что сборник этот был уже подготовлен к печати М.А.Цявловским, да помешала начавшаяся первая мировая война.

В составе "Библиографических записок" "Современника" Лонгиновым (кроме "Ариона") были впервые опубликованы многие стихотворения Пушкина. Масса сведений о Пушкине рассыпана и в других статьях Лонгинова (не говоря уж о том, что ему принадлежит статья о Ганнибалах). Заметим в заключение, что рукописный сборник Лонгинова был, в сущности, коллективной работой: "...очень большой вклад в сборник Лонгинова сделали друзья его и Пушкина, – справедливо замечает Симони <...> Их общими усилиями и сосредоточен был в одном месте столь богатый и редкий материал"²⁴. Среди этих друзей назовем в первую очередь Сергея Дмитриевича Полторацкого.

Когда в 1865 году на страницах "Русского слова" была опубликована статья Писарева "Пушкин и Белинский", крайне несправедливая и оскорбляющая память великого поэта, ни один русский журнал не откликнулся на этот поступок. Даже известные писатели, поклонники Пушкина, жившие в то время, – Достоевский, Тургенев, – промолчали, хотя, без сомнения, были возмущены. Нашелся только один человек, осмелившийся печатно возразить властителю дум тогдашней молодежи. Этим человеком был Михаил Николаевич Лонгинов. Его статья под названием "Что значит договориться" была напечатана в еженедельной газете "Современная летопись", которая выходила в виде приложения к "Московским ведомостям".

"Слава Пушкина, – пишет Лонгинов, – есть одно из драгоценнейших достояний России. Она растет по мере того, как время удаляет от нас его эпоху, и это понятно: чтобы оценить гармонию и величие колоссального монумента, должно стоять от него в некотором отдалении, позволяющем обнять его общность"²⁵ – теперь под этими словами подписался бы любой из нас. Молчание корифеев русской литературы представляется в этом случае совершенно необъяснимым, и выступление Лонгинова, несмотря на резкость выражений и "антинигилистическую" направленность его статьи, можно поставить ему в заслугу...

Григорий Николаевич Геннади записал в своем дневнике в октябре 1854 года: "Познакомился с М.Н.Лонгиновым. У него славная русская библиотека"²⁶. И действительно, собрание Лонгинова почти сплошь состояло из русских книг, и это сильно отличало его от библиотек Соболевского, Полторацкого и того же Геннади. "Специальностью" Лонгино-

ва, как уже говорилось в этом очерке, был XVIII век. В этом отношении он мог потягаться с такими знаменитыми собирателями изданий осемнадцатого столетия, как Полуденский, Афанасьев, Касаткин.

Начнем сразу с главного: Лонгинову принадлежал уникальный список радищевского "Путешествия", текст которого сильно отличается от канонического, — список, получивший в библиофильской литературе название "лонгиновского" и на основании которого написал свое увлекательное, хотя далеко не бесспорное исследование "Потаенный Радищев" наш современник Георгий Шторм. Этот список (уникум из уникамов!) Лонгинов приобрел у московского букиниста Зайцевского, который вообще был его главным поставщиком и помог Лонгинову составить его замечательное собрание. Сам же Зайцевский купил его у сибирского золотопромышленника П.В.Голубкова, — точнее, при распродаже коллекции этого богача.

В библиотеке Лонгинова было великое множество автографов — Державина, Карамзина, Гнедича, Дмитриева, Жуковского, Чаадаева, Пушкина, Рылеева...

Каков же книжный состав этого собрания и какова его величина? Вернемся немного назад. Михаил Николаевич женился молодым, по большой любви, на милой и образованной женщине и был с нею счастлив. У них родилась дочь, красавица Сашенька, которая вышла замуж тоже по любви за человека просвещенного, любителя книг князя Козловского. Вот этой-то княгине Александре Михайловне мы обязаны тем, что сегодня можем не только рассказать о библиотеке Лонгинова (что очень трудно), но и пойти в Пушкинский дом и посмотреть на нее. Благодаря неусыпным заботам княгини, которая и сама была библиофилкой, — редкий случай среди женщин, да еще ее круга! — эта библиотека не только сохранилась, но и нашла себе достойное пристанище. Но вернемся к ее составу.

Еще в 1859 году в лекциях С.П.Шевырева по истории русской словесности, которые он читал студентам Московского университета, было дано общее описание сокровищ этой библиотеки как важнейшего пособия для изучения отечественной литературы. "Самый богатый отдел, — пишет Шевырев, — составляют полные собрания сочинений в стихах и прозе разных авторов. Здесь не забыты и самые плохие писатели, а образцовые, начиная от Ломоносова до Гоголя и Аксакова, собраны во всех, по возможности, изданиях или по крайней мере большей части их. Сюда относятся превосходные экземпляры изданий как полного собрания сочинений, так и отдельных произведений почти всех русских писателей. Альманахи и разные сборники разных авторов представляют также полную желанную. Русские журналы и главные литературные газеты — довольно полное и редкое собрание. Здесь почти все мелкие сатирические журналы XVIII века и в их числе едва ли не единственная у частных любителей "Поденщина" Василия Тузова 1769 года, все новиковские издания, весь "Сюнский вестник", "Европеец" и др. <...> Небольшое собрание самых различных масонских книг составляет замечательную редкость. <...> Из русских книг можно указать на "Жизнь Сифа", на первые переводы Карамзина <...> на поэму "Войнаровский" и на "Полярную звезду" всех годов Рылеева"²⁷. Это описание библиотеки, которую

Шевырев справедливо считал неоценимым пособием для изучающих русскую литературу, было адресовано, разумеется, не только студентам — вряд ли они получили бы к ней доступ, — но и ученым, которые действительно много лет пользовались ею. Но это было написано в 1859 году, а библиотека продолжала расти, прибавлялись и ценнейшие старые книги. В работе Г.Н.Геннади "Русские книжные редкости", опубликованной в 1872 году, описываются исключительно раритеты и Лонгинов как владелец последних упоминается 28 раз, во много раз больше, чем все остальные книгособиратели того времени. Притом здесь не указаны имевшиеся в библиотеке Лонгинова редчайшие масонские книги, ибо Геннади счел нужным просто сослаться на труды того же Лонгинова о Новикове, в которых они подробно описаны. За это время Лонгинов приобрел несколько редких русских журналов XVIII столетия — предмет вожделения всех библиофилов той поры. Кроме названной уже у Шевырева "Поденщины" он имел первое издание "Трутня" Новикова (1770), "Парнасский щепетильник" (1770), "Трудолюбивый муравей" (1771), "И то и се" (1769), "Ни то, ни се в прозе и стихах" (1769), "Журнал драматический на 1811 г." М.Макарова и такие также весьма редкие книги, как "Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины" (1770), "Кум Матвей, или Превратности человеческого ума" (1803), оперу Екатерины II "Начальное правление Олега" (1791), "Путешествие NN в Париж и Лондон" (1807, сочинение Ивана Ивановича Дмитриева), "Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник", сочинение отца Чаадаева, о котором мы уже упоминали и которого не мог достать сам Петр Яковлевич. Здесь и "Российский Жильбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова" Василия Нарезного, который уже у Сопикова обозначен как редкий, хотя был издан в 1814 году. Были у Лонгинова и книги, истребленные по тем или иным причинам самими авторами. Как пример, укажем на "Первые опыты в стихах и прозе" И.Лажечникова. Было первое издание "Езды в остров любви" Тредьяковского, крайне редко встречающееся. Имел Лонгинов и не вышедший в свет, отпечатанный только до 3-го тома "Энциклопедический словарь" Селивановского (1820—1825). Кроме этих и других книг, ставших по тем или иным причинам редкими, Лонгинов имел у себя и книги, запрещенные или вовсе истребленные цензурой. Кроме упоминавшихся уже Шевыревым "Европейца" Киреевского и сочинений Рылеева, Геннади называет и другие. Это — "Русские сказки казака Луганского" (В.И.Даля, 1832), изъятые из продажи, это — "Карманный словарь иностранных слов" Кириллова, хорошо известный исследователям революционного движения в России (1845—1846), это — "Собрание постановлений по части раскола", секретный документ, изданный в ограниченном числе экземпляров для внутреннего пользования (1858), и множество других. Притом надо помнить еще и о том, что книга Геннади, где все это перечислено, вышла в 1872 году, а написана была годом раньше, т.е. еще до назначения Лонгинова на пост начальника Главного управления по делам печати. А уж там он получил возможность (и широко пользовался ею) значительно пополнить свою коллекцию изданий, запрещенных цензурой. Если, например, Ефремов для того, чтобы добыть несколько экземпляров своего же Радищева, должен был идти на всевозможные

ухищрения и траты, то Лонгинову такие издания доставались даром и без хлопот. И поэтому в его библиотеке с большой полнотой представлена запрещенная русская книга.

Когда Лонгинов пользовался еще уважением в обществе, он получал книги с дарственными надписями от многих авторов. Они также украшают ныне его библиотеку. Тут мы встречаем имена Некрасова, Островского, Салтыкова-Щедрина (впоследствии беспощадно высмеивавшего "Мишку"), Тургенева (также потом порвавшего с ним, другом молодости!), С.Т.Аксакова, В.Ф.Одоевского, Ефремова, Семевского, Геннадя, Гербеля, Афанасьева, Березина-Ширяева и многих других.

Но Лонгинов не только собирал и не только изучал русскую книгу. Издания, имеющиеся в его библиотеке, как правило, снабжены пометками, примечаниями, дополнениями, справочным материалом, написанным на вpletенных листах рукою владельца, его каллиграфическим бисерным почерком, который Тургенев когда-то назвал "восхитительным". Такими дополнениями снабжены многие книги и в особенности периодические издания. Примечания эти различного характера, в зависимости от значения и редкости издания. Это могли быть, например, именные указатели или раскрытие анонимов и псевдонимов. Это — восстановление цензурных купюр или сведения по истории издания книги или журнала (если о них нет сведений в справочниках). Это — исправление вкравшихся в издание ошибок и неточностей. Наконец, это — сведения о том, как было приобретено то или иное ценное издание. Иногда это целые небольшие, но чрезвычайно насыщенные исследования. Библиотека Лонгинова, таким образом, содержит не только сами книги и периодические издания, но и драгоценную россыпь сведений о них. Нечто подобное нам встречалось только в одной библиотеке современника Лонгинова — у П.А.Ефремова. Многие из этих сведений (как из одной, так и из другой, частично сохранившейся библиотеки, находящейся также в Пушкинском доме) уже использованы и вошли в научный оборот; другие еще ждут своего исследователя.

Отличительной особенностью библиотеки Лонгинова является наличие в ней каталога, составленного самим владельцем. Как же уцелела эта драгоценная библиотека, судьба которой так непохожа на участь других собраний отечественных библиофилов? Тут заслуга полностью принадлежит Александре Михайловне Козловской, дочери и наследнице М.Н.Лонгинова. В 1890-х годах она перевезла библиотеку покойного отца в сельцо Ивановское, Клинского уезда, недалеко от Москвы, где сама жила с мужем и сыном Юрием (оба также были библиофилами). Там у нее уже была своя весьма обширная библиотека, и для отцовских книг пришлось пристроить к дому особое помещение и заказать специальные шкафы, в которых она хранится и ныне. Княгине хотелось иметь не просто каталог, а научное описание отцовской библиотеки, и она пригласила для составления его известного библиографа и знатока книги П.К.Симони.

В библиотеке оказалось так много ценнейших книг, требовавших тщательного изучения для их описания, что маститому книжнику пришлось в течение десяти лет отдавать свой летний отпуск этой работе. В основной (т.е. собственно лонгиновской) библиотеке оказалось примерно

6 тысяч названий: пока она находилась почти 2 десятилетия без присмотра в Москве, ее основательно "пощипали" те, кто имел к ней доступ. Когда княгиня овдовела и к ней подобралась неумолимая старость, она стала задумываться о судьбе библиотеки. О продаже ее не могло быть и речи (хотя Козловские вовсе не были богаты) — это было бы кощунством по отношению к памяти отца. И вот она решила всю библиотеку (т.е. и отцовские, и свои книги) безвозмездно передать Пушкинскому дому. Это было в 1916 году. Поступок был поразительный, но время — не слишком подходящее: шла мировая война, в стране не было порядка, средств у Пушкинского дома тоже почти не было. Командированный в Ивановское известный пушкинист Б.Л.Модзалевский был в восторге от библиотеки, но вывезти ее не имел возможности. А тут грянула революция, гражданская война... Библиотека и ее хозяйка благополучно пережили эти грозные годы, и вот, наконец, в 1920—1921 годах собрание Лонгинова было перевезено в Петроград и размещено в библиотеке Пушкинского дома, где находится и теперь.

Вывоз такого количества книг из-под Москвы в Петроград в те годы — это была настоящая эпопея. Оказалось, что всех книг было свыше 17 тысяч, да еще ценнейший архив и музей. Как мифические аргонавты, отправлявшиеся за золотым руном, знали, за чем едут, но не знали, как это вывезти, так и сотрудники Пушкинского дома, командированные в Ивановское, со страхом думали о предстоявшей им задаче. Все эти сокровища весили около 150 пудов. Нужны были доски, гвозди, подводы, веревки, мешки, рогожи... Все это было в те времена почти недоступным. Но в конце концов эти трудности были преодолены, благодаря самоотверженной работе сотрудников Пушкинского дома, и особенно энергичнейшей Е.П.Казанович. С подробностями этой эпопеи читатель может познакомиться, открыв главу о библиотеке Лонгинова в интересной книжке А.Н.Степанова "У книг своя судьба", изданной в Ленинграде в 1974 году. Александра Михайловна Козловская писала Б.Л.Модзалевскому о библиотеке: "Я счастлива, что моя горемыка, наконец, у тихой, верной пристани". Этими словами прекрасной русской женщины мы окончим наш очерк о библиографе, историке литературы и библиотеке Михаиле Николаевиче Лонгинове.

М.Н.Лонгинов. ИЗБРАННОЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕДКОСТЬ

МЕШЕНИНА

Журнал 1773 года

Известно, что с 1769 года в нашей литературе сделалось заметным явление совершенно новое, которое очень понравилось тогдашней публике. Я говорю о небольших листках, выходивших периодически, большей частью еженедельно, и составлявших сатирические журналы того времени. Издание их было непродолжительно: редкие из них переживали год, некоторые же ограничивались двумя, тремя месяцами. Ряд этих журналов открылся "Всякой всячиной с барышком", издававшейся Козицким. Около того же времени появились: "Трутень" Новикова,

"И то и се", приписываемое Башилову, "Адская почта" Эмина, "Ни то, ни се" Рубана, "Поденщина", ежедневный листок, издававшийся Тузовым, "Полезное с приятным" и "Смесь". Затем следуют: в 1770 году — "Парнасский шепетильник" и "Пустомеля", в 1771 — "Трудолюбивый муравей", в 1772 — "Вечера" и "Живописец" Новикова, 1773 — "Мешенина", в 1774 — "Кошелек".

Все эти журналы составляют теперь более или менее библиографические редкости. Но едва ли кто-нибудь из охотников до русских книг знаком с двумя из них: "Пустомелей" и "Мешениной". Самые записные изыскатели ограничиваются известием о том, что, по преданию, в "Пустомеле" напечатано в первый раз "Послание к слугам" Фонвизина, а о "Мешенине" совершенно ничего не известно. О ней-то я хочу сказать несколько слов. Русские библиофилы в последнее время очень размножились, и им, вероятно, будет любопытно узнать что-нибудь о журнале, которого нет даже в Императорской Публичной библиотеке.

Занимаясь собиранием русской библиотеки, принимая живое участие в библиографических изысканиях, я как-то всегда особенно любопытно старался познакомиться с ненаходимой "Мешениной". Самое заглавие ее состояло под сомнением и переродилось, наконец, из превращения в превращение, в какого-то "Мещанина". Так назван он в росписи русских журналов, помещенной в "Телеграфе" 1827, № 22, отд. 1, стр. 83, из чего и сделался он в *Bulletin du Nord*¹, февраль 1828, стр. 140 — *Le bourgeois*². Еще прежде того был он назван "Мещанином" в "Новостях русской литературы" Воейкова, 1822, книжка 2, стр. 153, а оттуда перешел в *Revue Encyclopédique*³ 1827, часть 33, стр. 285—286, под фирмою французского *Bourgeois* и подал повод к глубокомысленным рассуждениям автора статьи — *otiers état*⁴ и пр. Все это произошло оттого, что Сопиков в своем "Опыте российской библиографии", т. III, стр. 71, № 3901, назвал этот журнал неудобопонятным словом "Мещанина"; причиною этому, вероятно, то, что даже Сопикову не удалось, в течение всей его жизни, посвященной книжной торговле и библиографии, видеть этот редкий журнал. Так говорят, по крайней мере, некоторые его современники-любители.

Каково же было мое удовольствие, когда на днях я нашел, может быть единственный в России, экземпляр этого журнала в библиотеке нашего известного библиографа Сергея Дмитриевича Полторацкого! Он обязан сохранением этой редкости страсти собирать книги деда своего г. Хлебникова и нашел ее уже давно, перешетенною с двумя старинными книжками, от которых и отделил ее, но, при огромном количестве книг своих, хранящихся в Москве и в калужской деревне, долго не мог отыскать маленькой брошюры. Теперь С.Д. Полторацкий намерен принести ее в дар Императорской Публичной библиотеке.

Приступаю к описанию этого журнала.

"Мешенина" состоит из двух листов, или номеров, в малую осьмушку; следовательно, в ней всего 32 страницы. № 1 вышел 20 января (см.

¹ Северный бюллетень (фр.).

² Буржуа, мещанин (фр.).

³ Энциклопедическое обозрение (фр.).

⁴ Третье сословие (фр.).

прибавление к № 7 "С.-Петербургских ведомостей" 1773 г., января 22-го), а 2-й около 1 февраля 1773 года (см. такое же прибавление к № 9, января 29-го). Нет сомнения, что после № 2-го она прекратилась, тем более, что о выходе в свет дальнейших листов нет более публикаций в "С.-Петербургских Ведомостях". О причинах прекращения журнала я скажу свое мнение впоследствии. Теперь же выписываю с дипломатической точностью первую страницу первого листа, составляющую длинное заглавие кратковременно существовавшего журнала. Заглавие это совершенно отделено от статей, потому что на обороте его вторая страница белая. Вот это заглавие:

МЕШЕНИНА
КАТОНОСКАРРОНИЧЕСКАЯ

Сочинение периодическое в стихах выходящее в свет для забавы
покровителей наук, знатоков и охотников.

Post festum!

то есть:

от автора переводу с прибавлением, распространением, примечаниями
и прочее:

Пословица есть русска; после ужина горчица,
Но думаю, что можно в день простой и в праздник бриться,
Так с новым годом в масленицу ж можно поздравлять.
Нет ничего, что мы уж далеко в Генваре,
Хоть двадцатое число уж в Календаре.
Смеяться будут, но не поздно всем добра желать.
Как?.. что?.. так поздно! некоторые на Автора вскричат.
Потише! господа; читайте первую страницу;
Охотники наук, найдете перцу и горчицу,
Найдете *des bons-bons*¹ и дале будете читать,
Охотница моя вить Муза до конфетов лакомиться;
И потому вас потчивает каждая страница.
Не меньше на листе ума и разума пять унц.
Имярек.

Кто сочинитель?

Автор.

Знающий меня рифмач,
У коего печется рифма, как калач,
Ответствует: на унц по рифме автор...

Санктпетербург.

В Генваре 1773 года.

Из этого заглавного листа можно только извлечь: 1) Что журнал этот получил название от смешенья, или смеси, хотя не очень грамотный издатель, составивший слово "мешенина", употребляет в первом слоге букву *e*; 2) что журнал точно начался 20 января и 3) что автор или издатель его носил фамилию, оканчивающуюся на *унц*, и был иностранец. Это подтверждается, как увидим ниже, последующею статьею журнала и объясняет ошибки против правописания и просодии, которыми исполнен журнал. Типография не означена.

¹ Конфеты (*фр.*).

Страницы 3—8 заняты статьей в прозе, в роде предисловия, под названием: "Не малой, но не скучной кусок предисловия, или нужного изъяснения автора для господ критиков". Под нею подписано "Автор Мешенины". Статья эта, как и можно ожидать по заглавию, писана варварским языком и заключает общие места всяких предисловий. В ней замечательно только то, что 1) автор, удивляясь, как и быть должно, мудрым деяниям Екатерины II, названной Минервою, говорит, что ее воспевали все, но никто не забавлял, и просит ее не сердиться на него за намерение позабавить ее (стр. 7); 2) говорит про себя: "...автор, в чужих краях рожденный и воспитанный иностранец, первый сделался стихотворцем на Российском языке". Этим объясняется окончание его фамилии на *уиц*, о котором упомянуто выше, а равно и плохое знание русского языка.

После этого начинаются стихотворения. Первое из них, напечатанное на стр. 9—12, есть еще род предисловия, под названием "К знатокам и охотникам. Род уведомления, в каком роде будет Мешенина скарроническая".

Этот разговор между автором и Имяреком, который уговаривает первого бросить сочинительство, между тем как автор оправдывает свое намерение, и все оканчивается опять бранью беседующих. О достоинстве так называемых стихов можно судить по приведенному выше эпиграфу; в них нет ни просодии, ни грамматики, а иногда и ясного смысла, а потому ограничиваюсь следующими краткими выписками. Вот четыре первые стиха:

"Купите, господа, во время!

Купите, господа, красавицы, ах! ах! купите

Лекарство мое! деньгами же нужду не терпите!

Вить нужда сердцу кол и бремя!"

А вот два последние:

"Хоть телом кто велик и у него есть денги, чин,

Без добродетелей, заслуг, ума он мал, аминь!"

Этим оканчиваются длинные вступления.

Страница 13-я начинается заглавием: "Мешенина Катоноскарроническая"; отсюда уже начинается самый журнал. За заглавием прямо идет стихотворный разговор все-таки между автором и Имяреком, в котором дело идет о поздравлениях с праздником и каких-то неудобопонятных спорах. Все это пересыпано изредка французскими и немецкими речениями, с переводом внизу страницы. Вдруг, на стр. 16-й, заключающей 1-й № или лист, галиматья эта прерывается на стихе:

"По крайней мере так, как канарейка, пой",

и за ним следует примечание: "Первый лист продается по 8 копеек, и вновь печенный Катоноскарронический Автор покорнейше просит простить учиненную в ведомостях в цене ошибку. По 4 копейки лист было бы дешевле грибов, и очень понятно, что автору надлежало бы воду пить и банкротом сделаться. В ведомостях будущей пятницы почтенной публике донесено будет, когда можно получать продолжение Мешенины".

Переходим к описанию листа, или №, второго.

Первая страница его (17-я общей нумерации) начинается прямо продолжением стихов предыдущего номера. Автор обращается к музе,

просит ее настроить балалайку или гудок для забавы читателей и осмеяния недостатков людских. Тут завязывается у него с музой такой же пустой разговор, как с Имяреком; муза отказывается петь, наконец убеждается мало-помалу. В стихах рассеяны разные выходки, очень неостроумные, на критиков. Начинаются похвалы Екатерине Великой и насмешки над порицателями ее смелых и гениальных предприятий. Автор говорит:

”Кому же грезилось во сне, что Россов флот и флаг
Прибудет к Дарданеллам, в Кипр, да и в Архипелаг”.

Страницы 24—28 напечатаны в два столбца. В одном помещены стихотворения: французское, итальянское, английское (очень длинное) и немецкое, в которых выражается сомнение иностранцев насчет успехов русского оружия; в другом — русские переводы этих стихов. В подстрочном примечании на стр. 28 и 29 автор извиняется в том, что переводы его слабы, и оправдывается в том, что сам употребляет разные языки, говоря, что его ”предел в том состоит комическое довести до самой крайности”.

Последние страницы, 29—32, заняты опровержением неосновательных выходок иностранцев, завистников России, и доказательствами успехов России, управляемой мудрою монархиней. Не станет терпения выписывать еще так называемые стихи г.унца, столь мало соответствующие величю предмета. Последний из них:

”Султан Мустафа сатирическим лицом и грозным”

прерывается кратким объявлением:

”В ведомостях дано будет знать, когда продолжение Мешенины (тут в первый раз является в этом слове буква ъ) выходить будет”. Но ни объявления, ни продолжения не последовало.

И поэме сей конец.

Кажется, нетрудно теперь угадать причину прекращения этого журнала на 2-м листе. Вероятно, немного нашлось охотников платить по 8 копеек за листок безграмотной галиматии, чтобы дать этим г.унцу пить что-нибудь повкуснее воды и не допустить его до банкротства. Могла ли публика, знакомая уже с ”Трутнем”, ”Щепетильником”, ”Живописцем” и пр., где она читала сатирические статьи, ловко написанные и исполненные современности, раскупать ”Мешенину”, т.е. набор слов без содержания и связи? Ясно, что она прекратилась за недостатком покупателей. Вероятно, и вышедших двух листов раскуплено было немного; оставшиеся экземпляры, может быть, были употреблены на переплетное дело переплетчиками: Вебером, Белке и Шелем, у которых, по объявлении ”С.-Петербургских Ведомостей” 1773 года, продавалась ”Мешенина”. Купившие ее тоже не заботились сохранить экземпляры вздорного сочинения, и таким образом дело дошло до того, что через 25 или 30 лет самые усердные библиофилы уж не могли найти ”Мешенины”; а библиографы не находили о ней известий, потому что современники по справедливости не сочли ее достойною разбора.

Можно себе представить мое разочарование, когда я с трудом и скукою читал ”Мешенину”, найденную мною с такой радостью, понятною всякому библиофилу! Теперь удовольствие пополнить пробел нашей библиографии и поделиться своею находкою с собратьями утешает меня

в этом разочаровании. Историки русской литературы и особенно русской журналистики могут успокоиться: факт, неисследованный ими, не представляет важности и ничего не прибавил к их выводам о духе и направлении сатирических наших журналов прошедшего века; а потеря имени г.унца — небольшое несчастье для словаря русских писателей. Библиографы же могут теперь внести в свои работы заметки о "Мешенине". Скоро, может быть, представится им случай лично с ней познакомиться в Императорской Публичной библиотеке.

Библиограф неисцелим. Он нашел пустую книжонку, но она чрезвычайно редка — и он счастлив, и опять начинает искать другую, неизвестную, быть может, еще пустейшую. Так я жду с нетерпением, чтобы гений библиографии помог мне отыскать "Пустомелю", и тогда опять оповещу тех, кому о том ведать надлежит, о своем открытии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ *

I

Всякий, кто истинно любит русский язык и литературу, без сомнения, радуется крутому повороту, совершившемуся в нашей критике в последние годы. Я говорю о распространившемся между ее деятелями стремлении разыскивать литературную старину и знакомить с нею публику. Несомненный успех обширных журнальных статей, даже отдельных книг, посвященных таким критико-библиографическим исследованиям, доказывает, что они, к счастью, приходится по вкусу читателям. Добросовестные и полезные труды по этой части гг. Афанасьева, Булича, Галахова, Геннади, Милютина, Пекарского, Пыпина, Тихонравова и других оценены по достоинству. Нет сомнения, что такое направление в литературе произошло не случайно и притом совершенно вовремя. Кажется, теперь именно наступило время самое благоприятное в нашей литературе связать настоящее с прошедшим посредством разъяснения характера этого прошедшего и определения отношений его к современности. <...> При этом встречается так много любопытного для истории нашего отечества, просвещения и литературы! Вот почему нельзя не радоваться новому направлению, о котором я говорю, и искренно должно желать; чтобы оно более и более успевало.

Эти мысли пришли мне в голову, когда я на днях разбирал старые московские журналы. Кажется, они еще не описаны так подробно, как

* Редакция получила эту статью при следующем письме: "Посылаю вам начало библиографических записок моих. Если вы пожелаете, то буду сообщать вам от времени до времени их продолжение. Душевно буду рад не только тому, если эти записки представят любителям что-нибудь любопытное, но и тому, если они возбудят возражения или указания могущих встретиться ошибок. Премахи в деле библиографии иногда неизбежны, особенно у нас, где еще оно так мало разработано. Библиограф должен быть чужд излишнего самолюбия и жертвовать им для пользы дела и открытия истины. Поэтому напрасно полагают, что его ожесточают указания ошибок, и напрасно при этом говорят колкости. По крайней мере, я порадоюсь, если кто-нибудь по поводу моих записок доставит сведения вернее и полнее моих.

Montrez-moi vainqueur, et je cours l'embrasser

(Укажите мне победителя, и я поспешу его обнять (фр.). — Л.Р.)

М.Л."

мелкие сатирические журналы, выходявшие в Петербурге с 1769 по 1774 год и несколько позже, г. Афанасьевым ("Отечественные записки" 1855 г., № 3, 4 и 6). Когда я писал статью о "Мешенине" ("Современник", 1856, № 2), никому до тех пор неизвестной, не было у меня под рукой любопытных статей г. Афанасьева, так что я забыл ее подробности и упустил из виду то, что автор пользовался редким "Пустомелей". Вскоре, перечитывая их, я увидел, что был уже предупрежден известиями, им сообщенными, и потому можно считать, что мы имеем достаточно полные сведения о сатирических журналах 1769—1774 годов. Как была бы любопытна монография о журналах, издававшихся при Московском университете с 1779 года, т.е. с того времени, как университетскую типографию стал содержать Новиков! Весьма замечателен этот почти непрерывный ряд журналов до 1806 года и даже до 1830-го (если причислить к нему весь "Вестник Европы"). Новиков перенес в 1779 году в Москву издание "Утреннего света", в 1781 году издал "Московское ежемесячное издание", в 1782 году — "Вечернюю зарю", в 1784 — "Покоряющегося трудолюбца", в 1785 началось "Детское чтение". В 1790 явился "Политический журнал" Сохацкого, потом перешедший к Гаврилову; в 1791 — "Чтение для вкуса, разума и чувствования" Подшивалова и Сохацкого. В 1791 и 1792 год Карамзин издавал "Московский журнал", состоявший, впрочем, преимущественно из его собственных трудов и уже теперь изученный. С 1794 по 1798 год выходило под редакцией Сохацкого и Подшивалова "Приятное и полезное препровождение времени"; с 1799 по 1801-й — их же "Иппокрена, или Утехи любословия". С 1801 по 1805-й издавались "Новости русской литературы" Сохацкого, перешедшие в 1803 году под редакцию Победоносцева, а в 1806-м — "Минерва" Сохацкого. К этому должно присоединить труды питомцев благородного пансиона при Университете: "Распускающийся цветок" (1787), "Утреннюю зарю" (1800—1809) и "Отдых в пользу" (1804). Какое еще неразработанное поле для критических и библиографических исследований! <...>

IV

Недавно попалась мне на Воскресном торгу Смоленского рынка книга в 2 частях: "Заблуждения от любви, или письма от Фанелии и Мильфорта, перевод с французского. Тамбов, в вольной типографии, 1790 года". Я купил ее только потому, что книг, напечатанных в этой типографии, мало; библиофилы поймут эту причину. Только что я перевернул заглавный лист, как остановился на посвящении: "Его сиятельству князю Сергию Федоровичу Голицыну". Оно начинается словами: "любезный друг" и подписано "Варварой княгиней Голицыной". Оказалось, что в "Словаре" Сопкиова книга эта показана под № 4136, а в "Росписи" Смирдина — под № 8815 и что есть еще другой перевод ее, сделанный неизвестным и напечатанный в Москве в 1787—1788 годах. Переводчица тамбовского издания княгиня Варвара Голицына, урожденная Энгельгардт (род. 12 марта 1752, ум. 2 мая 1815)*, родная племянница светлей-

* Справки о времени рождения и смерти и другие генеалогические сведения по большей части заимствованы мною из прекрасного сборника, составляе-

шего князя Потемкина-Таврического. Муж ее, князь Сергей Федорович Голицын (род. 20 августа 1748, ум. 20 января 1810), которому посвящен перевод "Заблуждений от любви", был один из отличнейших генералов екатерининского века, впоследствии член Государственного совета и кавалер всех российских орденов. У него было от брака с девицей Энгельгардт 10 сыновей, из которых 7 уже были на свете в 1790 году. Упомянутое мною посвящение любопытно как образец мыслей и выражений знатной дамы-писательницы прошлого века. Самая книга, хотя и дважды в то время переведенная, едва ли может быть теперь занимательна. Выписываю из нее посвящение. Вот оно:

"Любезный друг!

Увидя друга своего издателем сей книги, не удивляйся тому; ибо выпустить в свет сей слабый мой перевод дерзнула я не с намерением тщеславия или желания угодить тому же самому свету; но побудительною сего причиною было то, что я уверена, сколь для тебя лестно бывает, когда я занимаюсь чем-нибудь полезным и к просвещению ведущим. Не упрекай меня за содержание перевода, которое само по себе дурно; я рассуждаю, что мы не от одних хороших примеров получаем пользу, но равно, кажется, если не большую, то верно и не меньшую от худых*. Несчастье более просвещает и научает человека, нежели его непрерывное и постоянное благополучие; пример гнусного порока столько же нас отвращает от зла, как и пример редкой добродетели; и я надеюсь, что слезный конец жизни описываемого в сей книге Мильфорта возбудит всякого, по путям заблуждений ходящего, и к рассудку приведет. И так, приняв сей труд для одного тебя, мой друг, твоей ко мне горячности его и посвящаю. Прими его, дражайший супруг, как новой знак любви, которую я к тебе ощущаю, и скажи себе: хотя издание сие и недостаточное, но посвящение оного для меня совершенно и всего драгоценнее. Такая мзда будет мною более всего уважена, и иной награды я не желаю. С сим заключая не всегда образ твой в сердце моем, умоляю Всевышнего: да содержит он тебя под покровом Своим и да сохранит тебя невредимо для благополучия и счастливых дней искреннего твоего друга Варвары княгини Голицыной".

VII

Вероятно, многим читателям случалось слышать про старинную оперу "Санктпетербургский гостиный двор", имевшую в конце прошлого века огромный успех на сцене. В ней особенно известна была песня подъячего:

"Ах, что ныне за время,
Взяток брать не велят!"

Ее когда-то знали наизусть, может быть, больше, чем в наше время знают куплеты водевилей, пользующихся самым большим успехом. Автор

мого и издаваемого князем П.В.Долгоруковым, под заглавием "Российская родословная книга".

* Как эти слова умной женщины, писанные за 66 лет, близки к результатам, выведенным современной критикой и еще до сих пор отвергаемым некоторыми писателями.

Гостиного двора был некто Михаил Матинский. Это лицо очень примечательное. Матинский был крепостной человек графа Сергея Павловича Ягужинского и уроженец известного села Павловского, Московской губернии, Звенигородского уезда, где со времени императора Павла I, выменявшего это село у графа Ягужинского на киевские имения, находится знаменитая суконная фабрика, принадлежащая казне. Граф С.П. Ягужинский, бывший при императрице Екатерине II посланником нашим в Стокгольме и Копенгагене, видя способности Матинского, обучавшегося в гимназии, дал ему отпускную. Матинский стал служить по учебной части и сделался учителем математики и русской словесности в Смольном монастыре. Сведения эти сообщены мне одним из родственников графа Ягужинского по женской линии. Кажется, можно предполагать, что граф сам указал Матинскому некоторые комические черты для изображения лиц его оперы. Кроме нее, Матинский сочинил следующие книги: 1) Описание различных мер и весов разных государств. Спб., 1779, 2) Начальные основания геометрии для Общества Благородных Девуц. Спб., 1798, 3) Республика ученых, или Аллегорическое и критическое описание художеств и наук. Спб. (года не обозначено), 4) Богомолка, комедия Геллерта, пер. с нем., Спб., 1774, 5) Басни и сказки Геллерта, пер. с нем., Спб., 1788.

Опера "С.-Петербургский гостиный двор" издана три раза: в 1791, 1792 и 1799 годах. Издание 1792 года напечатано под заглавием: "Как поживешь, так и прослывешь. Забавное зрелище, с песнями, в трех действиях".

VIII

В числе редких журналов можно считать "Журнал драматический", издававшийся в Москве в 1811 году Михаилом Николаевичем Макаровым. В Росписи Смирдина он не показан вовсе, а у Сопикова находится под № 3796, впрочем, без означения числа вышедших номеров. Журнал этот выходил ежемесячно небольшими книжками, из которых мне известно 11. Декабрьской, 12-й книжки мне никогда не попадалось, и даже сомнительно, была ли она выдана в свет. В журнале помещались пьесы драматические, театральные разборы, стихотворения и пр. Известно, что Макаров, так же как и однофамилец его, издатель "Московского Меркурия", был из числа ревностных карамзинистов. В 1811 году борьба их с последователями Шишкова была в полном разгаре. Обе стороны нападали друг на друга в отдельных сочинениях и периодических изданиях. Между прочим М.Н. Макаров поместил в своем "Драматическом журнале" (№ IV, апрель, стр. 264—296) комедию в одном действии: "Обращенный славянофил", сочинение > P-a-r-a. Вот, в коротких словах, содержание комедии и некоторые черты тогдашних литературных нравов у славянофилов, по крайней мере так, как они рисовались в воображении их противников.

Действие происходит в дому журналиста-шишковиста Педантова, печатающего "Описание любопытной рукописи, хранящейся в меновой лавке, близ Варварских ворот", где описывается, как Гришка Отрепьев катался на москворецком льду (стр. 268), и расточающего похвалы

трагику, врагу "Стернов" (стр. 269). Так называются часто в комедии карамзинисты, на основании пьесы князя Шаховского "Новый Стерн", которую враги Карамзина считали страшным для него поражением. Педантов ждет своего приятеля Славянофила (фамилия), который обещал ему принести на целый номер журнала стихов, сочиненных Подзобковым. Является Славянофил, одетый в "темносивый стародавний и поношенный фрак". Он рассказывает Педантову про успехи его партизанов и бранит пришедшую с ним племянницу свою Музу за пристрастие к иноземному. Вдруг входит Любим, влюбленный в Музу и племянник Правдина, бывшего другом Славянофилу, пока Правдин не доказал Славянофилу, что выражение "вожделеннейшее желание", которым сей последний думал заменить новое слово "потребность", означает "желаннейшее желание" (стр. 277). С тех пор Славянофил с ним рассорился и слышать не хочет о свадьбе Любима и Музы, которой прежде сам желал. Муза упрощает его с Любимом отменить жестокое решение. Славянофил объявляет, что уничижать отечественный слог — преступление, и прибавляет: "Да знаешь ли ты, что в Китае за это повесят?"

Муза (иронически). А где бишь Китай?

Славянофил. В Азии. Какая невежда!

Муза. А мы живем в Европе, в России... (стр. 277).

Любим смеется. Педантов просит его не мешать их занятиям и начинает читать: "Критическое размышление о ядозаразительной чувствительной чувствительности, с присовокуплением основанного на опыте средства, как искоренять сие зелие" (стр. 280). Размышление это писал сам Педантов в форме письма к самому себе, говоря, что "всякий издатель ежемесячных сочинений имеет полное право писать письма от себя и к самому себе" (стр. 281). Вот что он успевае прочесть: "Глупая, несносная, вздорная чувствительность, поселившаяся в некоторые женоподобные сердца, распустила свои ядовитые корни, корни, наносящие или долженствующие наносить гибель всему человеческому роду. Ибо, как известно, что и самое слово "чувствительность" есть прикрытая благовониями гарпия. Законами некоторого высокоумнейшего Перуанского Инки повелено было торжественно сжигать все те сочинения, в которых отражалась печать слезливости и слова: увы, ах! и пр., и пр., и пр. (стр. 281 и 282). Любим теряет терпение, читает эпиграмму на Педантова, и разбеженный журналист уходит. Ссора Любима со Славянофилом. Любим уходит, объявив, что дядя его, Правдин, получил орден, отчего Славянофилу делается с досады дурно. Он объявляет, что выдает за возвратившегося Педантова Музу. Она в отчаянии, а он в восторге. Любим возвращается и сообщает Славянофилу, что он назначен губернатором, по ходатайству Правдина. Славянофил, объявивший прежде, что "не хочет быть в родстве с Кавалерами" (стр. 286), когда дело шло о награде, полученной Правдиным, теперь приходит в восхищение. Приходит сам Правдин, не перестававший любить Славянофила, несмотря на его вражду. Разумеется, оказывается, что Педантов глуп и негодяй; он и сам уже прежде признавался, что за его театральные рецензии "непросвещенные актеры пригрозили ему побоями" (стр. 271). Правдин говорит ему: "Если вы не перестанете наполнять своего журнала одною только язвою ругательства, одними только китайскими и японскими мечтами, одними

только балетными программами, то вы совершенно потеряете в своих расчетах и журнал ваш пропадет” (стр. 295). Любим женится на Музе, Педантов в бешенстве, — и конец комедии.

Она не должна быть упущена из виду как факт в спорах тогдашних литературных партий.

IX

Неудивительно, что список журналов у Сопикова не полн. Но странно, что в его “Словаре” некоторые журналы показаны не в числе периодических изданий. Вот примеры тому. У Сопикова, под № 3562 и 9127 означены две книги: 1) Дело от безделья, или Приятная забава, рождающая улыбку на челе утрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов и каждому по его вкусу философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестями в стихах и прозе состоящими угождающая. 4 части” (М., 1792), 2) “Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния, составленная от медикаментов старины и новизны, то есть: философических, критических, рифмотворных, пастушьих и аллегорических веществословий. 2 части” (М., 1793). Это были ежемесячные издания, что обозначалось и на обертках каждой книжки. У Смирдина (№ 9713) последняя из этих книг отнесена к журналам; но первой вовсе не упоминается. Все это может ввести в ошибку. “Дело от безделья” тоже был журнал, и “Прохладные часы” были просто его продолжением. Это доказывается тем, что оба не только печатаны в одной типографии Решетникова, но также сходством заглавия, формата и тем, что в издании обоих журналов встречаются часто имена одних и тех же сотрудников и даже многих подписчиков. Предлагаю любителям принять это к сведению. В Росписи Смирдина (№ 8739) показаны переведенные с немецкого повести, под заглавием “Дело от безделья” (М., 1809).

XIV

О комедии Якова Петровича Чаадаева (1794)

Вероятно, мало кому известна комедия, упоминаемая в “Словаре” Сопикова под № 5364 и означенная там словом: редка. Это: “*Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник*”, комедия, сочинение Калдерона де ла Барка. С Гишпанского на Российский язык переведена в Нижнем Новгороде. С указаго дозволения. Москва. В Университетской типографии у Ридигера и Клаудия. 1794. В 8-ю долю листа Стр. 126”. Титул этот списан в точности с экземпляра, находящегося в моей библиотеке. Вот что мне известно о сочинении и причине редкости этой комедии.

Пьеса эта не перевод с испанского, а оригинальное сочинение Якова Петровича Чаадаева (род. 1754, ум. 1798). В ней выведены злоупотребления одного лица, занимавшего в городе NN должность экономии директора и носившего фамилию, имевшую некоторое сходство с именем Прокодуранте. Должность экономии директора, если не ошибаюсь, состояла в управлении казенными крестьянами. Автор комедии был из числа многих лиц, негодовавших на его поступки, и написал пьесу для

его осмеяния, сделав указание на малоизвестного тогда Кальдерона, чем отклонял до некоторой степени подозрение в личности. Кажется, нет сомнения, что театр Кальдерона не представлял ему даже канвы для его пьесы. Я мало знаком с этим театром, состоящим чуть ли не из ста пятидесяти пьес; по крайней мере, в переводах его избранных сочинений, несколько раз напечатанных на французском языке, мне не случилось найти пьесы, похожей на "Дона Педро". Когда "Дон Педро" был напечатан, изображенный в нем экономии директор пришел в ужасный гнев и отчаяние и придумал решительную меру для уничтожения обличительной для него книги. Он скупил чрез своих агентов все экземпляры комедии, сколько было возможно, и истребил их. Поэтому комедия эта очень редка.

Сведения эти сообщил мне недавно скончавшийся сын автора, Петр Яковлевич Чаадаев. Он с большим любопытством прочел эту комедию, которая так редка, что он и его родные не могли ее никогда отыскать, несмотря на все свои старания, так что о ней существовало только семейное предание.

Приступаю к изложению содержания этой библиографической редкости. Читатели сами увидят те черты, которые доказывают, что под испанскими именами скрываются русские лица и нравы. Язык комедии представляет тоже образчики таких чисто русских выражений, какие трудно вложить в уста испанцев. Все это доказывает, что автор и не заботился надевать другой личины, кроме маскирования истины иностранными именами.

Дон Педро, директор королевских доходов в Барселоне, стакнувшись с другими начальниками города, грабит и обманывает всех при помощи друга своего Дельфито, выгнанного из службы. Жена его, Дорфиза, мотает, кокетничает, своевольничает и презирает мужа, преданного еще и развратной жизни. У дона Педро есть дочь от первого брака, Адель, которую ссылают в деревню, чтобы помешать ее свадьбе в Гонзалеце. Дон Педро прогневится этому браку, чтобы не быть вынужденным выдать ей материнское имение и потому, что Гонзалец друг Дон Жуана. Этот Дон Жуан в отставке и живет в Барселоне; он знатен, честен, но довольно груб и, обличив однажды дона Педро в мошенничестве, навлек на себя его мщение. У дона Педро в услужении Бурлеско, импровизатор ("Так называются в Гишпании люди, которые, не приготовясь, говорят стихами", наивно прибавляет автор, и действительно, Бурлеско всем говорит экспромты). Дон Педро по скупости мало платит ему, хотя сам на свои прихоти ничего не жалеет и живет великолепно. Он подучает Бурлеско подать на Дон Жуана донос в измене королю и заготовляет фальшивые векселя, по которым надеется присвоить себе его имение, когда Дон Жуана сошлют. Донос этот должен быть подан герцогу дель Прадо, знатному вельможе, живущему в Барселоне, который, по приказанию короля, тайно присматривает за поступками дона Педро. Дон Педро чует что-то недоброе и думает, что подкупил его, дав ему десять тысяч червонцев. Но герцог взял деньги только для того, чтобы передать их Адели, и советует Гонзалецу увезти ее. Кроме того, герцог сослуживец и искренний друг Дон Жуана, хотя скрывает это и не оказывает неблаговоления к дону Педро, чтобы запутать его еще более.

Таково основание интриги. Кроме названных выше, в комедии есть еще следующие, второстепенные лица: старуха, мама Адели; Луцилла, благородная испанская госпожа; Марья, горничная Адели; Рамирец и Мондор, петиметры, влюбленные в Дорфизу; Педрилло, лакей Гонзалеца; коррежидор и шут, называющийся в комедии Иванушкой и говорящий русские прибаутки.

Бурлеско вооружается против дона Педро за его скупость, а потом начинает чувствовать угрызения совести и открывает Дону Жуану гнусный против него умысел, в котором чуть было не принял участия. Импровизатор отдает ему притом и бумаги, должествовавшие погубить его. Герцог, разумеется, обо всем извещен, и в конце второго действия все приготовлено к обличению и наказанию дона Педро и его сообщников.

Третье действие совершенно эпизодическое: оно знакомит с образом жизни Дорфизы, глупым хвастовством и подлостью Дельфито, характером шута и домашними сценами в доме дона Педро. Он дерется с женой; потом они мирятся, ожидая к вечеру гостей. Дон Педро посылает Дельфито в деревню, присмотреть за Аделью.

Четвертое действие происходит в деревне, куда отец удалил Адель. Гонзалец с слугой являются, чтобы ее похитить. Прибывший Дельфито хочет остановить их, но Гонзалец так его страшит, что он спешит за помощью в Барселону. Между тем Гонзалец обманывает "маму"; она хворает, и ей советуют обратиться к колдуну, роль которого разыгрывает слуга Гонзалеца. Старухе дают наркотического питья вместо лекарства. Она засыпает, и в это время Адель убегает с Гонзалецом. Дельфито возвращается с вооруженными людьми, но уже поздно, и он спешит обратно в город для сообщения дону Педро неприятной новости.

В пятом действии все действующие лица собраны в гостях у дона Педро; в том числе находятся даже герцог и Дон Жуан, которые явились на его приглашение с особыми видами. Дельфито привозит известие о бегстве Адели. Дон Педро хочет ее проклясть, но присутствующие его удерживают. Начинается общий разговор, Дельфито жлет, дон Педро хвастает своими гнусными похождениями, которые выставляет примерами своего изобретательного ума. Дон Жуан выходит из себя и объявляет ему, что считает его бездельником. Рассерженный дон Педро громко обвиняет его в мнимой измене и просит у герцога позволения ввести альгвазилов, которые, по приказанию герцога, приведены доном Педро в переднюю, будто бы для арестования Дон Жуана. Герцог соглашается: альгвазилы входят. Коррежидор читает указ, и, к общему изумлению, все узнают, что Дон Жуан назначается генерал-губернатором Барселоны и ему поручается судить дона Педро и его сообщников. Плуты в отчаянии. Герцог обещает исходатайствовать смягчение участи дона Педро, если он простит Адель; тот, разумеется, соглашается, и она входит с Гонзалецом. Дон Жуан, следуя внушению милосердия, ограничивает наказание отставлением дона Педро с компанией от должностей. Бурлеско оканчивает пьесу словами:

Сколь долго вору не плутовать,
Достойной казни не миновать.

Вот что говорит Дон Жуан в двенадцатом явлении второго действия:

”К счастью Гишпани владеющий нами государь совершенно сих мыслей, что добродетельный и трудолюбивый человек во всяком состоянии благороден, а пренебрегающий какое-либо звание подл, низок и презрен; великой наш государь находит более удовольствия беседовать с неустрашимым солдатом или с отличившимся трудолюбием пахарем, чем с робким генералом или ленивым, несведущим министром; а тем показывает, что первые суть истинные друзья его и дети, а последние токмо рабы, домогшиеся высоких титулов чрез неправильное предательство, что те полезны и нужны, а в сих может быть токмо услуги предков уважены. Но великий наш монарх сколь много ни старается о благополучии государства, и вся Европа прославляет его премудрость, но всего сам обозреть не может; он вверяет свою власть людям, кои ее во зло употребляют; например, Д. Педро Прокодуранте не был бы никогда директором государственных доходов, ежели бы известны были государю все его качества. Тьма есть таких людей, в коих наружности легко ошибиться можно; наполнены разумом, талантами, являют с тончайшею хитростию во всех словах своих отменное к службе государственное усердие, а внутренно коварное и злое скрывая сердце и скверную душу, совершенно токмо собою занимаются, а не государством; мыслят ежечасно о постыдной своей корысти и никогда о подавании помощи угнетенному человечеству. Д. Педро Прокодуранте и ему подобные думают, что их богатство, или, яснее сказать, собранные в кладовую слезы, стон и отчаяние соотчичей, может их защищать от достойного наказания; но они сильно ошибаются. Ежели великой и правосудный монарх наш узнает о их поведении, не оставит дела их без достойного наказания” (стр. 51—52).

Рамирец говорит на это:

”Всему злу не столько мошенники виноваты, как честные люди, которые терпят их в своем обществе” (стр. 52).

Дон Жуан соглашается с ним, прибавляет, что все стремятся к достижению средств предаваться роскоши и забавам, и говорит:

”Все сие доставляют деньги; их-то все наперерыв приобрести желают, не заботясь о том, какими способами; видят, что даже и Д. Педро Прокодуранте ради его богатства и роскоши все уважают, а из сего заключают, что нет нужды в честности, нет нужды в добродетели, чтобы доставить уважение, лишь надобно быть богату; деньги ныне владывают над большею частию человеческого рода: они застилают знатным людям уши и не допускают до слуха их стенания несчастных, страждущих под игом несправедливости: они жесточат сердца их и приучают глаза их смотреть без сострадания и без жалости на горькую и отчаянную вдов и сирот: они поощряют на все неистовые злодеяния” (стр. 54).

Выписок этих довольно, чтобы показать, в каком духе написана комедия Я.П. Чаадаева. Замечу, что его не должно смешивать с переводчиком Мольерова ”Жоржа Дандина” (М., 1775). Переводчика звали Иваном, и он был, кажется, двоюродный брат автора ”Дона Педро”.

О романе: "Пригожая повариха" (1770)

Многим, вероятно, известен анекдот про Суворова, рассказанный Растопчиным и напечатанный первоначально в "Русском вестнике", изд. С.Н.Глинкой, 1808, № 3 в статье "О Суворове" (стр. 241—249).

Однажды автор ее, Растопчин, "желая узнать мнение его о знаменитых воинах и военных книгах, проходил всех известных полководцев и писателей, но при каждом названии он крестился. Наконец, сказав мне на ухо: Юлий Кесарь, Аннибал, Бонапарте, Домашний лечебник, Пригожая повариха, — заговорил о химии".

Как ни странна эта выходка великого полководца, однако, любопытно узнать, какая это "Пригожая повариха", которая по капризу его попала в общество славных людей вместе с "Домашним лечебником"? У Сопикова эта книга не показана. У Смирдина она помещена под № 8435, с объяснением, что существует только 1-я часть ее и что она написана М.Чулковым. Последнее еще не доказано, но, по разным известиям, можно утвердительно сказать, что одна только первая часть была издана.

У меня есть превосходно сохранившийся экземпляр этой редкости. Вот титул ее: "Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины. Часть I. В Санктпетербурге. 1770 года. В 12-ю долю листа. Стр. нумерованных восемь, нумерованных 109".

Книжка начинается посвящением: "Его высокопревосходительству, Действительному Камергеру и разных орденов Кавалеру, премногомилосердному моему Государю". Автор, в кратком предисловии, говорит, что не называет этого вельможи, чтобы не ошибиться, потому что иногда посвящение книги похоже на сатиру лица, кому она подносится. Посвящает же он свое сочинение Его В-ву, ибо титул этот украшает книгу. Затем следует самое посвящение, с общими местами, и в конце его сказано, что имя знатного лица, кому она подносится, "узнает общество тогда, когда будет иметь счастье пользоваться его благодеяниями".

За этим следует "Предупреждение", написанное неправильными иероглифами; вот их начало:

Ни звери, ни скоты наук не разумеют,
 Ни рыбы, ни гады читати не умеют,
 Не спорят о стихах между собою мухи
 И все летающие духи.

Далее извинения перед читателями в ошибках и т.п.

Вот краткое изложение содержания романа. Хотя героиню зовут Мартоною, но действие происходит в России. Мартона 19 лет остается сиротой и вдовой и живет в Киеве. Одна добрая душа приискивает ей друга: это дворецкий богатого барина, и она заживает припеваючи. Однажды является к ней незнакомец и сманивает ее на выгодных условиях; дворецкий в бешенстве и застает соперника у Мартоны. Оказывается, что это господин дворецкого, который и делается его покорным слугой. Вдруг Светон (имя обожателя Мартоны) получает приглашение от большого отца ехать к нему в деревню, где живет и жена его. Светон едет с Мартоной, и она поселяется в соседстве его деревни, пользуясь его посещениями. Жена его ловит их. Прибитая Мартона выгнана из деревни

и оставлена без всяких средств к существованию. Она кое-как добирается до Москвы, поступает поварихой к взяточнику секретарю и становится наперсницей похощений жены его, вступивши притом и сама в связь с канцеляристом; но скоро хозяйка выгоняет ее, из ревности. Какой-то добрый человек помещает ее к старому вдовцу-полковнику, который влюбляется в нее донельзя, делает ей богатые подарки и очень ее ревнует. В церкви Мартона встречает офицера Ахалья. Они понравились друг другу, и наконец Ахаль, переодетый женщиной, входит к полковнику в дом, под именем ее сестры. Они сговариваются бежать вместе, взяв с собой подарки полковника. Но Мартона не находит Ахалья в условленном месте: он обманул ее и скрылся один с ее вещами. Она решает вернуться к полковнику, но он с горя занемог и умирает, а Мартону берут под арест, по наущению его сестры. Возвратившийся Ахаль с другим офицером, Свидалем, который тоже в нее влюбился, ее освобождает. Оба начинают пользоваться ее милостями и наконец, поссорившись, выходят на дуэль. Ахаль убивает Свидаль и скрывается от преследования законов. Вдруг является мнимобитый Свидаль, обманувший соперника, притворяясь мертвым. Мартона в восторге, и они сходятся. Мартона знакомится с какой-то купчихой, в доме которой собираются писатели и назначаются свидания любовников. (Это самая живая часть романа, напоминающая статьи сатирических журналов того времени.) Однажды слуга Мартоны открывает ей, что купчиха просила его отравить ее мужа и что он сыграет в их доме комедию. Все друзья собираются к купчихе, которая уверяет, что муж ее умирает; но он бьет жену, и его связывают, считая его безумным. По данному им обещанию быть смиренным, его освобождают. Тогда Свидаль заставляет слугу Мартоны рассказать истину при всех, и купец бросает жену. После этого эпизода Мартона получает письмо от Ахалья, который пишет ей, что принял яд с отчаяния, что убил друга, и просит ее приехать в его деревню, чтобы с ним проститься. Мартона спешит с Свидалем, чтобы спасти его; но уже поздно: Ахаль умирает на их руках, — и конец первой части неоконченного романа.

Язык этой книги отзывается тем полуцинизмом, который в то время не устрашал читателей. В нравописательных местах он очень напоминает мелкие журналы 70-х годов; книга имеет еще ту особенность, что испещрена, при каждом удобном случае, пословицами. По редкости ее, полагаю, что краткое ее содержание должно быть записано, тем более, что она в свое время имела большой успех.

XXV

Путешествие NN в Париж и Лондон (1807)

Любителям русской литературы известно, по крайней мере по слуху, что И.И.Дмитриев написал шуточное стихотворение на приятеля своего В.Л.Пушкина, собиравшегося ехать в чужие края, напечатанное в числе 50 экземпляров для дружеского их круга (См.: "Мелочи из запаса моей памяти", М.А.Дмитриева, стр. 55 и 56). Когда-то пьеса эта была известна из рукописных экземпляров многим, но это было давно, и теперь она, вероятно, знакома малому числу любителей, тем более, что из нее были изредка приводимы печатно только весьма немногие стихи. Печатные

экземпляры составляют величайшую библиографическую редкость. У меня есть один в моей библиотеке, и я хочу познакомить публику с этой редкостью. Ее нет, если не ошибаюсь, даже в Императорской Публичной библиотеке, и она не упоминается ни в одном каталоге.

Экземпляр мой великолепный, напечатанный на бледно-розовой бумаге, с золотым обрезом. Книжка напечатана в 32-ю долю листа почти четырехугольного формата и кроме первого гравированного листика заключает в себе 20 страниц. На гравированном листике читается: "Путешествие NN в Париж и Лондон. 1807". Над цифрой помещена виньетка. На ней изображено следующее: знаменитый трагик Тальма, во фраке и коротких штанах, стоя декламирует, держа в поднятой левой руке книгу; перед ним, на кончике кресел, сидит В.Л.Пушкин (говорят, очень похожий) и, с восторгом подняв голову и расставив руки, слушает чтение Тальмы; В.Л. тоже во фраке, но в сапогах, и у ног его лежит шляпа, которую он, видно, выронил в порыве восхищения. Виньетка исполнена очень хорошо.

Первая печатная страница есть полный титул книжки: "Путешествие NN в Париж и Лондон. Писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, в типографии Платона Бекетова. 1808". Вероятно, виньетка была готова раньше, и поэтому под нею выставлен 1807 год.

На 2-й странице цензурное дозволение Комитета Московского округа.

На 3-й читается: "Изъяснение фронтисписа. Славный парижский актер Тальма наставляет путешественника в искусстве театральной игры". 4-я белая. На 5-й напечатано: "Часть первая". 6-я белая. На 7-й и 8-й помещено 26 стихов. На 9-й напечатано: "Часть вторая". 10-я белая. На 11-й и 12-й помещено 38 стихов. На 13-й напечатано: "Часть третья". 14-я белая. На 15-й и 16-й помещено 38 стихов. На 17-й напечатано: "Примечания". 18-я белая. На 19-й и 20-й помещено 9 примечаний к стихотворению.

Вот текст и примечания Дмитриева, списанные с совершенною точностью:

Часть первая

Друзья! Сестрицы! Я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать:
Я был в Лицее, в Пантеоне,
У Бонапарта на поклоне;
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастью моему.
Вчера меня князь Д<олгоруко>в
Представил милой Рекамье;
Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье,
Мадам Жанлис, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жорж и Фиеве;
Все тропки знаю булеvara,
Все магазины новых мод;
В театре всякий день, оттоле
В Тиволи и Фраскати, в поле.
Как весело! Какой народ!

Как счастлив я! – и так простите!
Простите, милые! и ждите
Из области наук, искусств
Вы с первой почтой продолженья,
Истории без украшения
Идей моих и чувств.

Часть вторая

Против окна в шестом жилье,
Откуда вывески, кареты,
Все, все, и лучшие лорнеты
С утра до вечера во мгле:
Ваш друг сидит еще нечесан,
И на столе, где коф стоит,
Меркюр и Монитор разбросан,
Афишей целый пук лежит:
Ваш друг в свою отчизну пишет;
А Журавлев уж не услышит!
Вздых сердца! долети к нему!
А вы, друзья, за то простите
Кое-что нраву моему;
Я сам готов, когда хотите,
Признаться в слабостях моих,
Я, например, люблю, конечно
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их;
Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять;
Но словом, мыслью, даже взглядом
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..
Я слышу стук!.. никак за мною?
Так точно, наш земляк зовет
На ужин к *нашей же* – прекрасно!
Сегюр у ней почти всечасно:
Я буду с ним, как счастлив я!
Пришла минута и моя!
Простите! время одеваться,
Чрез месяц-два я, может статься,
У мачты буду проверять
Вергилиеву грозну бурю:
А есть ли правду вам сказать,
Так я глаза мои зашурю
И промыслу себя вручу.
Как весело! лечу! лечу!

Часть третья

Валы вздувались горами,
Сливалось море с небесами,
Ревели ветры, гром гремел,
Зияла смерть, а NN цел!
А NN наш в коротком фрачке,
В Вестминстере свернувшись в ком,
Пред урной Попа бьет челом;
В ладоши хлопает на скачке,
Спокойно смотрит сквозь очков
На стычку Фокса с Шериданом,
На бой заборных петухов
Иль дога с яростным кабаном:
Я в Лондоне друзья, и к вам

Уже объятья простираю –
Как всех увидеть вас желаю!
Сегодня на корабль отдам
Все, все мои приобретения
В двух знаменитейших странах!
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
Считайте – я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнелий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Вергилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля...
И все Дидота, Баскервиля!
Европы целой собран ум!
Ах! милые, с каким весельем
Все это будем разбирать!
А иногда я между дельем
Журнал мой стану вам читать:
Что видел, слышал за морями,
Как сладко жизнь моя текла,
И кончу тем, обнявшись с вами:
А родина... все нам мила!

Примечания

1) Представил милой Рекамье. Рекамье жена парижского банкира, прославившаяся красотой своей.

2) Сиеса, Вестриса, Мерсье. Первый – сенатор, игравший в революцию важную роль, второй – славный танцовщик, а третий – довольно известный писатель.

3) Мадам Жанлис, Виже, Пикара. Первая – сочинительница романов и нескольких книг о воспитании, второй – приятный стихотворец, последний – лучший комический писатель нынешнего времени.

4) Фонтана, Герля, Легуве – три известные стихотворца.

5) Актрису Жорж и Фиеве. Последний – сочинитель прекрасного романа и писем об Англии.

6) В Тиволи и Фраскати, в поле. Так называются два гульбища.

7) А Журавлев уж не услышит – почтенный старик, который незадолго перед тем умер и дружен был с путешественником.

8) В Вестминстер и пр. Для некоторых напомним, что в этом аббатстве издавна погребаются славные мужи.

9) И все Дидота, Баскервиля. Также для некоторых: Дидот – славный французский типографщик, Баскервиль – английской.

КОНЕЦ

Считаю нужным присоединить к этим замечаниям некоторые собственные.

1) Шутка эта написана, по всем вероятностям, не в то время, когда была напечатана, а гораздо ранее, т.е. в начале 1803 года. В.Л.Пушкин отправился за границу именно в это время. В "Вестнике Европы" 1803 года, № 14, стр. 109–113, напечатано письмо его из Берлина от 28 июня; в нем описаны: выезд его из России и пребывание в столице Пруссии. В том же журнале, издававшемся тогда, как известно, Карамзиным, в 1803 году, № 20, стр. 245–251, находится письмо Пушкина из

Парижа от 12 сентября. Тут он рассказывает Карамзину о знакомстве своем с Рекамье, актрисой Дюшеноа, Виже и пр., о Фраскати, а также о представлении своем первому консулу в Сен-Клу, причем аудиенция его продолжалась полчаса. М.А.Дмитриев ("Мелочи из запаса моей памяти", стр. 55) и М.Н.Макаров ("Дамский журнал", 1830, № 37, стр. 168) также говорят, что он был в Париже именно во время консульства. Вторичного же путешествия за границу В.Л. не предпринимал. Итак, если И.И.Дмитриев точно перед его путешествием написал свою шутку, то время ее сочинения может быть определено не 1807 годом, а началом 1803, что подтверждается еще и тем, что Наполеон назван в стихах Бонапартом.

2) Князь Д...в. Тут говорится о князе Сергее Николаевиче Долгорукове (род. 1770, ум. в Париже 15 июня 1829 г., в чине генерал-лейтенанта. См.: "Российскую родословную книгу" кн. П.В.Долгорукова, Т. 1, стр. 99, № 176). Во время Наполеона он был посланником нашим в Неаполе, а потом в Голландии.

3) В.Л.Пушкин, действительно, чрезвычайно любил читать свои стихи, "хоть слушай, хоть не слушай их", как говорит Дмитриев во второй части Путешествия. Описание его добродушного характера также совершенная истина. То же должно сказать о его охоте, в юности, шеголять.

4) Я не знаю никаких печатных свидетельств о пребывании Пушкина в Англии, хотя оно и несомненно.

5) В.Л. был большой библиофил и гордился своей библиотекой, сгоревшей в Москве во время французов. Потом он собрал другую, но уже не столь замечательную. Поэтому Дмитриев и говорит об изданиях Дидота и Баскервиля (См.: "Дамский журнал", 1837, № 37 и 38). В.Л. знал языки французский, немецкий, итальянский и английский (см. там же).

6) И.И.Дмитриев род. в 1760 году, ум. 3 октября 1837 года. В.Л.Пушкин род. 27 апреля 1770 года, ум. 20 августа 1830 года.

Кстати, мы не имеем полного собрания сочинений Дмитриева. Не говорю уже о шестом издании в двух томах (Спб., 1823), в котором поэт сам выпустил против предыдущих изданий верным счетом 101 пьесу, которые нужно теперь восстановить из прежних (лучшее из них четвертое, М., 1815, три части). Но к этому должно еще присовокупить: 1) пьесы, печатавшиеся в молодости автора в разных изданиях и отчасти вошедшие в книжку "Мои безделки" (№ по оглавлению из "И моих безделок": 7, 8, 9, 10, 12, 13, 20, 28, 29, 31, 34, 37, 38, 40, 48/59, 1-я эпиграмма и 1-я, 3 и 4 надписи), пропущенные в трехтомных изданиях стихотворений Дмитриева, 2) Апологи в четверостишиях (М., 1823). Немногие пьесы в альманахах позже 1823 года, например, в "Литературном музее" 1827 года В.Измайлова и пр., 4) Путешествие NN в Париж и Лондон и 5) Записки И.И.Дмитриева, к сожалению, еще не изданные. Писатель, как он, стоил бы чести полного и обстоятельного издания. Особенно важно было бы привести в нем варианты, потому что немногие поэты так исправляли свои стихи.

В.Л.Пушкин, хотя и не играл в литературе такой блестящей роли, но недурно было бы и о нем позаботиться. Смирдинское издание не многим разнится от тома его "Стихотворений", изящно напечатанного в Спб.,

1822. Существенное прибавление в смирдинском издании одно: "Второе послание к Д.В.Дашкову" (стр. 21). Кроме того, лишним против книжки 1822 года оказываются только: Отрывок из "Храброва" и три мелких пьесы (стр. 154, 156 и 157). Надобно было бы собрать: 1) Его прозу и множество стихотворений, рассыпанных по журналам петербургским и особенно московским с 1790-х годов по 1830-й, особливо в издававшихся кн. Шаликовым, 2) Стихотворения в альманахах, где есть между прочим еще отрывки из "Храброва", 3) Переписку в стихах с кн. Шаликовым, напечатанную особой книжкой (М., 1834) и 4) Знаменитого "Опасного соседа", напечатанного в Лейпциге (1855), тем более, что сатира эта не нескромнее многих напечатанных пьес Дениса Давыдова. Если собрать все это, сочинения В.Л.Пушкина составили бы не полтома, а толстый том смирдинской коллекции. Он был бы интересен уже тем, что большая часть пьес его имеет отношение к известным случаям и к лицам, замечательным в нашей литературе и общественности. Если с этой стороны любопытно даже издание сочинений графа Хвостова, то нельзя было бы отказать в этом сочинениям В.Л.Пушкина, в котором нельзя не признать дарования.

XXXIX

Мартинисты и их противники (1785–1790)

Желая сообщить читателям несколько подробностей о двух редких книгах моей библиотеки, касающихся мартинизма в России, считаю бесполезным начать с некоторых сведений о Сен-Мартене. <...>

Сен-Мартен родился в 1742 году и происходил из дворянского рода Турены. <...> Первое его сочинение: "Des erreurs et de la vérité" (О заблуждениях и истине) появилось в 1775 году. В нем он смело восстал против философии энциклопедистов, тогда господствовавшей, а потому книга и не имела успеха. <...> Если философия века не признала его, зато парижский beau-monde¹, страстный до всего нового, сделался поприщем его успехов. Женщины особенно покровительствовали провозвестнику спиритуализма, привлекавшему их беззлобием души и особенной мягкостью и добротой характера. Во главе этих покровительниц была герцогиня Бурбонская. <...>

С.-Мартен провозглашал, что состояние человека и мира есть состояние испорченное и пребудет всегда более или менее таким, пока Бог обновит его и восстановит человека в первобытное положение совершенного блаженства и непонятной теперь степени знания. <...> С.-Мартен умер в конце 1803 года. Если многое в учении его непонятно и ложно, по крайней мере он был бескорыстен, искренен в своих желаниях о благе людей и не должно обвинять его в том, что извлекли из этого учения шарлатаны. Все его биографы и исследователи признают в нем честного и доброго человека.

Я сказал, что шарлатаны употребляли в свою пользу и по-своему толковали учение С.-Мартена. Они развозили его по Европе с франк-масонскими тайнствами. Едва ли не Калиостро первый завез их в Россию

¹ Высший свет (*фр.*).

в конце 70-х годов прошлого века и ослепил своим шарлатанством доверчивых наших соотечественников, принимавших на веру всякую заграничную моду, вроде масонства, мартинизма и даже алхимии. Но русский ум не скоро уживается с тайнствами и недомолвками. Много простых и доверчивых людей было обмануто, но вместе возникла и реакция, во главе которой явилась сама императрица <..>

Нет сомнения, что кроме таких доверчивых простаков, увлеченных одною формою, намекавшею на тайную мудрость, были в России и люди, предавшиеся учению С.-Мартена помимо ребяческих затей, годных для праздной толпы. Их должна была поразить система С.-Мартена как явление относительно свежее и отрадное своим спиритуализмом и теософским направлением, среди теорий материализма, господствовавших в то время. Таких поклонников приобрел чистый от примеси шарлатанства мартинизм в главных деятелях Типографической компании и общества Новикова в Москве. <..> Они старались распространять серьезное чтение и издали русский перевод его книги "Des erreurs et des prejuges"¹, напечатанный в 1785 году. Переводчик этой книги неизвестен. Вероятно, это был один из молодых людей, которых занимали переводами Новиков и его друзья и в числе которых, как известно, были тогда Карамзин, А.Петров и др.

Книга эта, показанная у Сопикова под № 4138, а у Смирдина вовсе не упомянутая, чрезвычайно редка. Она составляет большой том в XII и 542 стр. in 8°. Вот точный список с ее заглавного листа:

"О заблуждениях и истинне, или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. Сочинение, в котором открывается Примечателям сомнительность изысканий их и непрестанныя их погрешности, и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению Физической очевидности, о происхождении Добра и Зла, о Человеке, о Натуре вещественной, и о Натуре священной, об основании политических Правлений, о власти Государей, о правосудии гражданском и уголовном, о Науках, Языках и Художествах, Философа неизвестного. Переведено с французскаго. Иждивением Типографической Компании. В Москве, в вольной Типографии И.Лопухина, с Указнаго дозволения, 1785 года".

Приведа уже выше некоторые мысли С.-Мартена и выписавши подробно заглавие его книги, из которого видно, скольких предметов он в ней коснулся, я полагаю излишним говорить более о ее содержании. Русский перевод тяжеловат, но довольно ясен, если принять в соображение затруднения, существовавшие за семьдесят лет, при передаче научных выражений на неустановившийся русский язык, не имеющих еще готовых для того форм.

Книга эта была впоследствии изъята из продажи. Это произошло в начале 1786 года вот по какому случаю. По высочайшему повелению главнокомандующий в Москве граф Я.А.Брюс предписал 28 декабря 1785 года московскому прокурору, Тейльсу, освидетельствовать напечатанные и печатающиеся в типографии Новикова книги, что он и исполнил, представив при рапорте от 31 декабря росписи, как тем книгам, так

¹ Заблуждения и предубеждения (фр.).

и изданиям других типографий, продававшимся в книжной лавке Новикова. В числе последних значится и сочинение С.-Мартена, процензурованное г. Островским, московским полицеймейстером. ("Москвитянин", на 1842 г., № III, стр. 145). Книга эта, по рассмотрении ее, была тогда изъята из продажи, вместе с пятью другими сочинениями масонскими (См.: Творения Св. Отцов, 1854, кн. 1, стр. 173, в приложении).

Но появление книги С.-Мартена имело последствие чрезвычайно любопытное во многих отношениях; она породила целый том возражений, появившийся в 1790 году, но написанный в 1788 году Обществом частных лиц, любителей наук, проживавших в Туле.

Книга эта также довольно редка и почти неизвестна. Она значится у Сопикова под № 4506, а у Смирдина под № 6569. Вот ее заглавие:

"Исследование книги о заблуждениях и истине. Сочинено особливим обществом одного Губернского города. В Туле, 1790".

С эпиграфом:

"Хоть полк противных мне возстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь"

(Из од Ломоносова)

Формат книги — малая осьмушка; страниц XVI и 377. В конце приложено еще 8 страниц с таблицами, где показаны страницы книги С.-Мартена и соответствующие им опровержения в исследовании.

Предупреждение к этому исследованию слишком любопытно, чтобы не выписать из него главнейших мест. Вот они:

"Имея пребывание наше, судьбою нам определенное, от большого света и от столиц, гремящих многообразными деяниями разного состояния жителей, находящихся в оных, удаленное, мы мало получаем уведомления о происшествиях всякого рода, попеременно являющихся и исчезающих в сих поприщах сует и всеобщих движений; потому разглашения, занимающие многих любопытных и праздных о новой секте, уже поздно достигли до сведения маленького нашего общества. Чудные о ней сказания возбудили в нас, как и в прочих, любопытство узнать сие нравственное и политическое явление; но недостаток средств и случая к тому оставляли желание наше тщетным. Наконец, один собрат наш, имея нужду отправиться в столицу, обязался употребить всевозможное старание приобрести к удовлетворению нашему сведение о предмете, учинившемся главнейшим нашим вожделением.

Во время отсутствия сочлена нашего мы пребывали в крайней нетерпеливости о возвращении его и восхищались предгрядущим удовольствием получить желаемое просвещение. Мы исчисляли дни от отбытия его и назначали тот, который должен был, по мнению нашему, прекратить ожидание наше. Наконец, депутат возвратился, и мы уже чаяли, что он при первом отверстии уст своих объяснит существенность науки Мартинистов; однако упование наше не соответствовало воображению нашему, и все утешения, представляющиеся нам к уменьшению нетерпеливости нашей, имели токмо действие усугубить оную: ибо возвратившийся известил нас, что, несмотря на сильное его старание, он не мог достигнуть до святилища мнимой тайны, хранимой новыми Гиерофантами.

Однако наш посланник, дабы удостоверить нас о своем попечении снискать познание о порученном ему, привез к нам книгу, которая служит основанием сей новой секты, сочиненную мнимым пророком оныя и по имени которого последователи его именуются. Мы с превеликою жадностию приступили к чтению, ласкаясь найти хотя некоторую часть объяснения на недоумения наши, еще больше умножающиеся после привезенного собором нашим уведомления. Но удивление наше возрастало по мере углубления нашего в оное, ибо мы повсюду находили вместо ясных положений непостижимую метафизику, безобразные рассуждения, юродивые мнения и те самые предположения, которые по важности своей должны были быть больше явственны и вразумительны, представлены с притворною мрачностью и кабалистическим изображением. Все пространное проповедывание, содержащееся в сей книге, происшедшее от воображения, мечтаниями воспаленного, знаменуетя тщеславием, гордостью и шарлатанством; ибо он не иначе говорит читателям своим, как что он пришел возвестить истину, просветить ему подобных, доставить благо роду человеческому и что до него все были в заблуждении. А из такого бесподобного самохвальства заключить надобно, что проповедник такого надменного учения, будучи одушевляем беспредельным самолюбием и гордостью, старается токмо уверить о своем сверхъестественном знании тех, которые чтение книги его предпринять откажутся, дабы основать и утвердить новую секту и частное собрание, последующее мнениям особливым.

Хотя продажа оной книги и была пресечена, но до того великое число вышедших экземпляров могло рассеять мысли преклонные ко лживым предложениям, содержащимся в сем соборище химер безобразных; ибо случается, что отменное сумасбродство, представляющее бредни о предметах, одним воображением произведенных, и требующее более врачевания, нежели вероятия, от некоего рода умов почитается сверхъестественною премудростию. К тому же иногда бывает, что воспрещение яснее действует над мнениями, нежели глас здравого рассудка, показывающего, что предлог, внимание на себя обращающий, есть ничтожный и более осмеяния, нежели уважения, достойный. Потому мы за благо почитаем издать наши замечания на собрание странных нелепостей, происшедших от беспредельного притяжения личной пользы и безумного тщеславия, дабы предубежденные сокровенною премудростию кабалистико-метафизического учителя могли видеть, что под покровом мнимых таинств ничего, кроме надменности, особых выгод, лжесловия и уклонения от здравого рассудка, не заключается и что всякий удобно осмотреть может, на каких благоразумных догматах она утверждается <...>”

Не знаю, найдется ли в наше время, слишком через шестьдесят лет после сочинения этих строк, в каком-нибудь губернском городе целое общество людей, которые стали бы считать дни до получения хоть бы издающихся теперь в первый раз творений Шеллинга или нового тома истории Маколея. С.-Мартен играл тогда в своем роде не меньшую роль, и, кроме того, книга его вызвала в Туле опровержение, требовавшее, как будет доказано ниже, разнородных и обширных познаний.

Кто же были эти просвещенные провинциалы, написавшие ”Исследование?” Прямых свидетельств тому нет никаких, так же как и в большей

части подобных случаев истории нашей литературы. Я решился испытать следующего рода изыскание для объяснения этого любопытного факта. У нас почти единственная справка о лицах, живших задолго, есть адрес-календарь, тем более, что большая часть писателей прошлого века были люди служащие. На этом основании я взял "Месяцослов и адрес-календарь 1788 года", и отыскал список членов по тульскому губернскому и городскому управлению, и о фамилии всякого чиновника навел справки: не значится ли одноименный автор, писавший около того времени, в списках русских писателей?

Опыт отчасти удался, и имена некоторых авторов "Исследования" не подлежат теперь сомнению. Конечно, некоторые могут быть сомнительны, а некоторые остались неизвестными, но, по крайней мере, часть любопытных анонимов открыта.

Вот те лица, которые могут считаться принимавшими участие в издании "Исследования" (см.: Месяцослов 1788 г., стр. 158 и 159): 1) Семен Никифорович Веницеев, советник казенной палаты, надворный советник и кавалер ордена св. Владимира 4-й степени, Веницеев учился в Московском университете и, еще будучи студентом, участвовал как переводчик с латинского языка в журнале на 1764 год "Доброе Намерение" (см.: ч. II, стр. 233—239). Потом он перевел "Начальные основания философические о гражданине, Фомы Гобезия". Спб. и М., 1766, (см. у Смирдина № 1110). Некоторые подробности о его замечательной личности сообщены Г.Н. Андреевым в статье "Пребывание императрицы Екатерины II в Туле" (Москвитянин, 1842, № 2, стр. 476 и 477), составленной по рассказам одного старожила. Автор говорит, что Веницеев "был одарен умом быстрым и наблюдательным, имел воображение живое, планетное и превосходную память, верный взгляд на вещи, глубокие юридические познания и писал простым, естественным слогом." "Императрица возвращалась в 1787 году из путешествия по югу России и в конце июня должна была прибыть в Тулу, где наместником тогда был известный Михаил Никитич Кречетников, у которого Веницеев был тогда правителем канцелярии. Накануне приезда Екатерины строгий Кречетников приказал ему написать какой-то важный и длинный доклад для представления государыне. Веницеев поздно засиделся у приятеля на пирушке и рано утром пришел к начальнику, не успев написать доклада. Тут произошла та же сцена, которую Безбородко разыграл потом перед самой государыней. Веницеев, держа белую бумагу, импровизировал на словах превосходно составленный доклад и обман обнаружился только тогда, когда Кречетников хотел взять бумагу для подписи. Нет сомнения, что умный и ученый Веницеев, начавший, как есть извещения, свою службу в 1767 году при Комиссии составления нового уложения и потом переводивший Гоббса, был одним из авторов "Исследования".

2) Василий Протопопов, секретарь Казенной палаты, губернский секретарь. Сочинения Василия Протопопова показаны у Смирдина под № 2197, 6054, 6155, 6400, 8391 и 8471.

3) Иван Иванович Беляев, губернский прокурор, надворный советник. У Смирдина № 8866.

4) Иван Сильч Ильин, заседатель совестного суда, секунд-майор. У Смирдина № 9426.

5) Александр Дмитриевич Хруцов, прокурор верхнего земского суда, надворный советник. У Смирдина № 2125.

6) Михаил Бенедиктов, секретарь приказа общественного призрения, губернский секретарь. У Смирдина № 9055.

7) Иван Иванов, казначей уездного казначейства, подюрочик. У Смирдина № 3088, 3425 и 9538.

8) Иван Воскресенский, студент Московского университета, служивший провинциальным секретарем в верхнем земском суде. Он написал оду на прибытие Екатерины II в Тулу (см. упомянутую выше статью г. Андреева, которую вообще рекомендую читателям. Кроме нее, автор поместил еще в "Москвитянин" три статьи о Туле, где говорится о тамошних писателях, но уже позднейшего времени. См.: "Москвитянин" 1843, № 2, стр. 579, № 6, с. 535 и 1849, № 12, стр. 118). Воскресенский в адрес-календаре не упомянут, вероятно, по незначительности чина; имени его нет и в росписи Смирдина.

Все поименованные лица могли принадлежать, по моему мнению, к обществу, разбиравшему книгу С.-Мартена.

Кроме того, полагаю, по некоторым соображениям, что в этом могли принимать участие следующие лица, впрочем, неизвестные как авторы по росписям наших писателей:

1) Петр Иванович Запольский, губернский казначей, коллежский ассессор.

2) Василий Васильевич Рыкачев, председатель второго департамента верхнего земского суда, надворный советник.

3) Дмитрий Ильич Перхуров, заседатель верхнего земского суда, секунд-майор.

Помещая здесь эти предположения, которые, может быть, разъяснятся, то есть подтвердятся или опровергнутся.

После всех соображений о лицах, участвовавших в издании исследования книги С.-Мартена, сообщаю краткий взгляд на то, с какой точки зрения на нее смотрели и какими авторитетами пользовались для опровержения его учения.

Система исследователей преимущественно состояла в следующем:

- 1) доказывать при каждом случае противоречия автора самому себе,
- 2) защищать истины, добытые наукой, против нападок С.-Мартена, и
- 3) обличать гордую его самоуверенность и религиозные заблуждения, нападая притом и на личину таинственности, которой он часто прикрывается с целью, по мнению критиков, скрыть несостоятельность своих положений или невозможность доказывать их долее. <...>

Высокая степень образованности исследователей доказывается тем, что им знакомы были мнения и доказательства ученых по самым разнородным предметам <...>

Вообще исследователи чрезвычайно ценят ученость своего века, выхваляют успехи его в опытных науках (стр. 15, 199 и 365), превозносят современные им системы, имеющие в виду благосостояние людей и основанные на добродетели (стр. 183), приводят с признательностью указание на Наказ Екатерины II, при рассмотрении вопроса о наказаниях (стр. 277) и оканчивают свой труд апологией просвещения и осуждением не одного невежества, но и бесплодных мечтаний (стр. 375).

Библиографам известны роскошные издания, которые в конце прошлого века печатались в селе Рузаевке, Инсарского уезда, Пензенской губернии, в собственной типографии Рузаевского помещика Струйского, который предавал в ней тиснению преимущественно собственные свои стихи, составившие даже целый том и отличавшиеся отсутствием всякого таланта и теми красотами, которые находятся в творениях Тредьяковского. В Чертковской библиотеке есть несколько этих изданий, составляющих большую библиографическую редкость.

Факт существования такого отчаянного метромана, жившего в глуши и тратившего значительные суммы на устройство и содержание в захолустье одной из лучших современных ему типографий для удовольствия печатать в ней свои вирши, очень любопытен. Известия, до него касающиеся, скудны и отрывочны. Поэтому я очень рад, что могу сообщить о Струйском и затеях его некоторые положительные сведения.

Они извлечены из любопытных в высшей степени Записок известного поэта князя Ивана Михайловича Долгорукого (род. 7 апреля 1764, ум. 4 декабря 1823). Он был Пензенским вице-губернатором (с 19 сентября 1791 по 17 декабря 1796), лично знал Струйского и не однажды бывал в его Рузаевке. Вот отрывки из записок князя...

1793 год. "Желая приятною чертой пера кончить этот год, скажу нечто о Струйском, с которым я познакомился, заехав к нему летом когда-то случайно. Этот дворянин заслуживал особенного внимания. Будучи не беден, напротив, достаточен, живучи в прекрасном доме, коего убранство возвещало вкус и роскошь, окружен приятною женою со многими добрыми детьми, из коих иные были в занимательном возрасте; словом: находясь в возможности, при регулярном, хорошем саде, обширных дачах и всех изобилиях природы, наслаждаться жизнью благополучного человека, ежели она есть где-нибудь кроме нашего воображения, этот самый г. Струйский, влюблясь в стихотворения собственно свои, издавал их денно и ночью, покупал французской бумаги пропасть, выписывал буквы разного калибра, учредил типографию собственно свою и убивал на ее содержание лучшую часть своих доходов. Он имел кабинет в самом верху дома, называемый: Парнас. В сие святилище никто не хаживал, ибо, говорил он, не должно метать бисера свиньям. Меня он удостоил ласкового там приема, за который дорого заплатил, однако, один из моих товарищей: ибо он, читая мне одно свое произведение и натурально из хвастовства, по мнению его, лучше, сильно будучи им восхищаем, щипал его в восторге до синих пятен. Истутления подобного, когда о стихах говорили, я не видывал. Все обращение его, впрочем, было дико, одевание странно. Он носил с фракком парчевой камзол, подпоясывался розовым кушаком шелковым, обувался в белые чулки, на башмаках носил бантики и длинную повязывал прусскую косу. Вот его вид, в котором он мне показался. Охотно думаю, что это его был наряд и только для меня, в изъявление большой преданности. Письма его ко мне, которые я все собрал, и сочинения рассмешили бы мертвого. Потешнее после Телемахиды ничего нет на свете. Он уважал очень, между предметами учености, оптику и толковал мне, но очень

втуне, часа два, что многие сочинения наших авторов теряют своей цены от того только, что листы не по правилам оптики обрезаны, что голос от этого ожидает продолжения речи там, где переход ее прерывается; и от нескладности тона теряется сила мысли сочинителей. Прошу тут понять что-нибудь! Счастливы были бы его читатели, если бы стихи его от погрешностей от одной оптики были дурны! Но увы! Они во всем несносны. Простим ему их, поелику он умер* и других таких уже не напишет. Пожелаем, однако, притом искренно, чтобы подобных не возрождалось. В потомстве его доселе нет никого, кто бы ему последовал**. Когда я посетил его на вышеописанном Парнасе, то приметя пыль везде большую и большой беспорядок в уборе, ибо рядом с сургучем был брошен перстень алмазный, возле большой рюмки стоял поношенный бюст, — я спросил его о причине, и он дал мне самую мудреную. Пыль, сказал он, есть мой страж, ибо по ней увижу тотчас, не был ли кто у меня и что он трогал. Такая мысль меня поразила. Увидев притом, что в комнате его множество разных оружий и соображая сей наряд, столь неприличный Парнасу, с его отзывом, заключил, что он должен быть жестокий хозяин и посреди упражнений своих, которые иногда держат его за пером, а паче, как он сам признавался, суток по двое без сна и почти без пищи, опасался над собою злонамеренных покушений. Говорили мне, будто догадка моя была справедлива, но я не знал его довольно коротко, чтобы на одной молве основать такое предосудительное о нем заключение. Впрочем, отзыв его приличен был тирану, носящему с собою всюду мрачные помыслы. Сказывали мне еще, будто он до стихотворческого пристрастия был наклонен к юридическим упражнениям, делал сам людям своим допросы, судил их, говорил за них и против, суд и дело в своих собственных судилищах и вводил самые даже пытки потаенным образом. Вот что я слышал от посторонних. Ежели это было подлинно так, то чего смотрело правительство? От этого волосы вздымаются. Ежели то было так, то какой удивительный переход от страсти самой зверской, от хищных таких произволений к самым кротким и любезным трудам, к сочинению стихов, к нежной и вселобзающей литературе! Все это непостижимо!..

”1795 год. Письма Струйского, неисчерпаемый источник нелепостей, смешили меня, когда меланхолия слишком удручала сердце. Тут весьма хорошо прочесть что-нибудь из Тредьяковского, Струйского, Черкасова и тому подобных парнасских буфонов. Они очистят путь мыслям...”

1795 год. ”В октябре я сочинил оду под названием ”Камин”. Она имела большой успех. Ее читали и видели в Москве, в Петербурге, в Париже. Делиль не погнушался понаслышке ее попросить у моих знакомых. Напечатан был сей ”Камин” в типографии у Струйского и в небольшом количестве для подарка только моим приятелям и коротким***. Несколь-

* Писано в 1804 г.

** Это не совсем так: один из потомков его был известный поэт Полежаев. Дмитрий Юрьевич Струйский, довольно известный стихотворец 1830-х г. был также внуком рузаевского типографщика (примечание Бартенева).

*** Это издание ”Камина”, напечатанное в Рузаевке в 1795 г., не обозначено в библиографических источниках, т.к. напечатано малым тиражом и не было в продаже.

ко лет потом* его вторым изданием печатали с французским переводом, в котором упражнялся, но весьма не в пользу сочинителя, в Москве один француз именем Aviat** .

1796 год. "С ярмонки (Саранской) проехали мы через Шишкеев в Рузаевку, деревню Струйского. У Струйского, которого я описал прежде, нашли мы изуродованный Парнас и Аполлона в увече. Музы там представлялись в самом жалком виде. Оптика занимала по-старому хозяйское понятие. Он читал нам свои стихи, водил нас в типографию, и там при жене тиснули стихи, сделанные им в похвалу ее, экспромтом.

1796 год. "Пора мне войти скорее в мою сферу и потужить здесь теперь о смерти бедного Струйского, бедного как писателя, но достаточного помещика хороших тысячи душ, которые наследство его делали гораздо приятнее, чем Парнас и типография. Кончина государыни так сильно поразила его воображение, что он слег горячкой, лишился языка и умер очень скоро*** . Какая могла быть связь между сими двумя умами. Странно даже их ставить рядом в разговоре. Подивимся чудесам природы и скажем о Струйском, что как приятеля мне его очень жаль: он меня любил, кажется, искренно; писем его сохранилось у меня множество. Стихи свои он мне дарил все, и рукописи его многие у меня найдутся. Я жалел всегда о его заблуждениях, жалел тем паче, что без них он мог бы быть человек хороший; но силы его были направлены к худым предметам. Как о сочинителе стихов я об нем не сожалел нимало, ибо он их писать совсем не умел и щеголять имел право более их тиснением, нежели складом. Если бы век его продолжился, он бы отяготил Вселенную своими сочинениями.

Вот все, что сказано о Струйском в записках князя Долгорукого. При скудости известий об этом оригинале приводимые о нем сведения, конечно, любопытны для любителей старины и истории нашей литературы.

СТАРЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ А.Н.АФАНАСЬЕВЫМ

1. Поденщина, 1769 года, В.Тузова.
2. Пустомеля, 1770 года, неизвестного.
3. Кошелек, 1774 года, Н.Новикова.

Три книжки, in 16°. Москва, в тип<ографии> С.Селивановского, 1858. Стр. 136, 111 и 141. Цена за три книжки 1 рубль сер<ебром>.

Известный библиограф и знаток нашей старины А.Н.Афанасьев делает прекрасный подарок любителям русских книг. В изданных им теперь книжках перепечатаны три старинные сатирические журнала, давно уже принадлежащие к числу библиографических редкостей. Таковы

* Именно в 1799 г.

** Это издание обозначено в списке литературных произведений автора, составленном М.А.Дмитриевым, и показано появившимся в 1799 г. (Кн. Ив.Мих.Долгорукий и его сочинения. М., 1863, стр. 272). Соликов (Опыт российской библиографии. ч. 3, № 5013) показал издание "Камин" напечатанным в 1801 г., но это, вероятно, ошибка, и тут указано то же издание 1799 г., о котором упомянуто и в Росписи Смирдина (№8096) с указанием тоже 1799 г.

*** Струйский, как видно по некоторым стихам его, находился в сношениях с гр. Орловым (примечание Бартенева).

особенно "Поденщина" и "Пустомеля", которые невозможно было нигде достать. Нам известно только по одному экземпляру того и другого в частных библиотеках: "Пустомеля" находится у С.Д.Полторацкого, а "Поденщина" в нашем собрании старых журналов, и за нее было нами заплачено пятнадцать рублей серебром. Теперь знакомство с этими редкими книгами делается доступным для всех любителей истории нашего просвещения и литературы, число которых, к счастью, беспрепятственно увеличивается. Издание г. Афанасьева одно уже доказывает этот факт; оно является вследствие вновь породившейся в книжном мире потребности.

Сатирические журналы екатерининского времени достойны особого внимания. Они были первыми попытками сближения нашей литературы с действительностью; они рисуют картину преимущественно смешных и темных сторон тогдашних нравов, указывая на то, что особенно поражало наблюдателей того времени своею уродливостью или нелепостью. Наконец, они были, так сказать, родоначальниками нашей журналистики, которая, изменяясь сообразно с ходом времени, постоянно играла и играет такую важную роль в нашей литературе.

Мы надеемся, что г. Афанасьев не ограничится изданием "Поденщины", "Пустомели" и "Кошелек", которые перепечатаны теперь с дипломатической точностью относительно старинного правописания и пр<Оче-го>. От души желаем, чтобы почтенным издателем был приготовлен к перепечатке весь цикл повременных изданий этого рода, к которому принадлежат: 1769 года — "Всякая всячина с барышком" Козицкого, "Трутень" Новикова, "Смесь" неизвестного, "Адская почта" Эмина, "Полезное с приятным" неизвестного, "И то и се" Чулкова, "Ни то, ни се" Рубана; 1770 года — "Парнасский щепетильник" Чулкова; 1771 года — "Трудолюбивый муравей" Рубана; 1772 года — "Вечера" (приписываемые Новикову), "Живописец" Новикова и 1773 года — "Мещенина" неизвестного.

Любители, конечно, скоро познакомятся с изданием г. Афанасьева, которое по цене доступно всякому. Поэтому мы не входим в подробности того, что находится в вышедших теперь книжках. Заметим мимоходом, что в "Пустомеле" в первый раз было напечатано знаменитое "Послание к слугам" Фонвизина и что особенно любопытен из вышедших теперь трех журналов новиковский "Кошелек", о котором еще недавно имели мы случай говорить в "Русском вестнике" (1858, т. XVI, № 15, отд. 1, стр. 445) по поводу неприятностей, испытанных Новиковым за издание этого журнала, направленного против карикатурного пристрастия ко всему французскому.

Для желающих прочесть вместе с вышедшими теперь журналами дельные и любопытные статьи, в которых разбирается их содержание и разъясняются отношения, существовавшие между всеми повременными изданиями этого рода, напомним читателям, что они найдут их в следующих монографиях, которые подробнее других:

1. Сумароков и современная ему критика, г. Булича (Спб., 1854, стр. 211—288).

2. Русские журналы 1769—1774 годов А.Н.Афанасьев (Отечеств<енные> записки, 1855, № 3, 4 и 6).

1. С.Д.Полторацкому. Из Москвы в Петербург, 18 апреля 1856 г.

<...> Сегодня мы хоронили Чаадаева; отпевание было у Петра и Павла на Басманной. Странное и удивительное что-то было в этой церемонии. Прекрасный весенний день, пасхальная служба, цветные ризы, цветы на кресте, вместо панихиды пение: Христос Воскресе и других гимнов воскресных, все это как-то успокоительно действовало на душу <...> Покойник очень хотел, чтобы Дон Педро Прокодуранте его отца был помещен скорее в моих записках. Желание его исполню в июньской книжке "Современника" и при этом помещу и библиографические заметки о самом Чаадаеве.

2. С.Д.Полторацкому. Из Москвы в Петербург, 26 апреля 1856 г.

Сегодня вечером назначил я себе время писать к тебе, любезный друг Сергей Дмитриевич, и вдруг к тому же получаю милое письмо твое от 24 апреля со вложением оттиска "Записок". Во-первых, сердечное спасибо за твои старания; я очень вижу хорошо в них не одни хлопоты библиографа, но и заботу друга. <...> Кублицкий написал некролог (Чаадаева), и он был уже набран для "Московских ведомостей", но Флеров его запретил и остались только начальные строки статьи в № 17 апреля и известие о времени его похорон. Статья была недурна, но в ней нашли какие-то намеки и сближения, впрочем, очень натянутые. Надеюсь, что мое намерение исполнится счастливее. Вот в чем дело. В майской книжке ("Современника") появятся мои §§ 1 и 2. У тебя их еще 12. Не надо слишком обременять ими журнал. Поэтому прошу тебя сделать следующее распоряжение для июньской книжки. Эти 12 немного длиннее первых двух и поэтому, вероятно, без затруднения будут помещены в ней. Но на днях ты получишь еще два параграфа, находящиеся в тесной связи между собою. Один о Д.Педро Прокодуранте, отца Чаадаева, другой, который должен непосредственно за ним следовать, о нем самом. <...> Эти два параграфа непременно нужно будет поместить в июньскую книжку, чтобы не слишком запоздать известием о Чаадаеве. Поэтому, если неудобно будет Панаеву хватить имеющиеся у него 12 §§ да еще 2, то замени последними хоть § 4 (о Голицыне), 10 (о "Деле от безделья" и "Прохладных часах"), 11 и 12 (об Озеровых), а эти 4 исключенные останутся для другого раза. Оставшиеся 8 и новые 2 будут едва ли не короче того, что теперь запасено в Петербурге. Уверен, что в память Чаадаева ты займешься этим делом как собственным; мне крайне хочется исполнить его желание об обнаружении статьи о Д.Педро, которую он так ожидал и почтить его память...

3. С.Д.Полторацкому. Из Москвы в Петербург, 30 апреля 1856 г.

Вчера получил последнее письмо твое, любезный друг Сергей Дмитриевич; очень тебя благодарю за него и за присылку окончания оттисков "Записок". Буду ждать ответа на последнее мое послание, в котором говорю тебе о статье, посвященной памяти Чаадаева. <...> Верю в силу твоего убеждения и уверен, что ты даже в случае отъезда возьмешь с него (Панаева) слово поместить непременно строки о Чаадаеве в июньской книжке, чтобы хоть сколько-нибудь успели вовремя.

ПРИМЕЧАНИЯ, КОММЕНТАРИИ

МАЛЕНЬКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

¹ Об этом см. в работах Н.Я.Эйдельмана «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» (М., 1966) и «Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать». (М., 1973).

² Цит. по: Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 266.

³ ПД, арх. Лонгинова 23145/CLXVI, б. 12. Письма Г.Н.Геннади 4 февраля 1858 г. Л. 1-об.

⁴ Московские ведомости, 1857, № 156. С. 700.

⁵ А.Н.Афанасьев и М.П.Полуденский состояли на службе в Архиве министерства иностранных дел и потому не могли обнаружить, что они являются редакторами. Вместо их имен ставилась фамилия Н.М.Щепкина, в магазине которого принималась подписка на журнал.

⁶ Рус. библиогр. листок. 1858. № 3. С. 169.

⁷ Огарев Н.П. Избранные произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 451.

⁸ Кунин В.В. Указ. соч. С. 239.

⁹ Куфаев М.Н. Избранное. М., 1981. С. 164.

¹⁰ Querard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. Paris, 1847. Vol. 2. P. 212–213. Пер. с фр.

¹¹ Современник. 1856. № 2. С. 148.

¹² Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 2. С. 482.

¹³ Библиогр. зап. 1858, № 13, стб. 461.

¹⁴ См. запись в дневнике поэта от 2 марта 1912 г.: «Дни у букинистов – дрянное племя: от дичинной глупости и грубости маленькой лавчонки – до сумасшедшего г. Соловьева (букиниста), желающего показать, что русские двадцатые (и другие) годы были «возрождением» (!!!), печатающего свой «Русский библиофил» с сумасшедшей роскошью, которую порождает только реакция – шаг небольшой» (Блок А.А. Собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 7, С. 130).

¹⁵ Об этом см.: Равич Л.М. А.Н.Афанасьев и журнал «Библиографические записки» // Сов. библиогр. 1971, № 6. С. 56–57.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Письмо Полуденского в А.А.Котляревскому с изложением его точки зрения на это дело см. в главе, посвященной Полуденскому.

¹⁸ Письма... к библиографу С.И.Пономареву. М., 1915. С. 81.

¹⁹ Цит. по: Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания. М., 1980. С. 43–44.

Портрет первый. «ИДУ ПОД СУХАРЕВУ БАШНЮ!»

¹ Пышин А.Н. История русской этнографии. Спб., 1891. Т. 2. С. 110.

² См., напр.: Порудоминский В.И. Я полюбил Пушкина еще больше: Пушкин в «Библиогр. зап.». Из писем Афанасьева к Геннади // Прометей. М., 1974, № 10. С. 206–217; он же. Не уклоняясь от добра и правды // Новый мир. 1976. № 7. С. 236–246; Лазутин С. Дневник А.Н.Афанасьева // Подъем. 1973. № 4. С. 153–160 и др.

³ Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности К.Н.Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1889. С. 41.

⁴ Афанасьев А.Н. Московский университет в 1843–1849 гг. Рус. старина. 1886. Т. 51, № 8. С. 39.

⁵ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин. М., 1984. С. 78.

- 6 ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 448, л. 21 об.
- 7 Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 135.
- 8 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 381. Критик отмечает, что указатель Афанасьева и аналогичный труд Капустина "дают своим ученым и трудолюбивым составителям право на благодарность всех занимающихся русской историей".
- 9 Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды" (по именному указателю).
- 10 Цит. по: Желвакова И.А. Из записок прошлого столетия // Прометей. М., 1972. № 9. С. 206.
- 11 Цит. по: Порудоминский В.И. Не уклоняясь от добра и правды. С. 224.
- 12 Бестужев-Рюмин К.Н. А.Н.Афанасьев (Некролог) // Журн. м-ва нар. просвещения. 1871. № 10. С. 321.
- 13 Материалы об отношении жандармских властей к Е.И.Якушкину опубликовал в свое время В.Н.Бочкарев в журнале "Каторга и ссылка" (1923; № 5).
- 14 ПД. ф. 357 (Ефремова), оп. 4. № 7. Письмо от 24 апр. 1862 г., л. 2.
- 15 Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых... Берлин, 1876. Т. 1. С. 54.
- 16 Цит. по: Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 51–52.
- 17 Об этом см.: Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 349, 351, 352.
- 18 ПД. ф. 568, № 119, л. 2.
- 19 Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 197.
- 20 Прометей. № 10. С. 218.
- 21 Там же. С. 208.
- 22 См. Равич Л.М. А.Н.Афанасьев и журнал "Библиографические записки" // Сов. библиогр. 1971. № 6. С. 48.
- 23 Лазутин С. Указ. соч.
- 24 Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1934. Т. 1. С. 482–483.
- 25 "Прометей". № 10. С. 207.
- 26 Бестужев-Рюмин К.Н. Указ соч. С. 320.
- 27 Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 112.
- 28 Новый мир. 1977. № 7. С. 238.
- 29 Прометей. № 10. С. 217.

А.Н.Афанасьев. ИЗБРАННОЕ

Князь тьмы

Впервые – Московские ведомости. 1860. № 48. Не перепечатывалось. Как установлено впоследствии, автором книги был немецкий актер И.Э.Ф.Альбрехт (1752–1814), переводчиком – В.А.Левшин (1746–1826). Выразилось мнение, что книга была написана по заказу фаворита Екатерины II Платона Зубова. Книга описана в "Моей библиотеке" Смирнова-Сокольского (но без пересказа содержания).

"Минерва" – периодическое издание, выходившее в Гамбурге в 1792–1809 гг.

Марциальный – очевидно – воинственный (от Марса – бога войны у древних римлян).

Адская газета

Впервые – Библиогр. зап. 1858. № 2. Перепечатано в кн.: Афанасьев А.Н. Народ-художник. М., 1986.

Глум – издевательство.

Малаханцы – возможно, от слова "малахай" – кафтан, надетый нараспашку – "распустехи". Составитель названного выше сборника работ Афанасьева дает (также предположительно) другое толкование. Он считает, что это слово происходит от "молокан" – религиозной секты, возникшей в XVIII в.

Николай Иванович Новиков

Впервые – Библиогр. зап. 1858. № 6. Не перепечатывалось.

Большая статья Афанасьева дается здесь в отрывках. Выбраны только те места, где говорится о Новикове-издателе.

Сатир – в древнегреческой мифологии одно из низших божеств, спутник бога вина Диониса.

Типографическая компания – издательское предприятие, созданное Новиковым и его соратниками, объединившее несколько типографий.

Заметки о русской книжной торговле

Впервые – Библиогр. зап. 1859. № 18. Не перепечатывалось.

Пренумерант – подписчик.

"Библиографический листок" – издание Смирдина-сына и Генкеля. Выходил в 1856–1859 гг.

"Русская беседа" – журнал славянофильского направления. Выходил в 1856–1860 гг.

Журнальная промышленность

Впервые – Библиогр. зап. 1858. № 9. Не перепечатывалось.

Общезанимательный вестник, журнал литературы, наук, искусств, промышленности, торговли и общежития. Изд. В.Рюмин. Выходил в 1857 г.

Весельчак: Журн. всяких странностей. Изд. А.Плюшар. Выходил в 1858–1859 гг.

"Светопись" – журнал. Изд. Оже. Выходил в 1858–1859 гг.

"Живописный сборник" – журнал. Выходил в 1857–1859 гг.

"Северная пчела" – газ. Булгарина и Греча. Издавалась в 1825–1841 гг.

Из писем

Письма Афанасьева к Е.И.Якушкину хранятся в ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), № 448. Письма к Де-Пуле – в ПД, ф. 569, № 119. Письма к П.П.Пекарскому – в ГПБ, арх. Пекарского, № 159, № 4 и 5 частично опубликованы в нашей статье (Сов. библиогр. 1971. № 6), остальные публикуются впервые.

Пустомеля – журнал 1770 г., библиографическая редкость.

Переписка Петра Великого с Екатериной I была подготовлена к печати и опубликована А.Н.Афанасьевым (Рус. речь. 1861. № 9, 10).

Сочинения Филарета – возможно, речь идет о рецензии на "Обзор русской духовной литературы. 1720–1858. Филарета", опубликованной без подписи в "Библиографических записках" (1861, № 7). Ничего другого, связанного с именем Филарета, в журнале опубликовано не было.

"Отстой обедню". – Касаткин принадлежал к старообрядческой семье, не признававшей официальной церкви.

"Марфа-посадница" – драма Н.М.Карамзина.

"Таинственный незнакомец" – прозвище Касаткина, данное ему друзьями за его чрезмерную склонность к конспирации.

"Статья о Радищеве" – "Мысли на дороге" А.С.Пушкина.

"Богомольная дура" – выражение А.С.Пушкина.

"Три крошечные книжки" – переизданные Афанасьевым сатирические журналы XVIII в. Об этом см. статью Лонгинова в настоящем сборнике. Ныне это переиздание в свою очередь стало библиографической редкостью.

Мнение Афанасьева о Соболевском никак нельзя признать справедливым, но оно чрезвычайно характерно: демократ-разночинец и ученый, Афанасьев был склонен считать Соболевского лишь барином-дилетантом, "забавлявшимся" библиофильством. Между тем книги по тем отраслям, которые он собирал (преимущественно, путешествия и книговедение), Соболевский знал прекрасно.

Портрет второй. РОК СЕМЬИ ПОЛУДЕНСКИХ

¹ Окунь С.Б. Декабрист М.С.Лунин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 42.

² Загоскин С.М. Воспоминания // Ист. вестн. 1900. № 2. С. 497.

³ Список трудов Полуденского см.: Антиквар. 1903. № 1/4. С. 32–35.

4 Poloudensky M. Courrier russe. Le premier livre imprimé à Moscou // Bulletin du Bouquiniste, 1865, Février. (Полуденский М. Корреспонденция из России. Первая книга, напечатанная в Москве // Бюл. букиниста. 1865, февр. (фрр.)) 1865, Février.

⁵ См.: Фрадкина З.Л. В.И.Межов. М., 1949. С. 38–39.

⁶ Рус. архив. 1866. Стб. 378–380.

⁷ Ист. вестник. 1900. № 4. С. 51.

⁸ Щукинский сборник. М., 1910, вып. 9. С. 202.

⁹ Эти письма хранятся в ПД.

¹⁰ Лит. наследство. 1934. № 16/18.

¹¹ Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 232. Фактическая ошибка: М.И.Полуденская на 30 лет пережила своего мужа.

¹² Летопись жизни и творчества А.И.Герцена, 1812–1850. М., 1974. С. 400. "1848. Париж, начало июня, Герцен "взкий день" встречается с М.П. (ошибка, – следует А.П. – Л.Р.) Полуденским, родственником Н.И.Сазонова, которого считает "действительно замечательным человеком".

¹³ Приводим описание этой книги: формат 11/16 см, переплет марокеновый, светло-коричневый, с тиснением на обеих крышках. По наружным углам обрамляющей рамки вытеснены кресты, напоминающие знак "треф". Корешок с золотым тиснением "Три вторника" и с четырьмя бинтами. На развороте крышки узорное золотое тиснение. Форзац в виде павлиньих перьев. На левом форзаце передней крышки приклеен экслибрис Соболевского. Экземпляр неполный. Отсутствует портрет автора.

¹⁴ Добролюбов И.В. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910.

¹⁵ Березин-Ширяев Я.Ф. Мое знакомство и переписка с С.А.Соболевским // Рус. архив. 1878. Кн. 3.

¹⁶ Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Гос. Исторического музея. М., 1967. С. 187–190.

М.П.Полуденский. ИЗБРАННОЕ

Львовские Евангелия XVII в.

Впервые – Беседы в О-ве любителей рос. словесности. 1868. Вып. 2. Не перепечатывалось.

Ставропигийское братство во Львове имело свое издательство и типографию, основанную в 1586 г. В первой половине XVI в. типографией в разное время заведовали Памво Берында, Михаил Слезка и др. Об этом см.: Исаевич Я.Д. Издательская деятельность Львовского братства в 16–18 веках // Книга: Исслед. и материалы. 1962. Сб. 7.

Одесную и ошую – справа и слева.

Путешествие ко святым местам Василия Барского

Впервые – Библиогр. зап. 1859. № 9. Не перепечатывалось.

См. также: Одиннадцать писем пешеходца Василия Григорьевича Барского к родным (1723–1746) / С предисл. А.М.Лазаревского // Рус. архив. 1874. Т. 2.

"Парнаасский щепетильник" – журнал, издававшийся М.Д.Чулковым в 1770 г.

Материалы для истории Дружеского Ученого Общества 1782 г.

Впервые – Рус. архив. 1863. № 3. Не перепечатывалось. Мы публикуем только предисловие к опубликованному Полуденским редчайшему изданию XVIII в.

Сама брошюра имелась в библиотеке М.П.Полуденского.

Описание Патриаршей библиотеки 1718 года

Впервые – Рус. архив. 1864. № 3. Не перепечатывалось. Здесь помещено лишь предисловие к публикации. За ним следует сама опись патриаршей библиотеки.

Типография Мея и Кряжева

Первые – Библиогр. зап. 1859. № 19. Не перепечатывалось.

Сохранная и судная казна – кредитные учреждения. Были основаны в 70-х гг.

XVIII в.

Воспитательный дом – учреждение для призрения подкидышей. Содержался с доходов ссудной казны.

Управа благочиния – полицейское учреждение, осуществлявшее во второй половине XVIII в. также цензурные функции.

Несколько слов о библиотеках в Китае

Первые – Библиогр. зап. 1861. № 6. Не перепечатывалось.

Хангчеу (Ханчжоу), Нинпо (Нинбо) – города в Китае.

В Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина имеется китайская энциклопедия "Ту-Шу-Цзи-Чен". Ее первое издание печаталось более 60 лет (с 1662 по 1723 г.) и насчитывало 5163 тома. Это самое большое издание в мире.

Из писем

Письма М.П.Полуденского к С.А.Соболевскому хранятся в ПД, арх. Лонгинова, ф. 23511. Письма к М.Н.Лонгинову – там же. Письмо к Котляревскому – в ГПБ, арх. Котляревского, ф. 386, ед. хр. 91. Публикуются впервые.

Крафт Г.-В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санктпетербурге в Генваре месяце 1740 года ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов... Спб., 1741.

Miroir de Bibliophilie – французский библиофильский журнал, выходивший в Париже во второй половине XIX в. Химическая псалтырь – Пено Б.-Ж. Феофраста Парацельса. Химическая псалтырь, или Философические правила о камне мудрости... Пер. М.А.Кутузова. М., 1784 – редчайшая масонская книга, напечатанная в типографии Лопухина (в начале XX в. цензилась в 200 р.).

"Поденщина" – "Поденщина, или Ежедневные издания" – журнал. Изд. В.В.Тузов (1769). Библиографическая редкость.

Портрет третий. РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ НА ЧУЖБИНЕ

¹ Об этом см.: Лит. наследство, 1941. Т. 41/42, кн. 2. С. 8, 9, 14, 18, 22 и др., а также Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. С. 331.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания. Спб., 1900. С. 59.

³ Об этом см.: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". С. 236 и др. Третья часть "Записок" И.Д.Якушкина оставалась у Касаткина и затем перешла к его вдове. Герценом она по причинам, не до конца выясненным, опубликована не была. Ее обнаружил уже в России Е.И.Якушкин на страницах "Русского архива" (1870).

⁴ Лит. наследство, 1941. Т. 41/42, кн. 2. С. 200.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ ГПБ, арх. Пекарского, № 159. Афанасьев А.Н. Письма (12) к П.П.Пекарскому. 9 нояб. 1860 г., л. 1.

⁷ Об этом см. в очерке, посвященном М.Н.Лонгинову.

⁸ Впрочем, очень возможно, что материал этот не был пропущен в печать из-за политической остроты вводной статьи Чернышевского. Тот факт, что год спустя Касаткин надеялся опубликовать ту же "Апологию безумного" Чаадаева, говорит о том, что четких распоряжений относительно чаадаевских текстов цензура не имела.

⁹ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". С. 291.

¹⁰ Об этом – в письмах к Якушкину, Пекарскому, Пышину, Бестужеву-Рюмину (ГПБ, ПД).

¹¹ Библиогр. зап. 1861. № 7. Стб. 206.

¹² Там же. 1861. № 20. Стб. 702.

¹³ ПД, ф. 24873/CLXXZ321. Касаткин В.И. Письма к К.Н.Бестужеву-Рюмину. 20 дек. 1860 г., л. 1.

¹⁴ ГПБ, арх. Гаевского. Касаткин В.И. Письма его к Гаевскому В.П. 20 янв.

1861 г., л. 1 (частично: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденции "Полярной звезды").

¹⁵ ГПБ, арх. Пекарского. Касаткин В.И. Письма его к П.П.Пекарскому. 28 янв. 1861 г., л. 1.

¹⁶ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". С 160 (подлинник в ЦГАОРе).

¹⁷ Об этом см.: Козьмин Б. Пародия на стихотворение Ф.Н.Глинки "Тройка" // Лит. наследство, 1941. Т. 41/42, кн. 2. С. 537–538.

¹⁸ Лемке: М.К. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. Спб., 1908. С. 222.

¹⁹ Герцен писал своей дочери Тате: "Сейчас получил письмо от Огарева. Смерть Касаткина его перевернула, он имел обморок на улице. Жена Касаткина в отчаянии". (Лит. наследство. Т. 64. М., С. 624).

²⁰ Лит. наследство, № 41/42. С. 57.

²¹ У Касаткина хранились и некоторые бумаги известного издателя XVIII в. П.П.Бекетова. Об этом писал П.И.Бартенев (Рус. архив. 1880. Т. 3. С. 327), который сам видел бекетовские "синие тетради" в коллекции Касаткина еще до его эмиграции.

²² Уже после смерти Касаткина П.А.Ефремов опубликовал письма А.С.Пушкина к А.А.Бестужеву и К.Ф.Рылееву по трем спискам: А.Н.Афанасьева, Г.Н.Геннади и В.И.Касаткина (Рус. старина. 1882. № 2).

²³ Об этом см.: Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Барятинский // Рус. архив. 1888. № 1–4.

²⁴ Благовещенская Е., Димант С. Памятники Французской буржуазной революции 1789 года в Гос. публичной исторической библиотеке // Ист. журнал. 1939. № 7. "Гос. публичная историческая библиотека имеет исключительное по ценности собрание книг и брошюр, вышедших во Франции в годы революции. Большая и лучшая часть его поступила в свое время в бывшую библиотеку исторического музея в числе книг фельдмаршала князя А.И.Барятинского. Барятинский же, по-видимому, эту часть своей коллекции приобрел у вдовы В.И.Касаткина, книголюба и библиографа, сотрудника журнала "Библиографические записки", ставшего политическим эмигрантом" (С. 147).

В.И.Касаткин. ИЗБРАННОЕ

(О Московской Публичной библиотеке)

Впервые – Библиогр. зап. 1861. № 2, 8, 11 и 18. Не перепечатывалось.

Румянцевский музей в Петербурге имел ценнейшую библиотеку в 28 500 т., из которых – 1600, посвященных России.

"Магазин землеведения и путешествий" Н.Г.Фролова издавался в 1852 г. (вышло всего 3 книги).

Bibliophiliana

Впервые – Библиогр. зап. 1861. № 12–20. Не перепечатывалось.

Британская энциклопедия – старейшая из современных энциклопедий. Первое ее издание вышло в Эдинбурге в 1768–1771 гг. в трех томах.

Во времена Касаткина выходило 8-е издание.

"Giornale generale della bibliographia italiana" – Журнал итальянской библиографии. Выходил с 1861 г. Изд. – Дж. Молини.

Pungolo (Стимул), Nazionale, Popolo d'Italia (Итальянский народ), Settimana (Неделя) – итальянские газеты XIX в.

Ливрезон – серийное издание.

Барр – французская коллегия адвокатов.

Канционалы – сборники духовных песнопений.

Бискуп – церковный сан.

Siècle (Век), Patrie (Родина), Constitutionnel (Конституционалист), Opinion nationale (Народное мнение), Presse (Печесса), Débats (Спор, дебаты), Monde (Мир), Union (Единство), Temps (Время), Gazette de France (Французская газета), Pays (Страна), Ami de la religion (Друг веры) – французские периодические издания XIX в.

Times (Таймс, Время) – главная английская газета, выход. с 1785 г.

Плон – одно из крупнейших французских издательств.

Леви – одна из виднейших французских издательских фирм.

Шаривари – кошачий концерт – знак протеста.

Альды (Альдины) – издания венецианских типографов XV–XVI вв. Альда Мануция и его сына Паоло. О них см.: Лазурский В.В. Альд и альдины. М., 1977.

Мхитаристы (мехитаристы) – армянский монашеский орден. Основан в XVIII в. Мхитаром Севастийским (1676–1749). Монастырь Мхитаристов на острове Лазаря был научным центром с богатой библиотекой и типографией.

Альдинский якорь – знак фирмы Альда Мануция.

Арабески – особый вид орнамента, состоящий из геометрических фигур и стилизованных листьев, цветов и т.п.

Инкунабулы – книги раннего периода книгопечатания (по 1 января 1501 г.). Известно около 40 тысяч названий инкунабул.

Конфессионал – исповедание веры.

Bulletin du Bibliophile – французский библиофильский журнал второй половины XIX в. Охотно печатал статьи русских авторов.

Предисловие к публикации "Немецкого известия о русских писателях"

Впервые – Библиогр. зап. 1861. № 20. Не перепечатывалось.

Essai sur la littérature russe (Опыт о русской литературе. Ливорно) – сокращенный перевод "Известия о некоторых русских писателях", помещенного в лейпцигском журнале "Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste" (Новая библиотека художеств и свободных искусств). 1768. Т. 7 и составленного неизвестным "русским путешественником" по просьбе редактора журнала Вейсе. Вопрос об авторе этого "Известия" породил многочисленную литературу, однако до сих пор этот вопрос не решен окончательно.

Критический лексикон английской литературы

Впервые – Библиогр. зап. 1858. № 6. Не перепечатывалось.

Из писем

Письма В.И.Касаткина к А.И.Герцену, С.Т.Тхоржевскому и Е.И.Якушкину опубликованы в "Литературном наследстве" (№ 41–42). Письма к В.П.Гаевскому хранятся в ГПБ (ф. 171, ед. хр. 128), публикуются впервые. Письма к П.А.Ефремову хранятся в ПД, ф. Ефремова, 2440. VIII м. 32. Публикуются впервые.

Apologie d'un fou (Апология безумного) – публицистическое сочинение П.Я.Чаадаева, написанное им в 1837 г. Ходило по рукам в рукописных копиях. Впервые было опубликовано в Париже И.С.Гагариним (1866).

"Житие Федора Васильевича Ушакова" – сочинение А.Н.Радищева (1789).

Ножницы и красные чернила – орудия царских цензоров.

Портрет четвертый. ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ЕФРЕМОВА

¹ Берков П.Н. Русские книголюбцы. Очерки М.; Л., 1967. С. 209. В другом месте этой же книги автор пишет, что Ефремов "был последователем – хотя и умеренным – революционного демократа Добролюбова" (С. 279). Неясно: что это за "умеренный" революционный демократизм.

² Об этом см.: Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 555–556.

³ Письма Ефремова хранятся в ЦГАОР, ф. Якушкиных; Якушкина – в ПД., ф. Ефремова. Последние сохранились не полностью.

⁴ ЦГАОР, Якушкины. Ефремов П.А. Письма к Якушкину Е.И. 8 августа 1860г., л. 25 (в архиве принята сплошная нумерация листов).

⁵ Ефремов с гордостью сообщал С.И.Пономареву, что "было всего 76 касс и в них 9 миллионов рублей вкладов. С новым устройством теперь 600 касс и в них 27 миллионов рублей, за семь лет успех хороший, которым я хвалюсь пред вами" (Письма... к библиографу С.И.Пономареву М., 1915).

- 6 Книговедение: Энцикл. словарь. М., 1982. С. 179.
- 7 Лидин В.Г. Друзья мои – книги. М., 1962. С. 50.
- 8 Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине Ивана Лыпча Глазунова... в С.-Петербурге: Сост. за последнее десятилетие (1855–1866) с указ. находящихся ныне в продаже книг, вышедших до 1857 г., всех изданий св. Синода и имп. Акад. наук и всех книг, изданных за первое полугодие 1867 г. Спб., 1867.
- 9 Ефремов пишет Пономареву об этом каталоге: "Начал и окончил я его с чисто библиографической целью, но на напечатание потребовались такие суммы, что я отдал всё Глазунову" (Письма... С. 81).
- 10 Цит. по: Равич Л.М. Петр Александрович Ефремов // Сов. библиогр. 1980. № 6. С. 48.
- 11 Об этом см.: ПД, Собр. В.И.Яковлева. Письма П.А.Ефремова к Г.Н.Геннади от 26 мая и 4 окт. 1863 г.
- 12 О библиографических трудах Ефремова см.: Равич Л.М. Указ. соч. С. 50–56.
- 13 Об этом см.: ЦГАОР, Якушкины, Ефремов П.А. Письма к Е.И.Якушкину, л. 56, 56-об., 57, 57-об., 58, 58-об., 59, 72. Эти письма относятся к 1871 г.
- 14 Библиотека Академии наук СССР (1714–1964): Библиогр. указ. Л., 1964. С. 118.
- 15 Отеч. зап. 1862. № 7. С. 133.
- 16 См. напр.: Накорякова К.М. П.А.Ефремов – редактор сочинений Радищева // Книга: Исслед. и материалы. 1972, сб. 25. С. 166–178.
- 17 Об этом см.: Виноер Е.Н. Библиографический журнал "Книжный вестник" (1860–1867). Л., 1950.
- 18 Берков П.Н. Указ. соч. С. 211.
- 19 ЦГАОР. Якушкины, Письма Ефремова, л. 56 – 56-об.
- 20 Бушканец Е.Г. Новое о нелегальной поэзии 1860-х годов (По материалам архива П.А.Ефремова) // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962. Т. 21. Вып. 4.
- 21 ГПБ, Пыпин. Письма П.А.Ефремова. 17 янв. 1902 г., л. 2.
- 22 См.: Памяти Петра Александровича Ефремова. М., 1908. С. 25.
- 23 Лисовский Н.М. Петр Александрович Ефремов: Краткие биограф. сведения и список его лит. работ. Спб., 1901. С. 4–5.
- 24 Библиографический сборник. Спб., 1867. С. 5.
- 25 Адарюков В.Я. Петр Александрович Ефремов // Казан. библиофил. 1923. № 4. С. 69.
- 26 В экземпляре Ефремова есть и вставки не пропущенного цензурой текста, порою весьма острого в политическом отношении. Об этом см.: Ямпольский И.Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов: Журн. рев. сатиры "Искра" (1859–1873). М., 1964. С. 43 и др.
- 27 Памяти Петра Александровича Ефремова. М., 1908. С. 21–24.
- 28 Русское библиографическое общество: Докл. и отчеты (Новая серия). Пг., 1915. Вып. 3. С. 5–6.
- 29 Альманах библиофила. Л., 1929. С. 172.

П.А.Ефремов. ИЗБРАННОЕ

Об изданиях "Живописца"

Впервые – Живописец Н.И.Новикова, 1772–1773. 7-е изд. П.А.Ефремова. Спб., 1864. Не перепечатывалось.

"Кошелек" – сатирический журнал Н.И.Новикова (1774).

Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений. Спб., 1773–1775. Ч. 1–10.

Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства... Спб., 1773.

История о невинном заточении боярина Матвеева (М., 1776) – сборник документов, касающихся опалы выдающегося государственного деятеля XVII в. А.С.Матвеева (1625–1682).

"Утренний свет" – журнал Новикова (1777–1780).

Опыт исторического словаря о российских писателях: Из разных печатных и рукоп. книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. Спб., 1772.

Троянская история – история в ней же пишет о разорении града Трои... М., 1709. Автор – Гвидо де Колумна. Издавалась три раза.

Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев (книга переиздавалась множество раз: в 1714, 1718, 1735, 1746 гг. и т.д.).

Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению... (Спб., 1717) – популярная книга XVIII в.

Совершенное воспитание детей / Соч. Аббата Белегарда; Пер. С.Волчкова. Спб., 1747.

Азовская история – побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовом... (Автор – А.Э.Борг) М., 1708. Издавалась 3 раза.

"О время!" – комедия Екатерины II.

Вадим Новгородский

Впервые – Рус. старина. 1871. № 6. Не перепечатывалось. Статья представляет собою предисловие к публикации запрещенной во времена Екатерины II трагедии Я.Б.Княжнина. Ефремову с большим трудом удалось добиться разрешения на ее печатание. Его статья представляет собою образец сочинения, сознательно затушевывающего тираноборческий смысл трагедии Княжнина. Это, без сомнения, сделано для "успокоения" цензурных инстанций. Вместе с тем она имеет и самостоятельный интерес: это первая работа, посвященная драматической истории "Вадима".

Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Спб., 1776–1794. Ч. 1–43. 39-й том как с вырезанным "Вадимом", так и без него является редкостью. Имелся в собрании П.А. Ефремова и Н.П.Дурова.

Новооткрытая библиографическая редкость

Впервые – Рус. архив. 1888. № 4. Не перепечатывалось.

Указатель редких книг

Впервые – Рос. библиогр. 1880, № 7. Не перепечатывалось. Обещанного редакцией продолжения не последовало.

А.Н.Афанасьев (некролог)

Впервые – Рус. старина. 1872. № 5. Не перепечатывалось.

М.Д.Хмыров (некролог)

Впервые – Рус. архив. 1873. Кн. 3. Не перепечатывалось. Публикуется в отрывках.

Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами, выходил в 1861–1863 гг. под редакцией П.Л.Лаврова. Вышло 6 томов.

Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов... Спб., 1869 – сборник пародий на библиографические и библиофильские публикации, высмеивавший мелочность иных из них. Впоследствии, впрочем, сам Ефремов считал это издание своей "печальной ошибкой". Об этом см.: Пономарев С.И. Литературная деятельность П.А.Ефремова. Спб., 1882. С. 13. (Оттиск из "Рус. старины").

Собрание сочинений В.И.Лукина вышло под редакцией Ефремова в 1868 г. и до сих пор является единственным.

"К одному из старейших..." – речь идет об А.А.Краевском, известном издатель-дельце. Помощь его Хмырову, как установлено впоследствии, была отнюдь не бескорыстной. Об этом и о судьбе собрания М.Д.Хмырова см.: Вейсман Е. Подвиг русского библиографа // Альманах библиофила. М., 1973. Вып. 1.

Ефремов в "Искре"

"Искра – журнал с карикатурами" (1859–1871) – журнал революционно-демократического направления, выходивший под редакцией В.С.Курочкина. Ефремов был активным сотрудником этого журнала.

Пятидесятилетний юбилей профессора Юркевича

Впервые – Искра. 1863. № 19. Не перепечатывалось. Сам фельетон представляет собою фантастический рассказ, описывающий празднование юбилея Юркевича через 50 лет, в 1913 г. Известность этого реакционного философа была скандальной; о нем часто писала "Искра".

Мы публикуем только примечание к этому фельетону.

Из библиографических преданий

Впервые – Искра. 1863. № 28. Не перепечатывалось.

Пародия на некоторые сообщения собирателей редкостей.

Исторические анекдоты

Впервые – Искра. 1867. № 30. Не перепечатывалось.

Сила Кривоносов – лицо вымышленное.

Любий, Гарий и Попов – издательская фирма конца XVIII – начала XIX в.

История о славном рыцаре Полиционе и о египетской царевне... М., 1796 – популярная книга, уже в начале XIX в. ставшая редкой.

История о храбром рыцаре Францыле Венециане и о прекрасной королевне Ренцывене... – лубочная книга, выдержавшая около десятка изданий.

От Ивана Маслова о книге "Анекдоты 4 шутов"

Впервые – Искра. 1868. № 16. Не перепечатывалось. Иван Маслов – псевдоним П.А.Ефремова. Заметка представляет собой нечто вроде иронической саморекламы. О самой книге см. выше.

Никита Тихорылов – Н.С.Тихонравов, Георгий Книжник – Г.Н.Геннади, Сергей Шутинский – С.Н.Шубинский (литератор, приятель Ефремова и Хмырова), остальные лица – вымышленные. Словечко "книгорыл" было придумано Г.Н.Геннади.

Из писем

Письма П.А.Ефремова к С.И.Пономареву опубликованы в кн.: Письма... к С.И.Пономареву. М., 1915. Письмо к А.Н.Пылину хранится в ГПБ, ф. 621, ед. хр. 308. Публикуется впервые.

Полярная звезда на 1826 г. – "Звездочка", не вышедшая в свет. О ней см. в очерке, посвященном Ефремову, в настоящем сборнике.

"Православное обозрение" – журнал, издававшийся в 1860–1891 гг.

Портрет пятый. СЫН ДЕКАБРИСТА

¹ Рус. старина. 1873. Кн. 5. С. 340.

² Там же. 1873. Кн. 6. С. 860.

³ ПД, Ефремов. Письмо Е.И.Якушкина от 7 окт. 1875 г., л. 1.

⁴ ЦГАОР, Якушкины. Письма А.Н.Афанасьева, ед. хр. 448, л. 8-об.

⁵ ПД, Ефремов. Письмо Е.И.Якушкина от 19 февр. 1874 г., л. 2.

⁶ Там же, 23 февр. 1903 г., л. 1.

⁷ ЦГАОР, Якушкины. Записка В.А.Городцова, л. 1–4.

⁸ Сев. край, 1905, № 111.

⁹ Шереметев П. Заметки, 1900–1905. М., 1905. С. 100–101.

¹⁰ Об этом см.: ПД, Ефремов. Письма Якушкина. 19 февр. 1874 г., л. 2-об.

¹¹ По всей вероятности, именно оттуда поступило в собрание местного музея редчайшее издание – Иоиль (Быковский). Истинна или выписка о истинне. Ярославль, 1784 (ЯИМ, № 9273, со штампом библиотеки Якушкина).

¹² Цит. по: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". С. 173.

¹³ ПД, Ефремов. Письма Якушкина. 19 февр. 1874 г., л. 1.

¹⁴ Пушкин: Исслед. и материалы. 1956. Т. 1. С. 197.

¹⁵ ПД, Ефремов. Письма Е.И.Якушкина. 29 июня 1859 г., л. 1.

¹⁶ Иваск У.Г. Частные библиотеки в России // Рус. библиофил. 1911. № 11. С. 79.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Декабристы и их время. М., 1932. Вып. 2. С. 185.

¹⁹ ГБЛ. Полторацкий. Письма к нему П.Я.Чаадаева. (б.д.), л. 1 (1848).

²⁰ Шереметев П. Указ. соч. С. 101. "На стенах висело множество портретов, — вспоминает автор. — Две стены были увешаны портретами декабристов, и в этой же комнате висели семейные портреты. Целый ряд акварелей — декабристы молодыми офицерами. Никита и Матвей Муравьевы, Ив. Дм. Якушкин в мундире Семеновского полка с знаком военного ордена и Кульмским железным крестом, князь Сергей Волконский, князь Трубецкой, Поджио, Батеньков, Крюков и др.". С. 100—101.

²¹ Сев. край. 1904, № 115. Статья А.И.Тихомирова, одного из самых близких к Е.И.Якушкину молодых ученых (впоследствии — видный советский краевед и реставратор). Его воспоминания имеют первостепенный интерес, но до сих пор не вошли в научный оборот. Так как дело происходило в 1905 г., когда цензура была отменена явочным порядком, то автор мог сказать то, что было бы немислимо в другое время.

Е.И.Якушкин. ИЗБРАННОЕ

Повествователь древностей российских

Впервые — Библиогр. зап. 1861. № 3. Не перепечатывалось.

Натуральной системы книги — произведения французских философов.

Только один экземпляр. — В 20-м номере "Библиографических записок" за 1861 г. была помещена заметка, в которой говорилось, что существует еще два экземпляра этой редкой книги — в Чертковской библиотеке в Москве и в Казанской городской библиотеке.

Неизданные записки о Пушкине

Впервые — Библиогр. зап. 1859. № 8. Не перепечатывалось.

Сами "Записки" Пушкина были написаны по настоянию Е.И.Якушкина и опубликованы им в журнале "Атеней", близком к "Библиографическим запискам".

Эта заметка фактически является замаскированным некрологом декабриста.

Стихотворение "Мой первый друг..." опубликовано Якушкиным по списку, полученному от И.И.Пушкина.

По поводу последнего издания сочинений А.С.Пушкина

Впервые — Библиогр. зап. 1858. № 10. Не перепечатывалось.

Статья представляет интерес, кроме всего прочего, еще и тем, что в ней сформулированы требования библиографов-библиофилов того времени к изданиям классиков. Еще важнее в этом отношении следующая статья.

6 томов Собрания сочинений поэта вышли в николаевское время, седьмой же, дополнительный, — уже после падения николаевского режима. Он содержал ряд текстов, не пропущенных ранее цензурой, однако далеко не все.

Издание, осуществленное П.В.Анненковым, по сравнению с первым посмертным изданием сочинений великого поэта могло считаться образцовым, но оно уже не удовлетворяло требованиям новой фактической школы, добивавшейся прежде всего абсолютной полноты текста. Многочисленные дополнения, сделанные Якушкиным в этой следующей статье ("Проза А.С.Пушкина") свидетельствовали о том, что Анненков не использовал полностью даже имевшихся в его распоряжении текстов.

Проза А.С.Пушкина

Впервые — Библиогр. зап. 1859. № 5—6. Не перепечатывалось.

Кроме собственно пушкиноведческого интереса, статья важна и многочисленными цитатами из запретного "Путешествия" Радищева.

"При условиях не совсем благоприятных" — т.е. во времена Николая I.

Подобно работе Ефремова о Вадиме Новгородском, эта статья Якушкина (частично написанная совместно с А.Н.Афанасьевым) поражает умением обойти цензурные препоны. Высоко ценится пушкинистами.

Из писем

Письма Е.И.Якушкина к П.А.Ефремову хранятся в ПД, ф. Ефремова, оп. 2, № 96. Письма к А.Н.Пыпину – в ГПБ, ф. Пыпина, № 621, ед. хр. 1037. Публикуются впервые.

“Типография своя” – типография Ярославского губернского правления. В ней затем был напечатан первый выпуск указателя Якушкина “Обычное право” (1875).

В первой половине своего письма к А.Н.Пыпину Якушкин, узнав, что тот работает над библиографией этнографической литературы, предлагает ему второй (не опубликованный еще в то время) том своего указателя “Обычное право”. Сохранилось ответное благодарственное письмо Пыпина (ЦГАОР).

Портрет шестой. ЖАЛЬ МНЕ МОИХ КНИГ

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949, Т. 14. С. 110.

² Зотов В.Р. Петербург в сороковых годах // Ист. вестн. 1890. № 5. С. 295.

³ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в двух томах. М., 1967. Т. 1. С. 112.

⁴ Там же. Т. 2. С. 463.

⁵ Михайлов М.Л. Собр. соч. Спб., 1914. С. 40.

⁶ Шелгунов Н.В. Указ соч. Т. 2. С. 463.

⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. Спб., 1896. Кн. 10. С. 364.

⁸ Б-ка для чтения. 1854. № 2. Лит. летопись. С. 43.

⁹ Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910. С. 72–73.

¹⁰ Шелгунов Н.В. Указ. соч. Т. 1. С. 116–117.

¹¹ Об этом см.: Геннади Г.Н. Русские книжные редкости. Спб., 1872. С. 57.

¹² См.: Равич Л.М. М.Л.Михайлов и его место в истории русской библиографии // Сов. библиогр. 1969. № 2. С. 60.

¹³ Библиогр. зап. 1861. № 20. Стб. 609.

¹⁴ Евгеньев-Максимов В.Е. “Современник” при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936. С. 550. Критической деятельности М.Л.Михайлова была посвящена специальная, весьма содержательная диссертация. См.: Штейнгольд А.М. М.Л.Михайлов – литературный критик. Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1971.

¹⁵ ПД, Лонгинов, 23221/С XI б. 14. Письмо от 7 дек. 1859 г. Письма к Лонгинову такого прогрессивного общественного деятеля, как М.Л.Михайлов, еще раз свидетельствуют о том, что в дореформенные времена не было четкого расслоения в библиофильско-библиографическом содружестве. Оно поступило позднее.

¹⁶ Н.В.Шелгунов сообщает, что в те годы Михайлов получил возможность заказывать костюмы у французских портных – признак благосостояния.

¹⁷ Шелгунов Н.В. Указ. соч. Т. 2. С. 433, 435.

¹⁸ Там же. С. 122.

¹⁹ Там же. С. 455.

²⁰ Петряев Е.Д. Библиотека М.Л.Михайлова: Новые находки // Прометей. 1972. № 8. С. 192–195. В Сибири бывал рассказ о том, что бумаги Михайлова после его кончины попали к местному купцу Глазкову, который затем уничтожил их “из трусости”. Но это едва ли соответствует действительности: скорее всего, это просто легенда. В воспоминаниях Л.П.Шелгуновой совершенно определенно говорится о том, что все бумаги поэта его брат Петр передал ей, как завещал Михайлов. Это подтверждается и тем обстоятельством, что в течение многих лет Шелгунова печатала под своим именем оставшиеся после Михайлова переводы и оригинальные сочинения. Это широко известный факт. Брат же Михайлова, находившийся подле него в момент кончины, был достаточно интеллигентным человеком, понимавшим значение рукописей, и не доверил бы их какому-то купцу.

Старые книги...

Впервые – Б-ка для чтения. 1845. № 2.

Статья состоит из трех очерков: кроме публикуемого в нашем сборнике, Михайловым было написано еще два (произведение не было закончено); второй посвящен истории книгопечатания в России и Европе и содержит общеизвестные сведения, третий представляет собою подробный пересказ содержания старинной редкой книги "Похождения Ивана, гостяного сына" (о ней в книге Геннади "Русские книжные редкости" и в нашем очерке о Геннади). Публикуемый здесь первый, наиболее интересный очерк печатается по изданию: Михайлов М.Л. Сочинения. М., 1958. Т. 3. Сокращен небольшой отрывок, в котором дается сравнение двух переводов книги Полидора.

Эпиграф – из книги Шарля Нодье "Литературная смесь, извлеченная из одной маленькой библиотеки" (1825).

"Beatus ille..." – начало стихотворения римского поэта Горация.

"Семейство Холмских" – роман Д.Г.Бегичева.

О романе "Пригожая повариха" см. статью Лонгинова в настоящем сборнике.

Домашний лечебник (7 выпусков) вышел в 1789–1805 гг.

"Таинственный монах" – повесть Р.М.Зотова.

Скалигериана – книги французского ученого Скалигера.

Стихотворение Пушкина "Песнь о вещем Олеге" было первоначально напечатано в альманахе "Северные цветы" (1825). В настоящее время восстановлена первоначальная редакция.

Разговоры дружеские Эразма Роттердамского (Спб., 1816).

Гражданский шрифт был введен в России в 1708 г.

Брение – глина.

Могунция – город Майнц, в котором работал Иоганн Гутенберг.

Из писем

Письма М.Л.Михайлова к Г.Н.Геннади хранятся в ПД, собрание Яковлева, ф. 357, оп. 3, ед. хр. 21. Публикуются впервые. Письмо к М.Н.Лонгинову. Там же, ф. Лонгинова. 23221, CLX 1 б. 14. Публикуется впервые.

Das Nordische Archiv (Северный архив) – журнал, выходивший в Петербурге на немецком языке.

Книга Герберштейна "Записки о Московии" (1556).

Revue philosophique (Философское обозрение) – французский журнал, выходивший в Париже в середине XIX в.

Портрет седьмой. "ИСПЫТЫВАЮ СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ"

¹ Рус. библиофил. 1912. Т. 3. С. 31–32.

² Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 56.

³ ГПБ, Геннади. Tutti frutti. Записная книжка, 1845–1849, май 1845 г., л. 35.

⁴ Там же, январь 1845 г., л. 27–28.

⁵ Шибанов П.П. Друзья книги // Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 27. С. 157.

⁶ ГПБ, Геннади. Tutti frutti... нояб. 1845 г., л. 74–77.

⁷ ГПБ, Полторацкий, ед. хр. 117, л. 1.

⁸ ГПБ, Геннади. Заметки на память Григория Геннади. 22 марта 1852 г., л. 4.

⁹ Равич Л.М. Г.Н.Геннади... Гл. IV.

¹⁰ Об этом см. в главе об Ефремове настоящего сборника.

¹¹ ГПБ, Геннади, № 40, 42, 46, 48.

¹² ГБЛ, Полторацкий, ед. хр. 33, 29 дек. 1857 г., л. 4.

¹³ Там же, ед. хр. 31, 18 марта 1852 г., л. 4.

¹⁴ Там же, ед. хр. 32, 24 июня 1857 г., л. 3.

¹⁵ Об этом см. в главе об Ефремове.

¹⁶ Русские книжные редкости. Библиографический список русских редких книг / Сост. Г.Геннади. Спб., 1872.

- 17 ГБЛ, Полторацкий, ед. хр. 31, 12 авг. 1856, л. 6.
 18 Русские книжные редкости... С. 21.
 19 Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960. С. 62.
 20 Русские книжные редкости... С. 57.
 21 См.: Ашукин Н. Библиотека Н.А. Некрасова // Лит. наследство, 1949. Т. 53/54. С. 376.
 22 Знакомые. Альбом М.И.Семевского... Спб., 1888. С. 83.
 23 Иваск У.Г. Григорий Николаевич Геннади (Обзор жизни и трудов). М., 1913. Иваск цитирует письмо к нему самого Фельтена, который пишет: "В 1884 году я был проездом в Дрездене. Там торговцы обещали мне в скором времени показать большое собрание русских гравированных портретов, не называя имени собственника, но скоро я узнал, что это собрание умершего Геннади, которое находилось у вдовы последнего (урожденной княжны Куракиной). В гостинице я узнал ее адрес и отправился к ней. Я был крайне удивлен услышать от нее, что она не согласна показать собрание, так как все торговцы-антиквары Дрездена пересмотрели портфели, но купить собрание за назначенную цену не решились. Я назвал свое имя, она тогда смягчилась и сообщила о цене 6000 рублей за все собрание. Не думая долго, я купил собрание, не рассматривая его дома. Одно имя Геннади и уважение к его трудам было для меня достаточно. Собрание содержало около 6000 листов, пополам литографии и гравюры. Среди них были изящные листы, т.е. редкие, но состоящие не особенно хорошее <...> Продавал я листы порознь тогдашним собирателям: графу Толстому, Курису, Гиллю, Ровинскому, Яковлеву, Дашкову и др." (С. 9-10).

Г.Н.Геннади. ИЗБРАННОЕ

О редких книгах, в особенности русских

Впервые – Русские книжные редкости. Спб., 1872. Не перепечатывалось.
 "Библиомания" Дибдина в переводе на русский язык опубликована: Книга: Исслед. и материалы. 1980. Сб. 41.

Де-Бри – книгоиздательская фирма XVI–XVII вв., выпустившая многотомное, очень ценное описание путешествия в Америку и Океанию.

Богатейшая библиотека А.Д.Черткова, принесенная его сыном в дар городу Москве, содержала более 17 тысяч томов отборной литературы, преимущественно по разделу России. Для библиотеки было выстроено специальное помещение. Она была открыта для всех желающих.

Ганц Кухельгартен – первое печатное произведение Н.В.Гоголя – "Идиллия в картинах" – было уничтожено самим автором и поэтому стало величайшей библиографической редкостью.

Страница 250-я, вырезанная цензурой из "Опыта" Сопикова, содержала выписки из запретного "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева.

Аста sanctorum (Деяния святых) – многотомное редкое издание.

Болландисты – последователи аббата Болланда, издававшего эти рассказы о святых.

Древности Российского государства – роскошное издание, не поступавшее в продажу. Выходило во второй половине XIX в.

"Повесть о приключении английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе" – лубочная книга Матвея Комарова, выдержавшая множество изданий (см. у Некрасова – "милорда глупого").

"Живописная Россия" – неоконченное издание. О нем – статья Ефремова в настоящем сборнике.

Список изданий, вышедших в России, публиковался в "Правительственном вестнике" в 1869–1876 и 1879–1903 гг.

Библиотеки графа Бутурлина и их каталоги

Впервые – Журн. м-ва нар. просвещения. 1856. № 4. Отд. 3. Не перепечатывалось. О библиотеке Бутурлина см. также в кн.: Кунин В.В. Библиофилы и библиотеки. М., 1984.

Дебюры – семья французских библиографов XVIII в., авторы описаний инкунабул и редких книг.

Науманн – немецкий библиограф, издатель журнала "Серапеум" (1840–1876).
Дантова комедия – "Божественная комедия" Данте Алигьери.

О типографском знаке альдинских изданий

Впервые – Библиогр. зап. 1858. № 6. Не перепечатывалось.

О Максиме Греке (наст. фамилия Триволис) см.: Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.

Об изданиях жизнеописаний Ваньки Каина

Впервые – Библиогр. зап. 1859. № 1. Не перепечатывалось.

Коллекция изданий книг о Ваньке Каине имела и в библиотеке П.А.Ефремова. Затем ее вновь собрал Н.П.Смирнов-Сокольский.

Миниатюрные издания Данта и Крылова

Впервые – Рос. библиография Э.Гартье, 1879. № 21. Не перепечатывалось.

Об изданиях такого рода: см. Немировский Е.Л. Миниатюрные и малоформатные издания. Указ. лит. М., 1977.

Диамант – типографский шрифт (ок. 1,5 мм).

Шрифт для "Дантино" назывался "мушиный глаз". Существует легенда, что книгу эту набирали 20 лет. Для басен Крылова шрифт отливали из серебра.

Заметки о старинных русских переплетах и окладах книг

Впервые – Временник имп. о-ва истории и древностей. Кн. 12. Не перепечатывалось.

Оболочень (поволочень) – покрытие книги, переплет, обложка.

Таусинная земля – темно-синий фон.

Требник – богослужбная книга.

Хараты – пергамент.

Червчатый – пурпурный.

Плац (на книге) – металлическая пластинка, золотая или серебряная, с чеканкой или ковкой.

Басмяные – басма – тонкий металлический лист с тисненым узором.

Финифть – роспись на эмали.

Указатель библиотек в России

Впервые – Журн. м-ва нар. просвещения. 1864. № 5. Не перепечатывалось. Публикуется в отрывках.

Для настоящего сборника выбраны преимущественно материалы, относящиеся к частным книжным собраниям.

Чернин – возможно: А.Ф.Черенин, издатель журнала "Книжник" (1865–1866).

Журнал министерства народного просвещения – официоз. Издавался с 1833 г. до революции. Имел неофициальную (научную) часть. В приложениях к нему печатался "Указатель вновь выходящих книг".

Карамзинская библиотека была основана в Симбирске, на родине историографа, при активном участии семьи Языковых.

Женщины и книги

Хранится в ГПБ, ф. Геннади (178), № 75. Публикуется впервые.

Это – один из немногих дошедших до нас образцов библиофильского фольклора – нечто вроде пародийного доклада, предназначенного для библиофильской (мужской!) компании. Читался на дуровских средах.

"По-моему, чтоб зло пресечь..." – перефразировка известных слов Фамусова из "Горя от ума".

Из писем

Письма Геннади к С.Д.Полторацкому хранятся: № 1–8 в ГБЛ, ф. Полторацкого, № 31–33, № 9–10 – в ГПБ, ф. Полторацкого, № 117. Публикуются впервые.

Авчурино – имение С.Д.Полторацкого, в котором хранилась основная часть его библиотеки.

"Аврора" – журнал. Ред. – Ф.Х.Рейхард и Я.И.Де-Санглен. 1805–1806.

"Мой досуг" – журнал, изд. и ред. – А.Т.Борисполец. 1801.

Муза, ежемесячное издание на 1796 г. Изд. – И.И.Мартынов.

Страхов Н.И. Мои петербургские сумерки. Переписка Моды, Карманной книжки и пр. Спб., 1810. Ч. 1–2.

Удивительные и забавные похождения пошехонцев. М., 1772.

Сочинения Анаевского – "Майдрагора" (1847) и "Экзалтацион" (1862) (Волгодга).

Похождения ожившего нового увеселительного шута... Совесть-драла, Большого носа. (Спб., 1793).

Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии (М., 1769).

Портрет восьмой. В ДАР ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

1 Никитенко А.В. Дневник. М., 1956. Т. 3. С. 217.

2 Там же. С. 218.

3 Рус. биограф. словарь. Спб., 1914. Т. Лабзина-Лященко. С. 630–631.

4 Кандель Б.Л., Федошина Л.М. и Бенина М.А. Русская художественная литература и литературоведение. Указ. ... М., 1976. По именному указателю.

5 Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1972. С. 179.

5^р П.Д. Лонгинов. Письма и записки С.А.Соболевского (209 предм.). Б/д, предположительно – начало 1857 г.

6 П.Д. Лонгинов. Письма (20) И.И.Панаева. 29 мая 1857 г., л. 1.

7 Там же. 12 дек. 1859 г., л. 1-об.

8 Там же. 14 янв. 1859 г., л. 1.

9 Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 10. С. 346 (письмо от 1 июля 1857).

10 Воспоминания Лонгинова о Лермонтове перепечатаны в кн.: М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964.

11 Сергеев П.А. Толстой и его современники. М., 1911.

12 Список трудов Лонгинова опубликован в "Антикваре" (1902, № 5–7).

13 П.Д. Лонгинов. Письма П.А.Ефремова (12). 5 марта 1868 г., л. 2.

14 Ставшее уже традиционным мнение, будто именно Лонгинов не допустил к выходу в свет ефремовского Радищева, оспорено А.П.Толстыковым, который считает, что это запрещение произошло еще до назначения Лонгинова на пост начальника Главного управления по делам печати. Об этом см.: Книга: Исслед. и материалы. 1982. Сб. 44.

15 См.: Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры; Равич Л.М. Г.Н.Геннади.

16 Декабристы / Ред. Н.П.Чулкова. М., 1938. С. 342.

17 Березин-Ширяев Я.Ф. Михаил Николаевич Лонгинов // Библиограф. 1892. № 2.

18 ГБЛ, Полторацкий, ед. хр. 84. Письма М.Н.Лонгинова от 18, 26 и 30 апр. 1856 г. Ответные письма Полторацкого – в П.Д. арх. Лонгинова.

19 Лонгинов М.Н. Воспоминание о П.Я.Чаадаеве // Рус. вестн. 1862. Т. 42.

20 Oeuvres choisies de Pierre Chaadaef publiées pour la première fois par le p. Gagarin de la compagnie de Jesus. (Избранные сочинения Петра Чаадаева, изданные впервые князем Гагариным, членом ордена иезуитов. Париж, 1862 (фр.).

21 Не так давно (1980) издан каталог библиотеки Чаадаева, буквально по крупницам собранный сотрудниками ГБЛ.

22 П.Д. Лонгинов. Полторацкий С.Д. Письма его к Лонгинову (27). Письмо от 1 июля 1860 г. Работа Лонгинова по воссозданию Общества любителей российской словесности заслуживает отдельного рассказа.

23 Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. 1. С. 574–575.

24 Там же. С. 575.

25 Современная летопись. 1865. № 32. С. 10–12.

26 Цит. по: Равич Л.М. Г.Н.Геннади. С. 21.

27 Цит. по: Степанов А.Н. У книг своя судьба. Л., 1974. С. 65.

М.Н.Лонгинов. ИЗБРАННОЕ

Библиографическая редкость

Впервые – Современник. 1856. Т. VIII. № 5. Перепечатано в кн.: Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. 1. Первая библиофильская работа Лонгинова.

"Всякая всячина" – журнал 1769 г.

"Барышек всякой всячины" – журнал 1770 г. Изд. обоих – Г.В.Козицкий.

"И то и сию" – журнал М.Д.Чулкова (1769).

"Адская почта, или Курьер из ада с письмами" – журнал Ф.Эмина (1788).

"Ни то, ни сию в прозе и стихах" – журнал В.Г.Рубана и С.С. Башилова (1769).

"Полезное с приятным" – журнал А.И.Тейльса и И.Ф.Румянцева (1769).

"Трудолюбивый муравей" – журнал В.Г.Рубана (1771).

"Вечера" – еженедельное издание (1772).

"Московский телеграф" – журнал Н.А.Полевого (1825–1834).

"Bulletin du Nord" (Северный бюллетень) – журнал на французском языке, издававшийся в Петербурге.

"Revue Encyclopédique" (Энциклопедическое обозрение) – французский журнал (Париж), популярный во многих странах, в том числе и в России.

Просодия – соотношение стихов по долготе, ударности и т.п.

"Минерва" – журнал российской и иностранной словесности (1806–1807).

Гудок – русский народный музыкальный инструмент.

Библиографические записки

Впервые – Современник: I – 1856, № 2; IV–XIX – 1856, № 6; XIV – 1856, № 7; XXI – 1856, № 7; XXV – 1856, № 8; XXXIX – 1857, № 4. Всего в "Современнике" опубликовано 52 библиофильских очерка Лонгинова. Все они перепечатаны в кн.: Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. 1. Публикуются по этому изданию.

VII

Павловское – центр кустарного производства и текстильной промышленности. Существует до настоящего времени.

Смоляный монастырь – Институт благородных девиц в Петербурге.

VIII

Гарпия – в древнегреческой мифологии крылатая женщина-чудовище, богиня вихря; в переносном смысле – злая женщина.

Перуанский инка – здесь: правитель индейского племени инков (Перу).

IX

"Дело от безделья, или Приятная забава" – журнал А.Г.Решетникова (1792).

"Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния" – журнал (1793).

XIX

О втором, одновременном с первым, издании этой комедии см.: Смирнов-Сокольский Н.П. Моя библиотека. М., 1969. Т. 1. С. 150–151.

Ридигер и Клаудий – издательская фирма конца XVIII – начала XIX в.

Барселона (Барселона) – город в Испании.

Мама – здесь: кормилица.

Петиметр – щеголь, вертопрах.

Коррежидор (коррехидор) – глава городского управления и судья.

Альгвазил – полицейский, страж порядка.

Жорж Данден – нарицательное имя простака (Мольер).

XXV

Пантеон – усыпальница великих людей в Париже.

Меркюр, Монитор – названия газет.

Вестминстерское аббатство – усыпальница английских королей (Лондон).

Сен-Клу – дворец в Париже.

Аполог – рассказ; в древнегреческой и восточной литературах – краткое нравоучительное произведение.

“Литературный музей” – альманах В.В.Измайлова (1827).

“Опасный сосед” – поэма В.Л.Пушкина, изданная за рубежом.

XXXIX

Франк-масоны – “вольные каменщики” – члены религиозно-философского общества, возникшего в XVIII в. в Англии, а затем распространившегося в других странах Европы.

Автором книги “Исследование книги о заблуждениях и истинне...” в настоящее время считается П.С.Батурин (1740–1803). Это установил Б.Л.Модзалевский, опубликовавший записки Батурина (“Голос минувшего”. 1918. №№ 1–3, 4–6). Обстоятельство это, однако, не исключает участия в составлении книги и названного Лонгиновым лиц (тем более, что Батурин в своих записках называет себя *издателем* этой книги).

Каббалистический. Каббала – еврейское религиозно-мистическое учение.

Несколько сведений о пензенском помещике Струйском

Впервые – Рус. архив. 1865. № 2. Не перепечатывалось.

Метроман – человек, одержимый страстью к стихотворству.

Парнас – гора в Греции, на которой обитали Аполлон и музы.

“Телемахида” – поэма В.К.Тредиаковского (1766).

Старые сатирические журналы, издаваемые Афанасьевым

Впервые – Моск. ведомости. 1858. № 114. Не перепечатывалось.

Из писем

Письма М.Н.Лонгинова к С.Д.Полторацкому хранятся в ГБЛ, ф. Полторацкого, картон 1. № 84. Публикуются впервые.

Петр и Павел на Басманной – церковь вблизи дома, в котором жил П.Я.Чаадаев.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аблесимов А.О. (1742–1783) — писатель, автор первой русской комической оперы "Мельник-колдун, обманщик и сват" 173
- Авиа — французский литератор, переводчик с русского языка (XVIII в.) 260
- Адарюков В.Я. (1863–1932) — русский и советский книговед 102
- Аддиссон Дж. (1672–1719) — английский писатель и государственный деятель 87, 250
- Аделунг Ф.П. (1768 — 1843) — русский библиограф, библиофил 173
- Д'Азелио (правильнее — Д'Азеглио; 1798–1866) — итальянский дипломат, издатель-меценат и писатель 86
- Азиний Поллион (75 до н.э. — 4 н.э.) — римский поэт и государственный деятель 173
- Д'Акоста Я. — придворный шут Петра I 121, 125
- Аксаков И.С. (1823–1886) — писатель, публицист, издатель 47, 154
- Аксаков С.Т. (1791–1859) — писатель 33, 229, 231
- Д'Аламбер (Даламберт) Ж.Л. (1717–1783) — французский философ, 137, 163
- Альберт — чешский епископ (XIX век) 81
- Александр I (1777–1825) — русский император 57
- Алферов В. — издатель "Журнала гитарного на 1810 г." 194
- Альд — см. Мануций
- Анаевский А.Е. (1788–1866) — писатель 219
- Анаксагор из Клазомен (ок. 500–428 до н.э.) — греческий философ 172
- Анна Ивановна (1693–1730) — русская императрица 189
- Анненков И.В. (1814–1887) — генерал, военный историк 219
- Анненков П.В. (1813–1887) — критик, издатель сочинений А.С.Пушкина 19, 47, 139, 142, 143, 144
- Ануфриев П. (Павел Любопытный; 1772–1848) — раскольник Поморской секты, библиофил и библиограф 69, 91
- Аппиан (ум. в 70-х гг. II века) — историк 172
- Арескин (Эрскин) Р. (ум. в 1718 г.) — лейб-медик Петра I, библиофил 215
- Аристотель (384–322 до н.э.) — греческий философ 172, 173
- Арсеньевы — родня М.Ю.Лермонтова и М.Н.Лонгинова по материнской линии 222
- Архенхольт И.В. (1743–1812) — немецкий писатель, журналист 23
- Асинии — см. Азиний Поллион
- Аскью (Эскью) Э. (1722–1774) — английский врач, путешественник и библиофил 154, 162
- Афанасьев А.Н. (1826–1871) 3–22, 41–43, 45, 56, 61, 66, 69, 71, 72, 89, 90, 108, 114, 118–121, 123, 130, 134, 137–139, 145, 146, 150, 151, 215, 229, 231, 237, 238, 261, 262
- Ашетт — знаменитая французская издательская фирма (XIX в.) 81
- Бабст И.К. (1824–1881) — профессор Московского университета 139
- Базунов А.Ф. (1815–1899) — книготорговец и издатель 95
- Байрон Дж. Г. (1788–1824) — английский поэт 87
- Бакст В.И. (1835–1874) — революционный эмигрант, организатор русской типографии в Берне (Швейцария) 72, 88
- Балакирев И.Е. (1699–1763) — придворный шут Петра I, его любимец 125
- Бальзак О. (1799–1850) — французский писатель 158
- Бантыш-Каменский Н.Н. (1737–1814) — библиограф, историк, археограф 53, 114, 123
- Баранова А. (1750–1817) — актриса императорского театра 110
- Баратынский Е.А. (1800–1844) — поэт 114, 225
- Барбера Г. (1818–1880) — итальянский издатель 84
- Барбье А.—А. (1765–1825) — французский библиограф, книговед 149, 161, 188, 195, 199, 200
- Барков И.С. (1732–1768) — поэт и переводчик 220

*Указатель составлен к основной части издания.

- Барский (Беляев) В.Г. (1702–1747) – путешественник и писатель 51–54
- Барсуков Н.П. (1838–1906) – историк 139
- Бартенева П.И. (1829–1912) – историк, издатель "Русского архива" 139, 226, 259
- Барятинский А.И. (1814–1879), князь–государственный и военный деятель, библиофил 73, 74
- Басаргин Н.В. (1799–1861) – декабрист 137
- Баскервилл Дж. (1706–1775) – английский печатник, создатель шрифтов, носящих его имя 202, 250, 251
- Батеньков Г.С. (1793–1863) – декабрист 15
- Батюшков К.Н. (1787–1855) – поэт 223
- Башилов С.С. (1741–1770) – журналист, издатель 233
- Бегичев С.Н. (1785–1859). – ближайший друг А.С.Грибоедова 7
- Безобразов В.П. (1828–1889) – публицист, владелец типографии 208
- Бекетов В.Н. (1809–1883) – цензор петербургского цензурного комитета 181
- Бекетов П.П. (1761–1836) – издатель и типограф, библиофил 11, 70, 73, 191, 248
- Белинский В.Г. (1811–1848) 20, 101, 103, 225, 228
- Белке – владелец (совместно с Вебером и Шеллем) переплетной мастерской в Петербурге (вторая половина XVIII в.) 236
- Беллармино Дж. ди Фиданца (1221–1274) – кардинал, философ 165
- Беляев И.И. – литератор (конец XVIII в.) 256
- Березин-Ширяев Я.Ф. (1824–1898) – библиофил и библиограф, мемуарист 48, 10, 115, 176, 197, 226, 231
- Берков П.Н. (1896–1969) – советский литературовед и книговед 93, 98
- Берьнда П. (ум. в 1632 г.) – украинский печатник, гравер и писатель 49
- Бессомыкин И.И. (ум. в 1882 г.) – цензор московского цензурного комитета, крайний реакционер 39
- Бестужев А.А. (1797–1837) – декабрист 137
- Бестужев-Рюмин К.Н. (1829–1897) – историк, профессор Петербургского университета, библиофил, мемуарист 18, 22, 64, 65, 71, 130, 139, 216
- Бибииков А.И. (1729–1774) – генерал-аншеф; командовал войсками, действовавшими против Пугачева 31, 44
- Бинда – итальянский переплетчик (середина XIX в.) 85
- Бишинг (Бюшинг) А.Ф. (1724–1793) – немецкий географ, писатель 54, 193
- Благово Д.Д. (в монашестве Пимен; 1827–1897) – библиофил 56
- Блек А. (1784–1874) – шотландский издатель 78
- Блок А.А. (1880–1921) 11
- Богданович И.Ф. (1744–1803) – поэт 191
- Бодони Дж. (1740–1813) – итальянский печатник, создатель шрифтов, носящих его имя 84, 200, 202, 204
- Бодянский О.М. (1808–1877) – профессор Московского университета 215
- Болланд И. (1596–1665) – иезуит, издатель "Деяний святых" 193
- Болховитинов – см. Евгений
- Бонами – итальянский архивист (середина XIX в.) 82
- Бонапарт – см. Наполеон
- Борещкий И. (вторая половина XVI в.) – деятель духовного просвещения 49
- Боровиковский В.Л. (1757–1825) – художник, портретист 31
- Боровский И. – чешский религиозный и культурный деятель (XVI в.) 81
- Бороздин К.М. (1781–1838) – историк и археолог, библиофил 76, 190, 214
- Бороздина Е.К. – дочь К.М.Бороздина 76
- Боткин В.П. (1810–1869) – литературный критик 222
- Брэ – см. Де-Брэ
- Бри – см. Де-Бри
- Бругам – см. Брум
- Брум Г. (1778–1868) – английский государственный деятель 87
- Брюне (Брюнет) Ж.-Ш. (1780–1867) – французский библиограф, книговед 188, 193, 196, 198
- Брюс П.А. (1729–1786) – фрейлина Екатерины II, сестра фельдмаршала Румянцева-Задунайского 23
- Брюс Я.А. (1724–1791) – главнокомандующий Москвы 109, 253
- Брюс Я.В. (1670–1735) – государственный деятель, библиофил 215
- Булар А. (1754–1825) – французский литератор, библиофил, автор "Трактата о библиографии" 156, 158
- Булич Н.Н. (1824–1895) – историк литературы, профессор Казанского университета 107, 108, 262, 272
- Бурке Э. (1729–1797) – английский публицист и общественный деятель 87
- Бурылин Д.Г. (ум. в 20-х гг. XX в.) – библиофил 104
- Буслав Ф.И. (1818–1897) – историк литературы, академик 214
- Бутурлин Д.П. (1763–1829), граф-библиофил 195, 198–204, 212
- Быков П.В. (1843–1930) – критик и библиограф, мемуарист 148
- Быстров И.П. (1797–1850) – библиокаррь и библиограф 148, 149
- Бычков А.Ф. (1818–1899) – директор

Публичной библиотеки, академик 91, 115, 189
Бюде (Будей) Г. (1467–1540) – французский ученый, нумизмат 167
Бюффон Ж.-Л.-Л. (1707–1788), граф – французский ученый, натуралист 250

Вадим – легендарный новгородец, возглавивший борьбу вольного города против князя Рюрика (IX в.) 109, 110
Вазари Дж. (1512–1574) – итальянский живописец и писатель 84
Вальтер Ф.А. (ум. в 1886 г.) – библиограф Публичной библиотеки, автор описания эльзевиров (1864) 196
Ванька Каин (Иван Осипович; 1718 – после 1775) – вор и сыщик 12, 206–208
Василий Иванович (1479–1533) – великий князь Московский 41
Васильчиков А.С. (1740-е гг.–1803) – фаворит Екатерины II 23
Васкосан М. (1500–1576) – французский типограф 166, 167
Вебер – см. Белке
Вейгель – сотрудник журнала "Серапеум" (Германия) 203, 204
Вейланд – немецкий переводчик книги английского путешественника Кларка (см.) 199
Венгеров С.А. (1855–1920) – историк литературы и библиограф 126
Вергилий М.П. (70–19 г. до н.э.) – римский поэт 168, 199, 250
Веселаго Ф.Ф. (1817–1895) – генерал, историк, цензор 96
Веселовский К.С. (1819–1901) – статистик и экономист, академик 117
Вестрис М.-Ж.-А. (1760–1842) – французский танцовщик 248, 250
Вешняков А. – русский резидент в Константинополе (XVIII в.) 52
Виже Л.-Ж.-Б. (1758–1820) – французский поэт 248, 249, 250
Вилламов Г.И. (1771–1842) – статс-секретарь Имп. Марии Федоровны 59
Вильберфорс В. (1759–1838) – английский общественный деятель 87
Вилькинсон Дж. – американский инженер-изобретатель (сер. XIX в.) 78
Виноградов С.П. (ум. в 1918 г.) – собиратель иконографического материала, мемуарист 102
Висковатов А.В. (1804–1858) – генерал, военный историк 189
Виттенберг – немецкий историк, автор книги о Степане Разине 198
Владимир Святославович (ум. в 1015 г.) – великий князь Киевский 57
Владислав II – чешский король (XV в.) 81
Власов А.С. (ум. в 1825 г.) – камергер, библиофил 197, 212

Воейков А.Ф. (1779–1839) – журналист, поэт и переводчик 233
Волчков С.С. (1707–1773) – переводчик 191
Вольтер Ф.-М.-А. (1694–1778) – французский философ-просветитель 77
Воронцов С.Р. (1744–1832) граф–дипломат 23, 222
Воронцова А.К. (1722–1775) – фрейлина Екатерины II 23
Востоков А.Х. (1781–1864) – библиограф, академик 205, 214
Вяземский П.А. (1792–1876) – поэт и критик, друг Пушкина 144, 221, 228

Гаврилов М.Г. (1759–1829) – профессор Московского университета, журналист, издатель 238
Гагарин И.С. (1814–1882), князь – дипломат, издатель, член ордена иезуитов, эмигрант 198, 227
Гаевский В.П. (1826–1888) – юрист и литератор, библиофил 66, 68, 69, 71, 89, 9, 98, 139
Галахов А.Д. (1807–1892) – историк литературы, автор учебников 108, 115, 237
Галилей Г. (1564–1642) – великий итальянский ученый 82
Галь Ф.И. (1758–1828) – австрийский врач, френолог 163
Гамалея С.И. (1743–1822) – друг и сподвижник Новикова 30
Гаммершмидт – киевский издатель (сер. XIX в.) 37
Ган У. (XVI в.) – итальянский типограф 79
Ганнибал (246–183 до н.э.) – карфагенский полководец 160, 246
Ганнибалы – предки А.С.Пушкина по материнской линии 224, 228
Гарий (совместно с Любимом и Поповым) – книгопродавецкая и издательская фирма XVIII в. Арендовали типографию Московского университета 125
Гарция Ф. (XVI в.) – итальянский богослов 165
Гвидо князь (Гвидо Убальдо; 1472–1508) – герцог Урбинский 173
Геллерт Х.В. (1715–1769) – немецкий поэт, автор духовных гимнов 240
Гелий Авл (II в.) – римский писатель 164, 172
Генкель В.Е. (1825–1910) – переводчик, издатель 6
Геннади Г.Н. (1826 – 1880) 3–6, 9, 10, 12, 13, 18, 19, 22, 39, 44, 61, 69, 96, 100, 101, 117, 118, 130, 149, 151, 153–155, 173–186, 215, 225, 228, 230, 231, 237
Геннади А. – дед Г.Н.Геннади 165
Геннади Н.А. (1796–1865) – переводчик, отец Г.Н.Геннади 174–176

- Генрих VIII (1491–1547) – английский король 168
 Георг – швейцарский книготорговец (сер. XIX в.) 88
 Георг III (1738–1820) – английский король, библиофил 77
 Георгий Иеродиакон (XVII в.) – украинский гравер 50, 51
 Гербель Н.В. (1827–1883) – поэт и переводчик, издатель 9, 11, 66, 88, 139, 225, 231
 Герберштейн З. (1486–1566) – посол императора Максимилиана в России, писатель 173
 Герль – французский поэт конца XVIII – начала XIX в. 248, 250
 Герцен А.И. (1812–1870) 5, 6, 15, 17, 46, 47, 64, 65, 69, 71–73, 88, 103, 130, 132, 137, 180, 214
 Гиббон Э. (1737–1794) – английский историк 87
 Гизо Ф.-П.-Г. (1787–1874) – французский историк, политический деятель 177
 Гильфердинг А.Ф. (1831–1872) – русский историк и фольклорист 73
 Гиляров-Платонов Н.П. (1824–1887) – профессор Московского университета, публицист, цензор 38, 71, 90
 Гинце Х. – петербургский типограф (первая половина XIX в.) 117, 194
 Гифрей Г. – французский адвокат (сер. XIX в.) 81
 Глазунов И.И. (1826–1889) – книготорговец и издатель 95, 96, 110, 111, 114, 127, 192
 Глинка М.И. (1804–1857) – композитор 225
 Глинка С.Н. (1775–1847) – журналист, писатель 109, 115, 246
 Гнедич Н.И. (1874–1833) – поэт, переводчик Гомера 229
 Гоголь Н.В. (1809–1852) 7, 11, 33, 101, 153, 192, 222, 227–229
 Голиков И.И. (1733–1801) – историк 193
 Голицын А.Ф. (1796–1864), князь – представитель многих секретных комитетов при Николае I и Александре II 17
 Голицын М.А. (1804–1860), князь – дипломат, библиофил, создатель музея 70, 197, 212
 Голицын С.М. (1774–1859), князь – попечитель Московского университета 47, 215
 Голицын С.Ф. (1784–1810), князь – генерал, государственный деятель 238, 239, 263
 Голицына В.В. (1752–1815) – переводчица 238, 239
 Головкин А.Г. (ум. в 1823 г.), граф – библиофил 212
 Голубков П.В. (ум. в 1855 г.) – купец, библиофил 229
 Гомер (между XII–VIII вв. до н.э.) – греческий поэт 173, 204, 250
 Гораций Ф.К. (65–8 до н.э.) – римский поэт 159, 196
 Горбунов К.А. (1822–1893) – художник, гравер 103
 Городцов В.А. (1860–1949) – русский и советский ученый, археолог 131
 Готье В.Г. – московский книготорговец второй половины XVIII в. 57–59
 Гозбли – итальянская фирма (существует поныне) 209
 Грановский Т.Н. (1813–1855) – историк, профессор Московского университета 15, 103, 128
 Грациан-и-Моралес Б. (1601–1658) – испанский писатель 191
 Гребенка Е.П. (1812–1848) – украинский писатель 153
 Гренвилл Т. (1755–1846) – английский библиофил. Его коллекция – “гренвиллиана” находится в библиотеке Британского музея 77
 Грессе И.-Т.-Г. (1814–1885) – немецкий литературовед и библиограф 188, 198
 Гробиодов А.С. (1795–1829) 7, 11, 221, 225
 Григорович Д.В. (1822–1899) – писатель 176
 Гришка Расстрига – см. Отрепьев Г.
 Гролье де Сервьер Ж. (1479–1565) – французский библиофил. Его библиотека славилась роскошью переплетов 85
 Грот Я.К. (1812–1893) – историк литературы, академик 47, 153
 Грубый Г. – чешский культурный деятель XVI в., переводчик 81
 Грузинский А.Е. (1858–1930) – русский и советский ученый, историк литературы и фольклорист 20
 Губерти Н.В. (1818–1896) – библиофил и библиограф 3
 Гулянов И.А. (1789–1841) – египтолог, библиограф 73
 Гюнцбург К. (р. в 1816 г.) – составитель каталога библиотеки М.А.Голицына, хранитель его музея 197
 Гус Я. (1369–1415) – чешский патриот. Сожжен на костре 81
 Гутенберг И. (1397–1468) – немецкий первопечатник 188
 Гуттенгаг – немецкий издатель (сер. XIX в.) 80
 Гюм – см. Юм
 Давыдов Д.В. (1784–1839) – поэт, партизан Отечественной войны 1812 г. 68, 224, 252

- Даль В.И. (1800–1871) – писатель, лексикограф и фольклорист 189, 230
 Данте Алигери (1265–1321) – великий итальянский поэт 204, 209, 210
 Дашков Д.В. (1789–1839) – критик, библиофил 252
 Дашков П.М. (1763–1807) – генерал, библиофил, сын Е.Р.Дашковой 57,60
 Дашкова (Воронцова) Е.Р. (1743–1810) – президент Российской академии, автор "Записок" 31, 109–114
 Де-Брз Ф.Г. (1765–1832) – граф, автор книг о России 190, 198
 Де-Бри – издательская фирма, выпустившая ценное многотомное описание путешествий (1590–1634) 193, 199
 Дебюры – семья французских библиографов, авторов описаний инкунабул и редких книг. Основатель – Г.Дебюр (старший; 1734–1820) 201
 Делиль Ж. (1738–1813) – французский поэт 260
 Дельвиг А.А. (1798–1831) – поэт, ближайший друг Пушкина 223
 Деянов И.Д. (1818–1897) – директор Публичной библиотеки, затем Министр народного просвещения 77
 Демидов П.Г. (1738–1821) – богач, меценат, библиофил, создатель музея 178, 212
 Демидовы – знакомые Г.Н.Геннади в Петербурге 176
 Денис М. (1729–1800) – австрийский поэт и библиограф-книговед 200
 Де-Пуле М.Ф. (1822–1885) – критик и публицист, редактор "Воронежских губернских ведомостей", автор книг о поэтах-воронежцах 19, 38, 39, 117, 121
 Державин Г.Р.(1743–1816) – поэт 38, 229
 Десницкий В.А. (1878–1959) – советский литературовед, библиофил 102
 Джонсон С. (1708–1787) – английский поэт, филолог и критик 87
 Джустиниани Д. (1807–1866) – преподаватель итальянского языка в Петербургском университете, библиофил, собиратель инкунабул 215, 219
 Дибдин Т.Ф. (1776–1874) – английский библиофил, автор сочинения "Библиомания", переведенного на русский язык 188, 189
 Дидо (Дидот) Ф. (1764–1836) – представитель знаменитой французской типографско-издательской фирмы 84, 196, 200, 202, 249, 250
 Дидро Д. (1713–1784) – французский философ, писатель 82, 137, 193
 Диккенс Ч. (1812–1870) – английский писатель 158
 Дмитриев И.И. (1760–1837) – поэт 230, 247, 248, 251, 252
 Дмитриев М.А. (1796–1866) – мемуарист, библиофил, 229, 247, 251, 260
 Дмитриев – преподаватель Новгородского училища (Белоруссия, сер. XIX в.) 27
 Добролюбов Н.А. (1836–1861) 13, 21, 22, 93
 Долгоруков И.М. (1764–1823), князь – поэт, мемуарист 258–260
 Долгоруков П.В. (1816–1868), князь – писатель, издатель, политический эмигрант, собиратель документов по истории России 72, 239, 250
 Долгоруков С.Н. (1770–1829), князь – генерал, дипломат 248, 250
 Доле Э. (Долет; 1509–1564) – французский поэт и типограф 166
 Домашнев С.Г. (1743–1795) – писатель, директор Академии наук 224
 Донов – содержатель ресторана в Петербурге 159
 Дорозевич Г. (сер. XVI в.) – деятель духовного просвещения, писатель 49
 Достоевский Ф.М. (1821–1881) 139, 228
 Дудышкин С.С. (1820–1866) – журналист, критик 38
 Дуров Н.П. (1834–1879) – библиофил, организатор "дуровских сред" 3, 11, 12, 97, 100
 Дюма А. (отец; 1803–1870) – французский писатель 158
 Дю-Перрье (1588–1667) – французский юрист 166
 Дюссо – содержатель ресторана в Петербурге 159
 Дюшеноа (К.-Ж.Рафен; 1780–1835) – французская актриса 251
 Евгений (1767–1837), митрополит – археограф, библиограф, библиофил 54, 107, 139
 Евгеньев-Максимов В.Е. (1883–1955) – советский литературовед 153
 Евфимий (ум. в 1705 г.), иеромонах, справщик Печатного двора 56
 Екатерина I (1684–1727) – императрица, жена Петра I 38, 189
 Екатерина II (1732–1796) – императрица 19, 23, 26, 97, 100–113, 140, 175, 199, 221, 225, 230, 235, 236, 240, 256, 257
 Елагин И.П. (1725–1794) – статс-секретарь Екатерины II. Писатель, театральный деятель 23, 224
 Елизавета Петровна (1709–1761) – императрица 175, 191, 215
 Ельчанинов Б.Е. (1744–1770) – писатель 97
 Ефремов П.А. (1830–1907) 3–6, 8, 9, 11–13, 18–20, 22, 38, 43, 66, 68, 89, 90, 92–104, 130–135, 137, 139, 145, 146, 148, 150, 153, 179, 181–184, 225, 231

Ефремов А.С. (ум. в 1856 г.) — отец П.А.Ефремова 99

Ефремова А.О. — жена П.А.Ефремова 103

Жанлис С.Ф. Дюкре де Сен-Обен (1746—1830) — французская писательница 248, 250

Жевакович Хр., иеродиакон — австрийский типограф (сер. XVIII в.) 54

Жемчужников А.М. (1821—1908) — поэт 47

Жихарев М.И. (1820—1883) — племянник и наследник П.Я.Чаадаева 67, 68

Жорж (М.-Ж.Веммер; 1787—1867) — французская актриса 248, 250

Жуковский В.А. (1783—1852) — поэт 11, 68, 101, 144, 190, 221, 222, 225, 227—229

Журавлев — друг В.Л.Пушкина (см.) 249

Забелин И.Е. (1820—1908) — историк, археолог, библиофил 16, 66, 214, 219

Завадов Е. — (XVII в.) — гравер по дереву 50

Загоскин С.М. (1833—1897) — сын писателя, мемуарист 41, 44

Зайцев В.А. (1842—1882) — критик, соратник Писарева по "Русскому слову", впоследствии — политический эмигрант 74

Зайцевский М.М. — московский букинист, библиофил 229

Захарын Н.М. (1750—1800) — писатель 151, 160

Зизаний Ст. — деятель духовного просвещения (сер. XVI в.) 49

Зиновьева Е.Н. — жена Г.Г.Орлова (см.) 23

Зотов В.Р. (1821—1896) — журналист 148

Зотов Р.М. (1795—1871) — писатель 160

Зубов П.А. (1767—1822), князь — фаворит Екатерины II 112

Иакинф, иеродиакон — один из составителей описи патриаршей библиотеки (вторая половина XVII в.) 56

Иван Васильевич (Грозный; 1530—1584) — русский царь 41

Иванов Н. — публикатор описи библиотеки Филарета (1850) 211

Иваск У.Г. (1878—1922) — книговед, библиофил 135, 136, 185

Иеремия — константинопольский патриарх (XVI в.) 49

Измайлов А.Е. (1779—1831) — поэт, журналист 151, 160

Измайлов В.В. (1773—1830) — писатель 251

Иловайский Д.И. (1832—1929) — историк, автор учебников 112, 114

Иоанн — евангелист, автор одного из четырех канонических Евангелий 50, 51

Иоанн Антонович (1740—1764) — малолетний "император". Убит в крепости 189, 191

Иоаким — антиохийский патриарх (XVI в.) 49

Иосиф (Флавий; 37—100) — иудейский ученый и воин 172

Ирвинг В. (1783—1859) — американский писатель 87

Кавелин К.Д. (1818—1885) — историк, публицист, общественный деятель 15, 20, 128, 139

Казанович Е.П. (1886—1941) — советский литературовед 232

Калачов Н.В. (1819—1885) — историк, юрист, архивист 15, 62

Калиостро А. (И.Бальзамини; 1743—1795) — мистик-шарлатан 252

Кангхи (Канси) — император Китая. Годы правления: 1662—1722 60

Кальдерон де ла Барка П. (1600—1681) — испанский драматург 242, 243

Кампанус А. — епископ, писатель (XV в.) 165

Кантемир А.Д. (1708—1744) — писатель-сатирик 97

Кантемир Д.К. (1673—1723) — дипломат, переводчик 115

Капнист В.В. (1758—1823) — драматург 39

Капнист П.И. (1830—1898), граф — чиновник цензурного ведомства 39

Карамзин Н.М. (1766—1826) — историк, писатель, журналист 38, 158, 216, 221, 225, 229, 238, 241, 250, 251, 253

Каратаев И.П. (1817—1886) — библиофил и библиограф 50, 51, 115, 189, 197

Кардан (Кардано) Д. (1506—1576) — итальянский ученый 166

Карл IV — чешский король (XIV в.) 81

Картуш Л.Д. (1693—1721) — атаман разбойничьей шайки во Франции 206—208

Касаткин В.И. (1831—1867) 3, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 18, 38, 39, 42, 45, 63—74, 100, 134, 137, 139, 148, 151, 214, 229

Касаткина Е.В. — жена В.И.Касаткина 64, 73, 74

Кастерин А.М. (ум. в 1847 г.) — библиофил, собиратель старопечатных русских книг 188, 197, 212

Катков М.Н. (1818—1887) — журналист, издатель "Русского вестника" 224, 225

Казффа — римский актер, журналист (XVIII в.) 173

Кашин Д.Н. (1770—1841) — композитор, собиратель народных песен 194

Кельсиев В.И. (1835—1872) — публицист, эмигрант. Добровольно возвратился в Россию и был "прощен". Автор "Исповеди" 17, 72, 120

- Кеппен П.И. (1793—1864) — библиограф, библиофил. Академик 188
- Керар Ж.-М. (1797—1865) — французский библиограф и издатель библиофильского журнала 9, 177
- Кетчер Н.Х. (1809—1886) — врач, писатель и переводчик, друг Герцена 5, 15, 38, 90, 134
- Кинг-Лонг (Цян-Лун) — император Китая. Годы правления 1736—1796 60
- Киреевский И.В. (1806—1856) — литературный критик, публицист 183, 230
- Кирилов Н.С. (р. в 20-х гг. XIX в.) — офицер, издатель "Карманного словаря иностранных слов", запрещенного цензурой 230
- Кларк Э.Д. (1769—1822) — английский путешественник и писатель 199
- Клаудий Х.А. (ум. в 1805 г.) — владелец типографии 242
- Клеман Д. (ум. в 1760 г.) — французский библиограф 188
- Клушин А.И. (1763—1804) — журналист. Издавал совместно с И.А.Крыловым журнал "Санктпетербургский Меркурий" 114
- Ключарев Ф.П. (1754—1820) — сенатор 57
- Княжнин А.Я. (1771—1829) — сын драматурга 110
- Княжнин Б.Я. (1777—1854) — сын драматурга 110
- Княжнин Я.Б. (1742—1791) — драматург 108—110, 112, 114, 115, 183
- Кобеко Д.Ф. (1837—1918) — историк, директор Публичной библиотеки 12
- Козельский Ф.Я. (р. в 1734 г.) — писатель 125
- Козицкий Г.В. (1725—1775) — писатель, переводчик, журналист 232
- Козловская А.М. — дочь Н.М.Лонгинова 229, 231, 232
- Козловский А., князь — муж А.М.Козловской, библиофил 229
- Козловский Ю.А., князь — сын А.М.Козловской, библиофил 231
- Козодавлев О.П. (1754—1819) — писатель и переводчик 111
- Кокорев В.А. (1817—1889) — откупщик-миллионер, библиофил 215
- Колоннь А. де — переводчик Тургенева на франц. язык 82
- Кольцов А.В. (1809—1842) — поэт 153
- Комаров М. — автор и издатель лубочных книг 206, 207, 208
- Корде Ш. (1768—1793) — убийца Ж.-П. Марата 80
- Корикс (V в. до н.э.) — философ, ученик Сократа 172
- Корнель П. (1606—1684) — французский драматург 250
- Корф М.А. (1800—1876), барон, затем граф — историк, директор Публичной библиотеки 77, 91, 178, 187, 190, 197
- Костомаров В.Д. (1837—1865) — провокатор 155
- Котляревский А.А. (1837—1881) — филолог и историк литературы 42, 62
- Кочубей В.В. (1812—1850), князь — нумизмат и библиофил 85
- Кошелев А.И. (1806—1883) — публицист, славянофил 77
- Красинские — польская графская семья, собиратели книг и исторических экспонатов; Красинский В. (1782—1858) — коллекционер, библиофил 85
- Крафт Г.В. (1701—1754) — писатель, жил в России 61
- Крашевский — редактор "Газеты польской" в 60-х годах XIX в. 85
- Кречетников М.Н. — тульский наместник в 80-х гг. XVIII в. 256
- Крузе Н.Ф. (1823—1901) — цензор, затем — земский деятель 39
- Крылов И.А. (1768—1844) 11, 114, 209, 210, 221, 225
- Крюков Д.Л. (1809—1845) — профессор Московского университета 128
- Кряжев В.С. (1771—1832) — переводчик и издатель 57—60
- Ксеркс (ум. в 465 г. до н.э.) — персидский царь 172
- Кублицкий М.Е. (1821—1875) — журналист, сотрудник "Московских ведомостей" 262
- Кудрявцев П.Н. (1816—1858) — профессор Московского университета 15
- Кульковский (кн. А.М.Голицын; 1679—1778) — придворный шут Анны Иоанновны. Описан в "Ледяном доме" Лажечникова 121, 125
- Куник А.А. (1814—1899) — историк, академик, библиофил 216
- Кулер Д.-Ф. (1789—1851) — американский писатель 87
- Куракина (Геннади) Е.А. — жена Г.Н.Геннади 74, 185
- Курочкин В.С. (1831—1875) — поэт-сатирик и переводчик 6, 94
- Куторга М.С. (1809—1886) — профессор Петербургского университета 215
- Куфав М.Н. (1888—1948) — советский книговед 8, 9, 150
- Кушелев-Безбородко Г.А. (1832—1870), граф — меценат, издатель и библиофил 85
- Кушников С.С. (1755—1839) — сенатор 57—59
- Кэкстон У. (1422—1491) — английский первопечатник 189
- Кюхельбекер В.К. (1797—1846) — поэт-декабрист, друг Пушкина 19
- Лабрюйер Ж. де (1645—1696) — французский писатель 156—158

- Лабуле де Лефевр Э.Р. (1811–1883) – французский ученый, публицист 81
- Лавров П.Л. (1823–1900) – философ и публицист, народник 154
- Лажечников И.И. (1792–1869) – писатель 225, 230
- Лаланн Л. (1815–1898) – французский библиограф 167
- Лао Фр. – итальянский издатель (сер. XIX в.) 84
- Лебедев А.А. (р. в 1928 г.) – советский литературовед 73
- Леви М. – представитель известной французской издательской фирмы XIX в. 83
- Левкович Я.Л. (р. в 1920 г.) – советский литературовед 101
- Легуве Г.-М.-Ж.-Б. (1764–1812) – французский поэт и драматург 248, 250
- Лемке М.К. (1872–1923) – историк литературы и общественных движений 93
- Лемоннье Ф. – итальянский издатель (сер. XIX в.) 84
- Леон (Лев) X – Джованни Медичи – римский папа в 1513–1521 гг. 165
- Лепеллетье – владелец типографии в Гавре (сер. XIX в.) 78
- Лермонтов М.Ю. (1814–1841) 7, 11, 38, 97, 126, 153, 222
- Лессинг Г.-Э. (1729–1781) – немецкий писатель, просветитель 80
- Лидин В.Г. (1894–1979) – советский писатель, библиофил 95
- Лисовский Н.М. (1854–1920) – книговед, библиограф 102, 127
- Литке Ф.П. (1797–1882) – адмирал, географ, президент Академии наук 220
- Локк Дж. (1633–1704) – английский философ 87
- Ломоносов М.В. (1711–1765) 125, 177, 191, 229, 254
- Лонгинов М.Н. (1823–1875) 3–6, 9, 10, 13, 21, 31, 42–45, 56, 61, 67, 68, 100, 102, 114, 150, 151, 154, 174, 180, 181, 185, 191, 197, 215, 220–232
- Лонгинов Н.М. (ум. в 1845 г.) – государственный деятель, отец М.Н. Лонгинова 222
- Лопухин И.В. (1756–1816) – писатель, издатель, сподвижник Новикова 30, 31, 253
- Лоундес У.Т. (1796–1843) – английский библиограф 88
- Лугинин В.Ф. (1839–1911) – ученый, общественный деятель, библиофил 48
- Лугинин Ф.Н. (1804–1884) – знакомец Пушкина по Кишиневу 48
- Лугинина В.П. – см. Полуденская В.П.
- Лукашевич И.Я. (ум. в 1860 г.) – украинский помещик, библиофил 197
- Лукин В.И. (1737–1791) – драматург 97, 123
- Лунин А.М. (ум. в 1816 г.) – государственный деятель 44, 48, 56, 57–59
- Лунин И. ("Ивашка") – предок Луниных, жил в XV веке 41, 46
- Лунин М.К. (ум. в 1776 г.) – дед декабриста М.С. Лунина 42, 44, 46
- Лунин М.С. (1787–1845) – декабрист 40, 41, 46
- Лунин Н.А. (1789–1848) – камергер, сенатор, двоюродный брат декабриста 40, 46
- Лунина Е.А. – см. Полуденская Е.А.
- Лэ Э. (1602–1671) – английский богослов 165
- Любий – см. Гарий
- Мабли Г.Б. (1709–1785) – французский историк и философ 250
- Майков В.И. (1728–1778) – поэт 97
- Майков Л.Н. (1839–1900) – историк литературы, академик 9, 139, 181
- Макарий, митрополит (1481–1563) 126
- Макаров М.Н. (ок. 1789–1847) – писатель, журналист, этнограф 31, 199, 230, 240, 251
- Макгован – английский ученый, синолог (сер. XIX в.) 60, 61
- Мак-Карти – французский библиофил, собиратель пергаменных рукописей 196
- Маколей Т. (1800–1859) – английский историк 87, 255
- Максим Грек – см. Триволис
- Максимович Л. – составитель "Указателя Российских законов" (нач. XIX в.) 57–59
- Малерб Ф. де (1555–1628) – французский поэт и критик 166
- Маллестини М. – итальянский библиофил (XIII в.) 204
- Мандрен – французский разбойник 206
- Мануций Альд Старший (ок. 1450–1515) – основатель знаменитой итальянской издательской фирмы 165, 204, 205
- Маржерет Ж. (ок. 1550–ок. 1618) – французский офицер, автор книги о Московии (XVII в.) 198
- Мария Федоровна (1759–1828) – жена Павла I, считавшаяся покровительницей женских учебных заведений и богоугодных учреждений 57–60
- Мартен Г. – французский библиограф 200
- Мартынов И.И. (1771–1833) – писатель, журналист 219
- Матинский М.А. (1750–ок. 1820) – писатель, переводчик 240
- Махов – дипломат, составитель русской азбуки для японцев (сер. XIX в.) 82
- Межов В.И. (1830–1894) – библиограф 43, 96
- Мей И. – типограф (вторая половина

XVIII в.) 57–60

Мельгунов Н.А. (1814–1867) – литератор 225
Мерзляков А.Ф. (1778–1830) – поэт 43, 62
Меринский А.М. (ум. в 1873 г.) – автор воспоминаний о Лермонтове, его соученик по юнкерскому училищу 38
Мерклин Л. (1816–1863) – профессор Дерптского университета 85
Мерсье П.С. (1740–1814) – французский писатель 248, 250
Мерсье де Сен-Леже (1734–1799) – французский библиограф 201
Мерула Г. – итальянский ученый, комментатор античных авторов (XV в.) 165
Метастазιο А.-Д.-Б. (1698–1792) – итальянский поэт и драматург 82
Миллер Ф.И. (1705–1783) – историк, академик 125, 193
Мильтон Дж. (1608–1674) – английский поэт и публицист 84, 87
Милютин В.А. (1826–1855) – историк литературы, публицист 237
Мишлов Р.И. (1811–1883) – библиограф, создатель "Кабинета Фауста" Публичной библиотеки 196
Мирабо О.Г. де (1749–1791), граф – деятель французской революции 1789 г. 108
Михаил Федорович (Романов; 1596–1645) – русский царь 192
Михайлов М.Л. (1826–1865) 3, 4, 8–10, 12, 13, 20, 86, 147–156, 173, 174, 223, 225
Михайлов П.Л. (р. в 1834 г.) – брат М.Л. Михайлова, горный инженер 155
Могила П.С. (1596–1647) – украинский политический и культурный деятель, писатель, библиофил 50
Модзалевский Б.Л. (1874–1928) – советский литературовед, один из основателей Пушкинского дома 232
Молини Д. – издатель итальянского библиографического журнала (1861–68) 78
Мор Л. – французский книговед, автор работы о миниатюрных изданиях 209
Монтанелли – итальянский профессор и издатель (сер. XIX в.) 78
Моргенрот А.И. – петербургский издатель (сер. XIX в.) 117, 194
Мордовцев Д.Л. (1830–1905) – историк и писатель 108
Мочульский Ф. – украинский церковный деятель (XVIII в.) 53
Мур Т. (1779–1852) – ирландский поэт 87
Муравьев М.Н. ("вещатель"; 1806–1874) – государственный деятель, крайний реакционер 132
Муравьев Н.М. (1796–1843) – декабрист 40
Муравьев-Апостол М.И. (1793–1881) – декабрист 15

Мурзакевич Н.Н. (1806–1883) – книговед, историк 189
Мурр – немецкий библиограф (нач. XIX в.) 200
Мэкинтош (Макинтош) Дж. (1765–1832) – англ. философ и историк 87
Мюнстер А.Э. – издатель "Портретной галереи" (Спб., 1864–1865) 121

Надеждин Н.И. (1804–1856) – журналист, критик, издатель "Телескопа" 189
Наполеон Бонапарт (1769–1821) – император Франции 160, 193, 246, 248, 251
Нарезный В.Т. (1780–1825) – писатель 230
Нарышкина А.Н. (1730–1820) – фрейлина Екатерины II 23
Науманн Р. – немецкий библиограф, издатель журнала "Серапеум" (сер. XIX в.) 202, 204
Невзоров М.И. (1762–1827) – публицист, соратник Новикова 39
Некрасов Н.А. (1821–1877) 10, 15, 16, 93, 96, 139, 153, 184, 221, 223, 224, 225, 231
Неплюев (ум. в 1806 г.) – русский резидент в Константинополе 52
Нерей – философ, сын Корикса (см.) 172
Нерлих Ф. – издатель "Журнала для фортепиано на 1811 г." 194
Неустров А.Н. (1825–1902) – библиограф и библиофил 3, 100, 130, 180
Никитенко А.В. (1804–1877) – историк литературы, цензор, автор трехтомного "Дневника" 220
Николай I (1796–1855) – русский император 67, 134
Николев Н.П. (1758–1815) – драматург 109
Никон (1605–1681) – патриарх церковный и культурный деятель 57
Новиков Н.И. (1744–1818) – журналист, издатель, просветитель 7, 11, 12, 19, 28–31, 42, 45, 46, 55, 56, 64, 70, 73, 86, 89, 93, 94, 96, 103, 104–108, 139–140, 152, 153, 171, 177, 179, 191, 221, 223–226, 230, 232, 233, 238, 253, 261, 262
Нодье Ш. (1780–1844) – французский писатель, библиофил 156, 160, 178, 196
Норов А.С. (1795–1869) – министр народного просвещения, библиофил 197
Ньютон И. (1642–1727) – великий английский ученый 87
Оболенский Е.П. (1796–1865) – декабрист 137
Оболенский М.А. (1805–1873) – историк, начальник Московского архива 190
Овен Д. (1566–1622) – английский поэт 168
Огарев Н.П. (1813–1877) – поэт и публицист, соратник Герцена 57, 63, 65, 72
Оден – составитель каталога второй

библиотеки Д.П.Бутурлина 203, 204
Одоевский В.Ф. (1803–1869), князь – писатель, критик, композитор 231
Озеров В.А. (1769–1816) – драматург 69, 192, 263
Окунь С.Б. (1908–1972) – советский историк 40
Оленин А.Н. (1763–1843) – историк, палеограф, директор Публичной библиотеки 190
Олешев А.В. (1724–1788) – писатель, переводчик 224
Орланди – один из составителей каталога библиотеки Д.П.Бутурлина 199
Орлов Г.Г. (1734–1783) – военный деятель, фаворит Екатерины II 23, 260
Орлов-Давыдов В.П. (1809–1882), граф – библиофил 215
Осипов А.А. (р. ок. 1770 г.) – гравер 31
Островский А.Н. (1823–1886) – драматург 231
Островский – московский полицмейстер (конец XVIII в.) 254
Остроглазов И.М. (1838–1892) – библиофил, библиограф 3
Острожский К.К. (1526–1606), князь – воевода Киевский, меценат 49
Отрепьев Г. (Лжедмитрий) – русский царь в 1605–1606 гг. 192, 206, 240

Павел I (1754–1801) – русский император 31
Павл Юлий (II в.) – римский юрист 164
Панаев И.И. (1812–1862) – редактор Некрасова по "Современнику" 221–225, 263
Панаева А.Я. (1819–1893) – писательница, автор воспоминаний 221, 222
Панин Н.И. (1718–1783), граф – государственный деятель 23
Панин Н.П. (1770–1837), граф – государственный деятель, библиофил 215
Панцер Г.В. (1729–1805) – немецкий библиограф, инкунабуловед 200
Парри У.Э. (1790–1855) – английский ученый и путешественник 87
Педрилло А. – придворный скрипач, затем шут Анны Иоанновны 121, 125
Пекарский П.П. (1827–1872) – историк литературы, академик 6, 9, 11, 39, 66, 71, 90, 115, 153, 189, 237
Пеньо Э.Г. (1767–1849) – французский библиограф, книговед 157, 178, 188, 191
Петр I (1672–1725) – русский император 12, 15, 38, 57, 66, 115, 160, 163, 167, 177, 188, 189, 194, 215
Петр III (1728–1762) – император, муж Екатерины II 17
Петрашевский-Буташевич М.В. (1821–1866) – организатор кружка революционной молодежи (петрашевцы) 222

Петров А.Н. (ум. в 1793 г.) – поэт и переводчик 253
Петров В.П. (1736–1799) – поэт 95, 101
Петряев К.Д. (1913–1987) – советский книговед, краевед 155, 156
Петцольдт Ю. (1818–1891) – немецкий библиограф, издатель книговедческого журнала 177, 179, 222
Пиа Ф. (1810–1889) – французский политический деятель, писатель 88
Пизистрат (VI в. до н.э.) – афинский тиран 172
Пий II – римский папа во второй половине XV в. 79
Пикар Л.Ф. (1769–1829) – французский драматург 248, 250
Пико делла Мирандола Д. (1463–1494) – итальянский ученый 165
Пиктор Фабий (II в.) – римский юрист 164
Пикулин Д.Л. (1822–1885) – врач, друг Герцена и Грановского 5, 15, 134
Пиль Р. (1788–1850) – английский политический деятель 87
Писарев Д.И. (1840–1868) – критик, революционный демократ 73, 228
Питерс – автор описания эльзевиров (1858) 196
Плавильщиков П.А. (1760–1812) – актер 110
Плетнев П.А. (1790–1865) – профессор, ректор Петербургского университета, друг Пушкина 144
Плиний Старший С.Г. (23–79) – римский ученый 173, 187
Плоецц М. фон – мать Г.Н.Геннади 176
Плон – французская издательская фирма XIX в. 82
Плутарх (46–120) – греческий историк, писатель 250
Плюшар А.А. (1806–1865) – книгопродавец и издатель 37
Победоносцев П.В. (1771–1843) – журналист 238
Погодин М.П. (1800–1875) – историк, собиратель рукописей 77, 148, 197, 214
Подшивалов В.С. (1765–1813) – писатель, журналист 238
Полевой К.А. (1801–1867) – журналист, критик, автор мемуаров 193
Полежаев А.И. (ок.1805–1838) – поэт 97, 259
Поленов Д.В. (1806–1878) – дипломат, археолог, библиофил 117, 118, 215
Полетика М.И. (1768–1824) – секретарь имп. Марии Федоровны 58
Поллидор Вергилий Урбинский (1470–1555) – итальянский ученый 167–171
Поликарпов Ф.П. – директор типографии в Москве в нач. XVIII в. 168
Полторацкий С.Д. (1803–1884) – библио-

лиофил и библиограф

Полуденская (Лугинина) В. П. (1813–1891) – сестра М. П. Полуденского 46
Полуденская Е. А. (1791–1863) – мать М. П. Полуденского 41
Полуденская Е. П. (ум. в 1898 г.) – сестра М. П. Полуденского 48
Полуденская М. И. (ум. в 1876 г.) – жена А. П. Полуденского 46, 47
Полуденский А. П. (1817–1845) – брат М. П. Полуденского, друг А. И. Герцена 41, 46, 47
Полуденский М. П. (1829–1868) 3–6, 11, 13, 40–49, 61, 148, 181, 185, 216, 225, 229
Полуденский Н. П. (1825–1855) – брат М. П. Полуденского 41, 44, 45
Полуденский П. С. (1777–1852) – отец М. П. Полуденского, юрист 40, 41, 46
Полуденский С. П. (1822–1858) – брат М. П. Полуденского, заведующий библиотекой Московского университета 41, 44, 45–48, 190
Пономарев С. И. (1828–1913) – русский и украинский библиограф 11, 126
Понс де Верден (1749–1844) – французский поэт 196
Поп А. (1688–1744) – английский поэт 87, 249
Попов В. С. (1743–1822) – приближенный Г. А. Потемкина (см.) 23
Попов В. И. – см. Гарий
Постников П. В. (1666–ок. 1731) – переводчик 115
Потемкин Г. А. (1739–1791), князь – государственный деятель, фаворит Екатерины II 23–27, 53, 219, 239
Потоцкий И. – польский граф, библиофил (сер. XIX в.) 190
Прибыль (Прибыль) Я. И. (1812–1892) – цензор Московского цензурного комитета 39
Прозоровский А. А. (1742–1809), князь – московский главнокомандующий 30, 31, 114
Протопопов В. – литератор (конец XVIII в.) 256
Птоломей К. (ум. ок. 168 г.) – греческий астроном и географ 172
Пугачев Е. И. (1726–1775) – предводитель крестьянского восстания 46, 109
Пужан М.-Ш.-Г. (1755–1833) – французский библиограф 195, 200
Пушкин А. С. (1799–1837) 5, 7, 8, 11–13, 19, 33, 38, 39, 69, 90, 94, 97, 102, 103, 109, 114, 127, 131, 133, 140–145, 148, 166, 177, 221, 222, 225, 227–229, 263
Пушкин В. Л. (1767–1830) – поэт, дядя А. С. Пушкина 247, 248, 250–253
Пушкин Л. С. (1805–1852) – брат А. С. Пушкина 8, 228
Пушкин С. Л. (1770–1848) – отец

А. С. Пушкина 219

Пушин И. И. (1798–1858) – декабрист, друг А. С. Пушкина 7, 15, 20, 131, 133, 137, 140–142, 145
Пыпин А. Н. (1833–1904) – историк литературы, библиограф 14, 19, 22, 94, 98, 99, 100, 103, 127, 139, 145; 146, 149, 226, 237
Пятковский А. П. (1840–1904) – критик и журналист 98

Радищев А. Н. (1749–1802) – писатель, революционер 7, 11, 12, 19, 30, 38, 39, 68, 71, 89, 93, 94, 97, 98, 112, 114, 135, 144, 145, 221, 223, 225
Разин С. Т. (казнен в 1671 г.) – предводитель крестьянского восстания 198
Разумовский А. Г. (1709–1771) – государственный деятель 53
Разумовский А. К. (1748–1822) – государственный деятель, библиофил 178, 212
Ральстон В. (1829–1889) – английский ученый, исследователь русской литературы, друг Тургенева 118, 120
Расин Ж. (1639–1699) – французский драматург 158
Рахманов И. М. (1746–1793) – писатель, переводчик, библиофил 214
Рачинский С. А. (1836–1902) – ботаник, профессор Московского университета, деятель народного образования 48
Рашель (Э. Феликс, 1821–1858) – французская трагическая актриса 159
Редкин П. Г. (1808–1891) – юрист, профессор Московского университета 15, 128
Реймерс Г.-А. (1776–1842) – немецкий издатель 191
Рейнбек – немецкий литератор (первая половина XIX в.) 201, 202
Рейхель Я. Я. (1778–1856) – русский модельер и нумизмат 210
Рекамье Ж. Ф. Ю. А. (1777–1849) – хозяйка литературного салона (Париж) 248, 250, 251
Ренуар А.-О. (1765–1853) – французский книготорговец и издатель 200, 201
Репнин Н. В. (1734–1801) – генерал-фельдмаршал 225
Решетников А. Г. – журналист, переводчик, владелец типографии (XVIII в.) 207, 242
Ржевская А. Ф. (1740–1769) – писательница, жена А. А. Ржевского 224
Ржевский А. А. (1734–1804) – писатель 224
Рив Ж.-Ж. (1730–1791), аббат – французский библиограф 201
Риддигер – совладелец типографии Клаудия (см.) 242
Риц де К. – книговед (сер. XIX в.) 84
Ровинский Д. А. (1824–1895) – юрист,

- библиофил, библиограф 3, 12, 100, 126
 Рогожин В.Н. (1859–1909) – библиограф и библиофил 103
 Розанов И. – гравер (вторая половина XVIII в.)
 Ронка – заведующий библиотекой Д.П.Бутурлина в Москве 202
 Росковшенко И.В. (1809–1889) – переводчик, цензор 39
 Россель Дж. (1792–1878) – английский государственный деятель 87
 Ростопчин А.Ф. (1813–1892) – библиофил, сын Ф.В.Ростопчина 190
 Ростопчин Ф.В. (1763–1826), граф – государственный деятель, библиофил 160, 190, 195, 196, 246
 Руан Л. де – составитель одной из описей библиотеки Д.П.Бутурлина 203
 Рубан В.Г. (1742–1795) – писатель, переводчик, издатель 53, 54, 233, 261
 Рукавишников Д. – купец, владелец типографии (XVIII в.) 54
 Румянцев Н.П. (1754–1826), граф – государственный деятель, издатель-меценат, основатель музея, библиофил 74, 75
 Румянцев-Задунайский П.А. (1725–1796) – полководец 23
 Руссо Ж.-Ж. (1712–1778) – французский философ и писатель 83, 250
 Руссов С.В. (1770–1842) – историк, библиограф 219
 Рюмин – см. Бестужев-Рюмин К.Н.
 Рылеев К.Ф. (1795–1826) – поэт-декабрист 7, 93, 97, 98, 100, 137, 229, 230
 Рыльева А.К. (1820–1890) – дочь декабриста 98
 Рюрик (ум. в 879 г.) – родоначальник княжеской династии Рюриковичей 109
- Сабанеев – московский домовладелец 56
 Савва (И.М.Тихомиров), монах – автор описания патриаршей библиотеки 56 (М., 1855)
 Савонарола Дж. (1452–1498) – религиозный проповедник, фанатик 85
 Сазонов Н.И. (1815–1872) – публицист, политический эмигрант 46
 Салиас де Турнемир Е.В. (1815–1892), графиня – писательница (псевдоним – Евгения Тур) 47
 Салтыков И.П. (1730–1805), граф – фельдмаршал, генерал-губернатор Москвы 110, 111
 Салтыков-Щедрин М.Е. (1826–1889) 139, 231
 Саляри Р. – итальянский график (сер. XIX в.) 85
 Самарин Ю.Ф. (1819–1879) – публицист, славянофил 189
 Самойлов А.Н. (1744–1814) – генерал-прокурор Сената 111–114
- Сахаров И.П. (1807–1863) – фольклорист, этнограф, библиограф 123, 188, 197, 216
 Свидзинский К. (ум. в 1855 г.) – польский археолог, библиофил 85
 Свинын П.П. (1788–1835) – журналист, библиофил 17, 212
 Севастьянов П.И. (1811–1867) – археолог, коллекционер 77
 Сегюр Л.Ф. де (1753–1830), граф – французский посол в России, писатель 249
 Селевк I Пиктатор (начало III в. до н.э.) – сирийский правитель 172
 Селивановский С.И. (1772–1835) – типограф и издатель 230, 261
 Семевский В.И. (1848–1916) – историк 139
 Семевский М.И. (1837–1892) – историк, издатель "Русской старины" 100, 139, 184, 216, 231
 Семенов П.Н. (1791–1832) – актер, автор пародий 91
 Сементовский – киевский издатель (сер. XIX в.) 37
 Сен-Мартен Л.К. (1743–1803) – писатель, мистик 252–255, 257
 Сен-Симон Л. де Лувруа (1675–1755), герцог – французский философ 158
 Сергеенко П.А. (1854–1930) – писатель, автор книги об Л.Н.Толстом 224
 Серно-Соловьевич А.А. (1838–1869) – революционер 72
 Сестренцевич-Богуш С. (1731–1826) – митрополит, библиофил 190
 Сеше Дж. – итальянский типограф (сер. XIX в.) 209
 Сиес (Сийес) Э.Ж. (1784–1836) – французский политический деятель 248, 250
 Сильвестр – патриарх Антиохийский (первая половина XVIII в.) 52
 Сильвестр – аукционист в Париже (сер. XIX в.) 204
 Сильви С. – книготорговец-антикварий в Лондоне (сер. XIX в.) 86
 Симеон – пленный татарский царь (XVI в.) 206
 Симеон (Симонович) – Иерусалимский архиепископ (сер. XVIII в.) 53, 55
 Симеон Друкарь – украинский печатник XVII в. 50
 Симон – Псковский архиепископ (XVIII в.) 53
 Симон Николай из Лукки – итальянский типограф (вторая половина XV в.) 79
 Симоны П.К. (1859–1939) – русский и советский книговед, библиограф 139, 228, 231
 Скалигер Ж.-Ж. (1540–1609) – французский ученый 166

- Слезка М. (ум. в 1667 г.) — украинский типограф и писатель 50
- Смирдин А.А. (1834—1862) — издатель, сын А.Ф.Смирдина 6, 33
- Смирдин А.Ф. (1795—1857) — издатель и книгопродавец 54, 55, 139, 177, 198, 206, 208, 238, 240, 242, 246, 253, 254, 256, 257, 260
- Смирнов-Сокольский Н.П. (1898—1962) — советский библиофил, артист 182, 183
- Смоляр — автор статьи о книжной торговле в "Русской беседе" 36
- Снегирев И.М. (1793—1868) — этнограф и фольклорист 188
- Соболевский С.А. (1803—1870) — библиофил, друг А.С.Пушкина 6, 8, 9, 39, 42, 48, 54, 55, 61 и т.д.
- Солдатенков К.Т. (1818—1901) — издатель и книготорговец, владелец художественной галереи, меценат 214
- Соллогуб В.А. (1814—1881), граф — писатель и переводчик 82
- Солейнн — библиоман, собиратель театральных пьес 162, 196
- Соловьев С.М. (1820—1879) — историк, профессор Московского университета 177, 193
- Сопиков В.С. (1765—1818) — библиограф, "отец русской библиографии" 54, 55, 107, 115, 139, 158, 159, 177, 188, 192, 194, 198, 207, 233, 238, 240, 242, 246, 253, 254
- Соутей (Саути) Р. (1774—1843) — английский поэт 88
- Сохацкий П.А. (1766—1809) — журналист 238
- Сперанский М.М. (1772—1839) — государственный деятель 17
- Срезневский И.И. (1812—1880) — профессор Петербургского университета, филолог-славист, академик 215
- Стасов В.В. (1824—1906) — критик и историк искусства 66
- Степанов А.Н. (1921—1971) — советский литературовед и книговед 232
- Стиль (Стил) Р. (1662—1729) — английский писатель 250
- Стоянин В.Я. (1826—1888) — историк литературы, педагог 100, 114
- Страбон (ок.63—ок.20 до н.э.) — греческий географ и историк 172
- Страхов Н.И. (р. в 1768 г.) — писатель 219
- Странганов С.Г. (1794—1882), граф — попечитель Московского учебного округа, библиофил 216
- Строев П.М. (1796—1876) — историк, археолог, библиограф 188, 192
- Строчинский Л. — владелец общественной библиотеки в Галиции (сер. XIX в.) 83
- Струйский Д.Ю. (1806—1856) — поэт и музыкальный критик 259
- Струйский Н.Е. (1749—1796) — поэтографоман, владелец типографии 195, 258—260
- Суворин А.С. (1834—1912) — журналист, издатель реакционной газеты "Новое время", владелец издательства 127
- Суворов А.В. (1729—1801) — полководец 156, 160, 246
- Сумароков А.П. (1718—1777) — поэт и драматург 29, 107, 108, 225, 262
- Сфорца Л.М. (1451—1508) — миланский герцог 86
- Сю Э. (1804—1857) — французский писатель 158
- Тальма Ф.Ж. (1763—1826) — французский трагический актер 248
- Тараканова (1754—1775), княжна — политическая авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны 225
- Татищев П.А. (1730—1810) — масон, сподвижник Новикова 55,56
- Таухниц Б. (1816—1895) — немецкий издатель (Лейпциг) 78
- Тацит П.К. (ок.55—ок.120) — римский историк 250
- Тейльс — московский прокурор (конец XVIII в.) 253
- Теребнев А.И. (1815—1859) — скульптор и изобретатель в области полиграфии 103
- Терещенко А.В. (ум. в 1865 г.) — археолог, знаток русских древностей 89
- Тимофеев (Мстиславец П.Т.) — русский печатник XVI в. 49
- Титов А.А. (1844—1901) — историк и библиограф 177
- Тихомиров И.А. — ярославский краевед, археолог и реставратор 135
- Тихонравов Н.С. (1832—1893) — историк литературы и библиограф, академик 6, 9, 56, 86, 151, 214, 237
- Толстой Л.Н. (1828—1910) 18, 224
- Толстой Ф.П. (1758—1849), граф — библиофил, собиратель рукописей 50, 192, 197, 212
- Тонелли Т. — итальянский книжник (первая половина XIX в.) 203
- Торквемада Т. (ок.1420—1498) — глава инквизиции в Испании 79
- Транквиллион-Ставровецкий К. — архимандрит Черниговский, писатель, деятель просвещения (вторая половина XVI в.) 49
- Третьяковский В.К. (1703—1769) — поэт, профессор элоквении (Красноярчя) 125, 156, 167, 168, 230, 258, 259
- Трехлетов Е.В. (ум. в 1853 г.) — ярос-

лавский купец, библиофил 197
Триволлис М. (ок. 1475–1556) – писатель, деятель духовного просвещения 205
Трюбнер Н. (1817–1884) – английский издатель, сотрудник Герцена 87
Тузов В.В. – журналист (вторая половина XVIII в.) 229, 233, 261
Туманский Ф.В. (ум. в 1805 г.) – журналист и переводчик 224
Туманский Ф.О. (1746–1810) – писатель, историк, цензор 193
Тургенев И.П. (1752–1807) – масон, сподвижник Новикова 30
Тургенев И.С. (1818–1883) 82, 221, 222, 224, 228, 231
Тургенев Н.И. (1789–1871) – декабрист, политический эмигрант 226
Туровский К. (1130–1182) – деятель духовного просвещения, писатель 216
Тхоржевский С. – польский политический эмигрант, сотрудник Герцена 73, 88
Уатс (Уатт-Дантон) В.Т. (1832–1914) – английский библиограф 88
Уваров А.С. (1828–1884), граф – археолог, библиофил 52, 85, 197, 216
Уваров С.С. (1786–1855) – министр народного просвещения, реакционер 190, 216
Уваров Ф.П. (“черный”; 1773–1827), граф – генерал 41
Уварова Е.С. (р. в 1791 г.) – жена Ф.П.Уварова, сестра декабриста Лунина 41
Ульянинский Д.В. (1861–1918) – библиофил и библиограф 225
Ундольский В.М. (1815–1864) – библиограф, знаток рукописей 39, 55, 56, 188, 197, 214
Унковский А.М. (1828–1893) – юрист, общественный деятель 93
Урсова Е.С. (р. в 1747 г.) – поэтесса 224
Устрялов Н.Г. (1805–1870) – историк, профессор Петербургского университета 123, 193
Фавале Дж. – итальянский типограф (сер. XIX в.) 84
Фан – семья китайских библиофилов 60, 61
Фарино А. – итальянский типограф, создатель шрифта “мушинный глаз” (сер. XIX в.) 209
Фауст (Фуст) И. (ок. 1400–1466) – немецкий печатник 188
Федоров И.Ф. (ок. 1510–1583) – русский первопечатник 49
Федоров В. – Петербургский книготорговец (XIX в.) 125
Фелтри Ф. (Федерико Монтефельтро; ок. 1410–1482) – герцог Урбинский 173
Фельт А. – изобретатель в области поли-

графии (сер. XIX в., США) 85
Фельтен А. – петербургский антикварий (сер. XIX в.) 104, 127, 177, 183, 185
Феокрит (ок. 340–250 до н.э.) – греческий поэт, автор идиллий 205
Феофраст (Теофраст; 312–278 до н.э.) – греческий философ 172, 173
Фернус М. (ум. в 1513 г.) – итальянский историк 165
Флеров В.П. (1799–1874) – цензор Московского цензурного комитета 262
Фет А.А. (1820–1892) – поэт 46, 47
Фиве Ж. (1767–1839) – французский писатель 248, 250
Филарет (Гумилевский; 1805–1866), архиепископ, церковный историк 38
Филарет (Ф.Н.Романов; ок. 1555–1633), патриарх – библиофил 117, 194
Филимонов В.С. (1785–1858) – писатель 117, 194
Фиркс Ф.И. (1812–1872) – агент царского правительства за границей 71
Флетчер Дж. (1584–1611) – английский дипломат, автор книги о России 72
Фокс Г.Р. (1773–1840) – английский политический деятель, писатель 87, 249
Фонвизин Д.И. (1745–1792) – драматург 7, 11, 18, 19, 96, 224, 233, 261
Фонвизин М.А. (1788–1854) – декабрист 18
Фонвизина (Пушина) Н.Д. (1805–1869) – жена М.А.Фонвизина, затем И.И.Пушина 18
Фонтан Л.М. (1801–1839) – французский писатель 248, 250
Франклин Б. (1706–1790) – американский государственный деятель 87, 109
Франциск II – итальянский король (сер. XIX в.) 79
Фрейганг А.И. (1806–после 1855) – цензор петербургского цензурного комитета, крайний реакционер 39
Фридрих IV – император Священной Римской империи (XV в.) 79
Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861) – прусский король 79
Фролов Н.Г. (1812–1855) – географ, переводчик, издатель 33, 76
Ханыков В.В. (1759–1829) – дипломат, стихотворец 111
Хвостов Д.И. (1757–1835) – поэт-графоман 252
Хлебников П.К. (1735–1777) – генерал-аудитор-лейтенант, библиофил, дед С.Д.Полторацкого 188, 197, 214, 233
Хлудов А.И. (1814–1882) – купец, библиофил 214
Хмыров М.Д. (1830–1872) – библиофил и библиограф 94, 120–123, 225
Ходкевич Г.А. (ум. в 1572 г.) – Литов-

ский великий гетман 49
Храповицкий А.В. (1749 – 1801) – статс-секретарь Екатерины II, писатель 30, 109
Хрусталев П.О. – книготорговец, библиофил (сер. XIX в.) 45
Хрущов А.Д. – литератор (конец XVIII в.) 257

Царский И.Н. (ум. в 1853 г.) – купец, библиофил 50, 52, 197, 212, 216
Цицерон М.Т. (106–43 до н.э.) – римский писатель, политический деятель 205
Цявловская Т.Г. (1897–1978) – советский литературовед 19, 134
Цявловский М.А. (1883–1947) – советский литературовед 228

Чаадаев И.П. (1733–1786) – переводчик 245

Чаадаев П.Я. (1796–1856) – философ, друг Пушкина 7–9, 11, 67–69, 73, 90, 137, 138, 150, 221, 223–230, 243, 262, 263

Чаадаев Я.П. (1754–1798) – писатель, отец П.Я.Чаадаева 242–245, 262

Чалмерс А. (1759–1834) – английский библиограф 87

Чемберс Р. (1802–1871) – издатель английской литературной энциклопедии 88
Черкасов А.И. – поэт-графоман (XVIII в.) 260

Чернецкий Л. (ум. в 1872 г.) – управляющий типографией А.И.Герцена 72, 88

Черенин А.Ф. (1827–1892) – издатель 213

Черноглазов А. – издатель музыкальной литературы (нач. XIX в.) 194

Чернышевский Н.Г. (1828–1889) – 17, 67, 147, 153, 224

Чертков А.Д. (1789–1858) – библиофил, меценат, библиотека которого была подарена его сыном городу Москве 70, 190, 197, 208, 212

Чихачев П.Я. – псковский помещик, зять Я.Б.Княжнина 110, 111

Чосер Дж. (1340–1400) – английский писатель и поэт 87

Чулков М.Д. (1743–1792) – писатель, журналист, этнограф 125, 151, 160, 246, 261

Шаликов П.И. (1767–1825) – писатель 252

Шаравэ – редактор газеты "Любитель автографов" (Париж, 1860-е гг.) 83

Шафиров П.П. (1669–1739) – государственный деятель, библиофил 215

Шаховской А.А. (1777–1846) – драматург и театральный деятель 241

Шварц И.Е. (1751–1784) – мASON, сподвижник Новикова 29, 55, 56, 224–226

Шевилье А. (1636–1700) – французский библиограф 165–167

Шевырев С.П. (1806–1864) – историк литературы, славянофил 56, 229, 230

Шедо-Ферротти – см. Фиркс

Шекспир В. (1564–1616) 87, 250

Шелгунов М.Н. (1860–1897) – поэт, переводчик, сын М.Л.Михайлова 155

Шелгунов Н.В. (1824–1891) – публицист, автор прокламаций, мемуарист 148, 150, 155

Шелгунова Л.П. (1832–1901) – жена Н.В.Шелгунова, автор воспоминаний 155
Шель С. – переплетчик при Сухопутном Кадетском корпусе (XVIII в.) 236

Шеллинг Ф.В. (1775–1854) – немецкий философ 68, 255

Шельгорн – немецкий библиограф 200

Шереметев А.В. (1800–1857) – брат А.В.Якушкиной (см.) 129

Шереметев П. – автор "Записок", родственник Якушкиных 131, 135, 138

Шереметева Н.Н. (1775–1850) – мать А.В.Якушкиной 19, 129

Шеридан Р. (1751–1816) – английский драматург 249

Шеффер П. (до 1430–1502) – немецкий печатник, ученик Гутенберга 188

Шешковский С.И. (1727–1793) – начальник тайной экспедиции 114

Шибанов П.П. (1864–1935) – букинист-антикварий 77

Шигин – издатель и продавец лубочной литературы (сер. XIX в.) 114

Шидловский М.Р. (1820–1889) – генерал, начальник Главного управления по делам печати в начале 1870-х гг. 220

Шиллер Ф. (1759–1805) – немецкий поэт и драматург 61, 85

Шилов Ф.Г. (1879–1962) – букинист-антикварий и библиофил 104

Ширяев А.С. (ум. в 1841 г.) – книготорговец и издатель, библиофил 197, 212

Шишкин П.С., купец – книготорговец, библиоман (сер. XIX в.) 181

Шишков А.С. (1754–1841) – адмирал, министр народного просвещения 191

Шляпкин И.А. (1858–1918) – историк литературы 99

Штейнгель В.И. (1783–1862), барон – декабрист 137

Штернбергский Л. – чешский канцлер (XVI в.) 81

Шторм Г.П. (1898–1978) – советский писатель 229

Шторх А.К. (1766–1835) – академик, библиограф 173

Шувалов И.И. (1727–1797) – государственный деятель, меценат 38

Шумахер П.В. (1817–1891) – поэт-сатирик 38

Шушерин Я.Е. (1753–1813) – актер императорских театров 110

Щепкин Н.М. (1820–1886) – издатель, общественный деятель 7, 33, 37, 61, 75, 89
Щербатов М.М. (1733–1790), князь – историк, публицист 7, 19, 20

Эберт Ф.А. (1791–1834) – немецкий библиограф, теоретик книговедения 177, 188, 198, 202

Эйдельман Н.Я. (р. в 1930 г.) – советский историк и литературовед 137

Эллери – итальянский издатель 79

Эльзевиры – семья голландских типографов (конец XVI–конец XVII в.), издавших около 2200 книг, высоко ценимых собирателями 182, 195

Эмин Ф.А. (ок. 1735–1770) – писатель, журналист 151, 160, 224, 261

Эраст – философ, ученик Сократа (V в. до н.э.) 172

Д'Эстре, граф – библиофил (сер. XIX в.) 158, 162

Ювенал Д.Ю. (ок. 56–после 127 г.) – римский поэт-сатирик 165

Юлий Цезарь К. (100–44 до н.э.) – римский полководец, государственный деятель и писатель 160, 246

Юм Д. (1711–1776) – английский фило-

соф и историк 250

Юнг Э. (1683–1765) – английский поэт 87

Юнг – семья китайских библиофилов 60

Юркевич П.Д. (1827–1874) – философ, крайний реакционер 124

Юсупов Б.Н. (1794–1849), князь – сенатор, меценат, библиофил 85

Языков Н.М. (1803–1843) – поэт пушкинской плеяды 216

Яковлев В.И. (1847–1916) – коллекционер автографов русских деятелей 101

Якубович И. – львовский типограф (сер. XVI в.) 49

Якушкин В.Е. (1856–1912) – ученый и общественный деятель, сын Е.И.Якушкина, внук декабриста 97, 127, 130, 136, 139, 146

Якушкин В.И. (1823–1863) – старший сын декабриста И.Д.Якушкина 137

Якушкин Е.И. (1826–1905) 3–6, 8, 9, 11, 13, 15–20, 22, 38, 43, 65, 66, 68, 69, 71, 72, 89, 93, 94, 97–100, 128–139, 148, 180, 181, 183, 216, 228

Якушкин И.Д. (1793–1857) – декабрист 5, 15, 19, 65, 67, 68, 73, 88, 129, 135, 137

Якушкина А.В. (1806–1846) – жена декабриста 129

Якушкина Е.Г. (рожд. Кнорринг) – жена Е.И.Якушкина (ум. в 1872 г.) 16, 130, 134

Содержание

От составителя	3
Маленькое путешествие в историю	5
Портрет первый	14
А.Н.Афанасьев. ИЗБРАННОЕ	23
Портрет второй	40
М.П.Полуденский. ИЗБРАННОЕ	49
Портрет третий	63
В.И.Касаткин. ИЗБРАННОЕ	74
Портрет четвертый	92
П.А.Ефремов. ИЗБРАННОЕ	104
Портрет пятый	128
Е.И.Якушкин. ИЗБРАННОЕ	139
Портрет шестой	147
М.Л.Михайлов. ИЗБРАННОЕ	156
Портрет седьмой	175
Г.Н.Геннади. ИЗБРАННОЕ	186
Портрет восьмой	220
М.Н.Лонгинов. ИЗБРАННОЕ	232
Примечания, комментарии	264
Указатель имен	281